

ВИННИПЕГСКАЯ СТЕНА

и я

* [VK.COM/KN_BOOKS](https://vk.com/kn_books) *

МАРИАНА ЗАПАТА

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ NEW YORK TIMES И USA TODAY

Ванесса Мазур знает, что поступает правильно. Она не должна чувствовать вину из-за того, что увольняется. Быть ассистентом/экономкой/феей-крестной главного защитника Национальной Футбольной Лиги предполагалась как временная занятость. У нее есть планы, и ни один из них не включает в себя стирку белья огромных размеров дольше, чем необходимо. Но когда Эйден Грэйвс появляется у ее двери, желая вернуть ее, она испытывает шок. Два года мужчина, известный как Виннипегская Стена, не мог заставить себя пожелать ей доброго утра или поздравить с днем рождения. Сейчас же? Он просит о неммыслимом. Что ответить мужчине, который привык получать все, что хочет?

ВИННИПЕГСКАЯ СТЕНА И Я

Автор: Мариана Запата

Рейтинг: 18+

Серия: Вне серий

Главы: 30 глав+Эпилог

Переводчик: Галя Р.

Редактор: Ленуся Л.

Вычитка и оформление: Натали И, Екатерина Л.

Обложка: Таня П.

Глава 1

Я собиралась надрать ему задницу.

Однажды.

В один прекрасный день, когда уволюсь, и никто меня не заподозрит.

— Эйден, — заворчала я, хотя мне стоило бы догадаться. Из-за ворчания я только заслужила «этот» взгляд — печально известное снисходительное выражение, благодаря которому Эйден в прошлом попал не в одну драку. Или так мне говорили.

Когда уголки его рта, опустившись вниз, напряглись, а веки над его карими глазами потяжелели, мне захотелось нажать на кончик его носа пальцем. Так наша мать поступала с нами, когда мы были маленькими и дулись.

Этот мужчина, находящийся на грани воображаемой жестокой смерти, мастерски продуманной, в которой фигурировали жидкость для мытья посуды, еда и долгий промежуток времени, зашумел из-за миски салата с киноа перед ним, размеров которой хватило бы, чтобы накормить четверых.

— Ты меня слышала. Отмени все, — повторил он, будто в первый раз, когда он сказал это, я оглохла.

Ох, я слышала его. Громко и четко. Именно поэтому я хотела его убить.

И это доказывало, насколько удивителен человеческий мозг; как можно заботиться о ком-то и вместе с тем желать перерезать ему или ей горло. Это как иметь сестру, которую хочется ударить прямо по яичникам. Все еще любишь ее, просто хочешь с размаху врезать ей по органу, отвечающему за рождение детей, чтобы преподать урок, — не то чтобы я знала это по своему опыту.

То, что я не ответила незамедлительно, заставило его добавить с тем же выражением на лице, адресованным напрямую мне:

— Мне плевать, что тебе придется им сказать. Просто отмени все.

Поправив левым указательным пальцем на носу свои очки, я опустила правую руку, чтобы шкафчик прикрыл средний палец, который я показывала Эйдену. Если выражение его лица было терпимым, тон, который он использовал, раздражал меня еще сильнее. Это был голос, который он использовал, чтобы предупредить меня, что спорить с ним бесполезно; он не изменит свое мнение сейчас или потом, и мне надо смириться с этим.

Мне всегда приходилось мириться с этим.

Когда я только начинала работать на трехкратного «Защитника года» Национальной Футбольной Лиги, было всего три вещи, которые мне не нравилось делать: спорить с людьми, говорить им «нет» и засовывать руку в мусор, потому что я была как поваром, так и уборщицей в этом доме.

Но если и было что-то, что я ненавидела делать, — и я имею в виду, правда, правда ненавидела делать, — это отменять встречи с людьми в последнюю минуту. Это действовало мне на нервы и шло вразрез с моими моральными принципами. Обещание есть обещание, не так ли? Хотя, с другой стороны, технически, это не я подводила фанатов. А Эйден.

Чертов Эйден, который был занят поглощением своего второго за день обеда, не заботясь ни о чем в этом мире, и он не беспокоился о раздражении, с которым мне придется столкнуться, когда я позвоню его агенту. После всех проблем, с которыми мы столкнулись, чтобы назначить эту встречу, я должна была сообщить новость, что Эйден не приедет на

автограф-сессию в Сан-Антонио в магазин спортивных товаров. Юухуу-уу.

Я вздохнула, вина скрутила все мои внутренности, меня мучила совесть, и я опустила руку, которая не была занята тем, что выражала мое раздражение, чтобы почесать колено.

— Ты уже пообещал им...

— Меня это не волнует, Ванесса, — он снова одарил меня «этим» взглядом. Мой средний палец дернулся. — Пусть Роб все отменит, — настаивал он, в то время как его гигантское предплечье поднялось, чтобы он смог закинуть в рот еду, которая, кажется, весит восемь унций. Вилка, которую он держал, на мгновение замерла в воздухе, когда его мрачный упрямый взгляд встретился с моим взглядом.

— Это проблема?

Ванесса, то. Ванесса, это.

Отмени все. Пусть Роб все отменит.

Бу-у-у.

Начнем с того, что мне не так уж и нравилось звонить его мудаку-агенту, а еще и для того, чтобы он отменил встречу за два дня до назначенной даты. Он выйдет из себя, а затем направит свое раздражение на меня, как будто я могла остановить Эйдена «Виннипегскую Стену» Грэйвса.

По правде говоря, самая близкая моя помощь в принятии решения состояла в том, что я посоветовала ему, какую камеру лучше купить, и то лишь потому, что у него «есть дела поинтереснее, чем заниматься выбором камеры», и потому, что «это то, за что я тебе плачу».

Конечно, в его словах был смысл. Между тем, за что он мне платил, и тем, что время от времени откалывал Зак, у меня получалось надевать на лицо улыбку — даже вынужденную — и делать то, что он просил. Иногда я даже делала маленький реверанс, а Эйден притворялся, что не замечал этого.

Не думаю, что он ценил то безграничное терпение, которое я выработала, работая с ним последние два года. Уверена, кто-то другой уже заколол бы его во сне. По крайней мере, когда я разрабатывала планы того, как бы убить его, обычно способы убийства были безболезненными.

Обычно.

С тех пор, как в прошлом году у него произошел разрыв ахиллова сухожилия, он стал другим. Я пыталась не винить его, правда пыталась. Он пропустил почти три месяца игрового сезона, и его винили за то, что команда не прошла в плей-офф, и с этим трудно было смириться.

Кроме того, некоторые думали, что он не сможет вернуться полностью после шести месяцев восстановления и реабилитации. Травма, которую он перенес, была нешуточной.

Но это же Эйден. У некоторых спортсменов уходило намного больше времени, чтобы встать на ноги, если у них вообще это получалось. Мое терпение не раз подвергалось проверке, когда я возилась с ним, пока он был на костылях. Отвозила и забирала его с реабилитации, возила на встречи.

В день ты можешь справиться лишь с несколькими причудами маленькой сучки, даже если тебе за это платят. Эйден любил то, чем занимался, и я могла лишь представить, как он боялся, что не сможет снова играть, или что он вернется, но его игра будет уже не на том уровне, на котором была до травмы, но не то чтобы он озвучивал вслух свои страхи.

Для меня это было понятно. Я даже представить не могу, что буду чувствовать, если что-то случится с моими руками, и будет шанс, что я больше никогда не смогу рисовать.

Несмотря на это, его капризность поднялась на новый уровень, ранее не задокументированный в мировой истории. И это о чем-то да говорит, учитывая, что я выросла с тремя старшими сестрами, у которых менструальный цикл наступал в одно и то же время. Из-за них многое — особенно люди — не беспокоили меня. Я знала, на что это похоже, когда над тобой издеваются, и Эйден никогда не переступал черту и не был излишне груб. Просто иногда он был болваном.

К счастью для него, я была немного, слегка, малую толику влюблена в него, иначе пырнула бы его ножом еще пару лет назад. Опять же, все, у кого есть глаза и кому нравились мужчины, что-то испытывали к Эйдену Грэйвсу.

Когда он приподнял брови и посмотрел на меня из-под этих изогнутых черных ресниц глубоко посаженными темно-кариими глазами (улыбку на этом лице я видела лишь в присутствии собак), я сглотнула и медленно покачала головой, скрипя зубами и оценивая его. Поскольку он был размером с небольшой дом, у него должны были быть крупные кривые черты лица, из-за чего он походил бы на пещерного человека, но, конечно, это было не так.

Очевидно, он любил бросать вызов каждому стереотипу, который когда-либо встречался в его жизни. Он был умным, быстрым, скоординированным, и — насколько я знала — не видел ни одной хоккейной игры. Он всего два раза употребил при мне свое канадское «Чо?» (*Примеч. в канадском языке слово «eh» является аналогом американского «Что?»*) и не потреблял животные белки. Парень не ел бекон. Он был последним человеком, которого я бы назвала вежливым, и он никогда не извинялся. Вообще никогда.

В общем, он был аномалией: канадец, играющий в футбол, ведущий растительный образ жизни (он не любил называть себя веганом) — аномалия, которая странным образом была естественной и такой привлекательной, что я, вероятно, несколько раз благодарила Бога за то, что он даровал мне глаза.

— Все, что пожелаешь, Здоровяк, — ответила я с фальшивой улыбкой, хлопая ресницами, даже если до сих пор показывала ему неприличный жест.

— Они переживут, — небрежно произнес Эйден, игнорируя свое прозвище и отводя назад мускулистые плечи. Клянусь, они достаточно широки для того, чтобы человек поменьше удобно спрятался за ними. — Ничего страшного.

Ничего страшного? Организаторы совершенно точно не будут думать так же, как и его агент, но Эйден привык добиваться своего. Никто никогда не говорил ему «нет». Они говорили «нет» мне, и потом мне приходилось во всем разбираться.

Несмотря на то, что думали некоторые, защитник «Трех сотен» — профессиональной футбольной команды Далласа, не был мудаком или игроком, с которым трудно работать. Со всеми его гранями и ропотом, он никогда не ругался матом и почти никогда не выходил из себя без основательной на то причины. Он был требовательным, точно знал, чего хочет и в каком виде ему нравится каждая вещь в его жизни. Честно, по-моему, это замечательное качество, но моя работа состояла в том, чтобы его запросы исполнялись, независимо от того, согласна я с его решениями или нет.

«Еще немного», — напоминала я себе. Я была очень близка к тому, чтобы уволиться, я чувствовала это. От этой мысли моя душа наполнялась радостью.

Два месяца назад мой банковский счет, наконец, достиг достаточной суммы, благодаря явной силе воли, мелочной экономии и долгим часам работы, когда я не была ассистентом/экономкой/поваром Эйдена. У меня была цель — накопить годовую зарплату.

И я сделала это. Наконец-то. Чертова, мать его, аллилуйя. Я практически ощущала запах свободы.

Но ключевым словом было «практически».

Я просто еще не удосужилась сказать Эйдену, что ухожу.

— Почему у тебя такое лицо? — неожиданно спросил он.

Я моргнула, пойманная врасплох, и приподняла брови, изображая непонимание.

— Какое лицо?

Не сработало.

Держа вилку у рта, он слегка прищурил свои темные глаза.

— Такое, — он указал на меня подбородком.

Я пожалала плечами с выражением «я не знаю, о чем ты говоришь».

— Ты хочешь мне что-то сказать?

Было много всего, что я постоянно хотела сказать ему, но слишком хорошо его знала. На самом деле, его не волновало, хотела я что-то сказать или нет. Ему было плевать, если мое мнение отличалось от его, или если я думала, что он должен сделать что-то по-другому. Он просто напоминал мне, кто тут босс.

Другими словами, совсем не я.

Подтирка для задницы.

— Я? — моргнула я. — Не-а.

Он одарил меня ленивым взглядом, а затем он посмотрел вниз и сфокусировался на руке, которую я прятала под кухонным островком.

— Тогда прекрати посылать меня. Я не изменю своего решения о раздаче автографов, — сказал он обманчиво непринужденным тоном.

Я сжала губы, опуская руку. Он был чертовой ведьмой. Клянусь жизнью, он был проклятой ведьмой. Волшебником. Оракулом. Человеком с третьим глазом. Каждый раз, когда я показывала ему средний палец, он знал об этом. Не думаю, что я была настолько очевидна.

Не то чтобы я ради веселья показывала людям средний палец, но меня на самом деле волновало, что он отменял встречу без законных на то оснований. Не похоже, что он отказывался от участия из-за того, что передумал и не хотел прерывать вечернюю тренировку. Хотя, что я знаю?

— Ладно, — пробормотала я себе под нос.

Эйден, который точно не знал, сколько мне исполнилось лет в этом году, а тем более в каком месяце у меня день рождения, скривился на долю секунды. Эти густые, темные брови сошлись вместе, а полные губы сжались в уголках. Затем он пожал плечами, будто его вдруг перестало заботить то, что я буду делать.

Самое забавное, если бы кто-то пять лет назад сказал мне, что я буду делать за кого-то грязную работу, я бы рассмеялась. Не могла даже вспомнить, когда у меня не было бы целей или какого-то плана на будущее. Я всегда хотела чего-то, что буду с нетерпением ждать, и быть начальницей самой себе — одна из тех целей, к которым я стремилась.

Когда я работала на своей первой работе, и на меня накричали из-за того, что я положила недостаточно льда в среднего размера стакан с напитком, я уже тогда знала, что однажды буду работать на себя. Мне не нравилось, когда мне говорили, что делать. Я была упрямой и твердолобой, по крайней мере, как сказал мой приемный отец, это были мои самые лучшие и худшие черты.

Я не стремилась к звездам и не хотела стать миллионером. Не хотела быть знаменитостью или кем-то вроде того. Я просто мечтала о маленьком бизнесе в области графического дизайна, который будет оплачивать мои счета, кормить меня, и у меня будет оставаться немного средств и на другое. Я не хотела зависеть от чьей-то благотворительности или прихоти.

Я делала это столько, сколько себя помню, надеялась, что мама придет домой трезвой; надеялась, что сестры приготовили мне поесть, когда мамы нет дома, и надеялась, что леди из социальной службы не разлучит нас с братом... Почему я вообще об этом думала?

По большей части я всегда знала, чего хочу от жизни, поэтому наивно полагала, что полдела уже сделано. И, должно быть, легко добиться всего желаемого.

Чего мне никто не сказал, так это того, что дорога к достижению цели — не прямая черта; она больше напоминает лабиринт на кукурузном поле. Ты останавливаешься, идешь, пятишься назад, парочку раз неправильно сворачиваешь, но, самое главное, надо помнить, что в конце есть выход. Где-то.

И пока ищешь его, нельзя сдаваться, даже если очень хочется.

И уж тем более не тогда, когда легче и не так страшно плыть по течению, чем продвигаться самостоятельно и прокладывать собственный путь.

Отодвинув стул, на котором сидел, Эйден встал, держа в руке пустой стакан. Его фигура размером почти с Халка, заполняла собой не такую уж маленькую кухню каждый раз, когда он там находился... что было всегда. Большой сюрприз. Он потребляет, по крайней мере, семь тысяч калорий в день. Во время обычного футбольного сезона он доходил до десяти тысяч. Конечно, он весь день проводил на кухне. Как и я — готовила его блюда.

— Ты купила персики? — спросил он, уже забыв о нашем разговоре и инциденте со средним пальцем, и налил воду в стакан из фильтра-холодильника.

Я не чувствовала себя виноватой из-за того, что он поймал меня. В первый раз, когда это случилось, я думала, что умру от стыда, а затем меня уволят, но теперь я знаю Эйдена. Его не волновало, если я делаю это, или такое у меня сложилось впечатление из-за того, что у меня до сих пор есть работа. Я видела, как люди подходят и пытаются разозлить его, выкрикивают различные оскорбления и прозвища, которые заставляют дрогнуть даже меня. Но что делал он, когда люди вытворяли такое? Он даже не дергался; просто притворялся, что не слышит их.

Его твердый характер впечатлял, честно. Я не могла сдержаться, когда кто-то бибикал мне, когда я ехала на машине.

Но каким бы впечатляющим ни был Эйден, какой бы идеальной ни была его задница, которая вынуждала женщин повторно заглядываться на него, и какой бы глупой меня ни посчитали люди за то, что я думала уйти с работы от мужчины, который был главным героем в рекламе компании спортивной одежды, я все еще хотела уйти. И это желание становилось сильнее с каждым днем.

Я надрывала свой зад. Никто не делал мою работу за меня. Вот, чего я хотела, чего всегда желала. Я годами не спускала глаз с приза — с возможности быть самой себе начальницей. А не звонить мудакам, которые считали меня неудобством, или складывать белье, которое облегалo самую впечатляющую задницу во всей стране.

«Скажи ему, скажи ему, скажи ему прямо сейчас, что планируешь уволиться», — почти отчаянно подстрекал мой мозг.

Но ворчливый внутренний голос нерешительности и неуверенности, которому

нравилось находиться в пространстве моего несуществующего хребта, напомнил мне: «*К чему торопиться?*»

Когда я впервые встретила Виннипегскую Стену, вторая фраза, что он произнес, звучала:

— Ты умеешь готовить?

Он не пожал мою руку, не попросил меня присесть, ничего такого. Оглядываясь назад, это должно было предостеречь меня о том, как все будет происходить между нами.

Эйден спросил, как меня зовут, когда впервые впустил меня в дом и провел прямо на прекрасную открытую кухню, которая была похожа на кухню из шоу о ремонте. Затем он перешел сразу к вопросу о моих кулинарных навыках.

До этого его менеджер уже дважды проводил со мной интервью. Данная работа была в диапазоне доходов, к которым я стремилась, и тогда это было единственным, что меня волновало. Агентство занятости, с которым я подписала контракт, уже приглашало меня в свой офис трижды, чтобы убедиться, что я хорошо подойду «знаменитости», как они его называли.

Степень бакалавра, большой опыт в других сферах, таких как: ассистент адвоката по разводам (я проработала в этой должности три года, пока училась в колледже), работа фотографом летом у любого, кто меня нанимал, довольно успешная подработка на стороне по продаже косметики и прочих вещей из каталогов, а также отличные рекомендации обеспечили мне приглашение на работу.

Но я уверена, что не это обеспечило меня работой, а мое неведение, когда дело касается футбола. Если по телевизору показывали игру, были шансы, что я вообще не смотрела ее. До своего первого дня я даже никогда не видела Эйдена Грэйвса. И я обычно не рассказывала людям, что единственные футбольные матчи, которые смотрела, это те, на которых побывала лично во время учебы в старшей школе.

Так что когда его менеджер упомянул имя моего потенциального работодателя, я безучастно смотрела на него. Я даже не хочу точно знать, отсутствие ли волнения обеспечило мне работу, но, кажется, именно так.

Даже после того, как менеджер Эйдена предложил мне работу, я не потрудилась погуглить его. А смысл? Ничто из того, что написано о нем в интернете, не смогло бы заставить меня передумать стать его ассистентом. Правда, ничто не могло. И мне не стыдно признать, что он мог бы быть серийным убийцей, и я все равно взялась бы работу, если бы зарплата была хорошей.

Хотя, в конце концов, думаю, хорошо, что я не стала искать о нем информацию. Как я узнала позже, занимаясь рассылкой промо-фотографий его фанатам, фотографы не отдадут ему должное.

С ростом метр девяносто три, Эйдену не хватало всего два сантиметра до метра девяносто пяти. Иногда в межсезонье его вес доходил до ста двадцати семи килограммов, так что в жизни он больше походил на мифического героя, чем на простого смертного.

Эйден был убийственен даже когда был полностью одет. Его мускулы не были показушными.

Он был массивным. Везде. Не удивлюсь, если на рентгене его кости окажутся толще, чем у обычных людей. Его мускулы были отточены и вылеплены для конкретной цели — эффективно, насколько это возможно, блокировать проходы и перехватывать защитников из команды противников.

Очень-очень большая футболка, которая была на нем в нашу первую встречу, не скрывала большую часть его трапециевидных, грудных, дельтовидных мышц и еще меньше бицепсы и трицепсы. Этот парень подавлял. Его бедра натягивали швы треников, которые он носил. Помню, как заметила его кулаки, и они напомнили мне камни, а запястья, которые соединяли их с остальной частью руки, были больше, чем я когда-либо видела.

И, конечно, лицо, в которое я буду смотреть следующий отрезок своей жизни. Там, где его черты должны быть резкими, как у многих больших парней, Эйден был красив совсем не эстетичным образом. Впалые щеки, высокие скулы, выступающая челюсть.

Глубоко посаженные глаза обрамляли густые черные брови. Даже сразу после бритья кажется, будто нижнюю часть лица покрывает однодневная щетина.

Белый шрам вдоль линии волос, от виска до уха, не могла скрыть даже короткая щетина. И, конечно, его рот, который казался бы пухлым на лице любого другого мужчины меньшей комплекции и не с его чертами. Он был шатеном с оливковой кожей.

Из-под воротника его футболки виднелся проблеск тонкой золотой цепочки, но я была так отвлечена всем остальным, что являл собой Эйден Грэйвс, и лишь несколько месяцев спустя я узнала, что это медальон Святого Луки, без которого он никуда не ходил.

Изначально лишь его размеров было достаточно, чтобы испугать меня. Пронизывающий взгляд карих глаз лишь добавлял страха к огромному количеству запугиваний, которые буквально сочились из его пор.

Независимо от этого, первой моей мыслью было: «*Черт возьми*». Затем я откинула ее прочь, потому что не могла так думать о своем новом боссе.

В тот первый день нашей встречи я могла лишь кивать. Я сделала бы все, что угодно, чтобы сохранить свою работу. Его менеджер и агентство тщательно проверили во время интервью, что я осведомлена о том, что готовка — часть требований к работе, а для меня это не проблема.

Когда я была ребенком, я на горьком опыте узнала, что если хотела есть, то должна с этим что-то сделать, потому что старшие сестры не собирались утруждать себя, и я никогда не знала, в каком настроении будет мама. В колледже я овладела искусством приготовления пищи на контрабандной электрической плитке в своей комнате в общежитии.

Эйден просто смотрел на меня в ожидании ответа, прежде чем сбросил бомбу, к которой меня никто не подготовил.

— Я не ем продукты животного происхождения. Это будет проблемой?

Знала ли я, как приготовить что-то без яиц, мяса или сыра? Я ничего не смогла вспомнить. Никто даже не упомянул об этом условии заранее, и, по неосведомленности в данном вопросе, он не выглядел как большинство веганов, которых я встречала в своей жизни, но я ни в коем случае не хотела возвращаться к работе в трех разных местах, если мне абсолютно точно не надо этого делать. Так что я соврала:

— Нет, сэр.

Он стоял на кухне и смотрел на меня, одетую в брюки темного цвета, белую блузку с

короткими рукавами и коричневые туфли на каблучках. Я так нервничала, что даже сложила руки перед собой. Агентство предложило для работы обычный деловой костюм, я его и надела.

— Уверена? — спросил он.

Я кивнула, уже планируя поискать рецепты в своем телефоне.

Он слегка прищурился, но не стал указывать на то, что слышал очевидную ложь, и это все, на что я могла рассчитывать.

— Я не наслаждаюсь готовкой или походами в ресторан. Обычно я ем четыре раза в день и выпиваю два больших смузи. Ты будешь отвечать за блюда, а я справлюсь с тем, что ем между ними, — произнес он, скрещивая руки на груди в почти метр шириной. — В персональном компьютере наверху сохранены все пароли. Читай и отвечай на все мои письма; мой почтовый ящик надо проверять несколько раз в неделю, и ты тоже за это отвечаешь. Ключ в ящике у холодильника. Я запишу почтовое отделение и номер ящика позже. Когда я вернусь, ты можешь поехать и сделать себе экземпляр моих ключей от дома. Мои страницы в социальных сетях надо обновлять ежедневно; мне плевать, что ты публикуешь, пока в них есть здравый смысл.

Он точно специально посмотрел мне в глаза, добавляя последнюю фразу, но я не приняла это на свой счет.

— Стирка, расписание... — он продолжал перечислять все больше заданий, который я добавляла в мысленный список. — У меня есть сосед. Мы говорили об этом, и если ты не против, он может просить иногда готовить и ему. Он заплатит тебе дополнительно, если ты решишь этим заняться.

Дополнительные деньги? Я никогда не отказываюсь от дополнительных денег. Если только не просят сделать минет.

— Есть вопросы? — спросил мой новый босс.

Я смогла лишь покачать головой. Все, что он сказал, было обычным делом для должности, на которую я устроилась, и я, возможно, была слишком занята, плясь на него, чтобы сказать что-то еще. Я никогда лично не встречала профессионального футболиста, хотя в колледже я дружила с несколькими парнями, которые играли за нашу колледж. Тогда я даже не думала, что люди могут быть такими большими, так что мне придется попытаться выяснить, сколько Эйдену приходилось есть, чтобы при такой диете получать калории, в которых он нуждался.

Взгляд карих глаз скользнул по моему лицу и плечам, прежде чем вернуться к глазам. Это жесткое, безжалостное лицо смотрело прямо на меня.

— Ты не много разговариваешь, не так ли?

Я улыбнулась ему маленькой улыбкой и приподняла плечо. Я не была болтушкой, но никто не сказал бы, что я застенчива или молчалива. Плюс, я не хотела ничего испортить, пока не поняла, чего он хочет, и что ему нужно от меня как от ассистента.

Оглядываясь назад, я не уверена, что это было отличное первое впечатление, а не неудача. Да и я не могла вернуть все назад и сделать все по-новому.

Все, что сделал Эйден, мой новый босс, слегка опустил подбородок вниз, что, как я узнала позже, было его версией кивка.

— Хорошо.

За последние два года ситуация немного изменилась.

Наши деловые отношения развились до того, что я перестала называть Эйдена «сэр» и использовала больше двух слов, когда разговаривала с ним.

Я узнала об Эйдене все, что только можно, учитывая, что вытягивание из него личной информации похоже на выдергивание зуба. Я могла сказать, сколько ему лет, сколько денег на его банковском счету, от каких специй он кривится, какой бренд нижнего белья предпочитает. Знала его любимые блюда, размер обуви, какие цвета отказывается надевать и даже какую категорию порно смотрит. И я знала, что первое, что он хочет сделать, когда у него появится больше времени, это завести собаку — не семью. Он хотел собаку.

Но это то, что мог узнать сталкер или кто-то с любовью к слежке. Он держался за подробности своей жизни своими обеими руками размером с тарелки. У меня складывалось ощущение, что количество того, что я о нем не знаю, займет меня до конца моей жизни, если я попытаюсь вытянуть их из него.

Я пыталась быть дружелюбной, как только поняла, что он не станет Невероятным Халком из-за моих вопросов, но все было напрасно. За последние два года он ни разу не улыбнулся мне в ответ, каждый мой вопрос «Как дела?» остался без ответа. Кроме его знаменитого взгляда, от которого мои воображаемые волосы на затылке вставали дыбом, был еще этот почти самодовольный тон, который он иногда использовал, просто чтобы нарваться на надирание задницы... от кого-то, кто намного больше меня.

Наши роли босса и подчиненного становились все более и более выраженными. Я заботилась о нем так сильно, как только могла заботиться о ком-то, кого видела минимум пять дней в неделю, о ком я заботилась ради выживания, но кто обращался со мной, как с маленькой противной сестренкой, которую он предпочел бы не иметь. Два года я была не против выполнять обязанности, которые мне не очень нравились, но готовить, отвечать на письма и заниматься всем тем, что касается его фанатов, были моими любимыми занятиями в работе ассистента.

И это была одна из причин, почему я продолжала отговаривать себя от разговора с ним. Когда я проверяла его страничку на «Фэйсбуке» или в «Твиттере», то видела посты, которые добавляли его фанаты, и это вызывало у меня смех. С некоторыми из них я познакомилась за годы интернет-общения, и было легко забыть, что работать на него не так уж и плохо.

Это не самая худшая работа в мире, совсем нет. Моя зарплата была более чем достойной, рабочие часы тоже хорошие... и, по словам почти каждой женщины, которая узнавала, на кого я работаю, «у меня самый сексуальный босс во всем мире». Так что так. Если я и застряла с человеком, на которого мне приходилось смотреть, пусть это будет кто-то с телом и лицом, которые заставят устыдиться моделей, используемых мной для оформления книжных обложек.

Но в жизни бывает что-то, что ты не можешь сделать, пока не выйдешь из своей зоны комфорта и не рискнешь, и работа на себя — одна из таких вещей.

Именно поэтому я не могла пройти через это и сказать Эйденоу «Сайонара, Здравяк» восемью разными способами, которые мне советовал мой мозг. (*Примеч. Сайонара — в переводе с японского «прощай»*).

Я нервничала. Уходить с хорошо оплачиваемой работы — стабильной, пока у Эйдена есть карьера — было страшно. Но это оправдание уже устарело.

Мы с Эйденем не были лучшими друзьями, и, конечно, не были близки. Опять же, почему бы нам быть таковыми? У этого мужчины было, вероятно, всего три человека, с которыми он проводил время, когда отрывался от тренировок и игр. Отпуск? Он его не брал. Я даже не думаю, что он знает, что это такое.

У него в доме не было фотографий семьи или друзей. Вся его жизнь крутилась вокруг футбола. Он был центром его вселенной.

В великой жизненной схеме Эйдена Грэйвса я была никем. Мы просто мирились друг с другом. Только и всего. Ему нужен был ассистент, а мне нужна была работа. Он говорил, чего хочет от меня, а я это делала, независимо от того, согласна была с этим или нет. Время от времени я безуспешно пыталась изменить его мнение, но глубоко в подсознании я никогда не забывала о том, насколько бессмысленно мое мнение для него.

Прежде чем сдаться, можно некоторое время пытаться быть дружелюбной с кем-то, кто безразлично закрывается. Это была работа, ни больше, ни меньше. Поэтому я так сильно стремилась достичь момента, когда стану начальницей самой себе и буду работать с людьми, которые оценят мою тяжелую работу.

Но я все еще здесь, занимаюсь тем, что сводит меня с ума, и откладываю свои мечты все дальше, и дальше, и дальше...

Какого черта я делаю?

— Единственный человек, которого ты подводишь, это ты, — сказала мне Диана в последний раз, когда мы разговаривали.

Она спросила, сообщила ли я, наконец, Эйдену, что уйду, и я сказала ей правду — еще нет.

От этого комментария у меня в животе скрутилось в комок чувство вины. Единственный человек, которому я делаю больно, — это я сама. Я знаю, мне надо сказать Эйдену. Никто не сделает этого за меня; я хорошо в этом осведомлена. Но...

Хорошо, нет никакого «но». Что, если я провалюсь и прогорю, когда окажусь предоставлена сама по себе?

«Я все спланировала и построила свой бизнес, так что проблемы быть не должно», — напомнила я себе, наблюдая, как ест Эйден. Я знала, что делала. У меня отложены деньги. Я была хороша в том, что делала, и я любила этим заниматься.

У меня все будет хорошо.

Я буду в порядке.

Так чего я жду? Раньше каждый раз, когда я думала о том, чтобы сказать все Эйдену, никак не находилась идеальный момент. Он только выздоровел и начал снова тренироваться после травмы, и казалось, что неправильно скидывать на него эту новость. Мне казалось, что я бросаю его, когда он едва встал на ноги. Потом мы сразу уехали в Колорадо, где он тренировался в тишине и спокойствии. В другой раз причиной не сказать было то, что тот день был не пятница. Или у него был плохой день. Или... что угодно. Всегда было что-то. Всегда.

Я не оставалась, потому что влюблена в него или что-то вроде того. Может быть, в какой-то момент, сразу после того, как я начала на него работать, он мне очень нравился, но его холодное отношение не позволило моему сердцу сделать нечто безумное. Да я и не ожидала, что Эйден вдруг посмотрит на меня и подумает, что я самый потрясающий человек

в его жизни.

У меня не было времени на это нереалистичное дерьмо. Если уж на то пошло, моей целью всегда было делать то, что ему нужно, и попытаться заставить мужчину, который никогда не улыбался, улыбнуться. Я преуспела лишь в одном.

За эти годы мое влечение к нему уменьшилось, и единственное, чем я действительно восхищалась, — поправка: ценила здоровым, обычным способом, — его трудовую этику.

И его лицо.

И его тело.

Но во всем мире было полно парней с потрясающими телами и лицами. Я это знала. Я смотрела на модели почти каждый день.

И, в любом случае, ни одна из этих физических черт не помогала мне. Горячие парни не воплотят мои мечты в реальность.

Я сглотнула и сжала пальцы.

«Сделай», — говорил мой мозг.

Что плохого может случиться? Мне придется найти другую работу, если моя клиентская база истощится? Как пугающе. Я не узнаю, что произойдет, пока не попытаюсь.

Жизнь — это риск. Это то, чего я всегда хотела.

Так что я сделала вдох, внимательно наблюдая за мужчиной, который был моим боссом два года, и произнесла:

— Эйден, мне надо с тобой кое о чем поговорить.

Потому что, правда, что он сделает? Скажет, что я не могу уйти?

— Ты не можешь.

— Могу, — спокойно настаивала я, наблюдая за мужчиной на экране моего компьютера. — Эйден сказал, чтобы я сообщила об этом тебе.

Тревор одарил меня взглядом, который ясно говорил, что он и близко мне не поверил, и я поняла, что меня не заботит, что он думает. Нужно очень постараться, чтобы не понравиться мне, и менеджер Эйдена был одним из тех, кого я избегала, как чумы, когда это только было возможно.

Что-то в нем вызывало во мне желание прекратить свои дела каждый раз, когда мы взаимодействовали. Время от времени я пыталась понять, что мне в нем не нравится, и всегда возвращалась к одним тем же причинам: он был чванливым, и, судя по источаемой им энергетике, полным мудаком.

Наклонившись вперед, Тревор уперся локтями на что-то, похожее на стол. Он закрыл рот руками и дышал. Вдыхал. Выдыхал.

Может быть, лишь может быть, он думал обо всех тех разгах, когда вел себя со мной как придурок и жалел об этом; каждый раз, когда он ругался или кричал на меня, потому что Эйден хотел того, что раздражало его. И это происходило почти каждую неделю с тех пор, как меня наняли.

Но, зная его, дело не в этом. Чтобы сожалеть, надо об этом хотя бы заботиться, и Тревор... единственное, о чем он заботился, это о зарплате. Язык его тела и то, как он разговаривал со мной на первом интервью, ясно дало понять, я не слишком высоко поднялась в списке его приоритетов.

Мой уход ненадолго осложнит его жизнь, и я ему не очень нравилась.

Видимо, его это волновало намного больше, чем Эйдена прошлой ночью, когда я решилась и рассказала ему большой, мрачный секрет, который хранила.

— Я хочу поблагодарить тебя за все, что ты для меня сделал, — оглядываясь назад, я понимала, это был ужасный выбор слов; на самом-то деле, он ничего для меня не сделал, только платил, но, о да. — Я бы хотела, чтобы ты нашел кого-то мне на замену.

Я всегда знала и принимала, что мы не друзья, но, полагаю, крохотная частичка меня была глупой и думала, что я хоть немного, чуть-чуть, самую малость что-то значу для него. Я многое сделала для Эйдена за все то время, что мы работали вместе. Я знала, что буду немного скучать по работе с ним. Будет ли он чувствовать то же самое?

Ответом оказалось огромное, жирное «нет».

Эйден даже не потрудился посмотреть на меня после моего признания. Вместо этого его внимание было сконцентрировано на миске, когда он спокойно ответил:

— Сообщи Тревору.

И все.

Два года. Я отдала ему два года своей жизни. Часы и дни. Месяцы вдали от любимых. Я заботилась о нем в те редкие случаи, когда он болел. Я была той, кто остался с ним в больнице после травмы. Это я забрала его после операции, прочитала информацию о воспалении и о том, чем могла его кормить, что поможет ему быстрее поправиться.

По утрам после провальной игры, я всегда старалась готовить его любимый завтрак.

Покупала подарки на дни рождения, которые оставляла или не оставляла на его кровати, потому что не хотела вызывать неловкость. Нельзя помнить о чьем-то дне рождении и не подарить подарок, даже если он ни разу не сказал «спасибо».

А что он дал мне? Свой прошлый день рождения я провела в Колорадо, в парке, под дождем, потому что он снимался в рекламе и хотел, чтобы я была рядом. Я в одиночку поужинала в своем номере. Чего же я сейчас ждала от него?

Он не умолял меня остаться — не то, чтобы я осталась — и даже не сказал «Так жаль это слышать», а эти слова я слышала, когда уходила с предыдущей работы.

Ничего. Он не дал мне ничего. Даже чертовых обьятий.

Это задело меня сильнее, чем должно было. Намного сильнее. С другой стороны, я знала, что мы не были родственными душами, но после этого все стало еще очевиднее.

С этой мыслью, от которой у меня во рту появилась горечь, я сглотнула и сосредоточилась на видео-чате.

— Ванесса, подумай о том, что ты делаешь, — спорил со мной менеджер через камеру.

— Я подумала. Слушай, я даже не настаиваю на двухнедельной отработке. Просто найди кого-то, я его всему научу, а затем уйду.

Тревор приподнял подбородок и просто смотрел прямо в камеру компьютера, сильный блеск средства для волос, которым он обычно пользовался, отражался в солнечном свете, проникающем через окна его кабинета.

— Это какая-то апрельская шутка?

— Сейчас июнь, — ответила я осторожно. Идиот. — Я больше не хочу этим заниматься. Его лоб нахмурился, а плечи напряглись, будто мои слова, наконец, дошли до него. Одним глазом он сквозь пальцы пялился на меня.

— Ты хочешь больше денег? — имел наглость спросить он.

Конечно, я хотела больше денег. Кто не хочет? Я просто не хотела их от Эйдена.

— Нет.

— Скажи мне, чего ты хочешь?

— Ничего.

— Я тут пытаюсь работать.

— Здесь не с чем работать. Ты не можешь предложить мне ничего из того, что заставит меня остаться, — вот как сильно я не хотела вернуться обратно в мир Виннипегской Стены. Тревор платил за то, чтобы исполнялись все его желания, и я знала, если дам слабину, он попытается этим воспользоваться.

Вероятно, ему легче убедить меня остаться, чем найти замену. Но я знала его приемчики и не собиралась идти у него на поводу.

Взяв стакан, который стоял на столе около планшета, я сделала глоток, изучающе глядя на него поверх края стакана. Черт побери, я могла это сделать. Я сделаю. Я не собиралась держаться за эту работу лишь потому, что он использовал на мне самый близкий к щенячьим глазкам взгляд. Так смотреть способно только истинное зло.

— Что я могу сделать, чтобы заставить тебя остаться? — наконец, спросил Тревор, убирая руки от лица.

— Ничего, — если крошечная лояльность к Эйденоу и настоящее беспокойство заставляли меня работать до тех пор, пока я не поняла, что могу позволить себе уйти, вчерашний день расставил все по местам.

Я не хотела тратить еще больше времени.

На лице Тревора промелькнуло еще одно болезненное выражение. Когда мы впервые встретились два года назад, в его волосах виднелись лишь несколько седых волосинок. Теперь их там больше, и внезапно все обрело смысл. Если я считала себя феей-крестной, то Тревор, кажись, представлял себя Богом; Богом, которому приходилось творить чудеса в самых плачевных ситуациях.

И я не помогала ему, уходя от одного из его самых тяжелых клиентов.

— Он что-то сказал? — спросил он неожиданно. — Что-то сделал?

Я покачала головой, не попавшись на его игру. Прежде чем я попросила его позвонить мне, — и он настоял, что вместо этого мы проведем видео-чат — я спрашивала себя, говорить ли ему о том, почему я ухожу, или нет. Мне даже минута не понадобилась, чтобы решиться. Не-а, ему не нужно знать.

— В моей жизни есть и другие дела, которыми я хочу заниматься. Вот и все.

— Знаешь, он переживает из-за возвращения после операции. Если он слегка нервничает, это нормально. Просто игнорируй его, — добавил Тревор.

Нормально? Для слова «нормально» существуют разные понятия, учитывая, что он работает с профессиональными атлетами, особенно, такими, как Эйден, который дышит и живет спортом. Он все воспринимает лично. Он не был человеком, который играет лишь потому, что ему больше нечем заняться и нужны деньги. Может, это я понимала это лучше, чем Тревор.

Плюс, если у кого-то из нас и был опыт общения с Эйденем, когда его ахиллово сухожилие разорвалось, то это у меня. Я лично была свидетелем этого и знала, как он обычно вел себя перед началом тренировочного лагеря, и все это было не за горами, что добавляло ему беспокойства.

Тревор работал на него дольше, но он жил в Нью-Йорке и приезжал лишь пару раз в год. Эйден лишь раз в месяц разговаривал с ним по телефону, и я была козлом отпущения.

— Уверена, около сотни людей захотят работать на Эйдена. Не думаю, что у тебя возникнут проблемы с заменой меня. Все будет в порядке, — сказала я ему спокойно.

Найдется ли в мире тысяча людей, которые с радостью захотят работать на Эйдена Грэйвса? Да. Как минимум.

Будут ли у Тревора проблемы с новым ассистентом? Нет.

Главная проблема — найти того, кто останется, кто справится с долгими рабочими часами и его колючей личностью.

— Будет нелегко, — сказал мне Тревор после того, как трудовое агентство отправило меня к нему. — Атлеты требовательны. В основном, это часть рабочих требований. Ты сможешь с этим справиться?

Тогда я работала на трех работах, делила крошечный дом с Дианой и Родриго и иногда не могла спать по ночам, потому что думала лишь об огромной судебной ссуде, в которую погрузилась. Я бы сделала все, что угодно, чтобы выбраться из этой ситуации, даже если это значит мириться с кем-то, кто может или не может быть сумасшедшим по тому, как его описывают другие.

Тревор не лгал — Эйден был не так плох, стоит лишь узнать его получше и понять, что ему не нравится, — но он, по крайней мере, предупредил меня, чего ожидать.

Требовательный, капризный, перфекционист, трудоголик, высокомерный, равнодушный, помешанный на чистоте босс.

Ничего особенного.

Эйдену Грэйвсу нужен был ассистент, а мне повезло получить работу.

У меня был план, который до смерти волновал меня, и студенческий заем, из-за которого у меня развилась язва. Я миллион раз все обдумала и пришла к выводу, что работать на него, поддерживая и развивая на стороне собственный бизнес, лучший способ двигаться вперед по жизни, ну, пока что.

Остальное история.

Работа по семнадцать часов и экономия, наконец, принесла плоды. Я накопила достаточно денег, чтобы удержаться на плаву, если мой бизнес потонет, да и у меня были цели, которые направляли меня. Даже если было тяжело, мои стремления и надежды поддерживали во мне силы двигаться дальше.

Так что, даже в такие дни, когда я стояла позади Эйдена и представляла, как втыкаю нож ему в спину, потому что он требовал нечто невообразимое, например, перестирать его постельное белье, потому что я передержала его в сушилке, я всегда делала то, что ему было нужно. Я должна была лишь помнить о своем студенческом займе и планах, и я справлялась.

До сегодняшнего дня.

— Ты убиваешь меня, Ванесса. Ты, мать его, убиваешь меня, — буквально простонал Тревор. Простонал. Обычно он просто жалуется и ведет себя, как мудака.

— Все будет в порядке. Его не волнует, что я уйду. Он, вероятно, даже не заметит, — ответила я, пытаюсь быть понимающей, насколько это возможно, и, в то же самое время, не парясь о том, что он беспокоится.

Гримаса на его лице быстро исчезла. Ее сменил взгляд, с которым он стал выглядеть как менеджер, которого я была вынуждена терпеть, а не как человек, который пытался отступить и вести себя прилично. Он съязвил:

— Очень в этом сомневаюсь.

Я понимала, почему хорошо подходила Эйдену. Я была терпеливой, не использовала его черствый, придирчивый характер против него. Я умела справляться с безумием во всех его проявлениях, спасибо моей семье, но, может, я ожидала от него чего-то похуже, а он никогда не переходил границу контроля своих эмоций. Для этого он слишком хорошо умел держать себя в руках.

Хотя, после вчерашнего я бы не волновалась. Может, если бы Эйден был моим другом, я бы чувствовала себя хуже из-за того, что уйду, или если бы Тревор вел себя со мной получше, но ни один из них и не вспомнит меня через два месяца. Я знала тех, кто заботится обо мне и что-то значит для меня, и ни одного из этих двоих не было в моем списке... и, конечно, от этого мне было немного грустно. Но выживают сильнейшие, верно?

Если бы мы поменялись ролями, Эйден и Тревор избавились бы от меня, как от обременительного груза. Я бы позволила своей ошибочной лояльности, паранойе и неуверенности в себе удерживать меня в не такой уж и плохой клетке.

Все, что нужно Эйдену, — это человек, который будет делать все, чего он захочет. Готовить, убирать, стирать, складывать, отвечать на электронные письма, звонить Тревору или Робу, когда ему нужно что-то вне моей юрисдикции, и публиковать посты в «Фэйсбуке», «Твиттере» и «Инстаграме». И еще пару вещей, которые нужны ему, когда он путешествует. Ничего необычного.

Любой с малой толикой терпения сможет это сделать.

Но по взгляду, которым пронзал меня Тревор, я понимала, что он думал иначе. Полагаю, он просто ленивый. Он выдохнул и стал потирать виски, в этот момент связь ухудшилась, и

его изображение на секунду стало размытым.

— Ты точно хочешь это сделать? Я могу поговорить с ним и сократить твои часы... — донесся его голос из колонок, даже если экран завис.

Я решила даже не утруждать и говорить, что подумую.

— Нет, — я не могла. Я не собиралась упускать возможность начать свой путь в одиночку. Не хочу обрекать себя на неудачу, сомневаясь.

— Ванесса... — простонал он. — Ты серьезно это делаешь?

Это именно то, ради чего я работала с момента выпуска из колледжа со степенью в графическом дизайне. Окончание учебы было тяжелой борьбой, которая временами казалась болезненной пыткой, и я делала ужасные, отвратительные вещи, чтобы закончить обучение.

Именно поэтому я работала на нескольких работах одновременно; поэтому сейчас, технически, у меня их две; и поэтому последние четыре года я сплю по четыре часа и экономлю буквально на всем. Я бралась за любую работу, которая приходила ко мне на почту, и искала работу сама: книжные обложки, интернет-баннеры, плакаты, закладки, визитки, открытки, логотипы, дизайн футболок и татуировок. Что угодно.

— Серьезно, — мне пришлось бороться с желанием рассмеяться над тем, как уверенно и решительно прозвучал мой голос, даже если я себя такой не чувствовала.

Вернувшись к потиранию висков, Тревор вздохнул.

— Если ты так решила, я начну искать замену.

Я кивнула и почувствовала неуверенную победу, щекочущую горло. Я не позволю комментарию этого придурка взволновать меня. Все будет именно так. Все будет так, как я и планировала.

Он махнул рукой перед экраном.

— Я сообщу тебе, когда найду кого-то.

Больше ничего не добавив, он вышел из чата, как грубый мудака. Он напомнил мне кое-кого другого, у кого тоже отсутствуют манеры. Если бы не Зак и еще пара игроков из «Трех Сотен», с которыми он познакомил меня за эти два года, я бы решила, что в этой индустрии все эгоцентричны. Но нет, всего лишь пара человек, в частности, те, кем я себя окружила. Пойди, разберись.

Но это больше не будет моей проблемой, не так ли?

— Ванесса! — заорал откуда-то сверху знакомый голос.

— Да? — крикнула я в ответ, выходя из приложения на планшете и задаваясь вопросом, слышал ли он мой разговор с Тревором или нет. В смысле, это он сказал мне сначала позвонить ему, разве не так?

— Ты постирала белье? — прокричал Эйден, кажется, из своей спальни.

Я стирала его простыни по понедельникам, средам и пятницам, и так каждую неделю с тех пор, как меня наняли. Для кого-то, кто работает почти каждый день и для кого пот стал сродни дыханию, он с особой религиозностью относится к своим ультрачистым простыням. С самого начала я узнала, как важно, чтобы его чертовы простыни были чистыми, и с тех пор ни разу не пропускала стирку. Никогда.

— Да.

— Сегодня?

— Да, — какого черта он спрашивает? Я всегда... а-а-а. Я всегда оставляла на подушке его любимые мятно-шоколадно-перечные печеньки — потому что это веселило меня — и сегодня я ничего там не оставила. Они закончились в магазине. Полагаю, я не могу винить

его за сомнения, но могу обвинить себя в том, что разбаловала его. Он никогда не говорил о моем маленьком подарке и не говорил перестать класть их, так что я и не думала, что его это волнует. Теперь я знаю.

Эйден ответил не сразу, и я уже представила, как он неуверенно бормочет что-то про себя, прежде чем понюхать простыни, чтобы убедиться, что я говорю правду. Когда ответа не последовало, полагаю, он убедился, что я не лгала. Но потом он снова закричал:

— Ты вытащила мою одежду из сушилки?

— Да. Она уже в твоём шкафу, — я не дернулась, не закатила глаза и ответила даже не раздраженным тоном. Иногда у меня был самоконтроль самурая. Самурая, который хочет стать ронином. *(Примеч. Ронин — деклассированный самурай феодального периода Японии (1185–1868), потерявший покровительство своего сюзерена, либо не сумевший уберечь своего господина от смерти.)*

Я едва успела убрать планшет в сумку, прежде чем снова раздался его голос.

— Где оранжевые бегунки?

В этот раз я не могла не закатить глаза. Работа с ним напоминала мне себя, когда я была ребенком и просила маму помочь мне найти что-то после того, как сама я искала это всего пять секунд. Они были там, где он их оставил.

— В твоей ванной.

Я слышала шаги наверху. Зак еще не вернулся из Далласа, так что это Здоровяк искал свои кроссовки, или, когда в силу вступали его канадские словечки, бегунки. Я редко прикасалась к его обуви, только если это необходимо. Не то чтобы его ноги воняли, — странно, но это не так — но они становились потными, то есть, очень потными. Последние два месяца он так упорно тренировался, что количество пота достигло небывалых объемов. Мои пальцы пытались никогда с ними не соприкоснуться, если этого можно было избежать.

Я уже просматривала поваренную книгу, решая, что приготовить на ужин, когда раздался грохот сбегающего по лестнице ста двадцати семи килограммового мужчины. Серьезно, каждый раз, когда он спускался по лестнице со скоростью быстрее, чем у черепахи, стены дрожали. И я даже не была уверена, как выжила лестница. Какие бы материалы не использовали строители, должно быть, это нечто качественное.

Мне не надо было оборачиваться, чтобы знать, что он идет на кухню. Дверь холодильника открылась и закрылась, за этим последовало жевание.

— Купи еще солнцезащитного крема. Мой почти закончился, — сказал он отстраненным тоном.

Я уже заказала его пару дней назад, но не видела смысла говорить, что дешевле заказать, чем купить в магазине.

— Будет сделано, Здоровяк. Позже я отнесу несколько пар твоих шортов к портнихе. Когда я их стирала, то заметила, что резинка ослабла, — учитывая, что половина его гардероба была сшита специально для него, потому что «размер бегемот» не был широко распространен, меня немного расстроило, что эти самые шорты уже пора зашивать.

Жонглируя грушей, которую ел, и двумя яблоками в другой руке, он приподнял подбородок.

— Я собираюсь на тренировку. Есть что-то, что мне нужно узнать до того, как я уйду?

Поправляя очки, я задумалась над тем, что планировала сказать ему.

— Этим утром я оставила на твоём столе несколько конвертов. Не знаю, видел ты их или нет, но они кажутся важными.

На секунду большое красивое лицо приняло задумчивое выражение, затем он кивнул.

— Роб отменил раздачу автографов?

Меня чуть не передернуло при воспоминании о разговоре с его агентом, еще одним мудаком, который мне не нравился. Честно, не удивлюсь, если он даже своей маме не нравился. Роб был таким придурком.

— Я сказала ему, но он так и не перезвонил, чтобы подтвердить, что отменил встречу. Я узнаю.

Он снова кивнул и наклонил это тело ростом метр девяносто три сантиметра, чтобы поднять свою сумку.

— Удостоверься в этом, — он замолчал. — В этом месяце день рождения Лесли. Ты отправишь открытку и подарок?

— Твое желание — закон, — все время, что я работала на него, Лесли был единственным человеком, кто получал подарки. Я и отдаленно не завидовала тому, что не получала даже простых слов «с днем рождения». Даже Зак ничего не получал, и я это знала, потому что иначе покупала бы подарок и ему. — О, и я сделала батончики из гранолы на случай, если ты захочешь взять что-то с собой, — добавила я, указывая на пластиковый контейнер у холодильника.

Он направился туда, открыл контейнер и вытащил два батончика, завернутых в вощеную бумагу, прежде чем забросить всю свою закуску в сумку.

— Завтра утром приезжай в тренажерный зал с камерой и завтраком. Я уезжаю рано и пробуду там до обеда.

— Конечно, — я сделала мысленную пометку поставить будильник на час раньше, чем обычно. Большую часть времени в Далласе после завершения сезона Эйден занимался кардионагрузкой дома, завтракал, затем поднимал вес и выполнял упражнения на выносливость с любым тренером, который почтил его своим присутствием. Иногда он просыпался раньше и отправлялся прямо в тренажерный зал.

Комплекс располагался на другой стороне города, так что мне придется приготовить завтрак у себя дома и поехать сразу туда. Или проснуться еще раньше, поехать к нему домой, который совсем не по пути, и уже затем поехать в зал. Нет, спасибо. Я едва выживала на обычных четырех или пяти часах сна. И не собиралась терять то малое, что у меня осталось.

Я отошла от кухонного стола и, подняв галлон воды, который набрала ранее, протянула ему, мой взгляд задержался на его толстой шее, потом я заставила себя посмотреть ему в глаза.

— Кстати, я поговорила с Тревором о своем увольнении, и он сказал, что начнет искать замену.

На секунду его темные глаза встретились с моими, лишь на долю секунды, холодные и отстраненные, как и всегда, прежде чем он отвел взгляд.

— Ладно, — он взял бутылку, забрасывая сумку на плечо.

Когда он уже был у двери, соединявшей гараж с кухней, я крикнула:

— Пока.

Он ничего не ответил, закрывая за собой дверь, но, думаю, он махнул пальцем или двумя. Или мне показалось.

Кого я обманываю? Конечно, показалось. Я просто была идиоткой, которая думала, что он поступит иначе. Я сама не была общительной, но Эйден превзошел меня.

Со вздохом я покачала головой и направилась в другой конец кухни, когда зазвонил мой

личный телефон. Быстро взглянув на экран, я ответила.

— Алло, — произнесла я, зажав телефон между ухом и плечом.

— Ванни, мне некогда болтать. У меня встреча через минуту, — быстро объяснил жизнерадостный голос на том конце. — Я просто хотела сказать тебе, что Родриго видел Сьюзи.

Между мной и Дианой повисла тишина. Две секунды, три, четыре. Тяжелая и неестественная. И опять что, Сьюзи делала то, что умела лучше всего, — все портила.

Я хотела спросить, уверен ли ее брат, Родриго, что видел именно Сьюзи, но не сделала этого. Если Родриго думал, что видел ее, значит, так и было. У нее было лицо, которое трудно спутать с чьим-то другим, даже после стольких лет.

Я откашлялась, говоря себе, что мне не надо считать до десяти, даже до пяти.

— Где? — мой голос прозвучал хрипло.

— Вчера в Эль-Пасо. На этой неделе Родриго поехал в гости к родственникам с Луи и Джошем и сказал, что видел ее в продуктовом около вашего старого района.

Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь.

Не-а. Этого недостаточно.

Я повторно начала считать до десяти. Тысячи различных мыслей пронеслись в моей голове от упоминания имени Сьюзи, и все они были ужасными. Каждая из них. Не надо быть гением, что понять, что она там делала. Лишь один человек, которого мы обе знаем, жил там. Я до сих пор отчетливо помню нашу старую округу.

Там мы познакомились с Дианой. Когда я еще жила с мамой, семья Дианы жила по соседству. У них был хороший дом — свежеекрашенные бело-голубые стены и лужайка с подстриженной травой; отец, который играл со своими детьми снаружи, и мама, которая целовала «бо-бо». Касиллас были семьей, которую я всегда хотела, когда была ребенком; когда обстановка накалялась, я находила единственное утешение в своем дневнике, а не в беспорядке за стенами моего дома.

Мы с Дианой были друзьями столько, сколько я себя помню. Я даже не могла сосчитать, сколько раз я ела в их доме с младшим братом, пока мама не потеряла над нами опеку. Диана всегда делала то, чего не делала моя семья, — присматривала за мной. Она была той, кто нашла меня... Прекрати. Перестань. Все это не стоит той энергии, потраченной на воспоминания о прошлом, которое я преодолела. Оно того не стоит.

— Ха. Понятия не имела, что она вернулась, — мой голос был безэмоциональным и звучал так же, как и в моей голове. — Неделю назад я разговаривала с мамой, и она ничего не сказала, — Диана знала, я говорила о настоящей матери. О человеке, который подарил мне и четверем сестрам и брату жизнь, а не о приемной маме на четыре года, с которой я до сих пор поддерживаю отношения.

От упоминания моей настоящей матери Диана издала тихий звук, который я чуть не упустила. Я знала, она не понимает, почему я стараюсь поддерживать с ней отношения. Честно, большую часть времени я об этом жалела, но я никогда не скажу об этом самому близкому для меня человеку во всем мире, потому что знаю, что она ответит, и этого я слышать не хотела.

— Подумала, ты захочешь знать об этом, если планировала поехать в гости, — наконец, пробормотала она.

Я не часто ездила в Эль-Пасо, но она была права. Теперь, когда знаю, кто там, я точно не захочу ехать.

— Мне правда надо через секунду уходить, Ванни, — быстро добавила моя лучшая подруга, прежде чем я смогла что-то ответить. — Но ты сказала Миранде, что уходишь?

«Миранда» влетела в одно ухо и вылетела из другого. Я так долго называла его так, что уже перестала замечать.

— Я сказала ему вчера.

— И?

Она просто не позволяла мне хандрить в моей реальности.

— Ничего, — не было смысла лгать или придумывать что-то, что сделает меня более значимой для Эйдена, чем есть на самом деле. Я никому не рассказывала о нем многого, из-за контракта о неразглашении, который подписала, когда только начала на него работать, но Диана знала достаточно, чтобы понять, почему его имя было сохранен в моем личном телефоне как Миранда Пристли из «Дьявол носит «Прада»».

— О, — прозвучал ее разочарованный ответ.

Да. Я тоже так подумала.

— Как только ты уйдешь, он будет скучать по тебе. Не переживай об этом.

Очень в этом сомневаюсь.

— Ладно, я должна бежать, клиент здесь. Позвони мне позже, Ван-Ван. Я заканчиваю в девять.

— Позвоню. Люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю. О! И подумай о том, чтобы я покрасила твои волосы, как только ты оттуда выберешься, — добавила она, прежде чем отключиться.

Комментарий Дианы заставил меня улыбнуться, и я улыбалась, когда шла в кабинет Эйдена, чтобы проверить его почту. Разговор с Ди всегда наделял меня хорошим настроением. Тот факт, что она была одной из самых спокойных личностей, которых я когда-либо встречала, часто успокаивал мою душу. Она никогда не наезжала на меня за то, что я так много работаю, потому что сама работала не меньше.

Но я говорила ей то же самое, что мой приемный отец сказал, когда мне было семнадцать, и я рассказала ему, что хочу продолжить заниматься искусством:

— Делай то, что должна, чтобы быть счастливой, Вани. Никто, кроме тебя, не сделает этого.

Я верила именно в это, когда рассказала приемным родителям, что хочу поехать учиться в колледж за тысячи километров отсюда, и что я говорила себе, когда не получила стипендию, а моя финансовая помощь была каплей в море, которая никак не могла помочь мне оплатить обучение.

Я собиралась сделать то, что должна, даже если это подразумевало под собой оставить брата, к слову, с его полного благословения. Я сказала ему то же самое, когда он получил предложение стипендии от колледжа сразу после того, как я вернулась обратно в Техас, чтобы быть ближе к нему.

Иногда было легче говорить другим, что они должны делать, чем следовать своим же советам.

Это был истинный корень моих проблем. Я была напугана. Мне было страшно, что мои клиенты исчезнут, а работы провалятся. Страшно, что однажды я проснусь без вдохновения с открытой программой фото-редактирования.

Переживала, что то, ради чего я столько работала, разобьется и сгорит, и все отправится к черту. Потому что я на собственном примере знала: жизнь может вести вас в одном

направлении, а в следующий момент уже повернуть совершенно в другую сторону.

Потому что неожиданности именно такие — они не склонны вписывать себя в график и оповещать, что заскочат раньше времени.

«*Это место пахнет как подмышки*», — думала я, проходя мимо оборудования для кардиотренировок в здании, где Эйден тренировался с тех пор, как вернулся из Колорадо.

Это место располагалось в бизнес-складском районе на окраине Далласа и имело в наличии все необходимое оборудование для всех уровней упражнений по поднятию веса, для плиометрических упражнений, физкультуры, силовых упражнений и силового троеборья. Само здание было новым, невзрачным, его легко было пропустить, если не знаете, что именно ищете.

Учреждение открылось три года назад, и владелец не жалел никаких средств на каждый квадратный сантиметр этого зала. Он знаменит тем, что в его стенах тренировались одни из самых элитных атлетов в мире в широком диапазоне всех видов спорта, но я уделяла внимание лишь одному из них.

Расписание Эйдена было последовательным все два года, сколько я находилась рядом с ним, учитывая все, что случилось за последние десять месяцев. После того, как футбольный сезон закончился, и Эйден смог снова приступить к тренировкам, он отправился в маленький городок в Колорадо, где на два месяца снимал дом какого известного бывшего футболиста.

Там он тренировался со своим тренером из старшей школы. Я никогда не решалась спросить, почему из всех мест он выбрал именно это, но исходя из всего, что я о нем знала, полагаю, он наслаждался времяпровождением вдали от прожекторов. Поскольку он один из лучших игроков НФЛ, около него всегда кто-то был, что-то спрашивал, что-то говорил, а Эйден был не очень-то общительным и дружелюбным человеком.

Он был одиночкой, который оказался так хорош в своем деле, и внимание ему было навязано с первого дня, как он подписал контракт. По крайней мере, это то, что я вычитала из огромного числа статей, которыми потом поделилась на его социальных страничках, и узнала из сотни интервью, на которых сидела рядом с ним. Это то, что сопровождало его на пути к становлению лучшим, — потому что так фанаты, и даже люди, которые не были фанатами, называли его.

С такой рабочей этикой, как у него, я не была удивлена.

После его затворничества посреди неизвестности — я ездила с ним дважды, потому что он, вероятно, не мог жить без повара и уборщицы — мы, вернулись обратно в Даллас, а его тренер из старшей школы вернулся обратно в Виннипег. И затем Эйден продолжал работу над другими аспектами своей реабилитации с другим тренером, пока «Три Сотни» не вызвали его в июле в тренировочный лагерь.

Через пару недель начнутся официальные тренировки, и сумасшествие, которое окружает сезон НФЛ и игрока высочайшего класса, вернется снова. Но на этот раз я не буду частью всего этого. Мне не придется просыпаться в четыре утра или ездить повсюду, как сумасшедшая, исполняя сотню различных поручений, которые, кажется, появляются, когда он занят.

В августе вместо планирования меню для двух тренировок в день и предсезонных игр, я буду в своей квартире, просыпаться, когда мне, черт побери, этого захочется, и не обслуживать ничьи нужды, кроме своих собственных.

Но это вечеринка, которую я отложила на будущее, когда не буду занята высматриванием Эйдена, а мои руки будут свободны.

За кардиотренажерами и двойными вращающимися дверями находилась главная часть тренировочного центра. Во вместительном зале, размер которого достигал двухсот квадратных метров, моему взору предстал красно-белый декор. Половина пола была похожа на дерн, а вторая — легкое черное покрытие, она предназначалась для тренировок с весом. В шесть утра в помещении находились лишь десять человек, которые рассредоточились по всему залу. Часть из них была похожа на футболистов, остальные — на атлетов других видов спорта.

Мне просто необходимо было высмотреть самого большого из них, и у меня ушла всего секунда на то, чтобы заметить большую голову в торфяной секции у покрышек весом пятьсот килограммов. Да, пятьсот килограммов.

И я думала, что я была силачкой, когда относила все пакеты с продуктами в квартиру за один заход.

В нескольких шагах от меня стоял знакомый человек, наблюдающий за Виннипегской Стеной. Найдя место немного в стороне, но все еще достаточно, чтобы сделать хорошую фотографию, я села на маты, перпендикулярно от Эйдена и его тренера. Скрестив ноги, я вытащила зеркальную камеру, которую, полагаю, он специально купил для этого примерно год назад.

Одной из моих обязанностей было обновление его социальных страниц и общение с фанатами; его спонсоры и фанаты наслаждались не постановочными фотографиями с его тренировок.

Пока я устраивалась, никто не обращал на меня внимания; они все были слишком заняты, чтобы смотреть по сторонам. Вытащив оборудование из сумки, я стала ждать идеальный кадр.

В объективе черты Эйдена были мельче, мускулы прорисовывались не так детально, как тогда, когда вы видели их вживую. За прошедшие две недели он сократил количество потребляемых им калорий, чтобы сбросить пять килограммов до начала сезона.

Вены на его плечах вздулись, пока он маневрировал с огромной тракторной шиной, приседая перед ней на корточки, из-за чего все мышцы на задней поверхности его бедер выглядели более впечатляющими, чем обычно. Я даже увидела ямочку, проявившуюся на задней части его бедра от того, как сильно были развиты его подколенные сухожилия.

Там так же были эти бицепсы и трицепсы, и многие думали, что они достигли такого размера благодаря стероидам, но я из первых рук знала, что тело Эйдена поддерживалось огромным количеством еды на растительной основе. Ему даже не нравилось принимать лекарства не по рецепту.

Когда он заболел в прошлый раз, упрямая задница отказался принимать даже те антибиотики, что ему выписал врач. Я даже не стала заполнять рецепт на обезболивающее, которое выписали ему после операции, что стало причиной, почему он был таким угрюмым. Я уже не говорю о его отвращении к лаурилсульфату натрия, консервантам или парабенам. *(Примеч. Лаурилсульфат натрия — натриевая соль лаурилсерной кислоты, анионоактивное поверхностно-активное вещество. Представляет собой амфифильное вещество, применяющееся в промышленности как сильное чистящее и смачивающее средство, машинных маслах, при производстве большинства моющих средств, шампуней, зубной пасты, косметики для образования пены. Может быть сильным аллергеном для человека.*

Парабены — сложные эфиры пара-гидроксибензойной кислоты, широко используемые в качестве консервантов в косметической, фармацевтической и пищевой промышленности благодаря антисептическим и фунгицидным свойствам).

Стероиды? Ну да, как же.

Я сделала несколько фотографий, пытаюсь получить действительно хорошую. Его поклонницы постоянно сходят с ума из-за снимков, демонстрирующих мощь, сдерживаемую в этом великолепном теле. А когда на нем еще и узкие шорты, и он наклоняется. «Бам. Я беременна», — написала одна из его фанаток на прошлой неделе, когда я опубликовала фотографию, на которой Эйден делает приседания. Я почти выплюнула воду изо рта.

После таких фотографий его почтовый ящик ломился от писем. Фанаты получали то, что хотели, а Эйден совершенно не возражал. К счастью для него, между семестрами я посещала курс фотографии в местном общественном колледже в надежде найти подработку на лето в качестве свадебного фотографа.

Шина начала переворачиваться. Лицо Эйдена исказилось, пока пот стекал по его вискам и толстому, пяти сантиметровому шраму, который располагался вертикально вдоль линии волос и исчезал под щетиной, отросшей за ночь. Я слышала, как люди обсуждали его шрам, когда не знали, что я слушаю. Они думали, он заработал его во время пьянки в колледже.

Но я-то знала.

Сквозь призму лицо Эйдена напряглось, и тренер, находившийся рядом, подбадривал его. Я сделала еще несколько фотографий, подавляя сонный зевок.

— Эй, ты, — прошептал голос слишком близко у моего уха.

Я замерла. Мне не надо было оборачиваться, чтобы знать, кто это. Был лишь один человек в группе людей, окружающих Эйдена, из-за которого мой радар, засекающий придурков, зашкаливал.

«И, вероятно, ты увидишь его еще лишь пару раз», — сказала я себе, когда меня накрыло желание дернуться.

К тому же, что-то мне подсказывало, что если я покажу, как он мне неприятен, ситуацию это не улучшит, а я вроде как не собираюсь рассказывать Эйдену, что от члена его команды у меня мурашки по коже бегут. Если я не рассказала Заку, который был моим лучшим другом, что из-за Кристиана я некомфортно себя чувствую, то чертовски точно не скажу об этом человеку, который даже не являлся моим другом.

Но это правда. Когда я появлялась на мероприятиях, связанных с командой «Три Сотни», я заботилась о своих собственных делах и была милой с теми, кто был добр ко мне. Тревор вбил мне в голову, что меня должно быть не видно и не слышно. Внимание всегда должно быть на Здоровяке, а не на каком-то диком ассистенте, и меня все это абсолютно устраивало.

Натянув на лицо фальшивую, вымученную улыбку, даже если я не смотрела ему в лицо, я удерживала камеру на месте, готовая к действию.

— Привет, Кристиан. Как ты? — спросила я дружелюбным тоном, который мне пришлось выдавливать из себя, с легкостью игнорируя привлекательные черты, за которыми скрывался мужчина, отстраненный от нескольких игр из-за драки в клубе.

Полагаю, это многое говорит о нем, потому что, кто совершает такие глупые поступки? Он зарабатывает миллионы в год. Лишь настоящий идиот ставит под угрозу нечто хорошее.

— Отлично, ведь теперь здесь ты, — ответил придурок Кристиан.

Я почти застонала. Я не знала, что он тренируется в том же месте, что и Эйден. Сомневаюсь, что и Эйден знал об этом, да его и не волновало подобное.

— Делаешь фотографии Грэйвса? — спросил он, опускаясь на пол около меня.

Я поднесла фотоаппарата ближе к глазу, надеясь, что он поймет — я слишком занята, чтобы болтать.

— Ага, — чьи еще фотографии мне делать? Я сделала еще пару кадров того, как Эйден снова и снова переворачивал крышку и каждый раз приседал в позицию, широко расставляя ноги.

— Как у тебя дела? Сколько времени прошло с тех пор как мы виделись в последний раз?

— Хорошо, — было ли это циничностью — давать подобные расплывчатые ответы? Да, но я не могла найти в себе силы быть с ним мягче после того, что он сделал. Плюс, он чертовски хорошо знал, как много времени за сезон Эйден провел вне игры. Он был звездным игроком команды. С тех пор, как он получил травму, кто-то из команды постоянно общался с ним.

Кристиан не мог не знать о прогрессе Эйдена. Казалось, каждый раз, когда я переключала спортивные каналы, какой-нибудь ведущий или еще кто-то строили предположения по поводу будущего Эйдена.

Жар его тела приник к моему плечу.

— Грэйвс очень быстро встал на ноги.

Через объектив я заметила, что Эйден смотрит в мою сторону, в паре шагов от него стоит тренер, что-то записывая на планшете, который держит в руках.

Я разрывалась между желанием помахать и встать, но Эйден предотвратил любое мое движение, громко произнеся:

— Теперь можешь уйти.

Теперь можешь...

Опустив фотоаппарат на колени, я пялилась на него, прижимая чуть ближе к лицу очки указательным пальцем. Я неправильно расслышала, не так ли?

— Что ты сказал? — тихо переспросила я, так, чтобы только он мог меня услышать.

Он даже не моргнул, повторяя свои слова:

— Теперь можешь уйти.

Теперь можешь уйти.

Я глазела на него. Сердце пропустило глухой удар. Я сделала резкий вдох.

Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять.

— Отплати им добром, — сказала мама Дианы, когда я рассказала ей об издевательствах сестер. Я не принимала ее слова во внимание, когда дело касалось семьи, но они приобрели смысл, как только я повзрослела и пришла пора мириться с заскоками других людей.

Когда ты милая и улыбаешься, вместо грубости в ответ человеку, который ведет себя как мудака, то придурки еще больше выходят из себя.

Хотя, в некоторых ситуациях, когда такое происходит, люди могут подумать, что у тебя просто повреждение головного мозга, но это риск, который я готова была принять.

Но в данной ситуации, в данный момент, заставить себя не послать Эйдена прилюдно было намного сложнее, чем обычно.

Одно дело, когда он игнорирует меня, а я пытаюсь быть игривой с ним, или говорю

«пока» и «доброе утро», но когда он ведет себя так перед другими людьми? То есть, он не был, конечно, плюшевым медвежонком даже в хорошие дни, но обычно он не ведет себя, как самый отпетый придурок. И не тогда, когда мы среди людей.

Раз, два, три, четыре, пять. Я справлюсь.

Я приподняла брови и посмотрела на него так, будто ничего не произошло, даже если внутри я кипела и задавалась вопросом, как вызвать у него диарею.

— В чем, черт побери, его проблема? — пробормотал Кристиан себе под нос, пока я убираала камеру в чехол, а затем в сумку. Я не могла решить, мне уйти как можно быстрее или остаться здесь, потому что он лишился своего гребаного рассудка, если думал, что я буду исполнять его приказы, когда он так со мной разговаривал.

На меня снизошло напоминание, что мне больше не нужно терпеть его ужасное поведение, и я распрямила плечи. Я принимала, когда он был отстраненным и холодным. Справлялась, когда ему было абсолютно плевать на меня, но смущать меня перед другими людьми? Я многое могла забыть и игнорировать.

Раз, два, три, четыре, пять, шесть.

— Он всегда такой? — вырвал меня из мыслей голос Кристиана.

Я пожала плечом, с трудом удерживая себя от того, чтобы не засунуть ногу в рот тому, кто был практически незнакомцем, даже если человек, о котором идет речь, не был в моем списке людей, кого я бы вытащила из горящего здания.

— Он хороший босс, — принужденно выдала я вежливый ответ, поднимаясь на ноги. — Я не принимаю это на свой счет.

Обычно.

— Мне все равно пора идти. Увидимся, — произнесла я, надевая ремешок сумки на плечо и поднимая мешок-термос с едой Здоровяка.

— Уверен, скоро увидимся, — заметил он, его тон был слишком веселым, слишком фальшивым.

Я кивнула, прежде чем заметила, что Эйден опустился на колени на торф, на лице совершенно бесстрастное выражение. У меня нехорошее предчувствие, что он практически готов заорать на меня, требуя остановиться, поэтому я остановилась напротив крышки. Он был потным, майка липла к мускулам его груди как вторая, но более бледная кожа. Его лицо напряженное, почти скучающее — так что все в норме.

Я пыталась успокоить свои слова и сердце. Замешательство, гнев и, честно, боль залегли в моем желудке, пока я наблюдала за ним.

— Что-то не так? — спросила я медленно, уверенно постукивая пальцами по шву чехла его камеры и по своим вещам внутри.

— Нет, — ответил он резко, как говорил всегда, когда я спрашивала, не хочет ли он на ужин что-то с фенхелем.

Я откашлялась и вытерла руку о шов штанов, настороженно считая до трех.

— Ты уверен?

— А что может быть не так?

«То, что ты огромный мудака», — подумала я.

Но прежде чем я смогла что-то ответить, он продолжил:

— Я плачу тебе не за то, чтобы ты сидела и болтала.

О, нет.

Он наклонился всей верхней частью своего тела к ноге в глубокой растяжке.

— Ты принесла мой завтрак?

Я пыталась быть терпеливой. Правда. Большую часть времени у меня было терпение, как в зоне строгой изоляции. Когда у тебя три старших сестры, которые не уважают ничьи границы, и младший брат, фразы «это мое» не существует. Должна добавить, мои чувства нелегко задеть, и в 99 % случаев я не держу зла на своего брата или сестер, когда они говорят нечто, о чем пожалеют позже.

Но вот в чем проблема, Эйден не был моим братом. Он даже моим другом не был.

Я многое могла вытерпеть, но я больше не обязана терпеть подобное от него.

В этот момент я поняла, что закончила со всем этим. С меня хватит. Конец.

Может быть, я была чертовски напугана своим уходом, но я бы предпочла сыграть в азартную игру на себя, чем остаться здесь и принимать оскорбления от того, кто был ничем не лучше меня.

Спокойно, спокойно, спокойно, вместо злого звона в ушах, я сосредоточилась на его вопросе и ответила, мой голос был тверд:

— Да, — я подняла сумку, которую он точно заметил, когда я шла к нему.

Эйден заворчал.

Я уважала Эйдена за решительность, сосредоточенность и логику, но иногда...

Меня раздражало, как слеп он был ко всему остальному в своей жизни. Все то время, что я на него работала, он все еще не мог одарить меня чем-то большим, чем редкие «спасибо» или «вкусный ужин». Конечно, я знала, что не должна ожидать благодарности за сделанное только потому, что это было частью хороших манер, но все равно.

Я могла на пальцах одной руки пересчитать, сколько раз он мне улыбался или спрашивал «как дела». На одной чертовой руке. Я была той, кто исполнял «роль», но на моем месте мог быть любой другой человек, и это не имело бы никакого значения.

Я хорошо справлялась со своей работой, почти никогда не жаловалась и всегда делала то, что должна была, даже если не хотела. Старалась быть с ним милой, дурачилась, даже при том, что его это не волновало, потому что... что это за жизнь, когда ты все воспринимаешь слишком серьезно?

Но он только что прямо перед людьми сказал мне «испариться».

— Это все? — вырвал меня из моих мыслей грубый голос Эйдена. — Мне надс закончить упражнения.

И в этот момент мою грудь пронзило облегчение. Я почувствовала... будто могу дышать. Стоя там, я ощущала себя хорошо.

— Да, это все, босс, — я сглотнула, нацепила фальшивую улыбку на лицо и ушла оттуда с высоко поднятой головой, думая, что с меня достаточно. Я здесь закончила.

Что с ним не так?

Я десятки раз оказывалась рядом с Эйденем в его плохие дни. Плохие дни Эйдена Грэйвса не были в новинку или чем-то особенным. Даже тренировки с командой «Три Сотни» были для него серьезным делом. Каждая ошибка, что он совершал, была подобна удару в его душу, и он заикливался на этом. В прошлом он часто говорил подобное в интервью, как лежит в кровати и снова и снова проигрывает в голове игру, пока не засыпает.

Он капризничал в солнечные дни, и когда было облачно. Я могла бы справиться с ворчливым мужчиной, который предпочитал собственную компанию. Обычно он просто пялился и немного рычал.

Не проблема. Он не бросался вещами и не кричал.

Но вести себя со мной как мудака на публике? Говорить подобное? Это было в новинку даже для него, и, вероятно, поэтому я так плохо с этим справлялась. Иногда худшее то, что тебе приходится выслушивать, завернуто в сладкий тон и спокойные голоса.

Из здания я вышла рассеянная. Я даже вела машину, бормоча себе под нос. Двадцать минут спустя я заехала в микрорайон, где жил Эйден, и как обычно припарковалась на улице. Когда открыла входную дверь, поняла, что что-то не так, когда охранная сигнализация не запищала.

Сигнализация не пищала.

— Зак, — крикнула я, потянувшись в сумочку за перцовым баллончиком, когда пересекла кухню и двинулась к двери, что вела в гараж, проверить, была ли там машина.

Ушла я не далеко.

Около холодильника на черной столешнице кто-то сидел, свесив вниз длинные ноги в коричневых кожаных ковбойских ботинках. Мне не надо было осматривать верхнюю половину тела. Я знала, что увижу: выцветшую футболку, красивое лицо, светло-каштановые волосы, спрятанные под черным стэтсоном, который он носил годами.

Закари Джеймс Трэвис развалился на столе с пачкой чипсов на коленях. Ростом метр девяносто два, Зак был запасным квотербеком в даллаской команде «Три Сотни». Переживший одну травму за другой, в прошлом техасская звезда из Остина, последние шесть лет карьеры был в себе крайне неуверен. Или так говорят спортивные аналитики.

Но это был не тот Зак, которого я знала. Он был моим приятелем с его протяжным южным акцентом, одеждой, которая говорила всем, что единственное, о чем он переживает, чтобы она была чистой и удобной, и улыбкой, от которой все женщины падают в обморок.

И я не видела его почти три месяца, так как он вернулся домой после окончания сезона.

Хотя, в данный момент, я не сильно скучала по нему.

— Ты чуть не получил перцовым баллончиком в лицо! Я думала, ты приезжаешь на следующей неделе, — одну руку я прижимала к колотящемуся сердцу, другой сжимала перцовый баллончик.

Когда он опустил ноги на пол, я, наконец, позволила своим глазам заметить, что он стоит там, широко распахнув свои объятия, с огромной улыбкой на лице. Он выглядел свежее, более загорелый, и, судя по его талии, может, немного поправился.

— Я тоже скучал по тебе, дорогая.

Временно отодвинув завесу дерьмового настроения Эйдена, которая поселилась в моей голове, я не могла не улыбнуться.

— Что ты здесь делаешь?

— Подумал, меня не убьют, если я приеду чуть раньше, — объяснил он, обходя кухонный островок и вставая передо мной, значительно возвышаясь над моим метром семьдесят четыре. Прежде чем мы смогли произнести хоть слово, он крепко обнял меня.

Я обняла его в ответ.

— Единственный человек, который может вскоре умереть — сам-знаешь-кто. Я несколько раз за последние несколько месяцев почти отравила его еду, — я вдохнула его запах и чуть не рассмеялась над ароматом «Олд Спайс», которым он настойчиво пользовался.

— Он все еще жив? — протянул Зак вопрос лениво, но серьезно.

Раздумывая над комментарием Эйдена в спортзале, я насупилась в рубашку Зака.

— Едва.

Как только Зак отстранился, улыбка на его лице испарилась, и он прищурился, пока изучал мое выражение лица.

— Ты хреново выглядишь, сладкая. Ты не спишь? — спросил он, продолжая рассматривать, как я была уверена, мои круги под глазами.

Я пожала плечами под его ладонями. Какой смысл лгать?

— Недостаточно.

Он знал, что на меня лучше не наезжать по этому поводу; вместо этого он просто покачал головой. На секунду я подумала о том, как Эйден отреагировал бы на мои обычные четыре-пять часов сна. Он с большой религиозностью относился к ежедневному выходу в свет с восьми до десяти, когда должен уже спать. И это тоже была одна из причин, почему у него не было друзей. Мысли об Эйдене напомнили мне о недавнем разговоре, и что я не разговаривала с Заком две недели.

— Я, наконец, сказала Эйдену, — выдала я.

Он удивленно открыл рот и распахнул светло-голубые глаза.

— Правда?

Зак знал о моих планах. Вскоре после того, как мы познакомились поближе, однажды он заметил, как я работаю на своем планшете, пока готовлю обед, и спросил, чем я занимаюсь. Я ответила.

Он просто улыбнулся мне и ответил.

— Без шуток, Ван. Ты занимаешься веб-сайтами и всем остальным?

С тех пор я переделала логотип его личного веб-сайта — после того как настояла, как много хороших идей они предоставляют ему для продвижения — и создала несколько баннеров для его социальных страничек. Результат — он нашел мне работу среди нескольких игроков в команде.

Я вознесла руки вверх и улыбнулась.

— Я сделала это. Я сказала ему, — практически пропела я.

— Что он ответил? — спросил самый пронырливый мужчина, которого я когда-либо встречала.

Я боролась и проиграла в борьбе с гримасой, появившейся на моем лице от воспоминания о том, что Эйден почти ничего не сказал.

— Ничего. Просто сказал предупредить Тревора.

Одна из светло-каштановых бровей Зака дернулась.

— Ха.

Я проигнорировала его. Не важно, что Зак думал о том же, что и я: какое дерьмовое отношение.

— Ура, — пробормотала я, потому что воспоминания об Эйдене исчезнут не скоро.

Мгновение Зак пристально рассматривал меня, прежде чем стереть с лица эмоции, и стукнул меня по плечу достаточно сильно, чтобы я почувствовала.

— Сейчас самое время.

Я потеряла руку.

— Я знаю. И испытываю облегчение от того, что, наконец, все рассказала. Но между нами, меня до сих пор тошнит, когда я об этом думаю.

Секунду он наблюдал за моей рукой, прежде чем вернуться обратно к кухонному островку. Повернувшись спиной ко мне, он произнес:

— Ой, все у тебя будет хорошо. Когда ты уйдешь, я буду чертовски скучать по твоему

мясному рулету, но не все из нас ради выживания занимаются тем, что любят. Я рад, что ты, наконец, присоединилась к клубу, милая.

Иногда я не понимала, почему не была безумно влюблена в Зака. Он немного самовлюбленный, но он профессиональный футболист, так что это не неожиданная черта. Плюс, он высокий, а я люблю высоких парней. И, в конце концов, все, что я чувствую, и всегда чувствовала к Заку, — это дружба. Тот факт, что я несколько раз покупала ему крем от геморроя, вероятно, помог установить границы нашей дружбы.

— Я приготовлю тебе мясной рулет, когда ты захочешь, — ответила я ему.

— Это ты сказала, — Зак взял банан из металлической чаши рядом с холодильником. — Я чертовски рад это слышать.

Я пожалала плечами, счастливая, но все еще слегка нервная из-за ситуации, несмотря на то, что знала — на это нет причин.

— Я тоже.

На мгновение я задумалась над тем, чтобы рассказать ему, как Эйден вел себя час назад, но в чем смысл? У них была абсолютно противоположная индивидуальность, и я знала, иногда они надоедали друг другу. Правда, когда я об этом думала, меня интересовало, как или почему они до сих пор живут вместе. Они мало времени проводят вместе или занимаются тем, что делают друзья.

Но с парнем, который чувствует себя настолько неопределенно из-за своей позиции в команде, что не хочет покупать дом, и другим, который даже не был гражданином Америки, полагаю, они оба оказались в странных ситуациях.

— Как долго ты?.. — начал Зак, когда зазвонил его телефон. Подмигнув, он вытащил его из кармана и сказал. — Дай мне секунду, это, черт, Тревор.

Ох. У них с Эйденем один менеджер. Вот как они стали жить вместе.

— Он знает? — спросил он, указывая на освещенный экран телефона.

Я сморщила нос.

— Он отключился, когда я с ним разговаривала.

Это вызвало у Зака смех.

— Дай мне узнать, чего он хочет. Потом расскажешь, что он сказал.

Я снова кивнула и наблюдала, как он ответил на звонок и направился в гостиную. Положив сумку на стол, я начала убирать кухню, в последнюю минуту напоминая себе, что сегодня день мусора. Выгаскивая мусорный пакет, я надела новый и отправилась в гараж, чтобы взять городской мусорный бак.

Я нажала на кнопку, чтобы открыть гараж. Задержала дыхание, прежде чем открыть верхнюю крышку, забросить внутрь пакет и затем выкатила бак по подъездной дорожке к обочине. Когда я все сделала, мимо по улице в спокойном темпе пробежала женщина, направляясь в сторону, где начинался пешеходный маршрут.

Иногда мысли, близкие к зависти, заполняли мой желудок. Я опустила взгляд на свое колено и слегка согнула его, зная, что смогу бегать, если захочу, но большую часть времени я была слишком усталой. Годы физиотерапии сделали многое, и я знала, мое колено будет болеть меньше, если я буду постоянно заниматься, но у меня просто не было времени... а когда время было, я проводила его, занимаясь другими делами.

Что за оправдания, не правда ли?

Я хотела, чтобы в моей жизни было все это...

Я уже объявила, что уйду, и все, кажется, в порядке. Или, по крайней мере, все могло

быть хуже, чем есть на самом деле. Может, пришло время начать работать над тем, чем я хочу заниматься. Последние несколько лет я была так сфокусирована на том, чтобы построить собственный бизнес, что отложила в сторону сотни других дел, которыми хотела заниматься с тех пор, как была ребенком.

К черту.

У меня всего одна жизнь, и я, правда, не хочу сидеть, сложа руки, и не заниматься тем, чем хочу.

Пришло время, черт возьми.

Часто, когда у тебя плохой день, ты не знаешь, что он станет еще хуже, пока не становится слишком поздно; ничего не происходит, когда ты уже оделась, съела завтрак, вышла из дома, и уже поздно возвращаться домой и притворяться больной... и бам! Сигналы ударяют тебя прямо в лицо, и ты знаешь — твой день сразу стал дерьмовым.

Я проснулась в пять утра, раньше, чем обычно, потому что весь день пройдет в делах; от кофеварки исходил приятный аромат; будильник надрывался самой отвратительной мелодией, которая в нем только запрограммирована. Я приняла душ, надела широкий ободок, чтобы волосы не падали на лицо, нацепила тонкие красные подрезанные штаны, блузку с короткими рукавами, балетки и очки.

Два моих телефона, ноутбук и планшет до сих пор вместе лежали на кухонном столе. Я собрала свои вещи, налила кофе в кружку-термос и вытащила свою задницу из квартиры, а небо до сих пор оставалось сонным.

Я умудрилась дойти до парковки, когда все начало выходить из-под контроля. На мне были чертовы балетки. Квартирный комплекс был слишком дешевым, чтобы снаружи работали фонари, так что на замену шины у меня ушло в три раза больше времени, чем обычно, и в процессе я испачкала свои штаны. Я уже опаздывала, так что не вернулась переодеваться.

К счастью, оставшуюся часть пути я проехала без происшествий. Ни в одном из домов, которые окружали жилище моего босса, не был включен свет, так что мое обычное место у дома в четыре тысячи квадратных метров оказалось пустым. Я зашла через входную дверь, отключила охранную сигнализацию и направилась напрямиком на кухню, когда наверху загревели трубы.

Я надела фартук, который висел на крючке в углу кухни, потому что одного пятна за два часа было достаточно. Вытащила фрукты из морозилки, капусту и морковь, которые помыла и приготовила вчера, достала из холодильника, высыпала в измеритель тыквенные семечки из стеклянной емкости на стойке и закинула все это в блендер за пять сотен долларов, который располагался на кухонной стойке.

По утрам, когда он не уезжал из дома на тренировки, он выпивал большой смузи, немного занимался дома, а после приступал к «нормальному» завтраку. Если двухлитровый напиток можно считать закуской.

Смешав ингредиенты, я разлила смесь в четыре больших стакана и поставила порцию Эйдена перед его любимым местом у кухонного островка. Затем достала два яблока и положила их рядом со стаканами со смузи. Как по часам, грохот на лестнице предупредил меня, что Виннипегская Стена направляется сюда.

Между нами существовала рутина, которая не нуждалась в словах.

Второй сигнал о том, что сегодня не мой день, показал хмурый взгляд на лице Эйдена, но мое внимание было слишком сильно сфокусировано на мытье блендера, чтобы это заметить.

— Доброе утро, — произнесла я, не оглядываясь.

Ничего. Я до сих пор не отказалась от приветствий, даже если знала, что он не ответит; мое воспитание не позволило бы мне.

Так что я делала свои дела, мыла грязную посуду, пока мужчина напротив меня сидел на стуле и пил свой завтрак. Затем, когда был готов, он нарушил тишину низким, сонным и хриплым ото сна голосом.

— Какие планы на сегодня?

— У тебя в девять интервью на радио.

Он проворчал, что знает об этом.

— Люди из новостей со второго канала приедут сегодня.

Еще ворчание, но это было произнесено с еще меньшим энтузиазмом.

Я его не винила; но и не понимала, зачем его менеджер вовлекал во всю эту публичность в местных новостях. Одно дело, когда он давал интервью в гостинице в комнате для журналистов после игры или в раздевалке, но в собственном доме? Весь вчерашний день я провела за уборкой в гостиной и на кухне, готовясь к этому.

— Потом у тебя официальный обед в центре, на который нас пригласила организация, куда ты жертвуешь деньги. В прошлом месяце ты сказал, чтобы я все подтвердила, — после того, как я произнесла эти слова, я смерила его взглядом, наполовину ожидая, что он передумает и не пойдет.

Он этого не сделал. Он кивнул как младенец, и такой кивок очень легко было не заметить

— Хочешь, чтобы я пошла с тобой? — спросила я, просто чтобы убедиться. Я почти всегда сопровождала его в Далласе, но если я могу этого избежать, я сделаю это.

— Да, — сонно проворчал он в ответ.

Черт возьми.

— Ладно. Мы должны выехать в восемь, чтобы благополучно доехать.

Он поднял пару пальцев, признавая мои слова или соглашаясь, не важно. Пять глотков смузи спустя он встал и протянул мне пустые стаканы.

— Я буду в зале. Предупреди меня за пятнадцать минут до выхода, чтобы я успел принять душ.

— Будет исполнено, босс.

— Ванесса!

Я заглянула в зеленую комнату, в которой Эйден сидел до начала интервью, и нажала на отправку сообщения младшему брату, прежде чем убрать личный телефон в задний карман джинсов.

— Да, сэр, — крикнула я.

— Я хочу больше воды, — ответил он. Эйден сидел на краю дивана, занятый чем-то в своем телефоне. Он не отвечал на сообщения фанатов, пока я не начинала настаивать на этом, и не оплачивал собственные счета, и лично не публиковал что-то на социальных страничках. Это было моей работой. Что именно он делал, вне моего понимания.

Но меня не настолько это волновало, чтобы шпионить.

— Хорошо, скоро вернусь, — ответила я, пытаясь вспомнить, где видела комнату

отдыха.

У меня ушло больше времени, чем планировалось, на поиск аппарата с напитками, потому что, конечно, ни одного работника радио не оказалось в коридоре, когда мне это было так нужно. Но я купила две бутылки на деньги, что были у меня, и нашла обратную дорогу в зеленую комнату.

— Ты ехала до самого Фиджи, чтобы достать воду? — резко спросил Эйден, когда я зашла. *(Примеч. Имеется в виду архипелаг Фиджи, расположенный в южной части Тихого океана, к северу от Новой Зеландии).*

Что?

Я нахмурилась и моргнула. Я сфокусировалась на своем боссе и том факте, что на диване, перпендикулярно ему, сидели две девушки, и я заметила сиськи в низком вырезе блузки и слишком много макияжа. О них я не беспокоилась. Мое внимание было сосредоточено на моем боссе. Моем временном боссе. «Временный босс», — напомнила я себе.

— Что-то не так? — спросила я аккуратно, стоя там и смотря ему прямо в глаза, а две девушки заерзали на своих местах, как когда ты ребенок, а родители твоего друга отчитывают его прямо перед тобой; это было неловко.

Он посмотрел мне в глаза, его ответ был больше похож на хлопок, чем на заявление.

— Нет.

Нет.

Зачем я вообще задала этот глупый вопрос? Правда. На мгновение, я подумала о том, чтобы держать рот на замке, но это плохое настроение устарело очень быстро. Его обычная раздражительность — это одно дело, но сейчас все совершенно иначе.

То, что он снова повел себя как козел в публичном месте не так страшно, потому что легко это все проигнорировать и забыть, так как я не знаю этих женщин в комнате и никогда их больше не увижу. То, что он сказал перед Кристианом, — это уже другая история.

Пригладив материал своего ободка, я смотрела только на покрытое щетиной лицо.

— Знаю, в мои обязанности не входит что-то говорить, но если ты хочешь о чем-то поговорить... — мой голос был грубым, гнев пронизывал каждый слог.

Все его внимание было сосредоточено на мне. Здоровяк выпрямился и положил телефон на свое бедро. На нем были надеты обычные мешковатые шорты и футболка.

— Ты права. Я плачу тебе не за твоё мнение.

Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять.

Я поборола ощущение, сжигающее мой пищевод, и взяла себя в руки. Я знала, каково это, когда к тебе придираются. Знала, каково это, когда с тобой обращаются, как с дерьмом, люди, о которых должна заботиться.

Я не собираюсь плакать из-за Эйдена. Я не реву из-за людей, которые не заслуживают моих слез, и Эйден — особенно чертов Эйден — не будет человеком, который сломает меня. Не сейчас, никогда.

Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять.

Он прав. Я его личный ассистент, и за это он платит мне, не важно, как сильно я сжимаю зубы. Скоро я уйду. Больше он не будет моей заботой. Кусая внутреннюю сторону щеки, я заставляю себя переступить через это и задуматься о ситуации позже, и понимаю, что это самое тяжелое, что я когда-либо делала.

Я поставила две бутылки на стол, мое дыхание напоминало драконье, и спокойным,

ровным голосом спросила:

— Тебе нужно что-то еще прямо сейчас?

— Нет, — пробормотал грубый мудака.

Я улыбнулась ему, даже если уверена, что мои ноздри раздуваются, и продолжила игнорировать женщин, которые встали на ноги. Мне не надо было спрашивать, чтобы понять, они сами себя пригласили сюда, и теперь жалеют о своем решении. Хорошо.

— Тогда я буду снаружи.

Я вылетела оттуда и, сжав кулаки, прижалась спиной к стене рядом с дверью. Секунду спустя появившиеся волшебным образом незнакомки покинули комнату, две темноволосые головы склонились друг к другу, пока они удалялись по коридору из моего поля зрения.

Не в первый раз женщины пытаются приблизиться к Эйдену, и им немедленно отказывают; в любом случае, меня подобное не волнует. Я была слишком зла, чтобы волноваться о ком-то, кроме придурка в зеленой комнате.

В чем, черт побери, его проблема?

Я не рассказала ему о множестве писем, которые он получил от злых фанатов из Сан-Антонио за то, что отменил раздачу автографов, — на них ему тоже плевать. В последнее время Тревор и Роб не разрывали наши телефоны. Проблем с сухожилием у него тоже не наблюдалось. Что тогда? У него было все, чего он хотел.

Что может быть не так в его личном маленьком мире?

Это последний год его контракта, и он затягивал с разговорами о том, что хочет делать после, но у него есть варианты. Вероятно, слишком много вариантов, если такое возможно. Нет смысла сердиться из-за этого, по крайней мере, так рано. Эйден сфокусирован на настоящем, но я могу представить, что переживать о будущем он будет, когда пройдет уже половина сезона.

Так что же это может быть?

— Здравствуйте, мисс, — произнес голос из коридора, сопровождаемый взмахом руки. — Мы готовы для мистера Грэйвса, — сказал сотрудник радиостанции.

Я выдавила из себя улыбку и кивнула.

— Окей.

Прежде чем заглянуть в комнату, я стерла улыбку с лица и послала Миранде пустой, лишенный эмоций взгляд, в то время как все во мне бушевало при виде его лица.

— Они готовы.

После интервью поездка к дому Эйдена прошла в тишине и напряжении. Как только мы приехали, он исчез в спортзале без единого слова. В ожидании приезда съемочной группы я кипела внутри, пока снова со злостью подметала и мыла пол в гостиной и на кухне. Я знала, в том, что сделал Эйден, нет вины полов, но это единственное, что было под рукой, и на чем я могла выместить свое раздражение.

Я как раз занялась коридором, который шел от передней части дома к ванной и спортзалу, когда услышала Эйдена.

— Меня достало слушать, что, по твоему мнению, лучше для меня. Я сам знаю, что лучше для меня, — рявкнул знакомый голос Эйдена.

Эмм, что?

— Нет, послушай меня. Может, я переподпишу с ними контракт, может, нет, но не давай обещаний, которые я не собираюсь сдерживать, — продолжил Эйден, впрыскивая яд в каждую гласную.

Рассматривает ли он возможность покинуть Даллас?

— Не превозноси то, что ты сделал. У меня есть то, что есть, благодаря моей тяжелой работе, а не чьей-то еще, — добавил Эйден после короткой паузы.

С кем он разговаривает? С Тревором? Робом?

— Мне плевать, — прорычал Эйден секунду спустя.

После этого наступила тяжелая тишина, почти зловещая и крайне тревожная.

— Все, о чем я тебя прошу — делать то, что лучше для меня. Вот что ты должен делать. Ты работаешь на меня, не на команду.

Ну, кто-то был стержнем не только со мной сегодня. От этого мне должно было полегчать, но этого не произошло.

— Тебе не надо ничего помнить, — произнес спокойно Эйден, тон его голоса был холодным и контролируемым. — Не открывай свой рот; это легко. Ничего им не обещавай. Даже не разговаривай с ними. Я говорю, чтобы ты слушал то, чего хочу я. Я плачу тебе за это, не так ли?

И на этом все закончилось.

Я, наверное, простояла около пяти минут, полностью замерев и прислушиваясь, но больше ничего не было сказано. Я стояла, прикованная к месту, дыша настолько тихо, насколько это было возможно, пока не поняла, что прошло достаточно времени, чтобы не издать подозрительных звуков.

— Увиливаешь от работы? — спросил Зак, свесив голову через верхний край перил.

Я замерла. Что, если Эйден подумает, что я подслушивала его разговор? Черт побери. Я закашлялась и невинно улыбнулась.

— Ты только проснулся? — я пыталась вести себя, как ни в чем не бывало.

— Сегодня мой выходной, — объяснил он, сбегаая вниз по ступенькам.

— Разве у тебя выходной не каждый день? — поддразнила я, не желая, чтобы он отвечал. — Спроси, во сколько я проснулась этим утром, — произнесла я, опуская подбородок на ручку пылесоса.

— Я не хочу знать, милая, — он похлопал меня по плечу, проходя мимо на кухню. — Не хочу знать.

Я фыркнула и толкнула пылесос по твердому деревянному полу, а звуки копошения Зака на кухне составляли мне компанию, пока я думала о разговоре Эйдена. Он никогда не говорил об уходе из команды, и, полагаю, я не думала, что он это сделает.

Исходя из цифр его банковского счета — того, к которому у меня есть доступ — продление контракта несколько лет назад оказалось более прибыльным. Плюс, он стал только лучше. Он — лицо «Трех Сотен». Они дадут ему все, что он попросит, но кто, черт возьми, знал, что это? Точно не я.

Эйден каждый день должен петь хвалебные оды «Трем Сотням» за то, что они сделали для него, взамен на его навыки.

— Дом выглядит отлично, Золушка, — фыркнул Зак, прижимая миску к груди и прокрадываясь мимо меня, прежде чем я успела стукнуть его ручкой. Он бросился через дверной проем, который вел в гостиную. Секунду спустя включился телевизор.

Прежде чем я поняла, Эйден оказался в спальне, впервые за несколько месяцев одеваясь во что-то, кроме одежды для тренировок. В это время грузовик Второго канала парковался на другой стороне улицы. Быстро осмотрев все кругом, я убедилась, что дом выглядит чище, чем обычно. Когда прозвенел звонок, Зак унесся вверх по лестнице с выражением паники на

лице.

— Я здесь не живу, — пробормотал он по пути, когда я дошла до двери и открыла ее.

Мужчина в костюме и два видеооператора стояли по другую сторону.

— Привет, входите, — поприветствовала я, приглашая их внутрь. — Эйден спустится через секунду. Хотите чего-нибудь выпить?

Трое мужчин внимательно осматривались кругом, пока я вела их в гостиную, где, как согласились продюсер и Тревор, снимать лучше всего. Я заметила, как видеооператор смотрел на стены, когда Эйден спускался вниз по лестнице. Я никогда не ощущала землетрясения, но, уверена, когда он на ступеньках, это можно измерить по шкале Рихтера.

Его фигура заполнила дверной проем гостиной — его руки и плечи выглядели эффектно в белой рубашке поло, в которую он каким-то образом влез, а штаны цвета хаки были сшиты специально для его огромных бедер. Я незаметно вышла из гостиной, не то чтобы я этого хотела, но знала, что должна. Даже если я зла на него, не значит, что я перестану выполнять свою работу.

— Вам что-то нужно, прежде чем вы начнете?

Его глаза блуждали повсюду, но на меня так и не посмотрели.

— Принеси им воды.

О, как мало ожиданий.

Я выдохнула, откинула манеры и добавила.

— Я уже собиралась это сделать. Ждала, пока ты спустишься.

Когда прозвенел дверной звонок, я нахмурилась и обошла Эйдена, гадая, остался ли снаружи член команды, чтобы покурить. Посмотрев в глазок, я увидела лицо, которое недавно видела в видео-чате.

Тревор.

Из всех людей в мире...

Открывая замок, я медленно приоткрыла дверь, но встала и загородила собой образовавшийся зазор.

— Ванесса, — поприветствовал меня сорокалетний мужчина.

Мои веки опустились.

— Тревор.

В костюме серо-стального цвета и волосами, зачесанными назад, он был похож на влиятельного спортивного менеджера, кем и был... и на кретина.

— Могу я войти? — он даже не потрудился произнести это как вопрос.

Может ли он? Хочу ли я этого? Нет. Но, учитывая двух его клиентов, которые тут живут, мне нечего сказать.

— Не знала, что ты в городе, — ответила я, когда он прошел мимо меня внутрь.

— Всего на день, — ответил он, беззаботно направляясь в гостиную.

Был ли он в городе, чтобы поговорить с командой об Эйдене? С ним ли Эйден разговаривал по телефону?

Отдаю Эйденоу и Тревору должное, они оба вели себя так, будто и не спорили совсем недавно. Что за кучка притворщиков. Я удержалась от закатывания глаз и направилась на кухню, чтобы захватить достаточно бутылок воды для всей команды, Эйдена и Белого дьявола. Расставила бутылки на кофейном столике и пошла в ванную, чтобы пописать.

— Ван! — шепотом прошипел Зак, когда я была в коридоре.

Я отклонила голову назад и увидела, что он выглядывает из-за перил, и не могла не

усмехнуться.

— Что ты там делаешь? — прошептала я, осматривая гостиную, чтобы убедиться, что никто не смотрит.

— Я умоляю тебя. Я буду любить тебя вечно, дорогая... — начал он.

От этого я застонала. Я знала, что отвечу согласием на все, о чем он собирался меня попросить, потому что он такой милый.

— Я не хочу спускаться туда, но я голоден. У меня в холодильнике два сэндвича, можешь принести их?

Я моргнула. Он не знает, с кем говорит? Я, носящая вещи?

— Дай мне секунду.

Он взмахнул руками у груди, прежде чем спрятаться за перилами. Что за дурень.

Когда я проходила мимо двери гостиной на кухню, то заметила, как команда устанавливала белые зонтики и яркий свет у диванов, пока мужчина в костюме разговаривал с Эйденом и Тревором. Я вытащила из холодильника два длинных сэндвича, все еще завернутые в вощеную бумагу, и поспешила с ними по лестнице вверх, захватив чипсы из сладкого картофеля. Я знала его. После сэндвича он снова проголодается уже через полчаса.

Конечно, Зак ждал меня наверху лестницы, прижавшись спиной закрытой двери гостевой спальни на достаточном расстоянии от лестницы, чтобы его не было заметно снизу.

Он засиял, когда увидел мое подношение. От меня не ускользнуло, что он до сих пор не оделся в повседневную одежду.

— Я люблю тебя, Ванни. Ты знаешь, что я люблю тебя?

Я подала ему его вещи.

— Ты это упоминал.

— Я люблю. Если тебе что-то понадобится, я твой верный слуга, — произнес он, смотря на лестницу, пока шептался со мной.

— Как насчет миллиона долларов?

Зак посмотрел на меня через плечо.

— Ну, все, кроме этого. У меня нет миллиона для себя. Я — бедный парень, лишь приживалец в этом доме.

Учитывая, что он, вероятно, зарабатывает раз в восемь больше, чем я, я бы не назвала его бедным. Но если сравнить его с Мешком Денег Виннипега в гостиной, я вижу смысл в его словах.

— Ты видел Ванессу? — донесся голос Эйдена с подножья лестницы.

Как только я открыла рот, чтобы сказать, что я здесь, Тревор ответил:

— С каких пор я слежу за твоей булочкой? — его голос точно не был похож на шепот.

Этот мудака только что назвал меня толстой?

Взгляд Зака встретился с моим, будто он подумал о том же, о чем и я. Я нахмурилась и приложила указательный палец ко рту, чтобы сфокусироваться на подслушивании. По видимому, я мазохистка, которой нравится делать то, что вызывает во мне гнев и боль.

— Она была здесь секунду назад.

— Я знаю, сейчас не время, но я найду тебе кого-нибудь другого, — произнес этот придурок. — Она сказала тебе, что уходит, так ведь?

Ворчливое согласие Эйдена пронеслось вверх по лестнице.

— Хорошо. Я скоро найду замену. Не волнуйся.

— Я не волнуюсь, — ответил предатель, что слегка оскорбило меня.

— Я переживал, что ты плохо это воспримешь, — признался Тревор, но я была сосредоточена на том, что было сказано, и не заметила намеков, которые он оставлял своим выбором слов.

— Она может делать, что хочет, — ответил Виннипегская Стена холодным тоном, в котором не было ни одной эмоции, что подтверждало — он имел в виду именно то, что сказал.

Что за чертов мудака. Меня хоть кто-то ценит?

— Она все равно мне не нравилась, — продолжил адвокат дьявола.

Мне тоже Тревор не очень нравился, но, черт, разве не было более важных тем для обсуждения, чем говорить обо мне за моей спиной?

Эйден, с другой стороны, ворчал, и оскорбления продолжились...

— Может, я смогу найти тебе кого-то посимпатичнее. Что думаешь? — тон Тревора повеселел от его шутки.

Я ждала. И подождала еще немного, чтобы Эйден сказал ему заткнуться и заняться своей работой.

Но я ждала напрасно. Он не произнес ни слова.

И все, что я сделала для Эйдена...

Все...

Он позволит Тревору говорить такое обо мне? То есть, я полагала, что порядочный человек этого не позволит. Я никому не позволяла отзываться плохо об Эйдене, если это не мы с Заком сплетничали, но я поняла, что у нас есть на это право, так как он его сосед, а я его лакей.

Но весь разговор — этот момент — ощущался как предательство на самом высоком уровне.

Одно дело, что я его работник, но разве его совсем не заботит, что я ухожу? И, самое главное, он позволяет этому мудаку говорить обо мне? О том, как я выгляжу? Я никогда не появлялась на работе в неопрятном виде. Мои прямые, каштановые волосы, как правило, всегда хорошо выглядели, потому что я мало что с ними делала, и чаще всего они спадали мне на плечи.

Я красилась и старалась хорошо одеваться. Я не красавица, но и страшной тоже не была — ну, по крайней мере, я так не думала. И, конечно, у меня не нулевой размер, или третий, или пятый. Но Тревор, мать его, издевается надо мной? Надо мной? Чертова булочка?

Все это ударило по мне. Если я захочу завести парня, я могу получить парня, и он не будет выглядеть как Шрэк, черт побери.

Чертов мудака. Кем он себя считает? Начнем с того, что он не Киану Ривз.

Я смогла досчитать до двух, прежде чем подумала «к черту» и вышла из себя.

Что я здесь делаю? Прошли недели с тех пор, как я рассказала им, что ухожу. Эйден стал более властным и угрюмым, чем обычно. Холоднее. В данный момент я даже не могу списать все на его травму.

И вот я здесь, переживаю, убираю его дом, кладу шоколад на подушку, откладываю свои мечты, потому что чувствую себя виноватой, бросая его, и он даже не может сказать Тревору, чтобы тот не говорил обо мне гадости.

Я сглотнула и моргнула. Лишь раз. Встретилась глазами с Заком и обнаружила, что его челюсть сжата. Покусывая внутреннюю сторону щеки, я думала о том, что сказала себе у

обочины с мусором. В тот день я начала выходить на прогулку. Даже делать пробежку. На прошлой неделе я получила зарплату.

Это моя жизнь, и я выбираю, как провести ее, не правда ли? Разве я недостаточно сделала? Недостаточно вынесла? Недостаточно натерпелась?

Если я не мирилась с людьми, которые должны быть важны для меня, какого черта я мирюсь с теми, кто не важен? Жизнь — это то, что ты из нее сотворила, по крайней мере, это то, что отпечаталось во мне после книг из серии «Куриный бульон», которые мне доверил приемный отец, когда я стала подростком. *(Примеч. «Куриный бульон для души» (англ. Chicken Soup for the Soul) — самая успешная в мире серия вдохновляющих реальных историй, каждая книга которой состоит из 101 короткого мотивирующего рассказа и эссе. Первая книга была написана всемирно признанным мотивационным спикером Джеком Кэнфилдом и его коллегой, мотивационным оратором, тренером и писателем Марком В. Хансеном. На сегодняшний день в серии более 250 книг).* Когда жизнь преподносит лимоны, ты выбираешь, что сделать из них; и не всегда это должен быть лимонад.

Мысленно шлепнув себя по заднице, я кивнула единственному лояльному человеку в этом доме.

— Я ухожу отсюда.

— Ван... — начал говорить он, качая головой. Его вытянутое лицо напряглось.

— Не волнуйся. Они того не стоят.

Зак потер подбородок, а затем склонил голову в направлении лестницы.

— Выбирайся отсюда, прежде чем я попытаюсь надрать их задницы.

Я фыркнула, находясь на грани слез. Попытается надрать их задницы, как же.

— Звони мне и пиши. Хорошо?

— Ничто не остановит меня от этого, — заверил он меня, вытягивая кулак.

Думая о своих сестрах-психопатках, я наполнила свои вены каждой унцией заработанной тяжелым трудом уверенностью, которая была во мне, и стукнула его кулаком. Мы мгновение смотрели друг на друга, прежде чем обняться, лишь на секунду, никаких «прощай» и «увидимся позже».

Спускаясь по лестнице, я игнорировала пустые стены, на которые смотрела в последний раз. Голоса в гостиной почти заставили меня оглянуться, но это волновало меня не настолько, чтобы тратить энергию.

С меня хватит.

На кухне, я вытащила из сумки рабочий телефон, выудила связку ключей и сняла ключи от дома Эйдена, почтового ящика и почтовой ячейки. Оставив все эти вещи на кухонном островке, я потеряла бровь тыльной стороной ладони, поправила очки в пурпурной оправе и проверила, ничего ли я не забыла. И снова, даже если и так, Зак мог бы завезти мне то, что осталось.

Я пригладила штаны руками и закинула ремень сумочки на плечо, нервное ожидание наполнило мои внутренности. Я делаю это. Я, мать твою, делаю это.

— Можешь выйти и купить мне перекусить? — спросил Тревор, неожиданно появившись на кухне, когда я обернулась, чтобы уйти.

Даже если я знала, что должна убить этот кусок дерьма добротой, я не могла так глубоко заглянуть в себя, чтобы повести себя как взрослая. Это последний раз, когда я мирюсь с его выходками; я больше никогда не увижу его снова. Аминь и спасибо тебе, Иисус.

— Нет, — ответила я с маленькой улыбкой на лице. — Булочка уходит прямо сейчас. Пожалуйста, скажи Эйдено позже, когда никого не будет рядом, что он может съесть свое дерьмо на завтрак.

Тревор от удивления раскрыл рот.

— Что?

Уходя в небольшом блеске своей славы, я помахала ему пальцами через плечо и покинула кухню. Когда я была уже у входной двери, то обернулась и заглянула в гостиную. Эйден сидел на диване и разговаривал с репортером. На краткий миг эти темные глаза встретились с моими через всю комнату, и я могла бы поклясться жизнью, что между его бровями сформировалась складка.

Открыв дверь прежде, чем отговорила себя от этого, я беззвучно прошептала:

— Я заслуживаю лучшего, мудака, — и убедилась, что он прочитал все по моим губам. Затем я подняла средний палец и махнула рукой на прощание.

Надеюсь, они оба заразятся сифилисом.

Одна неделя превратилась в две, затем в три, и, наконец, в четыре.

В те дни, что последовали за моим уходом из дома Эйдена и последующим увольнением, когда я не работала, я думала об Эйдене чаще, чем ожидала. И большую часть времени я даже не хотела убить его.

После того, как вышла из его дома, моя нога не могла выжимать педаль газа еще сильнее, чтобы добраться домой. Первое, что я сделала, — начала новый проект, решительнее, чем раньше, в желании преуспеть в том, чем я люблю заниматься. Я была готова и желала надрывать задницу, чтобы все сработало, не важно, чего это мне стоило.

Мосты были сожжены.

Эйден — хренов мудака, а я никогда не обвиняла его в чем-то, кроме практичности и решительности. На это я могла рассчитывать, но не считала его предателем. Я не Тревор или Роб. Я не получаю дополнительные деньги за выбор, который он делает, и для меня все было лучше, когда он был счастлив. Разве я не старалась делать то, что лучше для него? Разве не старалась делать то, что делало его счастливым?

Но он позволил этому придурку говорить обо мне гадости, когда я провела Рождество в Далласе, вместо поездки к младшему брату, потому что в то время он все еще не мог двигаться самостоятельно.

К несчастью, я думала об Эйдене первым делом, когда просыпалась по утрам. Мое тело не привыкло спать до восьми; даже в выходные я обычно вставала в шесть. Думала о нем, когда готовила завтрак и откусывала утреннюю колбаску. Затем я снова думала о нем во время обеда и ужина, потому что привыкла готовить его блюда и съесть часть.

Я часто думала о нем в первые две недели свободы. Нельзя проработать с кем-то пять, шесть или даже семь дней в неделю два года, не превратив это в рутину. Я знала, что не могу просто стереть его из своей жизни, будто он нарисован карандашом.

А еще лучше стереть момент, когда я поняла, что цеплялась за работу на мужчину, который не придет на мои похороны, даже если они выпадут на его выходной. А тот факт, что у меня есть члены семьи, которые тоже не придут на мои похороны, не облегчал остроту осознания.

Через несколько дней мой гнев утих, но ощущение предательства, засевшее в легких, не прошло полностью. С ним что-то происходило; это очевидно. Может, при нормальных обстоятельствах он не вел бы себя как огромный придурок.

Но он пересек крошечную тонкую линию, которую я нарисовала на воображаемом песке. И я сделала то, что казалось правильным.

Так что все кончилось.

Я продолжила жить своей жизнью, стала сама себе начальником, и это именно то, что я планировала делать.

И я не оглядывалась на то, что сделала.

Однажды вечером я быстрым шагом шла к своей квартире после посещения тренажерного зала, завершая мозговую атаку, чтобы добавить финальные штрихи к дизайну обложки, которую планировала закончить перед сном, когда заметила фигуру, сидящую на нижней ступеньке лестницы. Поглаживая перцовый баллончик, который я всегда держала

под рукой, особенно когда была у своего комплекса, я прищурилась и задалась вопросом, кто, черт возьми, там сидит.

Сейчас девять часов вечера. С наступлением темноты только торговцы наркотиками тусовались у нашего комплекса. Все остальные были об этом осведомлены. Плюс, кому нравилось сидеть снаружи в летнюю жару и с москитами?

С этой мыслью я ускорила и осознала, что мое колено немного болело после двухкилометровой пробежки. Два километра! У меня ушло всего полмесяца пробежек по четыре раза в неделю, чтобы привыкнуть к стабильной дистанции в один километр, и потом я добавила еще километр, пробегая его чуть быстрее. Это было нечто, и я гордилась собой. В планах на эту неделю было добавить еще километр.

В моей руке до сих пор был перцовый баллончик, пока я с осторожностью наблюдала за... мужчиной. Это, определенно, был мужчина, сидящий у подножья лестницы. Я прищурилась. Мои ключи были зажаты в свободной руке, готовые к использованию — либо открыть дверь, либо воткнуть кому-то в глаз, если до этого дойдет.

Я уже начала вытаскивать баллончик, когда раздался мужской голос:

— Ванесса?

На долю секунды я замерла от громкого, резкого звука, и меня слегка выбило из колен то, что незнакомец, сидящий на лестнице, знает мое имя.

А затем меня поразило узнавание.

Я застыла на месте, когда не незнакомец поднялся, и моргнула.

— Привет, — мой бывший босс выпрямился во весь свой впечатляющий рост, подтверждая, что это он. Эйден. Это Эйден. Здесь.

В приседе он мог быть любым парнем, который занимался в зале, особенно когда его руки прижаты к бокам, скрывая объемные мускулы, которые прославили его. Вероятность того, что он впервые использовал со мной слово на букву «П», пролетела в моем мозгу, когда я выговорила:

— Что ты тут делаешь?

Я, определенно, хмурилась. Мой лоб сморщился, пока я впервые за месяц смотрела на него, одетого в футболку и шорты.

Его лицо — все та же недвижимая маска, как и всегда. Эти карие глаза, которые я видела сотни раз в прошлом, впелись в меня, его глаза осматривали ярко-красный цвет, в который я позволила Диане перекрасить мои волосы две недели назад. Он ничего не прокомментировал.

— Ты живешь здесь? — его вопрос резко разрезал воздух между нами. Взгляд опустился на руку, в которой я держала перцовый баллончик и набор ключей, зажатый между пальцами.

Я подумала о соседях, ужасном строении, количестве машин, припаркованных на парковке, которые всегда были в аварийном состоянии, и о трещинах на тротуаре с умирающим газоном. Ко мне редко приходили люди, так что меня не очень заботило место, где я живу. Все, что мне нужно, — это крыша над головой. Плюс, могло быть и хуже. Всегда может быть хуже. Я пыталась никогда не забывать об этом.

Затем я подумала о красивом районе, огороженном забором доме, где жил Эйден, и о потрясающей кухне, на которой я так много раз готовила... и, наконец, я представила выцветший ковер в моей квартире и облупившиеся виниловые столешницы, и меня слегка передернуло.

Я не буду стыдиться того, что не живу в высококлассной квартире. Это моя первая квартира, которая принадлежала лишь мне, и она выполняла свою роль — давала мне место для сна и работы.

Так что я медленно и удивленно кивнула — ладно, я была в чертовом шоке — видеть его. С того момента, как я уволилась, я пару раз разговаривала с Заком, и мы ходили с ним перекусить, но он лишь раз упоминал в нашем разговоре Эйдена. Единственное, что он рассказал мне о моем бывшем боссе, что они вместе работали. И этого достаточно.

Взгляд Эйдена ни на секунду не дрогнул. Его отстраненное, бесстрастное выражение лица совсем не изменилось.

— Я хочу с тобой поговорить, — он больше настоял, чем предложил.

Я хотела понять, откуда он узнал, где я живу, но вопрос застрял в горле. Я хотела ответить ему односложным ответом... и затем вспомнила... «Булочка».

Этот мудака Тревор назвал меня Булочкой, а этот мужчина ничего не ответил.

Я не могла не сжать свободно висящие на мне шорты. За последние пять недель я потеряла почти пять килограммов, и это отразилось почти на всей моей одежде. Но мысли о комментарии Тревора лишь злили меня и раздражали.

— Нет, — вот, я сказала это. Легко. Так легко было это сказать. — У меня нет времени. У меня много работы.

Чувство вины засело у меня в голове из-за грубости, но я раздавила его. Я ничего ему не должна, ни минуты своего времени, ни единой мысли.

Эта упрямая, сильная челюсть напряглась, полные мужские губы сжались, и он моргнул.

— У тебя не найдется для меня пары минут?

Я с трудом сглотнула и поборолась в себе желание заерзать под его взглядом.

— Нет. У меня есть работа, которую нужно сделать, — повторила я, твердо смотря в знакомое лицо.

Линии, прорезавшие его лоб, выражали эмоцию, с которой он боролся секунду назад. Шок. Он был шокирован, вероятно, впервые в своей жизни, и это подарило мне толчок уверенности и силы, чтобы не дрогнуть под его взглядом.

— Нам надо поговорить, — отбросил он мой комментарий в типичной эйденовской манере.

О чем нам, черт возьми, надо поговорить? Все, что нам надо было сказать друг другу, мы сказали. Он был придурком, и меня это достало. Что еще?

— Слушай, я, правда, занята.

Я уже собиралась выдать еще одно оправдание, как одна из дверей в здании, находящемся передо мной, закрылась с громким хлопком. Я не хотела знать, что случится, если кто-то из моего дома узнает, кто стоит на моей лестнице. Я довольно часто находилась дома в воскресенье вечером, чтобы знать, что футбольные фанаты буквально везде.

Со вздохом и обещанием себе, что он не получит того, ради чего приехал, я махнула ему в сторону двери.

— Не думаю, что нам есть о чем говорить, — все, что я смогла ответить. Хотела ли я стоять на улице? Нет. Хотела ли я зайти внутрь? Нет. Но я точно не хотела, чтобы соседи узнали знаменитого миллионера, стоящего у моей двери. — Но ты можешь зайти внутрь ненадолго, прежде чем нас кто-то увидит, — пробормотала я и развернулась, чтобы открыть дверь. — Полагаю, — добавила я, потому что один его вид вызывал во мне стервозность.

«Ты должна была сказать ему свалить, Ван», — твердил мой разум. И это правда.

Я придержала для него дверь, наблюдая периферийным зрением, как он проскользнул внутрь. Как только дверь закрылась, я включила свет, а большой защитник сделал несколько неуверенных шагов. Я видела, как он поворачивает голову из стороны в сторону, рассматривая фрагменты картин, развешенных на стенах, — не то чтобы он узнал, что это мои работы, если только не присмотрелся повнимательней к инициалам в углах.

Он ничего не сказал, как и я. Он никогда не спрашивал, чем я занимаюсь, когда не нахожусь в его доме или с ним, и я тоже об это не упоминала.

«Что забавно», — подумала я об этом, потому что некоторые игроки в его команде знали, что я делаю. Игроки, которые нанимали меня, чтобы я переделала баннеры для их веб-сайтов, для двоих я даже разработала дизайны татуировок. И вот этот парень.

Этому парню я дважды говорила:

— Думаю, твои промофото надо сделать немного проще. Шрифт, который они используют для твоего имени, неразборчив, и они странно его разместили. Хочешь, чтобы я все поменяла?

И что он постоянно делал в ответ?

Отвечал:

— Не важно.

Он отшивал меня. У меня недели ушли на то, чтобы собраться с силами и предложить ему это, и я бы сделала все бесплатно. Но все нормально. Это его карьера и его брендинг, не мой.

Он сел на диван в гостиной, и я развернула свой стул, чтобы сидеть лицом к нему и смотреть настолько бесстрастно и безэмоционально, насколько могла. Комната довольно маленькая. Размер всей квартиры рассчитан на одного человека. Единственная мебель, которая влезла сюда, — это тесный двухместный диван, стол, стул и книжная полка, которая еще служила и подставкой для телевизора. Нервы почти не гудели во мне, пока я наблюдала, как Эйден практически поглощал все пространство.

Я уже переборола чувства к нему, и у меня не было ни малейшего желания притворяться дружелюбной. Я не хотела шутить с ним или притворяться, что никаких обид нет. И вообще, я была раздражена тем, что он находится в моей квартире.

Мне больше нечего терять, и он больше не влияет на мой чек. Я даже не расстроилась, когда поняла, что мне не заплатят за последние несколько дней, что я провела с ним, потому что не собиралась связываться ни с Эйденем, ни с Тревором. То, как я ушла и как послала его в процессе, стоило каждого пенни, что я потеряла.

— Почему ты здесь, Эйден? — наконец, нарушила я тишину, когда прошла минута или две с момента, как мы присели.

Руки Эйдена лежали на коленях, лицо отстраненное, как всегда перед игрой; даже его плечи напряжены сильнее, чем всегда, спина идеально прямая. Не думаю, что даже дома я видела его таким напряженным. Его волосы свежесмыты, он выглядел здоровым и в отличной форме. Как и всегда. Как будто и месяца не прошло с тех пор, как мы в последний раз видели друг друга.

Он направил свой взгляд на меня и произнес:

— Я хочу, чтобы ты вернулась.

Я сплю. Вероятно, лучше использовать не это слово. Это ночной кошмар? Может, бред?

— Извини? — выдохнула я, наблюдая за белками его глаз, чтобы убедиться, что они не налились кровью. Затем я быстро вдохнула, чтобы проверить, что от него не воняет. Не воняло,

но, вероятно, все возможно. — Ты... ты на наркоте сейчас?

Эйден тяжело и медленно моргнул. Его короткие, но удивительно густые ресницы опустились на секунду.

— Извини? — его тон был сдержанным и контролируемым.

— Ты на наркотиках? — повторила я, потому что невозможно, чтобы он в трезвом уме просил меня об этом.

Верно же?

Он смотрел на меня немигающим и серьезным взглядом, сжимая губы.

— Я не на наркотиках, — ответил он, явно оскорбленный.

Я смерила его взглядом, будто не веря ему, потому что так и было. Что, черт побери, позволило ему думать, что я вернусь к работе на него?

Наркотики.

Наркотики заставили его думать, что это хорошая идея — потратить время и приехать сюда. Разве прощального комментария, который я просила Тревора передать, не хватило?

То, о чем я думала, вероятно, отразилось на моем лице, потому что он покачал головой и повторился:

— Я не на наркотиках, Ванесса.

Я выросла с зависимым человеком и точно знала, что они отрицают свою проблему, даже если намеки, которые они не могли контролировать, были прямо на лице. Я прищурилась и снова изучила его черты, пытаюсь найти хоть один признак.

— Перестань так на меня смотреть. Я ни на чем не сижу, — настаивал он Слабая линия пересекла его загорелый лоб — доказательство, что он проводит время на солнце, и что ему тридцать лет, а не двадцать два.

Я рассматривала его руки, чтобы убедиться, что на них нет странных шрамов, и ничего не нашла. Затем его ладони, пытаюсь взглянуть в деликатную кожу между его пальцев, чтобы заметить там какие-либо метки. До сих пор ничего.

— Я ничего не употребляю, — он замолчал. — Разве я когда-либо принимал болеутоляющее?

Настала моя очередь замереть и встретиться с его взглядом в безопасности своей квартиры, затем я медленно произнесла:

— Никогда, — я сглотнула. — Но тогда я не знала, что ты еще и мудака, — ответила я до того, как смогла остановить себя.

На секунду он дернулся назад. Действие было мимолетным, меньше, чем крошечным, но я заметила. Его ноздри широко раздулись — жест настолько преувеличенный, что я не могла принять его.

— Ванесса...

— Мне не нужны твои извинения, — мои руки лежали на коленях, и маленький намек на предательство пробил себе путь прямо мне в грудь, напоминая, что, может, я и не перешагнула полностью через то, что произошло. Может. Но я заставила себя сказать ему: — Мне ничего от тебя не нужно.

Он открыл рот, и я могла бы поклясться своей жизнью, что мышцы на его скулах дернулись. Он издал тихий звук, будто запнулся, будто хотел сказать мне нечто существенное впервые с тех пор, как мы знаем друг друга, но не знал, как это сделать.

Но дело в том, что я была не в настроении для этого.

Все, что он намеревался сказать, запоздало на месяц. На год. На два года.

Я солгала своим любимым о том, почему так неожиданно уволилась. Добавила еще одну ложь к списку того, о чем не рассказывала им за все эти годы, потому что не хотела, чтобы они волновались или злились из-за чего-то такого глупого и ничтожного.

Хотя это не важно. Я больше не работала на него и честно ожидала, что больше никогда его не увижу. Какой смысл в изменении формы? Я пыталась говорить себе, что уйти так, как сделала я, было лучшим из возможных вариантов. В противном случае, кто знал, как долго я зависла бы там, ожидая замены? Может, они попытались бы быстро избавиться от меня, но я никогда этого не узнаю.

Мы были такими же, как и всегда. Я ничего не чувствовала, кроме насущного гула узнавания чего-то, что я видела сотни раз. Это парень, которого я обожала, которого когда-то уважала, который немного разбил мне сердце и разочаровал меня.

«Хотя я двинулась дальше», — подумала я, успокаивая свои руки.

— Я просто хочу знать, зачем ты здесь. У меня, правда, есть дела, — произнесла я спокойным голосом.

Парень, который заработал свое прозвище в старшей школе, потому что даже тогда был большим сукиным сыном, склонил голову набок, обводя языком верхние зубы. Большой узел его адамова яблока дернулся, прежде чем он, наконец, снова посмотрел на меня.

— Я ожидал, что ты вернешься через несколько дней, но этого не произошло.

Разве я была такой слабачкой?

— Ты, правда, думал, что я сделаю это? — я послала ему свой лучший «ты серьезно?» взгляд.

Его глаза на мгновение дернулись в сторону, но он не признал это и не отверг.

— Я хочу, чтобы ты вернулась.

Несмотря ни на что, он не вызовет во мне чувство вины. Я даже не задумывалась над своим ответом.

— Нет.

Он решил проигнорировать меня. Шокирующе.

— Я пытался заставить Тревора найти тебя, но никто даже не знал, что у тебя есть еще один мобильный или твой правильный адрес.

Конечно, никто не знал, потому что никто из них не приложил никаких усилий, чтобы поближе узнать меня, но я придержала это при себе. Адрес, который был у них, это место, где я жила с Дианой и ее братом в Форт-Уэрт, в соседском с Далласом городке.

Родриго съехал через полтора года после того, как его девушка забеременела, а когда я получила работу у Эйдена, то приобрела собственное жилище — мне надо было быть в Далласе вместо того, чтобы почти час мотаться туда-сюда каждый день. С тех пор Диана переехала в собственную квартиру.

От меня также не ускользнуло, что Эйден не упомянул имя Зака. Лишь он в нашем маленьком кругу знал мой личный номер, и я уверена, что не поделился бы им.

— Вернись.

Я поправила дужку своих очков и использовала самое сильное, неунывающее слово в английском языке:

— Нет.

— Я буду платить больше.

Заманчиво, но:

— Нет.

— Почему нет?

Почему нет? Чувак. Это единственный человек, который может быть таким... таким тупоголовым. Он не извинился передо мной за то, что сказал. Он даже не пытался быть милым и добиться, чтобы я вернулась назад — не то чтобы я вернулась. Все это — то же самое старое дерьмо, как и всегда.

Вернись.

Почему нет?

Бла-бла-бла.

Почему нет?

Зачем мне, черт возьми, делать это?

Я почти сказала ему, что сожалею о том, что не делаю то, чего он хочет, но это не так. Даже капельку. Пока я смотрела на Эйдена, на то, как его огромная фигура поглощала мой диван, как он требовал, чтобы я вернулась назад, и не понимал, почему я не хотела, и я понимала, что быть «милрой» — не вариант. Я должна сказать ему правду, по крайней мере, что-то близкое к правде. Крошечная, незрелая часть меня хотела быть грубой.

Я хотела причинить ему такую же боль, что он причинил мне, но пока я смотрела на него, я видела мужчину, который обеспечил меня работой, которая позволила мне накопить и исполнить свои мечты. Это тот же человек, которого я видела в его худшие моменты, когда он столкнулся с вероятностью, что больше никогда не сможет делать единственное, что любит.

Это Эйден. Я знала некоторые его секреты. Я не хотела заботиться о нем, но, полагаю, ничего не могла поделать с этим, даже если это была подсознательная, изуродованная версия того, что когда-то было. И я не хотела быть такой, как Тревор или Сьюзи, или любой другой человек, которого я когда-либо встречала и которые были очень грубы.

Так что я сделала все просто. Засунула пальцы под бедра и произнесла:

— Я сказала тебе. Я заслуживаю лучшего.

— Вот черт.

Я заметила черный «Рендж Ровер» на парковке в тот же момент, как такси подъехало к моему комплексу к въезду для посетителей. Я никак не могла его упустить — в прошлом я несколько раз меняла в машине масло и отвозила на мойку. Это не самая классная машина на парковке — у некоторых моих соседей «Эскалэйд» и «Мерседес», и я не была уверена, как они себе их позволили — но я узнала номерной знак Эйдена.

Но все равно, для меня стал неожиданностью его приезд.

Несколько дней назад он ушел из моей квартиры без улыбки на лице. После того, как я ясно сказала ему, что не хочу снова работать на него, он посмотрел на меня так, будто я говорю на другом языке, и спросил:

— Это шутка?

Какое высокомерие.

Я ответила единственным возможным образом.

— Нет.

Он поднялся на ноги, на мгновение перевел свое внимание на потолок, и ушел. И все.

Последнее, чего я ожидала, — что он вернется. И снова, может, я не должна удивляться. Я на собственном опыте знала, что если этот человек что-то решил, ничто не собьет его с пути.

Этот человек слышал лишь то, что хотел. От этого я не испытывала теплых и добрых чувств. Полагаю, бóльшая часть меня хотела и ожидала, чтобы все между нами закончилось хорошо, особенно после того, как стало очевидно отсутствие у него лояльности.

А тот факт, что он каким-то образом узнал мой адрес, нарушил свое расписание, чтобы приехать к моей квартире, даже когда он не мог приложить ни малейшего усилия и спросить, как у меня дела, раздражал меня больше, чем должен. Слишком поздно. Единственное, чего я хотела от него в прошлом, — это капельку лояльности, если не дружбы, и он не мог дать мне этого.

— Все нормально, мэм?

— Все хорошо, спасибо, — солгала я, схватившись за ручку. — Думала, потеряла ключи, но нашла их. Сколько я вам должна?

Заплатив, вышла из такси и поспешила к воротам.

Я шла к своей квартире, в одной руке зажат перцовый баллончик, в другой ключи и кошелек, и я знала, что выпила слишком много вина, чтобы мириться с этим прямо сейчас.

Мой посетитель сидел на том же месте на лестнице, где я обнаружила его пару дней назад.

Как только Эйден поднялся во весь свой рост, его взгляд почти сразу опустился на меня и завис на подоле платья, которое я надела на ужин. На нем были спортивные шорты до колен и футболка, и я уверена, что он приехал сюда сразу после тренировки. Если мой календарь не врал, сейчас команда в середине предсезонных сборов, сфокусированная больше на новичках, чем на таких ветеранах, как Эйден.

— Нам надо поговорить, — незамедлительно заявил он, его глаза скользнули по моей груди и зацепились за глубокий вырез на хлопковом сарафане, в котором виднелась

ложбинка между грудей.

Ха.

Я посмотрела на него уголком глаз, открыла дверь и проигнорировала любопытное выражение на его лице, которым он одарил меня. Я и раньше носила при нем платья, но они были ниже колен и прикрывали «девочек». То, что было на мне сейчас? Прикрывало не так уж и много. Но это было мое «я ходила на свидание с мужчиной впервые за два года» платье, в котором я была на свидании вслепую. Я познакомилась с ним на сайте знакомств, на котором зарегистрировалась несколько недель назад.

В сообщениях, которыми мы обменивались, все шло хорошо, но в реальной жизни не очень заладилось. Я испытывала паранойю из-за встречи с незнакомцем, и что он может записать мой номерной знак, поэтому поехала на такси до итальянского ресторана, где мы ужинали.

— Дай мне пару минут, — произнес он менее уверенным и агрессивным тоном, его глаза до сих пор впивались в мое платье.

Соблазн сказать: «О, за два года ты, наконец, захотел поговорить», вертелся на кончике моего языка, но я сдержалась и приподняла брови, прежде чем вставить ключ в замок.

Мускул на его щеке дернулся, и он выдавил:

— Пожалуйста.

Ад скоро замерзнет. Он сказал «пожалуйста»?

Прежде чем я задумалась над этим, в квартире надо мной зазвучали голоса, черт побери. Большая фигура Эйдена довольно заметная, особенно учитывая то, что он знаменитость в Далласе.

Всего пару дней назад я видела несколько джерси в цветах «Трех Сотен» и с именем «ГРЭЙВС» на спинах. Последнее, что мне нужно, чтобы кто-то увидел его, когда я годами не позволяла никому узнать, кто мой босс.

— Заходи, — пробормотала я и быстро махнула ему, прежде чем кто-то заметил его.

Его не надо было просить дважды. Эйден протиснулся внутрь как раз вовремя, я успела закрыть и запереть дверь, когда трое мужчин спустились по лестнице. Я обошла его и направилась на кухню, по пути осматривая свою гостиную и жалея, что пригласила его.

— Ты выглядишь иначе, — от его слов мои шаги замедлились.

— Я и раньше носила при тебе платья, — огрызнулась я с большей горечью, чем мне понравилось.

— Не такие, — ответил он быстро и резко, и довольно агрессивно, из-за чего я нахмурилась. — Я не говорю о твоей рубашке.

Моей рубашке?

— Ты выглядишь иначе.

Я фыркнула и обошла кухонный островок.

— Мои волосы другого цвета, и я похудела. Вот и все.

Я села за свой маленький столик, а взгляд Эйдена скользил по частям моего тела, которые он видел: по лицу, шее, груди и голым рукам. Боже мой, из-за него я чувствовала неуверенность. Еще раз он окинул меня взглядом своих темных глаз, его густые брови приподнялись ко лбу, в то время как он издал нечленораздельный звук «хм-м-м». Как и всегда с Эйденем, все мысли были незамедлительно забыты. Следующий комментарий, вылетевший из его рта, это подтвердил:

— Я хочу, чтобы ты снова работала на меня.

Я не смогла сдержать стон, когда повернулась к холодильнику.

— Я именно это имею в виду, — продолжил он, как будто я сомневалась в его словах.

Я тянула время: открыла холодильник и достала оттуда бутылку воды. Я упряма. Я честно принимала свой недостаток. Но Эйден? Черт побери. Он надвигался на меня оползнем; он поднял упрямство и твердолобость на новый уровень. Через пару дней он должен был просто забыть о моем существовании.

Не уделяя ему внимания, я закрыла холодильник, сделала успокаивающие вдох и выдох. Я знала его, и его поведение не должно удивлять меня. Как будто всю жизнь балуешь ребенка, а затем пытаешься топнуть ногой, когда уже слишком поздно. За все то время, что мы знакомы, я делала ему слишком много поблажек и теперь должна мириться с этим.

— Я тоже имела в виду то, что сказала. Я не хочу. И не буду.

Повисла тишина, секунда нависала над секундой, тягучая и бесконечная от слов, которые мы могли сказать друг другу, но не сделали этого.

Стул, на котором сидел Эйден, закрипел под его весом. Я не хотела смотреть на него.

— Ты не выводишь меня из себя, — заметил он так, как если бы я излечила рак.

Я даже не могла смотреть на него. *Ты не выводишь меня из себя.* Мне пришлось опустить бутылку на столешницу и схватиться за край островка свободной рукой. Чего он ожидал от меня в ответ? Он хотел, чтобы я поблагодарила его за такой сердечный комплимент?

«Один, два, три, четыре», — считала я, чтобы не выдать нечто раздраженное в ответ. Осторожно подбирая слова, я подняла голову и достала стакан из шкафчика.

— Скажи своему следующему работнику, что разговоры не приветствуются.

— Я никогда такого не говорил, — ответил он грубым, низким голосом.

— Тебе и не надо было, — действия говорили громче слов.

Он издал раздраженный звук, а за этим последовали слова, которые остановили меня, когда я уже собиралась убрать воду в холодильник.

— Ты хороший работник.

Раз, два, три, четыре, пять...

Из всего, что он мог сказать...

Я могла ударить его по лицу прямо в эту минуту. Правда, могла.

— В мире очень много хороших работников. Ты довольно хорошо платишь, чтобы кто-то хорошо занимался своими обязанностями, — я убрала воду в холодильник и закрыла дверцу. — Не знаю, почему ты здесь. Почему настаиваешь на том, что хочешь, чтобы я вернулась, когда я не хочу больше быть твоим ассистентом, Эйден. Еще яснее я не могу выразиться.

Вот. Я сказала, и это оказалось, как болезненно, так и освобождающе.

— Помнишь, когда я только начала работать на тебя? Помнишь, как я каждый день говорила тебе «доброе утро» и спрашивала «как дела»?

Он ничего не ответил.

Идеально.

— И помнишь, сколько раз я спрашивала у тебя, что не так, или пыталась шутить, а ты только игнорировал меня? — я облизнула губы и замолчала. Я прижималась одним плечом к холодильнику и таким образом хорошо видела Эйдена за кухонным столом. — Не думаю, что кто-то может действовать тебе на нервы, пока ты им не позволишь. И в любом случае, ничего из этого больше не важно. Я не хочу на тебя работать.

Здоровяк выпрямился на своем месте, его ноздри раздувались.

— Это важно, потому что я хочу, чтобы ты вернулась.

— Начнем с того, что тебя это даже не волновало, когда я была там, — внезапное раздражение из-за того, что он пытается делать, разбредило мои нервы. «Ты не будешь биться головой об холодильник. Ты не будешь биться головой об холодильник». — Ты меня даже не знаешь...

— Я знаю тебя, — прервал он меня.

Раздражение, с которым я была доселе незнакома, сжало мою грудь.

— Ты не знаешь меня. И ты никогда не пытался узнать, так что не выдумывай, — ответила я и по какой-то глупой причине сразу почувствовала вину. — Я сказала тебе, что ухожу, а тебе было плевать. Не знаю, почему тебя заботит это сейчас, но это не важно. Эти рабочие отношения между нами закончены, и вообще, это все, что между нами было. Найди кого-то другого, потому что я не вернусь к тебе на работу. Конец истории.

Эйден не моргал, не вдыхал и не выдыхал; он даже не дернулся. Его взгляд впился в меня, а зрачки были точно как всезнающие лазеры, способные манипулировать эмоциями. На очень долгое мгновение моя крошечная квартира погрузилась в тишину. Затем, внезапно, тоном, который полностью олицетворял Эйдена, будто он не слышал ни единого слова, вылетевшего из моего рта, он произнес:

— Я не хочу кого-то другого. Я хочу тебя.

Внезапно я пожалела, что не записала на диктофон его высказывание, так бы я смогла разослать его в интернете сотне девушек, которые засоряют его почтовый ящик предложениями о свиданиях, минетах, дружеских отношениях и сексе.

Но с каждой секундой я все больше и больше отвлекалась от того, чтобы это сделать.

Как, черт возьми, у него еще хватало наглости говорить мне такое?

— Может быть, — и я просто хочу, чтобы ты подумал об этом на будущее — ты должен рассмотреть остальные факты, которые играют главную роль в удержании работника. Ты знаешь, чтобы человек чувствовал, что он ценный работник, давай им причины оставаться лояльными к тебе. Дело не только в зарплате, — ответила я так мягко, как могла, даже если чертовски хорошо знала, что он не заслуживает такого мягкого отношения. — Ты найдешь кого-то. Просто это буду не я.

Его карие глаза были колючи и оставляли неприятное ощущение в глубине моего живота.

— Я буду больше тебе платить.

— Послушай меня. Ради всего святого, дело не в деньгах.

Казалось, в мгновение ока тысячи мыслей пронеслись в его голове, когда одна его щека дернулась в подобии гримасы.

Понятия не имею, о чем он думал. Я вздохнула. Как мы дошли до такого? Шесть недель назад я не могла заставить его сказать мне «Привет». Теперь он в моей квартире, сидит за моим дешевым обеденным столом и просит снова работать на него после того, как я ушла.

Это как эпизод «Сумеречной зоны». *(Примеч. «Сумеречная зона» (англ. The Twilight Zone) — американский телевизионный сериал, созданный Родом Серлингом. Каждый эпизод является смесью фэнтези, научной фантастики, драмы или ужаса, часто заканчивающейся жуткой или неожиданной развязкой).*

Его подбородок дернулся в определенном жесте, который был хорошо мне знаком.

— В следующем году истекает моя виза, — выдавил он.

И... я закрыла рот.

Несколько месяцев назад, помню, открыла его почтовый ящик и увидела письмо, что-то о его визе. Полагаю, это письмо, которое он снова получил после того, как я ушла, когда сказала, что он должен проверить документы, которые я оставила у него на столе.

Понятия не имею, как можно использовать визу, чтобы оправдать то, что ты мудака.

— Ладно. Ты уже отправил документы на ее обновление? — слова еще полностью не вылетели у меня изо рта, а я уже обдумывала, какого черта творю. Это не мое дело. Он сделал это не моим делом.

Но я не ожидала этого, когда он ответил:

— Нет.

Я не понимала.

— Почему нет?

«Черт возьми! *Какого черта я делаю, задавая вопросы?*» — ругала я себя.

— Это рабочая виза, — его слова были медленными, будто я умственно отсталая или еще чего.

Я до сих пор не понимала, в чем проблема.

— Это относится к тому, что я играю за «Три Сотни».

Я моргнула, думая, что его слишком часто били по голове за всю его карьеру.

— Не понимаю, в чем проблема.

Прежде чем я успела спросить, почему он переживает за свою визу, когда любая команда, с которой он подпишет контракт, поможет ему получить новую, он прочистил горло.

— Я не хочу возвращаться в Канаду. Мне нравится здесь.

И это коренной житель Виннипега, который лишь раз возвращался на родину с тех пор, как мы вместе работали. Я выросла в Эль-Пасо, но не часто езжу «домой», потому что больше не чувствую там себя как дома. У меня нет такого места, где я чувствовала бы себя в безопасности, или любимой, или в тепле, или все остальные чувства, которые у меня ассоциируются с «домом».

Я посмотрела на стену у его головы, ожидая следующего откровения, которое поможет мне понять смысл того, что он говорил.

— Я до сих пор не понимаю, в чем проблема?

С глубоким вздохом, он опустил подбородок на руку и, наконец, объяснил:

— Если я не в команде, я не могу остаться здесь.

Почему он не будет играть? Его беспокоит нога? Я хотела спросить, но не стала.

— Ладно... разве нет другой визы, на которую ты можешь подать заявление?

— Я не хочу другую визу.

Я выдохнула и закрыла дверь холодильника, пальцами обхватив стакан.

— Хорошо. Обратись к иммиграционному адвокату. Уверена, один из них поможет тебе получить постоянный вид на жительство, — секунду я жевала внутреннюю сторону щеки, прежде чем добавить: — У тебя есть деньги, чтобы все сработало, и это намного лучше, чем бывает у большинства.

Затем мне в голову пришла идея, и прежде чем дважды подумать о том, чтобы такое предлагать, или прежде чем я смогла передумать, потому что не испытывала к нему дружеских чувств, я выдала:

— Или просто найди американку и женись на ней.

Его взгляд переместился на потолок, а потом он стал внимательно изучать меня. Его грубые черты гладкие и ровные, и даже не нахмурившиеся.

— Найди ту, что тебе понравится, повстречайся с ней немного, а потом попроси выйти за тебя. После ты всегда сможешь развестись, — я замолчала и подумала о дальнейшей кухне Дианы. — Есть люди, которые сделают это для тебя, если ты им заплатишь, но это довольно рискованно, потому что, уверена, это уголовное преступление — пытаться получить документы, женившись только по этой причине. Есть над чем подумать.

Я моргнула, замечая, что выражение на его лице сменилось с изучающего на размышляющее. Задумчивое. Слишком задумчивое. Это странное ощущение поползло по моей шее. «Странно, странно, странно», — говорило мне, что что-то не так, говорило, что я должна исчезнуть из его поля зрения. Я сделала шаг назад и окинула его взглядом.

— Что такое?

Ничто в этом мире не смогло бы подготовить меня к тому, что вылетело из его рта:

— Выходи за меня.

— Что? — слова, сорвавшиеся с моих губ, такие же удивленные и грубые, какими я их себе и представляла, уверена в этом.

Он на наркотиках. Серьезно, он на чертовых наркотиках.

— Выходи за меня замуж, — повторил он, будто в первый раз я его не услышала.

Я прислонилась к кухонной стойке, разрываясь между слабостью от шока и остолбенением от его смешного заявления, и остановилась на том, что безучастно уставилась на его гранитное лицо.

— Ты на наркотиках, не так ли?

— Нет, — обычно напряженные уголки рта Эйдена расслабились; напряжение в его теле немного уменьшилось, но этого было достаточно, чтобы я заметила. — Ты можешь помочь мне получить гражданство.

Какого черта с ним происходит? Может, это все-таки повреждение мозга. Я видела некоторых парней, против которых он выступал, и как после стольких лет он остался нетравмированным?

— Зачем мне это делать? — выдавила я. — Почему я вообще захочу сделать подобное?

Эта сильная челюсть сжалась.

— Я не хочу работать на тебя, а еще меньше хочу выходить за тебя замуж, чтобы помочь с бумагами, — в моем мозгу возникла идея, и я от радости чуть не вскинула руки в воздух. — Женись на той, кто сможет заниматься делами ассистента. Это идеально.

Он закивал, когда я рассказала про идею с ассистентом, но эмоции в его глазах немного тревожили. Он выглядел слишком решительно, уцепившись за сумасшедшие мысли, которые крутились в его большой голове.

— Это идеально, — согласился он. — Ты можешь это сделать.

Я поперхнулась. Так же сильно, как я хотела что-то сказать — поспорить с ним или просто сказать, что он сошел с ума — ничто из моего рта так и не вышло. Я ошеломлена. Чертовски ошарашена.

Эйден точно принимал крэк.

— Ты сумасшедший? Ты себе на шею уронил штангу, пока качался?

— Ты сама сказала — это идеальный план.

Что я наделала?

— Он не идеальный. Он далек от идеального, — пробормотала я. — Я больше на тебя

не работаю, и даже если бы и работала, я бы этого не сделала.

Серьезно? Он думает, что сделала бы? Я знала, что он практичный, но это возмутительно.

Но он не слушал. Могла точно это сказать. У него было это задумчивое выражение.

— Ванесса, ты должна это сделать.

Разве он не понимал, что мы не друзья? Что он обращался со мной противоположно тому, как обращаются с людьми, о которых заботятся?

— Нет. Я не должна. И не буду.

Если я встречу правильного человека, я не смогу выйти замуж в ближайшем будущем. Я не часто думала о браке, но когда делала это, мне вроде как нравилась сама идея. Родители Дианы — идеальный пример отличных отношений; конечно, я хотела нечто подобное в будущем, если возможно. А если честно, я знала, что мне и самой будет хорошо.

И я не собиралась вычеркивать детей из своего списка, если в моей жизни появится правильный человек. Я знала, что хотела видеть в своем партнере, но больше всего знала, чего не хочу.

И Эйден даже в свои лучшие дни не был этим человеком. И даже близко не стоял. Конечно, он красивый; все, у кого есть глаза, видели это. Одно его тело заставляло женщин всех возрастов поворачиваться на своих сидениях, чтобы получше посмотреть, потому что Эйден дышал мужественностью, и какой женщине не понравился бы мужчина, который выглядел так, будто пьет галлоны мужественности?

Он — океан холодной воды, или мне так говорили. Ладно, у него есть деньги, но не это необходимое условие для будущего парня или мужа. Я могла сама заработать деньги.

Вот так.

Я только в первые три месяца своей работы на него думала, что у меня есть чувства к Виннипегской Стене. Он физически привлекал меня, конечно. Но для меня, особенно после всего, что я видела, через что прошла моя мама, всю жизнь прыгая из одних отношений в другие, этого недостаточно. Мой последний парень был не самым симпатичным парнем на планете, но он был забавным и милым, и нам нравились одни и те же вещи.

Мы ладили. Единственная причина, по которой мы расстались, — ему предложили работу в Сиэтле, и я не была уверена, что безумно влюблена в него, чтобы переехать через всю страну, еще дальше от людей, которые важны в моей жизни. Однажды я уже так сделала, уехав в колледж в Теннесси.

Эйден не соответствовал ни одной характеристике, которыми обладал мой бывший. Он не был забавным или милым, нам нравились разные вещи и, основываясь на последних двух неделях нашей совместной работы, мы не ладили.

И почему я вообще думала над тем, почему это плохая идея? Это ужасная затея. Та, которой я не собираюсь поддаваться. Никогда, ни за что.

Эйден, с другой стороны, не обращал внимания. Ему даже не надо было ничего говорить, чтобы я знала: он игнорирует все, что вылетает из моего рта.

— Эйден, послушай меня... — *«во второй раз в своей жизни»*, — добавила я в своей голове. — Уверена, Тревор найдет кого-то. Просто попроси.

Этот комментарий привлек его внимание. Его широкие темные брови распрямились.

— Я не собираюсь говорить Тревору.

Я поправила очки, несмотря на то, что они были на месте.

— Ты сделаешь это? — спросил он.

Да, из-за этого я поморщилась. Я не доверила бы Тревору даже отправить мне что-то по почте.

— Что насчет Роба?

Никакого ответа.

Ха. Тушэ.

— Зак?

Эйден просто отрицательно покачал головой.

— Твои друзья?

— Я бы уже сказал им, если бы хотел, чтобы они знали, — объяснил он осторожным тоном, в котором было слишком много смысла.

После этого комментария кое-что обрело смысл. Конечно, он серьезно был настроен на возвращение после травмы. И, самое главное, его ужасное настроение из-за страха, что его депортируют из страны, если он уйдет из футбола. Плюс, разборки с его менеджером и агентом, которые не поддерживали то, чего хотел Эйден после окончания контракта, и от этого становилось только хуже.

Но было кое-что, что не укладывалось у меня в голове, как только я над этим задумалась, и это не причина, почему он не хотел вернуться в Канаду или почему не хотел остаться в Далласе.

— Почему ты мне об этом рассказываешь? — спросила я нерешительно.

Карие глаза взглянули на меня, его широкий лоб прорезали линии.

Прежде чем смогла отговорить себя, я нахмурилась в ответ.

— Раньше ты мне никогда ничего не рассказывал, — я моргнула. — Никогда. Но теперь я ушла, и ты неожиданно появляешься у моей квартиры, просишь вернуться к тебе на работу, когда тебя совсем не заботило, что я уйду, и ты хочешь, чтобы я вышла за тебя замуж, чтобы оформить твои документы. Ты рассказываешь мне то, о чем не хочешь говорить никому другому... это странно, чувак. Не знаю, какого черта ты ожидаешь от меня в ответ.

— Я рассказываю тебе, потому что... — он открыл рот и также быстро закрыл его. Снова открыл, прежде чем закрыть, мускулы на его щеке двигались, как будто он не знал, зачем на самом деле делал это. Черт, я этого не знала. Наконец, Эйден пожал этими массивными, округлыми плечами и встретился своим взглядом с моим. — Ты мне нравишься, если мне вообще кто-то может нравиться.

Черт возьми.

Боже мой, черт возьми.

Диана однажды сказала, что у меня нет стержня. Вообще-то, я уверена, ее точные слова были: «Ты идиотка, Ван».

«Ты мне нравишься, если мне вообще кто-то может нравиться», — такое не должны считать комплиментом. Правда, не должны. Я не была настолько тупой. Но...

Неожиданно из меня вырвался грубый смешок, потом я засмеялась и подняла глаза к потолку.

От такого, как Эйден, полагаю, это самый большой комплимент, который я когда-либо слышала.

«Ты мне нравишься, если мне вообще кто-то может нравиться». Боже мой.

— Что смешного? — спросил Эйден, его рот хмуро изогнулся.

Я закрыла глаза рукой и склонилась над столешницей, смеялась и нервно потирала основание брови.

— Существует огромная разница между мной, чертовски не раздраженной из-за тебя, и между нами-друзьями, Эйден. Ты все четко прояснил, ты так не думаешь?

Он невинно заморгал, так искренне, и я не знала, что с этим делать.

— Мне все равно.

«Мне все равно».

Я разразилась смехом — правда, взорвалась от смеха — и уверена, казалось, будто я плачу, когда на самом деле я смеялась.

— Ты самая уравновешенная женщина, которую я когда-либо встречал.

«Уравновешенная». Он убивал меня.

Вот, чем стала моя жизнь. Принимаю полукомплименты от мужчины, который заботится лишь об одном — о себе. Мужчины, с которым я снова и снова пыталась подружиться, но безрезультатно.

К его чести, он немного подождал, прежде чем осторожно, слишком спокойно и мягко произнести:

— Это не смешно.

Пришлось присесть, потому что живот скрутило спазмом.

— Ты просишь меня — о, черт, у меня болит живот — совершить уголовное преступление, и объясняешь это тем, что *«я тебе нравлюсь, если тебе вообще кто-то может нравиться»*, потому что *«тебе все равно»* и потому что я *«уравновешенная»*, — я подняла руки, чтобы показать в воздухе воображаемые кавычки. — Черт возьми, не думала, что у тебя есть чувство юмора, но это так.

Лучший защитник НФЛ не засомневался из-за слов, что я ему высказала.

— Так значит, ты это сделаешь?

После такого я даже не могла найти в себе раздражение от его настойчивости. Я до сих пор слишком сильно смеялась из-за его таких важных аргументов в качестве фальшивой жены.

— Нет, но для меня это величайшее событие — узнать тебя. Правда. Я бы хотела, чтобы ты с самого начала был таким со мной. Работать на тебя было бы немного веселее, и я, возможно, задумалась бы над тем, чтобы вернуться к тебе ненадолго.

Хотя этого до сих пор недостаточно. Я не планировала постоянно работать на него, особенно не после всего, что случилось, и всего, о чем он просил меня сейчас. Выйти за него.

Он выжил из своего чертова ума.

В мой план после начала работы на саму себя в качестве графического дизайнера входила выплата ужасающего количества студенческих займов, которые у меня до сих пор были, покупка дома, новой машины и остальное... все встанет на свои места, когда придет время. Попутешествовать, найти кого-то, кто понравится мне настолько, чтобы завести с ним отношения, может быть, родить ребенка, если я захочу одного, и продолжить укреплять свою финансовую независимость.

А чтобы зарабатывать, я должна работать, так что я встала на ноги и пожала плечами в ответ своему бывшему боссу.

— Слушай, ты найдешь кого-то, если приложишь небольшие усилия. Ты привлекательный, у тебя есть деньги, и большую часть времени ты порядочный парень, — я убедилась, что пригвоздила его взглядом, который подчеркивал слова «большую часть времени». — Если ты найдешь ту, что тебе понравится, даже слегка, уверена, все сработает.

Я могу дать тебе номер моих подруг, но они сведут тебя с ума через десять минут, и я не настолько зла на тебя, чтобы представить одной из своих сестер.

Я прикусила щеку изнутри, не зная, что еще сказать, в полной мере осознавая, что никогда не пойму, что привело его к этому времени и этому моменту со мной.

И что он сделал?

Его взгляд блуждал по моему лицу, он нахмурился и покачал головой.

— Мне нужна твоя помощь.

— Нет, не нужна, — снова пожав плечами, я послала ему неохотную мягкую улыбку, потому что знала, что он не привык, когда ему говорят «нет». — Ты сам во всем разберешься. Я тебе не нужна.

Перевернув свой сэндвич с жареным сыром, я хихикнула в трубку:

— Я не иду. Все равно не думаю, что нравлюсь ему.

— Мне не нравился Джереми до нашего третьего свидания, и посмотри на нас сейчас, — аргумент Дианы, вероятно, худший из всех, что она могла выбрать.

Пять раз, что я встречалась с ним за последние шесть месяцев, на пять раз больше, чем нужно. И я точно знала, ее брат чувствовал то же самое. Мы общались с ним на дне рождения Дианы, не прошло и минуты, как мы послали друг другу взгляд «он мудака». Никто из нас не пытался прикрыть свою неприязнь, и в тот момент, когда я не нашла, что сказать, поняла, что это говорит о многом.

Не удивительно, что она знала, из-за чего повисла тишина, и вздохнула.

— Он, правда, хорошо ко мне относится.

Я очень в этом сомневалась. Каждый раз, когда мы куда-то выходили вместе, он пытался с кем-то влезть в драку... без причины. Он казался нервным, капризным и слишком дерзким. Плюс, мне не нравилась исходящая от него энергетика, а я научилась прислушиваться к своему нутру, когда дело касалось людей.

Я много раз говорила ей, что чувствую, но она постоянно отмахивалась от меня.

— Эй, мне нечего сказать, так что я лучше промолчу, — сказала я ей.

Тяжелый вздох, который послышался, ясно сказал мне, что она больше не хочет говорить о Джереми, отлично зная, что это безнадежно. Ничто не заставит меня изменить мнение о нем, пока он не спасет мою жизнь или что-то в этом роде.

— Я думаю, ты должна сходить на еще одно свидание. По крайней мере, ты получишь пару напитков.

Зачем я вообще рассказала ей, что парень со вчерашнего свидания снова пригласил меня? Я должна была знать. Правда, должна.

— Я выпила столько вина, сколько возможно, чтобы пережить эти два часа. Мне хватит.

Она издала что-то, похожее на «фи».

— Вина никогда не бывает слишком много.

— Есть что-то, о чем я должна знать?

— Не знаю. Есть?

— Не знаю, Бетти Форд. Ты мне скажи.

Человек, который был мне почти сестрой, а не другом, разразилась таким знакомым громким смехом, который был настолько родным, насколько это возможно.

— Иди к черту. Я пью два, может быть три раза в неделю.

— Если это твой способ убедить меня, что у тебя нет зависимости, не сработало, — рассмеялась я.

Она пренебрежительно фыркнула.

— Иногда я даже не знаю, почему разговариваю с тобой.

— Потому что никто тебя не любит, кроме меня, твоего брата и мальчиков?

— Вероятно, поэтому, — задумчиво протянула Ди.

Мы одновременно разразились смехом.

— Когда ты свободна? — спросила я. Я не видела ее с тех пор, как она перекрасила мне

волосы.

— О-о, эм, давай вернемся к тебе. У нас с Джереми планы.

Да, возможно, я слегка закатила глаза.

— Ну, дай знать, когда их не будет, — слова, связанные с Джереми, влетали у меня в одно ухо и из другого вылетали.

— Конечно. Я хочу попробовать на тебе другой цвет. Твои корни уже видны?

Я обдумывала тот факт, что она даже не спросила меня, может ли она снова покрасить мои волосы, когда раздались три резких стука в дверь.

— погоди секунду, — выключив конфорку, я направилась к двери. Это не мои соседи; никто из них не стучит с такой силой, что гремит дверь, в те редкие случаи, когда они заглядывают.

Поэтому я точно знала, кто там, даже не заглядывая в глазок.

— Я перезвоню тебе позже. Кто-то стучит в дверь, — объяснила я резко. Я до сих пор не рассказала ей или кому-то еще о том, что Эйден приходил и снова просил меня работать на него, и, конечно, не стала говорить, что неделю назад он попросил меня выйти за него, чтобы он получил гражданство. Я думала о том, чтобы позвонить Заку, но не стала этого делать.

— Ладно. Пока, — я даже не успела толком попрощаться, когда звонок оборвался.

— Кто там? — спросила я, даже если могла поставить двадцать баксов на то, что уже знала ответ.

— Эйден, — ответил голос с другой стороны двери, когда я приподнялась на носочки и посмотрела в глазок. И, конечно, за стеклом меня встретили загорелое лицо с шоколадными глазами и знакомый, крепко сжатый рот.

До тех пор, пока не открыла дверь, я не заметила, что он одет в худи, а на голове капюшон. Пока он стоял там, я приподняла бровь, его плечи заняли весь проем, выдавая его прозвище. Он, правда, был похож на чертову человеческую стену.

— Ты вернулся, — моргнула я. — Снова.

Я с неохотой признавала, что у меня нет стержня, и также знала, что как только вы дадите мне причину не любить вас, почти невозможно снова получить мою благосклонность. Спросите Сьюзи. В то время, как я мирилась с тем, что Эйден — маленькая, сварливая задница, вся ситуация с Тревором отправила его на непримиримую территорию. В принципе, он отправился на Забытые Земли. Дело в том, что он сделал мне больно.

Он послал мне взгляд, который я не знала, как интерпретировать, прежде чем скользнул в мою квартиру — без приглашения — в процессе коснувшись своей грудью моей руки. Он излучал огромное количество тепла, и мне не надо смотреть на часы, чтобы знать, что он приехал после тренировки. И еще он пах так, будто пропустил душ в раздевалке.

Я только закрыла дверь, когда Эйден остановился в коридоре: руки на бедрах, на лице жесткий взгляд, который я не поняла.

— Ты живешь с торговцами наркотиков.

О-о-о.

Я пожала плечом.

— Они не трогают меня, — конечно, мне пришлось сказать «нет, спасибо» около десятка раз, но этот факт я не уточняла.

— Ты знаешь, что они торговцы наркотиками?

Я снова пожала плечами, решая, что эта осуждающая задница не узнает о том, что люди на другой стороне моего дома — печально известная банда, у которых из карманов торчат синие банданы. Так что я сменила тему, думая о своем сэндвиче, который ждет меня.

— Тебе что-то надо? — слова вылетели из моего рта до того, как я смогла себя остановить, черт побери.

Как и следовало ожидать, Эйден кивнул, стоя в коридоре между дверью и остальной частью моего дома.

— Ты.

Я.

В другом мире, с другим человеком, мне бы понравилось слышать то, что кто-то нуждался во мне. Но... это Эйден. Эйден, который думал, что «нуждается» во мне, чтобы жениться на мне; Эйден, который появился в моей квартире лишь потому, что ему нужно что-то от меня. В воображении я сделала из пальцев пистолет, приставила его к своему лбу и нажала на курок. В реальности я просто бесстрастно смотрела на него, веки недовольно опустились сами по себе.

— Нет.

— Да.

Черт возьми.

— Нет.

— Да, — настаивал он.

Мой желудок заурчал, напоминая, что я не ела с завтрака, который был много часов назад. Сварливость стала подниматься во мне, оттесняя меня, чтобы разобраться с этим сумасшедшим человеком. Подняв свои очки, чтобы они оказались на голове, я со вздохом потеряла глаза.

— Для меня это честь, правда, — если начистоту с самой собой, то это не правда. — Но я последний человек, которого ты должен просить об этом.

Его ноздри раздувались, и он вздернул нос, выпятив подбородок. Этот огромный мужчина, делом жизни которого являлась борьба с такими же большими мужчинами, смотрел на меня исподлобья.

— У тебя есть парень?

— Нет...

— Тогда проблемы нет.

Я еще раз потеряла глаза ладонями и попыталась обуздать свое разочарование. Выдохнув, я опустила очки обратно на нос и уставилась на бегемота в своем коридоре. Очевидно, нам придется это сделать.

— С чего бы мне начать?

Когда его ответом стал лишь взгляд, из-за которого мне захотелось засунуть пальцы ему в нос, я поняла, что этот взгляд — самый лучший ответ, который я получу от него. Если он хочет быть занозой в заднице, я тоже могу ею быть. Что мне терять? Мы не друзья, он и раньше не заботился о моих чувствах, так что я не должна чувствовать вину, честно отвечая ему.

Так что я начала:

— Ладно, — я приподняла плечи, готовясь к битве, и для моральной поддержки опустила взгляд на свою любимую картину на стене. Это сердце, созданное из разноцветных шпилек, для книги под названием «Исцеляющая любовь». Я очень горжусь ею. — Во-

первых, мы не знаем друг друга.

— Мы знаем друг друга.

Бредовое утверждение.

Я хотела перейти к следующему пункту, но, видимо, мы не в состоянии пройти через это, пока он не поймет каждую очевидную причину, почему я, помогающая ему исправить иммиграционный статус, ужасная идея.

— Я знаю тебя очень хорошо, но ты не знаешь обо мне ничего, кроме моего имени. Какая у меня фамилия?

— Мазур.

Я знала его. Я, черт возьми, знала его, поэтому скрестила руки на груди и прищурилась.

— Ты проверил мое имя, не так ли?

Он смотрел на меня с тем же выражением, что сводило меня с ума. Это чертовски самодовольно. Существует очень популярная фотография с изображением его на пресс-конференции после игры, и на ней он с таким же выражением лица смотрит на репортера, который задал ему глупый вопрос. В тот день все трусики в США были сняты. Но единственное, что делали со мной острый подбородок, сжатый рот и холодные глаза, — это чертовски раздражали.

— Я не вижу, в чем проблема.

Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь.

— Не знаю, ты только притворяешься тупым или ты на самом деле такой твердолобый, — выдавила я сквозь сжатые зубы. — Я проработала на тебя два года, и ты не знал моей фамилии. Ты даже не мог просто сказать мне «Привет». Эйден, ты просишь у меня не одолжить двадцать баксов или подвезти в аэропорт. Ты меня не знаешь, я тебе даже не нравлюсь. И это нормально, я не переживаю об этом, но мы не можем пожениться, — я замолчала, чтобы сделать вдох, — чтобы разобраться с твоими документами, если я тебе не нравлюсь. Ты не можешь два года игнорировать меня, не заботиться о том, что я увольняюсь, обращаться со мной как с дерьмом и затем ожидать, что я с радостью помогу тебе, когда ты попросишь.

— Я говорил тебе. Ты нравишься мне...

Боже мой. Я имею дело с кирпичной стеной. Мой глаз почти дернулся, пока я прилагала усилия, чтобы не переделать его прозвище.

— Если тебе вообще может кто-то нравиться. Поэтому ты разрешил Тревору так говорить обо мне? Потому что я тебе нравлюсь?

Он поднял руку, чтобы почесать шею; цвет, близкий к розовому, окрасил его щеки.

— Я... — начал он спорить. Розовый цвет начал спускаться вниз по его шее.

Черт возьми.

Мне пришлось досчитать до шести, и я выпрямила спину, пока делала это. Все это бессмысленно.

— Ладно. Ладно, Эйден. Я даже не знаю, какого черта это значит, но ладно; ты показал мне все за эти два года. Теперь у тебя нет ассистента, и ты хочешь стать гражданином страны, и вот ты здесь. Все это кажется очень реальным, ты так не думаешь? Но ладно, я дам тебе кредит доверия. Может, ты можешь терпеть меня по какой-то причине и не хочешь, чтобы я стала высокомерной, так что по тебе все это незаметно, — даже для моих ушей все это звучало как настоящая хрень. — Но как насчет того, что ты просишь меня совершить уголовное преступление? Я могу попасть в тюрьму, а тебя депортируют. Что насчет этого?

— Это все нелегально, только если тебя поймают.

Я не знала, что сказать. Это сон? Это вообще реальная жизнь?

— У меня есть план, — заключил он низким голосом, который напомнил мне рев двигателя газующей фуры.

Слишком поздно. У меня появилось чувство, что это проигрышное дело.

— Правительство очень серьезно воспринимает подобные вещи, ты знаешь. Это я отправлюсь в тюрьму, не ты.

Ладно, я не знала наверняка, посадят меня или нет, но все может быть.

— Я провел исследования. У меня есть план.

И снова он о своем чертовом плане.

— У меня тоже есть план, и в него не входит выйти замуж за кого-то, чтобы помочь ему оформить иммиграционные документы. Извини, Эйден. Мне, правда, жаль, но ты можешь найти место и получше, чтобы подыскать кого-то, на ком сможешь жениться, если это то, чего ты хочешь. Хотя ты не должен. Может, ты можешь просто заплатить кому-то много денег, чтобы ускорить работу над твоими документами.

— Жениться — лучший способ проделать все это, — он замолчал. Его большие руки заметно сжались по бокам, и, клянусь, в этот момент он выглядел еще больше. — Я не хочу еще одну визу.

Мое сердце слегка отреагировало, потому что я слабая и жалкая, и потому, что чувствовала себя плохо, отказывая ему. Я ненавидела не помогать людям, когда они в этом нуждались. Но это смешно. Вот мужчина, который практически никогда не был добр ко мне, который не пытался стать моим другом, пока я не ушла от него. Теперь кажется, будто он просит у меня целый мир, и я не чувствую, что вправе дать ему это.

— Не знаю, что сказать тебе, — я покачала головой. — Ты выжил из ума. Я не буду это делать, и не знаю, как ты вообще решился спросить меня об этом.

Его взгляд остановился на мне, неугомонный и непоколебимый, будто только что я снова не отказала ему. Его подбородок приподнялся, губы на мгновение исчезли, поджавшись под зубы. Зубы, которые я знала, белые и идеальные.

— Ты настолько зла на меня?

Я направила свой воображаемый пистолет в его сторону и спустила курок, прежде чем сделать глубокий вдох, чтобы успокоиться.

— Даже если бы я ушла на хорошей ноте, я все равно не вернулась бы снова к работе на тебя и не стала бы помогать тебе получить визу или гражданство, или что еще тебе там надо.

Его взгляд медленно блуждал по моему лицу, заставляя меня четко осознать, что на мне нет ни капли макияжа... или паршивого лифчика. К счастью, я видела, что Эйден лишь раз смотрел куда-то кроме моего лица, и это было в ту ночь, когда он появился здесь, а на мне было короткое платье.

И снова, я никогда не видела, чтобы он смотрел на женскую грудь или задницу. В прошлом он десятки раз говорил СМИ, что у него нет времени на отношения, и он прав. У него не было.

— Я вижу это по твоему лицу, Ванесса, — заявил он, заставляя меня временно игнорировать ситуацию, в которой я оказалась.

Слово «глупо» рикошетило в моей голове.

— Я не злилась на тебя с тех пор, как вышла из твоего дома.

— Ты врешь. Ты делаешь такое лицо, когда пытаешься притвориться, что не злишься, —

объяснил он, его взгляд опалял меня, отчего я почувствовала себя неуверенно.

— Неправда, — практически пробурчала я.

Его бесстрастное лицо сказала то, чего не сказали слова. Обманщица.

С меня хватит. Я голодна, сердита, раздражена. Это абсолютная правда. По тому, как пульсировала вена у меня на лбу, у меня до сих пор осталось небольшое количество гнева по отношению к нему.

— Ладно. Хорошо. Да, я до сих пор слегка зла на тебя. Из всех возможных людей ты позволил Тревору говорить обо мне за моей спиной, — я моргнула. — Тревору, — к этому моменту моя кровь не знала, приливать к лицу или от него. — Тревор за деньги продаст собственного ребенка. Может, мы и не друзья, но ты должен знать, что я забочусь о тебе намного больше, чем чертов Тревор.

Одно лишь произнесенное вслух его имя злило меня, и мне пришлось приказать себе успокоиться.

Раз, два, три, четыре, пять.

Я прикусила щеку изнутри и моргнула.

— Ты даже ни разу не извинился. Ты понимаешь, как это грубо? Ты никогда ни за что не извиняешься, никогда. После всего, что я для тебя сделала, после всего, что я когда-либо делала ради тебя, суть в том, не просто быть твоим работником, и ты просто... Я никогда никому не позволяла говорить о тебе плохо, — произнесла я, убедившись, что его взгляд встретился с моим, когда говорила это, чтобы он понял или, по крайней мере, увидел, что я не просто веду себя как идиотка, чтобы быть идиоткой.

— И, самое главное, до того, как я ушла, ты вел себя как огромный придурок, — заверила я его, ощущая зарождающееся знакомое разочарование в груди. — Почему я должна хотеть сделать что-то для тебя? Между нами нет никакой лояльности. Мы не друзья, — я пожала плечами. — Ты можешь ничего не знать обо мне, но я знаю почти все о тебе, и сейчас это ничего не значит. Я со всем покончила. Я уважала тебя. Я восхищалась тобой, а тебе просто... было плевать. Не знаю, как ты можешь ожидать, что я забуду обо всем этом.

Честно, я удивилась, что высказала все это, и еще более была шокирована тем, что под конец рассказа о моих злоключениях я даже не задыхалась.

Вена на лбу пульсировала. Я сжала ладони в кулаки и почувствовала себя злее, чем когда-либо. Тем не менее, когда я действительно сфокусировалась на мужчине в худи, стоящем в пяти шагах от меня в коридоре моей квартиры, я не могла не остановиться.

Мышцы на его шее напряглись. Резкость его скул казалась более заметной. Но в форме его губ присутствовала эмоция, которую я не видела раньше.

— Ты права.

Я не ожидала, что он извинится. Крошечная надежда была... но...

— Что?

— Я не должен был позволять ему говорить такое.

— Да ты что.

Он проигнорировал мой комментарий.

— Я должен был лучше обращаться с тобой.

Должна ли я не согласиться?

Словно почувствовав, что его слова терпят неудачу, Эйден решительно отвел назад плечи.

— Мне жаль.

Я сжала и разжала по бокам кулаки. Я не была уверена, что сказать, даже если попыталась успокоить злое биение своего сердца.

— Ты была отличным ассистентом, — добавил Эйден.

Я до сих пор продолжала смотреть на него. Конечно, я была хороша, но также я была единственным ассистентом, что у него когда-либо был, так что...

Он сжал ладонью шею, и его адамово яблоко дернулось. Могу поклясться, эти внушительные плечи чуть наклонились вперед.

— Ты всегда была лояльна ко мне, и я не ценил этого, пока ты не ушла.

Несколько мгновений никто из нас не произносил ни слова. Может, он ждал, что я снова наброшусь на него, или я ждала, что он снова попросит меня сделать нечто, чего я делать не хочу. Кто знает? Но времени прошло довольно много, отчего Эйден, наконец, прочистил горло.

— Ванесса, прости меня за все.

Я верю, что ему немного жаль, но большая часть моей совести полагала, что он не извинялся бы, если бы ему не нужно было что-то от меня. Я не могла не ощущать скептицизм, и, уверена, эмоции были написаны у меня на лице.

Но Эйден не был идиотом, поэтому продолжил:

— Я злился из-за другого, что не имело ничего общего с тобой. Я не пытался быть милым, это правда, но я никогда не хотел переступить черту или грубить тебе.

Я фыркнула. Сцены в тренажерном зале и на радиостанции крутились в моей голове.

Должно быть, он точно знал, о чем я думаю, потому что покачал головой, разочарованно или покорно, не знаю, и мне плевать.

— Мне жаль, что я выместил все это на тебе. Извинения ничего не изменят, но я именно это имею в виду. Мне жаль.

Хотела ли я спросить, что его разозлило? Конечно. Конечно, хотела. Но я знала, если попрошу уточнить, это покажется ему сигналом, что он на пути к вероятной победе.

А это не так.

Так что я промолчала. Существует много чего, что я могла бы простить, но чем больше я об этом думала, тем больше понимала, что он подвел меня, когда я даже не возлагала на него больших надежд. Эйден стал просто еще одним человеком, который не соответствовал моим ожиданиям. Что это такое? Плюс, стрессы, окружающие его в тот короткий период времени, из-за чего он стал мудаком, не могут объяснить остальные месяцы и годы, когда он совсем не уделял мне внимания.

Эйден наблюдал за мной глазами кофейного цвета, наблюдал, наблюдал, наблюдал.

— В последнее время у меня был стресс, — произнес он, его слова звучали как приманка.

И я это уже знала.

Он облизнул верхнюю губу и немного опустил голову, прежде чем глубоко вздохнуть.

— Могу я воспользоваться туалетом?

Я указала в сторону своей спальни и кивнула.

— Это там.

Секунду спустя он исчез за дверью между гостиной и кухней, и я воспользовалась этим моментом, чтобы сделать дрожащий вдох. В какой-то момент у меня начала болеть голова, и я знала — это результат голода и напряжения. На кухне я взяла свой теперь уже холодный сэндвич и склонилась над раковиной, делая несколько укусов жареного сыра.

Я даже не съела еще и половины, когда появился Эйден. Он прислонился к дверному проему, который вел из кухни в мою спальню, скрестив руки на груди. Если бы я не была в таком ужасном настроении, я бы оценила ширину его плеч, или как его руки находятся в идеальной пропорции с остальным его массивным размером. Мне не надо смотреть на его бедра, чтобы знать — их ширина равна стволу красного дерева.

— Я заплачу тебе, — произнес он, пока я не смотрела на него.

Я была готова снова сказать ему, что с деньгами у меня все в порядке, когда Эйден опередил меня.

Он сбросил бомбу.

— Я оплачу твои студенческие займы и куплю тебе дом.

Я уронила свой сэндвич в раковину.

Сказать, что у меня есть ахиллесова пята, — это ничего не сказать.

Я росла в семье с пятью детьми и матерью-одиночкой, и денег было мало. Очень мало. Правда, недостаточно. Мелки в начальной школе были не фирменными, и поэтому плохо рисовали. И я носила исключительно дешевую поношенную одежду, пока не стала достаточно взрослой, чтобы самой платить за новые вещи, а этого не произошло, пока у меня не появились приемные родители.

Но если меня и научила чему-то бедность — это ценить деньги и имущество. Никто не уважает деньги больше, чем я.

Таким образом, это стало моим величайшим ужасом, когда я подала заявление в колледж и не получила стипендию. Никакую. Ничего. Даже пятьсот долларов.

Я умная, но не являлась супер одаренной студенткой. В школе была застенчивой. Не часто поднимала в классе руку или присоединялась к доступным дополнительным видам деятельности. Не занималась спортом, потому что у нас не было лишнего дохода, чтобы покупать форму, и никто из нас, детей, не присоединился ни к одной командной лиге.

Я всегда любила быть одной, рисовать и писать, если были краски. Я не выделялась ни в чем, что помогло бы мне получить стипендию. В моей старшей школе была не очень хорошая программа по искусству; единственный класс, который я смогла взять — столярная мастерская, который я закончила с отличием. Но куда меня это привело?

До сих пор очень ярко помню, как методист в моей старшей школе говорит мне, какая я обычная. Правда. Она так мне сказала.

— Может, тебе надо было усерднее стараться.

После этого я была слишком шокирована, чтобы досчитать до десяти.

Одних пятерок и нескольких четверок было недостаточно. Тем не менее, я была в ужасе и разочарована из-за того, что меня приняли в каждый порядочный колледж, куда я подавала заявление, но не предложили никакой финансовой помощи, кроме федерального гранта, на который я претендовала из-за финансовых нужд, но это покрывало лишь десять процентов от общей стоимости ежегодного обучения.

И, конечно же, колледж, в который я хотела поступить, находился в другом штате и был невероятно дорогим. Я полюбила его больше, чем любого другого из тех, что проверяла со своими друзьями осенью выпускного года.

Так что я сделала невозможное. Взяла кредиты. Огромные студенческие кредиты.

Затем сделала еще одно нечто невозможное в мире — никому об этом не сказала.

Ни приемным родителям, ни младшему брату, даже Диане. Никто, кроме меня, не знал. Ни один человек в мире, кроме меня, не нес на себе бремя двухсот тысяч долларов.

В течение четырех лет после получения степени, я, как могла, выплачивала свои кредиты, одновременно пытаюсь откладывать деньги, чтобы, в конечном итоге, полностью посвятить себя работе своей мечты. Такой большой долг, как мой, — это бездонный колодец, который необходимо принять, будто это гепатит — он никуда не уйдет — но все это только для того, чтобы заставить меня усерднее работать, поэтому я не возражала против работы на Эйдена, а после, посреди ночи, занималась дизайнами.

Но всему есть предел, и я накопила и погасила достаточную часть долга, чтобы прийти

к точке, где почувствовала, что впервые за несколько лет могу дышать... пока не вижу кредитные квитанции, которые получаю по почте каждый месяц.

Но...

— Что думаешь? — спросил Здоровяк, опуская на меня свой взгляд, как будто он только что не раскрыл самый большой секрет в моей жизни.

Я думала, что он выжил из ума. Я думала, что мое сердце не должно биться так быстро. И еще я думала о том, что никто не должен знать о том, как много денег я должна.

— Ванесса?

Я моргнула, прежде чем опустить взгляд в раковину на мой бедный, испачканный бутерброд. Затем сделала глубокий вдох, закрыла глаза и снова их открыла.

— Как ты узнал о кредитах?

— Я всегда знал.

Что?

— Как? — я почувствовала... я почувствовала себя немного оскверненной, честно.

— Тревор проверил тебя, — сейчас, когда он упомянул об этом, мне это показалось смутно знакомым, даже если мне было тревожно слышать, что они знали о том, что я так сильно пыталась скрыть ото всех. — Нет ни единого способа, каким ты смогла бы их выплатить, — заявил Эйден.

Он прав.

Меня тошнит. Тошнит. Тошнит.

— Сколько бы ты ни задолжала, я это оплачу.

Вот так просто. Он оплатит. Будто сто пятьдесят тысяч совсем не проблема.

Мне нравится смотреть шоу, в котором начальники под прикрытием проникают в свой бизнес и в конце удивляют своих работников сумасшедшей суммой денег, чтобы они съездили в отпуск или выплатили долги. Чаще всего я наблюдала за этим со слезами на глазах.

Работники обычно тоже плакали и говорили, что никогда не ожидали, что нечто подобное случится с ними, или каким благословением для их семьи станут эти деньги. Или какой подарок им преподнесли, чтобы изменить их жизни.

Но вот она я.

Мои руки задрожали, а легкие словно забыли как дышать.

Мои кредиты были моей ахиллесовой пятой.

Меня лишь слегка пристыдила мысль, что я незамедлительно не подумала о том, как нелепо его предложение. Почему я не вытолкала его или не послала? Почему не рассмеялась над его идеей? Или не сказала отвалить к черту, потому что он не может купить меня? Он плохо со мной обращался. Он не заслуживает того, чтобы я сделала ему «одолжение» и ради него поставила под угрозу свою жизнь.

Стиснув руки по бокам, я позволила ощущению перегруженности нахлынуть на меня. Он предлагал оплатить это все, что лежит в моей душе как цементный блок в бассейне. Кто так делает?

Но все же, кто говорит «нет» такому предложению? Мне нравилось думать, что я принимаю мудрые решения; что делаю то, что лучше для меня и будет лучше в долгосрочной перспективе. Но сто пятьдесят тысяч? Ох, черт.

— Я готов пойти на компромисс, — предложил Эйден; его глаза были честными, а голос твердым, что совсем не помогало.

Я фыркнула.

«Заткнись, Ван, — сказала я себе. — Заткнись, заткнись, заткнись и просто скажи «да», идиотка. Не отговори его от этого. Не будь дурой. Ты сможешь сделать все ради этих денег. Это возможность всей твоей жизни, даже если он ранит твои чувства, даже если это глупо и незаконно, и если в этом нет никакого смысла, потому что в мире миллион других женщин, которые готовы сделать подобное и за меньшее».

Но я не могла заткнуться. Просто не могла. Существовала небольшая придиричивая часть моей личности, которую я оттачивала на протяжении многих лет, — та, которая иногда не знает, как промолчать.

Я подняла взгляд и посмотрела на заросшего щетиной мужчину, который стоял в моей квартире и предлагал мне спасательный круг, возможность. *«Преступление»*, — напомнила я себе. Он просит меня совершить нечто незаконное. Этот мужчина, который никогда дважды не задумывался обо мне до данного момента, когда ему что-то не понадобилось и больше некого попросить.

— Эйден...

Самый мускулистый мужчина, которого я знаю, сделал шаг вперед и прижал руки к бокам, прищипывая меня взглядом к месту.

— Это должна быть ты. Я подумал об этом. Никто не понимает мое расписание так, как ты. Ты не действуешь мне на нервы, и ты... — он покачал головой и распял меня на месте. — Я сделаю все, что нужно. Скажи, чего ты хочешь, и ты это получишь. Что угодно.

Головная боль, давящая на виски из-за голода, внезапно усилилась.

«Скажи ему «Нет», — сказала умная часть моего мозга. В конце концов, я смогу погасить свои кредиты. У меня все еще есть время.

Но другая часть моего мозга, логическая, сказала, что будет тупо упустить такую возможность. Все, что мне надо сделать, это выйти за парня, верно? Подписать клочок бумаги? Сохранить сбережения за счет его интересов?

Вот черт. Seriously, я не могу переключать свое настроение каждую минуту. Я только что говорила ему, что мы не друзья, и как сильно он ранил мои чувства, и какой он идиот только потому, что поднял эту тему... и теперь я снова обдумываю его предложение всего через несколько минут. И еще раз, более ста тысяч долларов являются частью этого предложения. Это не пустяк.

И тогда моя рука задрожала сильнее, чем раньше, и я получила временный ответ, и даже тогда простое желание рассмотреть данный вариант заставило меня почувствовать себя проституткой.

Я могу думать о себе как о проститутке, но я хотя бы буду проституткой без долгов, не так ли?

Его взгляд был полностью сосредоточен на мне, стоящей там, в моей крошечной кухне в мешковатых пижамных штанах «Доктор Пеппер» и топе, низ которого был разрезан на полосочки, и на мне не было лифчика.

Со мной что-то не так. Со мной серьезно что-то не так.

«Скажи ему проваливать. Скажи ему проваливать».

Но я не сказала.

— Дай мне подумать об этом, — произнесла я, мой голос неуверенно надломился.

Он не расплакался из-за победы, и я не отправила его сразу к черту, что удивительно. Вместо этого Эйден очень спокойно ответил:

— Хорошо, — на секунду он засомневался, переступая с ноги на ногу. — Извини, что я облажался.

У меня в горле сформировался узел из-за выражения на его лице.

— Я привык быть одиночкой, Ванесса. Ничто из того, что я сказал или сделал, не имеет отношения к тебе. Я хочу, чтобы ты это понимала.

Больше ничего не добавив, мужчина, известный как Виннипегская Стена, ушел. Единственным звуком, сигнализирующим о его уходе, стал хлопок закрывшейся за ним двери.

Я собиралась подумать об этом. Подумать о том, чтобы выйти замуж за парня ради денег, когда месяц назад я уволилась с работы на него, потому что он не защитил меня перед своим менеджером; он не поддерживал даже мизерные обязательства, которые, как я думала, между нами были. Какого черта я делаю?

«Будь умной», — шептала логическая часть моего мозга.

Следующие две ночи я не спала, и это не удивительно. Как, черт возьми, я могла спать, когда все, о чем я думала, действительно ли я рассматриваю совершение мошенничества — брачное мошенничество, как его называют — чтобы получить кучу денег? Через это ли проходят все воры?

Я чувствовала вину, хотя еще ничего не сделала.

И еще я чувствовала себя немного дешевкой из-за того, что сразу не сказала «черт, нет», но не такой уж дешевкой.

Оплата кредитов и возможность получения дома, купленного для меня манили меня гораздо больше, чем когда-либо ожидали мои моральные устои. И снова, нравственность значит не так много, когда откладываешь ипотечную сумму на счета каждый месяц. Я живу в квартире, которая приведет в ужас моих приемных родителей, если они узнают, какая она. Моей машине двенадцать лет. Я свела свои расходы к абсолютному минимуму, чтобы только тратить свои деньги так, как мне нужно.

И затем я задумалась о себе... если сделаю это, однажды мне придется развестись. Я должна буду сказать своему будущему мужу — если такой будет — что я уже была замужем, и я никогда не смогу рассказать ему правду о том, почему сделала это. Я не смогу врать и притворяться, что этого никогда не было, даже если это фальшивка лишь на словах.

Нормально ли это? Справедливо? Может, все из-за того, что когда я была маленькой, мама ни разу не вышла замуж, но я всегда представляла брак как супер серьезный особенный шаг, на который способен не каждый. Союз двух людей, которые решили, что собираются покорять мир вместе, — поэтому необходимо быть разборчивой с тем, кого выбираешь в партнеры. Вся эта часть «пока смерть не разлучит нас» и тому подобное, в противном случае ты просто тратишь свою жизнь зря. Верно?

Когда я не обдумывала все это, я спрашивала себя, что скажу людям в своей жизни. Они поймут, что я по шею в дерьме, если расскажу, что выхожу замуж за Эйдена. Я должна буду рассказать о кредитах, если собираюсь рассказать правду, и я лучше засуну руку в кипяток, чем сделаю это.

Это слишком. Слишком.

И вот, я, наконец, взяла телефон и позвонила единственному человеку, которого не смогу обмануть. Я больше не могу жить с этим. Я устала, я капризнее, чем когда-либо, и не могу сфокусироваться, потому что слишком отвлечена. Мне необходимо принять решение.

— Диана, ты бы вышла замуж за кого-то ради денег? — спросила я ее в один

прекрасный день, когда позвонила ей во время ее обеденного перерыва.

Не пропуская удар, она издала задумчивый звук.

— Как сказать. О какой сумме идет речь?

И именно тогда я поняла, что позвонила не тому человеку. Вместо нее я должна была набрать Оскара, моего братишку. Он — рассудительность моей жизни, баскетбольный игрок, изучающий машиностроение. Он всегда был мудр не по годам. Диана... не очень.

Я рассказала ей лишь часть правды.

— Что, если кто-то купит тебе дом?

Она хмыкнула, затем еще раз.

— Хороший дом?

— Не особняк, жадная шлюшка, но я говорю не о свалке и тому подобном, — по крайней мере, как я поняла.

— Все, что мне надо сделать, это выйти за кого-то замуж, и он купит мне хороший дом? — позже я смогу посмеяться над ситуацией, которая привела меня к этому разговору, или над тем, как легко Диана обо всем этом рассуждала.

— Да.

— Должна ли я сделать что-то еще?

А что еще? Брак лишь для того, чтобы он получил гражданство; он не навсегда.

— Я так не думаю.

— О-о-о, — ее тон оживился. — Конечно. Почему нет?

Конечно. Почему нет. Вот это да. Я фыркнула.

— погоди секунду. Почему ты спрашиваешь? Кто это делает? — наконец, прощепетала она весьма заинтересованно.

Когда я закончила ей все объяснять, минуя случай, который подтолкнул меня к уходу, я ждала ее мудрого — обычно не мудрого — совета.

Все, что я получила, это:

— Сделай это.

— И все? — усмехнулась я.

Я интересовалась ее мнением о решении, которое изменит всю мою жизнь, и вот так она ответила?

— Конечно. Почему нет? У него есть деньги, ты знаешь все самое худшее о нем, и он собирается заплатить тебе. О чем тут еще думать? — произнесла она сухим тоном.

Она, определенно, была худшим человеком, к которому я обратилась за советом.

— Это незаконно.

— В таком случае, сделай так, чтобы тебя не поймали.

«Ладно, Эйден Младший», — подумала я, прежде чем она продолжила.

— Люди все время так делают. Помнишь Фелипу? — это ее кузина; как я могла забыть? — Этот парень из Сальвадора, за которого она вышла замуж, заплатил ей пять тысяч долларов. Ты можешь получить дом, Ванни. Ты могла бы быть более благодарной.

Определенно, неправильный человек.

— Мы не самые большие фанаты друг друга.

Из-за этого она стала раздражительной.

— Тебе почти все нравятся. Он не может тебя ненавидеть, если просит о таком тебе, а не кого-то другого. Уверена, сучки выстроились бы в очередь, если бы он приложил хоть немного усилий.

Из-за ее комментария я застонала.

— Ты, правда, думаешь, что я должна это сделать?

— Нет ни одной причины, почему ты не должна. У тебя нет парня. Тебе нечего терять.

У нее все было легко, из-за этого я почувствовала себя дурой, потому что сразу не уцепилась за этот шанс, но что-то томилось в моих внутренностях, и пока она не сказала о сучках, выстроившихся в линию, я не понимала, что это. Моя гордость.

Я хрустнула пальцами.

— Не знаю, что я чувствую по поводу брака и мужа, — я почти подавилась словом, — и общения с другими людьми во время всего этого. Даже если все не по-настоящему. Кто-то узнает, что мы женаты, и я не хочу выглядеть бедной женой-идиоткой, которой муж изменяет, и все об этом знают.

Диана снова хмыкнула.

— Пока ты работала на него, встречался ли он с кем-нибудь?

Нет. Никогда. В его телефоне даже нет ни одного женского номера. Я бы знала. Именно я ездила в магазин, чтобы купить ему новый телефон, и я переносила его контакты, и, возможно, я их просмотрела. И никогда в его доме не было ночевок, ни одной женщины поблизости. И никого не было с ним на выездных играх, потому что, по словам Зака, Эйден всегда уходил сразу в свой номер в гостинице.

Так что да, я чувствовала себя идиоткой.

— Нет.

— Так что не о чем переживать, верно?

Я сглотнула.

— Я тоже не смогу ни с кем встречаться.

Из-за этого она рассмеялась, и вдруг меня оскорбило то, что она так сильно смеется.

— Ты забавная.

— Это не смешно, — у меня всего пару лет не было парня. В чем, черт возьми, проблема?

Ее истерический смех достиг пика.

— Я тоже не могу ни с кем встречаться, — передразнила она меня голосом, который должен был походять на мой. — Теперь ты просто ищешь отмазку.

То, что я не часто ходила на свидания, хорошо известный факт.

Смех Дианы стал приглушенным, будто она прикрыла рот рукой.

— Ох, Ви. Сделай это и перестань так много думать.

Она совсем не помогала, и я поняла, что разрываюсь на части.

— Я продолжу думать об этом.

— О чем тут думать?

Обо всем.

Но я думала об этом. Потом еще немного подумала.

Меня чуть не вырвало, когда я посмотрела в интернете свою задолженность по кредиту. Смотреть на баланс — это как смотреть на затмение; я не должна была этого делать. Шесть цифр свирепо смотрели на меня с экрана, и мне стало казаться, что я слепну.

Вся эта ситуация с Эйденем — лотерея, и у меня выигрышный билет. Небольшое чувство неуверенности кружилось в моей груди, но я игнорировала его, пока могла с этим справляться.

Я буду помогать тому, в чью искренность полностью не верю.

Это будут вычеркнутые из жизни годы.

Я сделаю нечто незаконное.

И все это я проведу технически, как бизнес-операцию. Все не так сложно, потому что я понимаю, что делает Эйден и почему он это делает, по большей части.

Я просто не совсем понимаю, почему он настаивает на моем возвращении в его жизнь.

Независимо от всего остального, часть меня обижена, что Эйден я-получаю-все-чего-хочу Грэйвс, убедил себя в том, что только я могу помочь ему. Полагаю, я просто не чувствовала, что он заслуживает моей помощи или лояльности, когда он не сделал ничего, чтобы это заслужить.

Но...

Мой долг по студенческому кредиту — не только моя зарплата; он не выплачивается в течение первых пяти лет, как во время покупки автомобиля. Плюс, если дом тоже будет формой оплаты... Мы говорим о большом количестве денег, о большой головной боли и больших интересах. Тридцать лет по ипотеке. Это огромное облегчение.

Не правда ли?

Могу ли я просто простить Эйдена и сделать это?

Я знала, люди совершают ошибки, и я понимала: не всегда знаешь, что у тебя есть, пока этого не потеряешь; я научилась этому на собственном опыте. Но я также знала, какой обидчивой могу быть и как иногда сильно держусь за обиды.

Я обнаружила, что еду к дому Эйдена. Сердце поднималось к горлу, я готовилась рискнуть жизнью и свободой из-за чертовых кредитов, о чем просто не могла забыть или думать с пренебрежением.

Охранник у ворот улыбнулся мне, когда я подъехала к району, где жил Эйден.

— Давно вас не видел, мисс Ванесса, — поприветствовал он меня.

— Я уволилась, — объяснила я после того, как поприветствовала его. — Он не должен удивиться, что я здесь.

Охранник послал мне взгляд, в котором говорилось, что он впечатлен.

— Не должен. Он мне каждую неделю напоминает, чтобы я впустил тебя, если ты появишься.

Эйден либо слишком самоуверен, или...

Ну, или не было никаких «или». Он слишком самоуверен. Неожиданно мне захотелось развернуть машину и преподать ему урок, но я не была эгоистичной или достаточно глупой, чтобы это сделать. На прощание махнув рукой охраннику, я проехала мимо ворот и направилась к дому, в котором была столько раз, что не могу сосчитать.

Я знала, он дома, поэтому не переживала из-за отсутствия машин на подъездной дорожке. Я припарковалась на улице, как и каждый раз до этого, пошла к входной двери, ощущая себя невероятно неловко, и нажала на звонок.

Я хотела развернуться, уйти и сказать себе, что мне не нужны его деньги. Я, правда, этого хотела.

Но никуда не ушла.

Прошло пару минут, прежде чем я услышала звук открывающегося замка и поняла, что он там. В мгновение ока дверь распахнулась, и Эйден стоял по другую сторону в своей обычной одежде. Его возвышающееся тело блокировало свет, исходящий из дома. Выражение на его лице было открытым и серьезным, когда он впустил меня и повел туда, где все началось, — на большую кухню.

Не важно, что его диван невероятно удобный; он всегда предпочитал сидеть на кухне за островком или на одном из стульев в уголке, чтобы есть, читать или собирать пазлы.

Он сел на свой любимый стул, и я выбрала самый дальний от него. Все было еще страннее, чем должно было быть, учитывая, что поставлено на карту.

Я личность, и он не лучше и не хуже меня, и независимо от того, что случилось, я должна помнить об этом.

Я втянула воздух через нос и просто перешла к делу. Честность — лучшая политика и все такое, не так ли?

— Послушай, мне страшно, — призналась я на одном дыхании, глядя на его такие знакомые черты: острые скулы, густую, короткую бороду, которая покрыла нижнюю часть его лица, и неровный белый шрам вдоль линии волос.

За два года я видела его лицо, по крайней мере, пять раз в неделю, и ни разу у нас не было момента хоть отдаленно близкого к этому. Я не могла этого забыть, потому что для меня это было важно. Одно дело, когда незнакомец просит меня выйти за него, потому что хочет стать гражданином США, но совсем другое, когда просит тот, кого я знаю, и кто никогда обо мне не заботился.

Честно, это хуже.

На мгновение длинные ресницы Эйдена опустились, и мужчина, жадный на проявление своего внимания и привязанности, сродни моей жадности к красным и розовым конфетам «Старбёртс», приподнял округлое большое плечо.

— О чем ты беспокоишься? — произнес он.

— Я не хочу отправиться в тюрьму, — я, правда, очень не хотела отправиться в тюрьму; я проверила информацию о фиктивном браке, и это тяжкое преступление. Уголовное преступление с тюремным заключением сроком на пять лет и штрафом в таком размере, что мои студенческие кредиты кажутся грошами.

По-видимому, мужская версия моего лучшего друга сказала:

— Ты не отправишься в тюрьму.

— Я ужасная лгунья, — призналась я, потому что он понятия не имел, какая я была на самом деле плохая лгунья.

— Ты знала, что планируешь уйти, за несколько месяцев до того, как сделала это. Думаю, с этим у тебя все в порядке, — высказался он неожиданно слегка обидчивым тоном.

Из-за этого я могла бы вздрогнуть, если бы чувствовала вину за то, что сделала, но это не так. И тогда мне даже не пришло в голову, что он знал, что я долгое время планировала свой уход. Слова просто влетели в одно ухо и вылетели из другого.

— Я не лгала тебе. Я оставалась лишь потому, что тебе только стало лучше, и чувствовала себя плохо из-за того, что так скоро после этого собираюсь бросить тебя. Я не могла уговорить себя сделать это и лишь пыталась быть хорошим человеком. Есть разница.

Его густые брови приподнялись на миллиметр, но ни один другой мускул на его лице не отреагировал на мой комментарий.

— Ты сказала Заку, — обвинительно указал он.

Обвинение, которое я не собиралась принимать.

— Ага, я рассказала Заку, потому что он мой друг, — и я чертовски точно не собиралась извиняться за это. — Пожалуйста, скажи мне, когда я должна была рассказать тебе и ожидать слов «дай пять». Или ты собирался обнять меня и поздравить? — возможно, я смерила его взглядом «ты издеваешься надо мной?»

— Когда я, наконец, рассказала, тебе было плевать, Эйден. И половина вины на тебе. И все же... я так зла на тебя, понимаю, что так быть не должно. Просто ничего не могу с этим поделать. Ты не мой друг и никогда не пытался им стать. И никогда не заботился обо мне, пока тебе что-то не понадобилось, и сейчас, по какой-то странной причине, ты ведешь себя так, будто жить без меня не можешь. И мы оба знаем, что это полная хрень.

Мгновение он молчал, резко засопев, глазами пытаюсь просверлить дыру в моей голове.

— Я извинился перед тобой. И я именно это и имел в виду. Ты знаешь, это так, — настаивал он, и я нехотя признала, что логическая часть моего мозга приняла это заявление за правду.

Эйден не извинялся, и, несмотря ни на что, он не лжец. Просто этого нет в его генах. Для него сказать слово на букву «И»? Нечто нереальное.

— У меня нет времени на друзей, а если бы и было, я все равно никуда не выхожу, чтобы их завести. Я всегда был таким. И у меня, правда, нет времени на отношения. Ты понимаешь это. Я не беспокоюсь о том, что нас поймают...

— Поэтому ты не отправишься в тюрьму, — напомнила я ему, шепча себе под нос, раздраженная его тактикой.

Он приподнял одну бровь еще на миллиметр, но именно его раздувающиеся ноздри выдали его гнев.

— Я провел исследования и проконсультировался с иммиграционным адвокатом. Мы можем сделать это. Все, что тебе надо сделать, — просто сначала заполнить за меня петицию.

Эйден не сказал, «я думаю, мы можем это сделать», он сказал, «сделаем это», и я не упустила этот нюанс.

— Ты знаешь, Эйден, из-за тебя сказать «да» чертовски тяжело. Когда я на тебя работала, я бы сделала для тебя почти все, что угодно, если бы ты попросил. Но теперь, особенно когда ты ведешь себя — все еще ведешь себя — так, будто одного «прости» достаточно, чтобы стереть проявление неуважения ко мне перед другими людьми, и то, что ты позволил кому-то говорить обо мне, и это вывело меня из себя. Как ты можешь просить меня о таком большом одолжении, когда я не чувствую никаких обязательств перед тобой? И у нас даже не было бы этого разговора, если бы я не хотела оплатить свои кредиты.

Я прикусила щеку изнутри.

— Я хочу сказать тебе оставить меня в покое, что я сама оплачу свои счета, как и планировала сделать. Мне не нужны твои деньги, — встретившись с ним взглядом, мне пришлось бороться с желанием разрыдаться. — Я бы хотела, чтобы ты уважал меня тогда, когда это что-то значило. Ты мне нравился. Я обожала тебя, и за несколько дней ты уничтожил все это.

Слова вылетели из моего рта раньше, чем я смогла их остановить.

Мы смотрели друг на друга. И смотрели. И смотрели еще несколько мгновений.

Когда я была ребенком, я узнала на тяжелом примере, как дорога правда. Иногда она стоит тебе людей в твоей жизни. Иногда некоторых вещей. И в этой жизни люди слишком дешевые, чтобы заплатить цену чем-то столь дорогим, как правда. В данном случае, ценник неожиданно ударил по Эйдену.

Медленно сделав нескольких вдохов, он опустил голову и почесал шею большой рукой. Его дыхание стало затрудненным, а вздох вышел размером с Аляску.

— Прости меня, — тон его голоса грубее, чем когда-либо, будто просеянный через

песок и затем прикрытый осколками стекла. Тем не менее, его слова прозвучали как самые искренние и сердечные слова, вылетающие из его рта, по крайней мере, передо мной.

Но все равно, этого недостаточно.

— Я могу простить тебя. Уверена, когда меня не было рядом, ты в итоге сожалел об этом... — я убрала очки на макушку и потерла лоб тыльной стороной ладони, возвращая очки на место. — Слушай, это плохое начало для фальшивых отношений, ты так не думаешь?

— Нет, — он слегка приподнял голову, но достаточно, чтобы я увидела темно-кофейного цвета глаза и ярко-янтарную радужку, окружающую зрачки, которые впивались в меня, прикрытые длинными ресницами. — Я всегда учусь на своих ошибках. Однажды мы были хорошей командой. Мы снова ею станем.

Он полностью поднял голову, ямочки на его щеках появились из ниоткуда, и он поднял руки, обхватив голову.

— Я не очень хорош в подобных вещах. Я лучше дам тебе деньги, чем буду умолять, но я сделаю это, если это то, чего ты хочешь, — признался он, его голос был уязвимым, как никогда. — Ты единственный человек из всех, который, как я бы хотел, сделал это со мной.

Почему все не может быть просто белым и черным?

— Я не прошу тебя умолять меня. Да ладно. Все, что я когда-либо хотела от тебя... я даже не знаю. Может, я хотела думать, что ты заботаешься обо мне, хотя бы немного после всего этого времени, и это бессмысленно. Ты хочешь, чтобы это была бизнес-сделка, и я понимаю. Из-за этого я просто чувствую себя дешевкой, потому что знаю, если бы попросил Зак, я, вероятно, сказала бы «да» с самого начала, потому что он мой друг. А ты даже в своей голове не мог сказать мне «доброе утро».

Он вздохнул, потянув вниз ухо большим и указательным пальцем. Опустив взгляд на кухонную стойку, он предложил:

— Я могу быть твоим другом.

Опоздал на два года.

— Лишь потому, что тебе что-то надо.

Отдаю ему должное — он не пытался спорить со мной.

— Я могу быть твоим другом. Могу попробовать, — произнес он низким, искренним голосом. — Дружья требуют большого количества времени и усилий, но... — Эйден со вздохом посмотрел на меня. — Я могу это сделать. Если это то, чего ты хочешь.

— Я очень злюсь, думая обо всем; не знаю, хочу ли я теперь вообще этого. Вероятно, это не то, чего я всегда хотела. Не знаю. Я просто хочу, чтобы ты видел во мне личность, а не просто человека, которому ты даже не должен говорить «спасибо». Так что слова, когда ты говоришь, что хочешь быть моим другом, кажутся вынужденными.

— Извини. Я знаю. Я одиночка. Всегда был одиночкой. Не помню, когда у меня в последний раз был друг, который не играл в футбол, и даже тогда, обычно, это длилось недолго. Ты знаешь, как много это значит для меня. Знаешь, как серьезно я это воспринимаю, может, даже лучше, чем большинство моих коллег по команде, — объяснил он так, будто ему пришлось приложить все свои усилия, чтобы сделать это признание.

Я искоса посмотрела на него.

Он продолжил:

— Я знаю, тебе это известно. И я также могу принять ответственность за то, что никогда не был вежлив с тобой, хорошо? Я говорил, что не очень хорош в дружбе, никогда не был, и легче вообще не утруждать себя попытками.

Если это был не самый нелепый комментарий, когда-либо вылетавший из его рта, тогда не знаю, что это было. Но я не сказала этого вслух.

— Если бы ты действовала мне на нервы, я бы уволил тебя в первый же раз, когда ты показала мне средний палец.

Я поняла, что чувствую себя не очень польщенной.

— Ты хороший работник. Я говорил тебе это. Мне нужен был ассистент, Ванесса; я не хотел иметь друга. Но ты хороший человек. Ты напряженно работаешь. Ты целеустремленная. Это больше, чем я могу сказать о ком-то, кого встречал в своей жизни за долгое время, — это большое адамово яблоко дернулось, и он посмотрел прямо на меня. — Мне нужен друг — мне нужна ты.

Он пытается подкупить меня своей потрясающей, такой редкой дружбой? Или я просто циничная сволочь?

Пока я смотрела на черты его лица, я поняла, что была идиоткой. Это Эйден. Может, он и сделал нечто ужасное, не защитив меня, но если серьезно над этим задуматься, вероятно, он и Зака не стал бы защищать. Он снова и снова говорил в интервью, что хочет лишь сфокусироваться на своей карьере, пока она у него есть. В каждом интервью, что когда-либо проводили с его тренерами, говорилось одно и то же: он самый целеустремленный, трудолюбивый игрок, с которыми они когда-либо работали.

Он начал играть в футбол в первый год старшей школы. В первый год. Самые лучшие игроки НФЛ на поле с тех пор, как научились ходить. «Тем не менее, у Эйдена есть призвание», — сказал его школьный тренер Лесли. Он в мгновение ока стал феноменом и поступил в университет по футбольной стипендии. Не просто в заурядную колледж, а в самый лучший. Тот, в котором он выиграл несколько чемпионатов и даже получил диплом.

Черт возьми.

Боже, черт возьми.

Он бы не просил меня об этом, если бы не думал, что должен.

И я отлично знала, люди не меняются, пока не захотят этого, а это мужчина, который делает то, что решил.

Из моих легких вырвался жалкий, смиренный вздох. Ответ на то, о чем он меня просил, засел в моей голове, на кончике моего языка, свернулся в моем животе. Существует ли какой-нибудь возможный ответ, который не сделает из меня самую большую идиотку на планете?

— Предположим, что мы сможем это сделать. Как дол... как долго мы должны оставаться же... — я не смогла произнести это слово с первой попытки. — Остаться женатыми? — выговорила я тихим голосом.

Отвечая, он смотрел мне прямо в глаза.

— Пять лет покажутся менее подозрительными. Сначала мне дадут лишь условную зеленую карту. Через два года я получу постоянную.

Пять лет? Эйдену сейчас тридцать; ему будет тридцать пять. Мне двадцать шесть. Когда мы технически разведемся, мне будет тридцать один. Тридцать один — не старость, даже и близко нет. Цифра не кажется такой ужасной, как должна... если я серьезно рассматриваю идею согласиться.

Но все равно. Пять лет. За это время многое может произойти. Но что я точно знала, что никогда не смогу выплатить свои кредиты за десять лет, а тем более за пять, даже если продам машину, везде буду ездить на автобусе, отключу телефон и буду есть лапшу быстрого

приготовления на завтрак, обед и ужин.

— Пять лет, — повторила я, выдохнув. — Ладно.

— В этом есть смысл?

Я окинула его взглядом, напоминая себе, что еще не сказала ему «да». Мы просто разговаривали.

— Да, в этом есть смысл. Если я скажу «да», чего я не делаю прямо сейчас, так что угомони лошадей, — позже я похлопаю себя по спине за свою напористость и твердость.

Он просто невозмутимо смотрел на меня.

— О чем ты еще переживаешь?

Я фыркнула.

— Обо всем.

Эйден моргнул.

— О чем? Я оплачу твои долги и куплю дом.

Думай, Ван. Все не может быть так легко. У меня есть честь, и я еще не полностью простила его за то, что он такой мудака, несмотря на его ранние манипуляции и вынужденные извинения. У моей гордости тоже есть цена, и эта мысль заставила меня тяжело вздохнуть и встретить его взгляд, который так долго заставлял меня смотреть в другую сторону.

— Что, если твоя карьера закончится завтра? — спросила я, несмотря на то, что из-за этих слов я была похожа на золотоискательницу. Это деловая сделка, и я буду вести себя соответственно.

Одна его бровь забавно приподнялась.

— Ты знаешь, сколько денег на моем банковском счету.

В его словах есть смысл.

— Если я не буду работать всю оставшуюся жизнь, то буду в порядке. Ты знаешь, я не безответственно отношусь к своим деньгам, — заявил он почти оскорбленно. Под этим он имел в виду, что все еще сможет выполнить то, что обещал мне, и в итоге у него все еще будет все хорошо.

— Но я больше не буду твоим ассистентом, — я удерживала свой взгляд на нем, даже если очень, очень этого не хотела. — Я упорно работала, чтобы полностью посвятить себя дизайну, и не собираюсь от этого отказываться.

Широкая квадратная челюсть сжалась, и даже могу сказать, что его зубы закрипели, отчего в моей груди расцвело ощущение победы.

— Ванесса...

— Я серьезно. Я не буду это делать. Мы попытались, и ничего не вышло, и я не собираюсь проходить через это снова. Ты знаешь, на самом деле я не хотела этого делать, но ты предложил мне нечто, от чего трудно отказаться, — объяснила я. — Я не пытаюсь воспользоваться тобой, но я этого не просила. Ты попросил меня. Ты вышел за рамки, чтобы заставить меня согласиться; я говорила тебе, в мире миллион женщин, которые сделают это ради тебя, и ничего не захотят в ответ... — *«кроме как спать с ним»*, но я оставила это при себе. — Я тебе не нужна. Мир у твоих ног, Здоровяк. Не знаю, знаешь ты это или нет.

После того, как я это сказала, я поняла, что, вероятно, я самый тупой человек во Вселенной. Самый тупой.

Я почти ожидала, что он скажет мне свалить, но это необходимое условие сделки, и мне надо, чтобы он это понял. Если он скажет, что я выжила из своего чертова ума, тогда

следующие двадцать лет я буду корить себя за то, что отвергла его предложение. Я планировала уволиться, чтобы подтолкнуть вперед свою мечту; я не собиралась связывать себя на следующие пять лет таким же количеством работы, которым управлялась до этого. Просто не буду. Я многое могла принести в жертву, но не это.

Я сложила руки на коленях, сильно сжала пальцы одной руки, фокусируясь и поддерживая дыхание.

Он раздражен. Рассержен. Но не сказал «да» или «нет». Мне больше нечего терять, и мне нужно, чтобы он понял, что да, может, я и немного сука, но не без причины. Он делал то, что делал, ради своей мечты, и я делаю то, что делаю, ради своей. Если кто и должен это понять, то это он.

Я подняла руку и подергала свои очки, заставляя себя не отводить взгляд. Нервно облизала губы и приподняла брови. Я сделала это, сказала то, что должна была, и смогу всю жизнь прожить с последствиями, черт побери.

Казалось, прошел месяц, прежде чем Виннипегская Стена вздохнул.

Я уперлась локтями в стол, копируя его позу.

— Ты согласен с тем, что я не буду твоим ассистентом, или нет?

Эйден серьезно, вынужденно кивнул.

Я не была уверена, испытала ли я разочарование или облегчение, так что не стала задумываться над этим. Деловой режим, мне нужно вернуться в деловой режим.

— Я не отправлюсь в тюрьму ради тебя, так что нам надо все прояснить. Что мы скажем Заку?

«Кстати о Заке, где он?» — задалась я вопросом.

— Даже если я скажу ему переехать, он поймет, что что-то происходит. Мы должны рассказать ему. Нам нужны люди, которые подтвердят, что у нас настоящие отношения.

Правда ли это? Я подумала о Диане, и как я уже ей все рассказала.

— Да. Я должна рассказать подруге. Она поймет, что что-то происходит. Остальным я могу не рассказывать, — я подумала об этом и была совершенно уверена, что смогу приукрасить попытку Эйдена вернуть меня в своего рода любовную историю. По крайней мере, я на это надеялась. То, что у меня не было близких друзей, включая моего младшего брата, который был занят своей жизнью, очевидно, помогало ситуации.

Эйден кивнул, практично и с пониманием.

Но... я приподняла оба плеча.

— Что насчет остальных?

Остальных. Буквально. Остальных во всем мире. Лишь от мысли об этом меня тошнило. Любая идея или надежда на то, что мы сможем скрыть возможный брак, смылась в унитаз, когда я вспомнила статью об Эйдене, опубликованную несколько лет назад, когда его заметили на ужине с женщиной — женщиной, которая оказалась представителем компании, которая пыталась привлечь его для рекламы. «Ну, кого это заботит?» — подумала я изначально.

А затем меня осенило. Людям это важно. Их заботит все, связанное с Эйденем Грэйвсом. Он не мог подстричься без того, чтобы кто-то не написал об этом. Кто-то в мире узнает, что мы поженились. Это невозможно скрыть.

Из-за этого я чувствовала себя неловко. Мне даже не нравилось внимание, когда люди узнавали, на кого я работаю. А оказаться привязанной к нему — совсем другое положение дел.

Мне пришлось сглотнуть слюну, чтобы не подавиться.

— Мы можем затаиться на время... — начал говорить Здоровяк. Я послала ему взгляд, который он вернул мне. — Но, в конце концов, кто-то узнает. Мы можем устроить тихую церемонию, и затем такой же развод. То, что происходит на поле, — это для моих фанатов, остальное не их дело, — тон, которым он произнес эти слова, не оставлял никаких сомнений.

Я проживу всю свою жизнь как бывшая жена Эйдена Грэйвса.

Я почти закатила глаза от абсурдности этой мысли. Но потом мне сразу захотелось опустить голову между колен и отдышаться.

Вместо всего этого я обдумала его слова, затем кивнула. В его идее есть смысл. Очевидно, что, в конечном счете, кто-то узнает правду, но Эйден чрезвычайно закрыт в отношении личной жизни с людьми, которых он знает, и особенно с теми, кого не знает. Никому не покажется странным, что мы сохраним все в секрете так долго, как сможем.

Эта мысль появилась в моей голове, когда я спросила себя, во что я ввязалась?

— Мы могли бы подписать соглашение, в котором говорится, что ты получишь дом, и твои счета будут оплачены, но надеюсь, ты достаточно мне доверяешь, чтобы знать, что я тебя не подведу, — эти глаза, казалось, выписывали послание лазером у меня на лбу. — Я достаточно доверяю тебе, чтобы не подписывать брачный договор.

Никакого брачного договора? Эм...

— Я не буду начинать отношений во время брака, — продолжил он, как ни в чем не бывало. — И ты не можешь.

От этих слов я подняла глаза. Статус моих отношений изменится не скоро. Он не менялся несколько лет, и не предполагаю, что что-то произойдет в ближайшее время, но мой разговор с Дианой не давал мне покоя. Даже как ненастоящая жена с браком на бумаге я не хочу выглядеть как идиотка.

— Уверен, что можешь обещать подобное? Ты можешь встретить...

— Нет. Не могу. Я за всю свою жизнь любил лишь трех человек. За следующие пять лет я не собираюсь любить кого-то еще, — прервал он меня. — Мне есть о чем волноваться, помимо этого. Поэтому я прошу сделать это тебя, а не нашел кого-то другого.

Чего он не сказал, так это того, что сейчас самый расцвет его карьеры, но в прошлом я слышала эти слова бесчисленное количество раз.

Я хотела крикнуть «чушь», но оставила это при себе. Также я хотела спросить, кто эти трое, кого он любил, но подумала, что сейчас не время. «*Лесли — один из них*», — подумала я.

— Если ты так говоришь.

По тому, как дернулся его кадык, я поняла, что он хочет что-то добавить, но вместо этого он продолжил:

— За следующие три года я помогу тебе оплатить твои кредиты.

И вдруг переговоры зашли в тупик. На мгновение.

Затем я заставила себя подумать об этом. Оплата счетов в течение нескольких лет кажется менее подозрительной, чем один или два крупных платежа. Если я пару раз оплачу то здесь, то там, все будет выглядеть лучше, не так ли? И если мы подождем пару месяцев после того, как подпишем бумаги? Полагаю, что так.

— Хорошо, — кивнула я. — Мне подходит.

— Мой договор аренды заканчивается в марте. После мы сможем арендовать другой

дом или продлить аренду. Когда получу гражданство, куплю один, который ты после сможешь оставить себе.

«После» — это второе, на что я обратила внимание.

Но главное я не пропустила, что он начал свое заявление и слово «мы» в последующем предложении.

— Я должна переехать к тебе? — спросила я медленно, медленно, очень медленно.

Это крупное красивое лицо слегка сморщилось.

— Я не перееду к тебе, — я даже не могла обидеться; слишком была занята, пытаюсь понять, шутит он или нет. — Именно ты переживаешь о том, чтобы все было достоверно. Кто-то может проверить наши документы.

В его словах есть смысл. Конечно, есть смысл. Но... но...

Дыши. Кредит и дом. Кредит и дом.

— Хорошо. Ладно. В этом есть смысл.

Мои вещи. Что я буду с ними делать? Моя квартира со всеми моими вещами, которые я собирала годами...

У меня случится паническая атака.

Я знала, что не всегда буду жить здесь, по крайней мере, надеюсь, нет. Но это ничего не меняет. Этот дом не мой, и не ощущается таким. Это место Эйдена. Дом, в котором я проработала несколько лет. Но я могу переехать, если надо, особенно если есть разница между тем, будет этот фальшивый брак казаться законным или нет.

Я должна. Должна.

— Когда ты хочешь это сделать? — практически выдохнула я.

Меня он не спросил. Просто ответил:

— Скоро.

У меня сейчас случится приступ паники.

— Ладно.

Все нормально. Скоро — может быть и через месяц. Через два месяца.

— Хорошо? — Эйден с вызовом приподнял брови.

Я тупо кивнула, все больше свыкаясь с мыслью, что мы на самом деле делаем это. Я собиралась выйти за него, чтобы оформить его документы. Ради денег. Ради кучи денег. Ради финансовой безопасности.

Эйден мгновение смотрел на меня. Движение его горла было единственным знаком того, что он думает.

— Значит, ты сделаешь это?

Я буду идиоткой, если не сделаю этого, верно?

Это был идиотский вопрос. Конечно, я буду идиоткой, огромной, большой идиоткой, которая должна кучу денег.

— Да, — я с трудом сглотнула. — Сделаю.

Впервые за два года лицо Виннипегской Стены приняло выражение очень близкое к радостному из всех, что я когда-либо видела. Он, казалось, испытывал... облегчение. Больше, чем облегчение. Клянусь жизнью, его глаза засветились. На долю секунды он стал похож на другого человека. Затем мужчина, который носил бандаж на постоянной основе, сделал нечто невысказанное.

Он потянулся вперед и положил свою ладонь на мою, впервые прикасаясь ко мне. Его пальцы длинные и теплые, сильные; его ладонь широкая, кожа грубая, толстая. Он сжал мою

ладонь.

— Ты об этом не пожалеешь.

Я не звонила Эйдену, и он не звонил мне.

Я не могла скинуть вину за отсутствие связи на отсутствие у него моего номера; я дала ему номер до того, как покинула его дом в тот день, когда согласилась сделать то, что мы собирались сделать.

Прошла неделя, и когда он не потрудился связаться со мной, я не очень над этим задумывалась. Судя по новостям, «Три Сотни» сейчас на середине предсезонных игр. Я знала, как он занят в это время года.

Плюс, существовал маленький шанс, что он, может быть, передумал. Может быть.

Ну, не знаю, почему еще он не звонил, но я заставила себя не думать об этом больше, чем нужно, а много, как я поняла, не нужно, и я чертовски уверена, что не буду из-за этого переживать.

Реальность шанса, что он нашел другой способ заполнить петицию на гражданство, не была такой уж парализующей, как я себе представляла, учитывая, что на кону нашей сделки было более ста тысяч долларов. Не скажу, что я разочарована, но...

Ладно, на пятый день, я, возможно, приняла тот факт, что слегка, совсем немного разочарована. Оплата моих кредитов... ну, чем больше я думала о таком количестве денег, бременем лежащих на моих плечах, тем больше понимала, как это подавляет. Одно дело, если бы я должна была такую сумму за дом, но за чертовы студенческие займы?

Если бы двадцатилетняя Ванесса смогла поговорить с восемнадцатилетней Ванессой, не уверена, что я снова пошла бы в такой дорогой колледж. Вероятно, я бы поступила в общественный колледж на основные предметы, а затем перевелась в колледж штата. Мой брат никогда не заставлял меня чувствовать вину за то, что я уехала; именно он сказал мне поехать. Но время от времени я жалела о принятом мной решении. Но я упрямая идиотка, которая хотела того, чего хотела, во что бы то ни стало, и я сделала то, что хотела, по невероятно высокой цене.

На седьмой день без связи я почти смирилась с тем фактом, что останусь в долгах следующие двадцать лет моей жизни (я предположила это еще в ту минуту, когда получила письмо по почте вскоре после выпуска).

Так из-за чего плакать?

Я сказала ему правду. Мне не нужен он или его деньги.

Но я взяла бы их, потому что я идиотка, но не такая уж идиотка.

Я загружала сопроводительный файл «Фэйсбука» на DropBox для клиента, когда зазвонил мой телефон. Он лежал на кофейном столике, и я взглянула на него из-за своего рабочего стола и не могла не удивиться имени, высветившимся на экране.

Миранда П.

Вероятно, я должна сменить контактную информацию, так как он, технически, больше не моя версия Миранды.

— Алло?

— Ты дома? — спросил глубокий голос.

— Да, — я едва закончила произносить «а», когда раздался знакомый, тяжелый стук в дверь. Мне не надо было проверять телефон, чтобы знать, что он отключился. Мгновение

спустя глазок подтвердил, что это тот, о ком я и подумала.

И да, это Эйден.

Он ворвался внутрь в ту же секунду, как повернулся засов, и захлопнул за собой дверь, запирая ее. Эти темные глаза пронзили меня взглядом, от которого я нахмурилась и застыла.

— Что такое?

— О чем, черт возьми, ты думала, поселившись здесь? — прорычал он брезгливым тоном, который мгновенно заставил меня защищаться.

Конечно, я знала, мой комплекс слегка пугающий, но он не должен вести себя так, будто я живу в трущобах.

— Тут дешево.

— Да ты шутишь, — пробормотал он.

Откуда взялся этот шутник?

— Некоторые мои соседи милые, — заявила я.

Выражение на его лице было сомнительным, когда он ответил:

— Кто-то выпрыгнул прямо у ворот, когда я заехал.

О-о-о. Я махнула, чтобы он зашел внутрь, желая сменить тему. Ему не нужно знать, что это происходит каждую неделю. Несколько раз я вызывала копов, но когда поняла, что они никогда не приезжают, перестала волноваться.

— Тебе что-то нужно?

Идя впереди меня в сторону гостиной, он ответил через плечо:

— Я ждал, что ты сообщишь мне, когда переезжаешь.

Это первое, о чем я перестала волноваться, когда начала осознавать, что он, возможно, передумал. Так что, услышав об этом снова, почувствовала, будто меня осыпали льдом. Почти. Я не стала говорить ему, что подумала, будто мы уже ничего не собираемся делать.

— Ты... ты... — закашлялась я. — Как скоро я должна сделать это?

Разворачиваясь лицом ко мне, он слегка опустил подбородок вниз, скрещивая огромные бицепсы на груди.

— Скоро начнется сезон, мы должны сделать это до начала.

Не помню, чтобы слышала, что это часть плана. То есть, я поняла, что скоро, но...

Он оплатит мои студенческие кредиты, если я это сделаю. Я должна была переехать на следующий день после того, как мы приняли решение, если это то, чего он хочет.

— Когда, ты думаешь, я должна это сделать?

Конечно, у него уже заготовлена дата.

— В пятницу или в субботу.

Я чуть не подавилась.

— В пятницу или субботу? — это всего через пять дней.

Эта большая голова наклонилась набок.

— У нас ограниченное время.

— О-о-о, — сглотнула я. — Мой срок аренды заканчивается через два месяца.

Иногда я забывала, что Эйден не верил в препятствия.

— Оплати их. Я дам тебе наличные.

Это происходит. Это, правда, происходит. Я переезжаю к нему. С ним.

Я осмотрела его: широкие мускулы его плеч, темные волосы, покрывающие челюсть, эти чертовы глаза, которые, кажется, смотрят на всех и все. Я собираюсь жить с этим парнем.

Мои кредиты. Мои кредиты, мои кредиты, мои кредиты.

— Какой день тебя больше устроит? Пятница или суббота?

— Пятница.

Тогда пятница. Я впервые посмотрела на свои вещи и ощутила острую боль печали.

Когда я думала о своих вещах, Эйден, кажется, делал то же самое, осматривая маленькую гостиную. Я думала, он мог бы поднять носком своей ноги мой диван.

— Тебе нужна помощь со сборами... или еще с чем? — спросил он неуверенным голосом, будто впервые спрашивал, нужна ли кому помощь.

Я этому не удивлюсь.

— Э-м-м... — после того, как я вернулась домой от него, я решила, что сохраню, а что пожертвую или раздам. В итоге, я решила, что сделаю это с большинством своих вещей.

Полагаю, я займу гостевую спальню, так как это единственная комната, не используемая постоянно. Другие три комнаты, помимо большой спальни, принадлежали Заку, еще был домашний кабинет и огромный домашний тренажерный зал.

— Единственное, что я хочу оставить, это мой книжный шкаф, телевизор и стол, — я не пропустила оценивающий взгляд, которым он скользнул по маленькому черному столу за шестьдесят долларов позади меня. — Остальное я отдам соседям. Нет смысла держать все это на складе... — я почти подавилась на словах, — пять лет.

Он кивнул, глядя на мой телевизор.

— Все поместится в пару заходов.

Я кинула в ответ, грусть сжимала мое горло от мысли, что придется оставить мою квартиру позади. Конечно, она не роскошная и тому подобное, но я заработала на нее сама. С другой стороны, квартира, в которой я все равно не планировала оставаться вечно, не имела никакого значения при выборе между жизнью в долгах и без.

Я смогу позже поплакать у Эйдена, если захочу... и от этой мысли я почти засмеялась вслух. К чему же пришла моя жизнь? И почему я так много жаловалась? Я переезжала в хороший дом, с моих плеч упадут кредиты, и я получу дом, и все это за то, чтобы я вышла замуж за этого мужчину. Так что, я не могла ни с кем встречаться, если бы захотела. Йуху-ууу. Последнее свидание, на которое я ходила две недели назад, не оставило меня настолько впечатленной, чтобы повторить его. Это справедливый обмен, более чем справедливый, если не считать риск того, что случится, если кто-то узнает, что наш «брак» фальшивка. И снова, ты ничего не добьешься в жизни, если не рискнешь.

— Ладно, — пробормотала я ни с того ни с сего, больше для себя, чем для Эйдена.

Затем мы просто смотрели друг на друга, позволяя неловкому молчанию, которое висело между нами, когда мы были боссом и подчиненной, выйти наружу.

Я прочистила горло.

Потом он прочистил горло.

— Я поговорил с Заком.

— Правда?

— Да.

— И?

Эйден беспечно пожал плечами.

— Он сказал, что понимает.

В таком случае, мне надо позвонить ему; не хочу быть трусихой и переезжать, не поговорив с ним об этом.

Прежде чем развернуться к двери, Эйден еще раз дернул подбородком.
— Я должен идти. Увидимся в пятницу, — произнес он, направляясь к ней.

И затем он ушел.

Он не сказал позвонить ему, если мне понадобится с чем-то помощь, и не попрощался. Просто ушел.

И это то, на что я подписалась.

Таковыми будут следующие пять лет моей жизни. Могло быть и хуже, не так ли?

На часах 7:30 утра, я в последний раз стояла за своим обеденным столом, когда раздался знакомый тройной стук в мою дверь. Двадцать минут назад я только выбралась из постели, а теперь сидела и ждала, пока нагреется вафельница. Черт, на мне все еще пижама, я не умылась и даже еще не почистила зубы. Мои волосы собраны так, что похожи на маленький ананас.

— Эйден? — позвала я, направляясь к двери.

Конечно, в глазке меня поприветствовали темные волосы на его лице, прежде чем я, зевая, впустила его внутрь и нахмурилась.

Мужчина, который, среди прочего, по-видимому, будет моим новым соседом, зашел внутрь, не бормоча «доброе утро» или что-то подобное. Вместо этого, он дождался, пока я запру дверь, прежде чем окинуть меня ленивым взглядом.

— Ты еще не оделась?

Мне пришлось подавить еще один зевок, закрывая рот рукой.

— Сейчас семь тридцать. Что ты тут делаешь?

— Помогаю тебе переезжать, — ответил он, будто я задала тупой вопрос.

— О? — правда? Он сказал, что мне понадобится всего лишь несколько заходов, но я предположила, что это именно *мне* понадобятся несколько заходов. Ха. — Ладно. Я собиралась делать вафли... ты хочешь?

Эйден мгновение осматривал меня, а затем развернулся и направился на кухню. Он поворачивал голову из стороны в сторону, предположительно, проверяя, что я уже упаковала, или, наоборот, проверяя, что оставила. Свои картины я обернула пузырчатой пленкой два дня назад.

Моя одежда уже уложена в коробки, которые мне с радостью дали в продуктовом магазине. Мои книги и безделушки тоже упакованы. Телевизор и компьютер единственное, что я не подготовила, но я уложила в гостиную почти все одеяла и пледы, которыми владела, и они ждали, когда их отдадут на хорошие нужды.

— По какому рецепту? — имел он наглости спросить.

— С корицей, — прежде чем он спросил, я добавила. — Я не использую яйца.

Он кивнул и сел за стол, по-прежнему осматриваясь вокруг. Вся моя посуда, столовые приборы и кастрюли вытащены и сложены на столешнице, ожидая, когда придут новые владельцы и заберут их. Я владела ими с колледжа и полагала, что они вышли за пределы срока эксплуатации и превысили свои полномочия.

Я сделала больше теста и залила его в вафельницу, наблюдая, как Эйден осматривает мои пожитки.

— Что сделаешь с оставшейся мебелью?

— Моя соседка сверху берет матрац, обеденный стол и посуду, — она мама-одиночка с пятью детьми. Я видела ее матрац несколько раз, когда сидела с детьми, и мои вещи для них, определенно, изменение к лучшему. Обеденный стол тоже хорошее дополнение к пустому пространству, где можно было бы сидеть, даже если у нее недостаточно стульев для нее и всех ее детей. — Соседи рядом берут диван, каркас от кровати, шкаф и кофейный столик для их дочери.

— Они придут забрать их сегодня?

— Да, но соседка сверху мать-одиночка, и я хочу помочь ей.

— Ты уже оплатила свою аренду?

Я посмотрела на него с другого конца кухни.

— Еще нет. Я собираюсь зайти в офис перед отъездом.

— Сколько ты должна?

Я пробормотала сумму.

Повисла многозначительная пауза, прежде чем Эйден спросил:

— За месяц?

Я прокашлялась.

— Нет, это за два.

Он дышит громче, чем обычно?

— Я, правда, платил тебе так мало?

Снова комментариев о моей квартире.

— Нет, — я поборола желание нахмуриться. Мне есть, на что еще тратить деньги. Я не должна отчитываться перед ним.

Он закатил глаза?

— Я принес достаточно денег.

Должна ли я сказать ему «Нет, не беспокойся об этом. У меня есть деньги» или нормально, если я их возьму? В идеале, он уже сделал для меня больше, чем достаточно на грядущие пять лет, а мне не надо ничего делать, кроме как подписать документы и не влюбиться ни в кого...

Ладно, у меня внутри засело чувство вины, и я знала, что это означает.

— Не переживай об этом. Я могу заплатить за это, — я не хочу пользоваться его добротой, или как это называется.

Эйден просто пожал плечами.

Через несколько минут вафли были готовы, и мы ели в царящей над столом тишине, быстро и оперативно. Я помыла нашу посуду и вытерла ее, оставляя на куче с другими принадлежностями.

— Давай сначала отдадим вещи, которые забирают твои соседи, затем загрузим машину, — предложил Эйден, его пальцы погрузились за воротник футболки, чтобы перевернуть медальон, висевший у него на шее. Он убрал его так, чтобы тот свисал на спину, цепь крепко обхватила его горло. Я всегда задавалась вопросом, где он его взял — особенно с тех пор, как узнала, что он не религиозный человек — но это одна из тех вещей, которыми он не делился.

— Похоже на план, — ответила я, взглянув на тонкую полоску золота еще раз. Ну,

ладно.

Мать-одиночка открыла дверь после второго стука, принимая у меня коробку со стеклом, которую я несла.

— Ты уезжаешь сейчас? — спросила она по-испански.

— Да. Не хочешь послать со мной детей, чтобы помочь перенести некоторые вещи?

Миссис Хуэрта кивнула и позвала на помощь трех старших сыновей. Одиннадцатилетка, девятилетка и восьмилетка обняли мои бедра и побежали вниз по лестнице впереди меня, уже зная, что они забирают. Они втроем влетели внутрь и направились прямо на кухню, замедлившись, когда заметили Здоровяка, переносящего коробки из моей спальни в коридор.

Один за другим, они схватили чашки, кастрюли и сковородки, а также другую посуду, и пошли обратно. Я взяла два стула у обеденного стола и пошла наверх по лестнице, послав Эйдена напряженную улыбку, когда наши глаза на мгновение встретились. Я как раз расставляла стулья в гостиной соседки, когда в дверном проеме появилась тень, без особых усилий несущая оставшиеся два стула под мышками.

— Dios santo. Es tu novio? (*Примеч. пер.: с исп. Боже мой. Это твой парень?*) — спросила женщина со своего места на диване.

Парень? Я почувствовала, как у меня округлились глаза, но кивнула, может, немного как робот.

— Да.

Как еще мне его называть? Вероятно, мне повезло, что у нее нет времени смотреть футбол, и она понятия не имеет, кто он.

Она снова посмотрела в сторону Эйдена, удерживая трехлетнего малыша на коленях, и кивнула, впечатленная.

— Он красивый, — произнесла она по-испански. — И эти мышцы, — миссис Хуэрта добавила усмешку к концу своего комментария, на которую я ответила робкой улыбкой.

— А то, — пробормотала я, вылетая из квартиры и спускаясь по лестнице. Я знала? Ну, это правда. У него есть бицепсы. И грудь. И эта задница. Но могло быть и хуже. Может, у него нет желания развивать социальные навыки, и, может, он ни о ком, кроме себя, и не заботится, но все могло быть хуже. Полагаю, он мог оказаться психопатом, который плохо обращается с животными.

Я обнаружила Эйдена у себя в квартире, он перевернул стол, открутил ножки карманной отверткой, не знаю, откуда взявшейся. Когда он почувствовал, что я стою там, он поднял голову.

— Что они еще берут?

— Матрац.

Он немного побубнил и кивнул.

Сорок минут спустя по моему лицу бежал пот, но мы с Эйденом смогли поднять матрац по лестнице. Такой вес он мог бы поднять и сам без напряжения и труда, но, очевидно, он был слишком большим, чтобы поднимать его в одиночку, и моим ничтожным мускулам пришлось бороться изо всех сил.

Мы положили старый матрац там, где стояла кровать в последний раз, когда я ее видела. Я предложила ей каркас от кровати, но понимала, почему она его не хочет — два матраца едва умещаются в крошечной спальне, которая предназначена для двоих, а не шестерых.

К счастью, когда мы закончили, сыновья соседа уже ждали у моей двери, чтобы помочь

и забрать оставшуюся мебель к ним. Мы с Эйденом сидели напротив друг друга в спальне, разделили кровать на части, чтобы ее было легче двигать. Я заметила, как он разглядывал многочисленные ночники, которые я не успела упаковать. Он ничего не спросил, и я была благодарна.

Я заметила, что соседские сыновья разглядывали Эйдена, когда заглянули ко мне в спальню, и затем я услышала, как один что-то шепчет другому, но никто из них не сказал нам ни слова до того, как мы вынесли первые вещи в гостиную.

Я сходила в туалет и когда открыла дверь, услышала разговор в коридоре.

— Конечно, это Эйден.

Я взяла две оставшиеся в спальне коробки и понесла их в гостиную. В коридоре стоял Эйден, одним предплечьем прижимался к стене, левая рука поднята, и он писал что-то маркером, который я оставила в квартире, чтобы подписывать коробки. Рядом с ним стояли соседские мальчики, их глаза были буквально приклеены к Эйдену.

Ага, моему не такому уж гениальному мозгу не понадобилось много времени, чтобы понять, что они знают, кто он, и чем занят Эйден.

— Я ценю это, — поблагодарил его один из них, когда Эйден протянул подписанную бумагу.

Здоровяк кивнул, его внимание вернулось ко мне.

— Без проблем. Нам пора заканчивать собираться. Надо ехать.

Ребята заколебались.

— Мы можем помочь.

Эйден пренебрежительно покачал головой.

— У нас все в порядке.

— Но все равно спасибо, — добавила я, когда этого не сделала грубая задница.

Они кивнули, и один из них сказал:

— Блин, Ванесса, я и понятия не имел, что вы вместе. Папа сойдет с ума.

Я уже это знала, и от этого лишь ощутила вину. На двери моих соседей висел плакат команды «Три Сотни». В пору праздников он вешал туда венок с символикой команды.

— Да... — отмахнулась я. То есть, что еще я могла сказать?

К счастью, они быстро поблагодарили Эйдена и ушли, закрыв за собой дверь.

— Ладно, — я сделала вдох. — Давай закончим остальное.

Мы вдвоем отнесли мой телевизор к «Рендж Роверу» Эйдена, мои руки уже дрожали от усталости. Следом отправился монитор компьютера. От меня не ускользнул тот факт, что он и сам мог его отнести, но я не собиралась жаловаться, так что держала рот на замке. В багажник моего «Эксплорера» мы загрузили шкаф, стол и стул. Остальные коробки мы разделили между двумя машинами.

Эйден сидел в своей машине, когда я в последний раз закрыла дверь своей квартиры, и ностальгия ударила меня прямо в грудь. Я всегда думала о том, чтобы двигаться по жизни дальше и сделать следующий шаг к новой цели. Это как когда я ушла от Эйдена, часть меня скучала по нему или по каким-то странным изменениям, когда ты привык делать нечто, и потом неожиданно перестаешь это делать, но я знала, что собираюсь двигаться дальше.

Я делала то, что лучше для меня, и делала это для него, независимо от того, что, по мнению моей совести, было умным шагом. Странным, но умным.

Это огромный скачок для моего будущего, и я собиралась держаться за это напоминание обеими руками.

Я занесла чек за последние два месяца аренды, подписала кое-какие документы с офис-менеджером и уехала.

У меня ушел час на то, чтобы добраться от моей квартиры до дома Эйдена, спасибо массовой аварии из десяти машин на дороге. Я старалась не поддаваться небольшому стрессу и не стать параноиком из-за переезда к другому человеку, который из всех людей являлся, к тому же, моим бывшим боссом, и пыталась убедить себя, что не попаду в тюрьму, если чиновники выяснят правду.

Я улыбнулась охраннику, когда мы подъехали к воротам микрорайона, и проигнорировала любопытное выражение на его лице, когда он заметил, что машина загружена. Эйден заехал в гараж, и я впервые припарковалась на подъездной дорожке.

Когда я выбралась из машины, то заметила, что он заносит вещи внутрь, и взяла из салона машины все, что могла унести. Я последовала за ним, нервничая, переживая и испытывая малую толику страха.

Все выглядело знакомо, но в то же самое время ощущалось очень странно. Я заставила себя подняться по ступенькам, по которым взбиралась тысячу раз, и пошла дальше, когда все, чего хотела, это развернуться и поехать обратно к своей квартире.

Я переезжала к Эйдену и Заку, подписывала документы, которые связывали нас браком, и все это станет моей реальностью на следующие пять лет. Когда я думала обо всем этом по частям... да, это не очень помогало.

Дверь в пустую гостевую комнату была открыта, когда я дошла до нее, и слышала, как внутри Эйден раскладывает вещи. В прошлом я очень часто была там, чтобы протереть пыль или постирать простыни. Я очень хорошо знакома с планировкой.

Но сейчас она выглядела не так, как в последний раз, когда я ее видела.

В доме Эйдена было мало всякого хлама. Каждая комната, кроме тренажерного зала, обставлена скудно и утилитарно. Не было произведений искусства или безделушек. Нигде не висели трофеи или джерси. Коробки с такими вещами спрятаны в его шкафу, то, чего я не могу до конца понять. Если бы у меня были такие трофеи, как у него, они бы находились на виду, чтобы их мог видеть каждый.

В его спальне стояли кровать и два комода. У него там даже нет зеркала, что же говорить о чьей-то фотографии или еще о чем-то. Гостевая спальня еще более пустая, там лишь кровать и прикроватная тумбочка в комнате относительно больших размеров — она в два раза больше спальни в моей квартире.

Но когда я зашла в комнату, которая теперь будет моей, я увидела там не только кровать. Там находился соответствующий комод с прикрепленным к нему огромным зеркалом, и маленькая нижняя полка, которая отлично соответствовала остальной темно-коричневой современной мебели. И только позже меня осенило, что эта та же самая мебель, которая была в моей квартире... только лучше и симпатичнее.

— Твой шкаф из дома будет лучше смотреться в кабинете, — мимоходом предложил Эйден, когда я остановилась и встала в дверном проеме, слишком занятая осмотром новой мебели.

Я пыталась свести свое удивление к минимуму, но не уверена, преуспела или нет, так что единственное, что я смогла сделать, это кивнуть. Хотя он прав; моя книжная полка хорошо туда подойдет.

— Твой стол можно поставить туда, — он неопределенно указал на пустой участок стены между двумя окнами спальни. — Я купил матрас прямо перед тем, как ты начала на

меня работать. На нем спали всего... Как ты думаешь? Три раза? Но если ты хочешь новый, закажи. Ты знаешь, какую использовать карточку.

Я закрыла рот и подавила удивление, из-за которого потеряла дар речи, в то же самое время удивленно моргая. Он сделал все это? Ради меня? Когда я перестала на него работать, он даже не знал, где заказать мыло. Он даже не мог запустить собственную посудомоечную машину. А теперь здесь новая мебель?

Кто этот мужчина? Я наморщила лоб и покачала головой.

— Нет, все отлично. Спасибо.

Мне даже не надо было прилагать усилий, чтобы вспомнить, какой он удобный, я залезала на него, чтобы сменить простыни или вытереть пыль со спинки кровати. Не слишком мягкий, не слишком твердый.

— Все идеально, — я почти сказала, чтобы он не переживал об этом, но, опять же, не думаю, что он переживает; он просто пытается приспособиться, и учитывая, что я не ожидала от него многого, это больше, чем я планировала. — Это лучше, чем то, к чему я привыкла.

Я сделала вдох и медленно опустила вещи, которые держала, на пол.

— Кстати, спасибо за помощь с переездом.

Я, правда, это делала. Я переезжала. Боже мой.

— Я ценю это, — пробормотала я. Я, правда, это делала. Правда, делала.

Он слегка опустил голову и прошел мимо меня вниз по лестнице, которая заскрипела под его ногами. Я ни в коем случае не собиралась зря тратить время и заставлять его делать большую часть работы, даже если он в лучшей форме, чем я, и мышцы у него в четыре раза больше.

Хорошо, я не буду ленивой задницей.

Спустившись вниз, я продолжила перетаскивать вещи. У нас ушло чуть больше получаса на то, чтобы мы перенесли коробки из наших машин в спальню. Затем мы понесли мой телевизор, мои руки уже дрожали от усталости, а пальцы стали влажными от пота. Мне казалось, что за путешествие от моего дома до его я сбросила десять килограммов.

Он очень тяжелый, и у меня чувство, что я надорву спину. Мне удалось удариться пальцами о косяк, и я пробормотала себе под нос «сукин сын».

Мы собрались спуститься за новой порцией вещей, когда Эйден произнес через плечо:

— Ты должна подумать о тренировках верхней части тела.

За его спиной я съежилась. Я, возможно, даже показала ему язык и подняла свои бедные, покалеченные пальцы здоровой руки.

К счастью, переносить книжный шкаф в кабинет Эйдена оказалось легче, и у нас не возникло проблем. Мой новый сосед сам поднял стол наверх, а я потащила стул. По-видимому, либо нам обоим нужен перерыв, или Эйден заметил признаки истощения, которые, как я уверена, заметны на моем лице, так что мы сделали перерыв на обед.

Затем снова появилась неловкость.

Должна ли я приготовить обед или он? Или каждый приготовит себе сам? Я еще не ходила в магазин за продуктами, но Эйден никогда не был скуп на продукты и не жаловался, когда у меня было немного, но...

— У меня две пиццы в морозилке.

— Пиццы? — мы точно в нужном доме? Это мистер Вся-Еда-Основана-На-Растительной-Диете. Его самые обогащенные продукты — это паста с киноа, тофу и темпе.

Он что-то пробормотал себе под нос, и это прозвучало как:

— С соевым сыром и шпинатом.

Я прикусила щеку и кивнула, наблюдая и думая, какого черта с ним произошло за прошедший месяц.

— Ладно.

С этими словами я включила духовку, как и тысячу раз до этого. В отличие от прошлых раз, Виннипегская Стена подошел к холодильнику и сам вытащил еду, затем достал из шкафчика поднос для пиццы, что меня слегка удивило. По крайней мере, когда я была рядом, он никогда не возился ни с какой кухонной утварью, кроме тарелок и приборов.

Я вышла в гараж, чтобы выбросить коробку к остальному вторичному сырью, и замерла. Контейнер заполняли одни коробки от замороженной вегетарианской еды для микроволновки.

Крошечная часть вины засела в моем животе, когда я вернулась на кухню, через пару минут Эйден поставил пиццу в духовку. Я села на то же место, где сидела две недели назад, когда приходила к нему поговорить о его предложении. Странное молчание, казалось, росло между нами, пока он занимал свое любимое место.

— Где Зак? — спросила я, наблюдая, как огромные мышцы его предплечья дергались, пока он растягивал запястье.

Сухожилия на его толстой шее, казалось, трещат, и я знала, это от раздражения.

— Он не вернулся домой прошлой ночью, — прежде чем я смогла что-то сказать, он добавил голосом, полным неодобрения, — Сказал, что он будет здесь.

Но его не было. Зак, уходящий куда-то, это не новость, на самом деле, он часто гулял. И то, что он не вернулся, тоже не редкость. Пару дней назад я говорила с ним, просто чтобы убедиться, что он не против лгать властям, если ему будут задавать вопросы, и что он не возражает против моего переезда. Казалось, он был со всем согласен.

— Все нормально, — ответила я, отлично зная, что по тому, как напрягаются его сухожилия, Эйдена это волнует. — Итак... какой следующий шаг для получения зеленой карты?

Внимание Эйдена было сосредоточено на его руке.

— Сначала мы должны оформить документы.

Документы. Он использовал слово документы, чтобы описать то, что мы делаем. Тошнит ли меня или это изжога?

— Скоро.

— Как скоро? — мой голос звучал более таинственно, учитывая, что я точно знала, во что ввязываюсь.

Эти густые брови изогнулись, а челюсть слегка дернулась.

— Перед сезоном. Я не хочу ждать до конца недели, — произнес он, ссылаясь на ту неделю, когда команда уезжает во время сезона.

Он все еще не ответил на мой вопрос.

— Ладно...

— На следующей неделе у меня ранняя предсезонная игра. Давай сделаем это тогда, — я задохнулась, и он проигнорировал меня, переходя прямо к объяснению. — Мы не можем заполнить петицию, пока не подпишем документы. Ты должна сменить адрес на своей лицензии так скоро, как сможешь, твоя почта должна приходить сюда.

Что я могла сказать? Давай подождем? То, что он говорит, имеет смысл. У него, правда,

нет даже одного выходного после предсезонной игры, и из того, что я помню, все они по вечерам. Вероятно, это лучший шанс, что у нас будет.

Но часть меня, та, которая любила все планировать заранее и мысленно готовиться, съезжилась.

На следующей неделе. Мы «сделаем это» на следующей неделе.

Вот так легко. Мы должны вместе жить в доме, подписать документы, может сделать пару фотографий — это вообще необходимо? — и затем... прожить следующие пять лет наших жизней.

Я почти ожидала, что он вскочит со стула и прокричит «та-даааам».

Все просто. По-видимому, вот так просто.

Я посмотрела на мужчину, сидящего напротив меня, — самый большой мужчина, которого я когда-либо видела, самый сдержанный, несмотря на все намерения и цели, технически мой жених — и позволила тошноте и нервам скрутиться в моем животе, как щенкам.

— Адвокат сказал, что пройдет несколько месяцев между твоим заполнением петиции и урегулированием моего статуса, пока я получу условную зеленую карт. Нам понадобится проделать много бумажной работы; они запросят данные твоего банковского счета. Когда все будет одобрено, ты должна будешь пойти со мной на интервью в службу иммиграции. Все сработает? — спросил он, с опаской смотря на меня, будто не уверен, что я приму его план.

Мое сердце замерло. Я уже прочитала обо всем этом в интернете в перерыве между теми днями, когда он пришел ко мне, и когда я приехала к нему, и согласилась, так что мысленно я готова. По большей части.

— Ага, — ответила я, но улыбка на моем лице была чертовски слабая.

На что, черт возьми, я согласилась?

Выходные наступили слишком быстро, но в то же время — слишком медленно. Каждую ночь я просыпалась в поту. Я собиралась совершить тяжкое преступление. Я выходила замуж. И из всех людей в мире, я делала все это с Эйденом и для него.

Неважно, как много раз я напоминала себе о том, что то, что мы делаем, не по-настоящему, но мое тело не обмануть. Все эти изменения — переезд, жизнь в разных комнатах, сон в разных кроватях — они поражали мой мозг все это время, из-за чего у меня была бессонница.

Единственное, что помогало мне уснуть, — осознание того, что я точно знаю, что делаю. Я получила уникальную жизненную возможность. Свободу от долгов и дом. Я постоянно напоминала себе об этом.

И чтобы все сделать, мы отправимся в Вегас.

— Есть смысл сделать это там. Мы уже дважды ездили вместе, — объяснил он мне после того, как я согласилась сделать все быстро. — Если сделаем это здесь, нам придется пойти в здание суда, подать заявление на получение разрешения на брак и получить мирового судью для проведения церемонии.

Он прав. Мы дважды ездили в Вегас. Один раз на раздачу автографов, а второй — на съемки рекламы. Плюс, я полностью понимала, что он подразумевал под организацией всего в Далласе. Как только он выйдет из машины, его кто-нибудь узнает у здания суда. Я уже представила себе толпу, если мы попытаемся пожен... из-за этого слова у меня начинается расстройство желудка. Лицензия. Там соберется толпа, если мы поедем получать нашу лицензию.

На самом деле, думаю, именно слово «наша» подогревает мои внутренности.

— Все едут в Вегас для побега, — добавил Здоровяк, будто я и сама об этом не знала.

Очевидно, что знала.

— Не надо ждать, чтобы получить разрешение на брак, — закончил он, доедая сэндвич.

Тоже правда.

Как можно спорить с практичностью? Нет смысла, чтобы там присутствовали те несколько человек, которых я люблю, и, честно, не хотела бы я, чтобы они присутствовали при моем исполнении служебных обязанностей. Это не какой-то там вечный брак, построенный на любви. И я уверена, что не раз говорила Диане, что если время придет, моя свадьба пройдет на пляже.

Если время придет — вот в чем состоял мой план. Может, когда-нибудь, в отдаленном будущем, это станет возможно.

Сейчас, в подобной ситуации, подойдет и Лас-Вегас.

На следующее утро после своего переезда, с его кредитной картой в руках я заказала два билета на самолет в первом классе, потому что объяснять Эйденому, что летать экономом дешевле — бессмысленный аргумент, который я однажды испробовала и провалилась. Я также забронировала номер с двумя спальнями в гостинице, где мы останавливались раньше. Мы прилетим в воскресенье вечером и уедем в понедельник после обеда. Приехали и уехали: подпишем документы, может быть, сделаем фотографию и улетим обратно.

За день до отъезда я была в продуктовом магазине и заметила клиента передо мной с

обручальным кольцом, и меня поразило.

Понадобится ли Эйдену кольцо? Или мне?

Он ничего не говорил о помолвочных и обручальных кольцах, и я не уверена, что это то, что мы должны откинуть как фактор правдоподобности. Проверят ли они это на интервью? Будет ли это их заботить? Я вспомнила, что кузина Дианы, Фелипа, носила обручальное кольцо еще до того, как отношения между ней и ее мужем стали серьезными. Но при этом я встречала пары, которые не обременяли себя кольцом.

Поэтому...

Я искала в интернете, проверяют ли агенты такого рода вещи или нет, и знала, что фильм «Предложение» — не самый лучший пример того, как образуются проблемы с иммигрантами. Что я должна делать?

Были шансы, что он не будет его носить. Но...

«*Все равно приобрети одно*», — говорил мой мозг. Когда придет время, я позабочусь об одном для себя, но до этого момента могут пройти месяцы.

Я научилась доверять своим инстинктам, так что тем вечером, когда он несколько часов самостоятельно упражнялся на тренировочном объекте «Трех Сотен», я подавила в животе мучительное чувство и вытащила кольцо Национального Футбольного Чемпионата Колледжа из ящика, в котором он его хранил. Цепляясь за него изо всех сил, я посетила маленький ювелирный магазин, куда обращалась в прошлом, чтобы починить свои любимые сережки, которые сломались.

У ювелира был огромный выбор колец, но не очень много больших размеров, которые подошли бы пальцам Эйдена. К счастью, он сказал, что быстро сможет подогнать кольцо по размеру, и я выбрала простое кольцо из белого золота в четырнадцать карат. Оно и отдалено не напоминало что-то модное, и в нем даже не было восемнадцати карат, но... никому не нравятся придирчивые суки, и я заплатила за него из собственного кармана, так что ему лучше не жаловаться.

Я покупала своему будущему фальшивому мужу свадебное кольцо, которое он будет или не будет носить.

В конце концов, мы должны сделать все достоверно. Так что даже если он не будет его носить, по крайней мере, оно у него будет, решила я.

И от осознания этого мне больше не хотелось иметь его.

— Готова? — спросил Эйден с верхней ступени лестницы.

Никогда не буду готова. Никогда.

Я не спала с четырех утра, проснулась с колотящимся сердцем, а в голове одна за другой пролетали сотни миллионов мыслей. Мы уезжаем. Едем в Вегас подписать документы, которые легально разрешат мне сменить мою фамилию на Грэйвс, если я захочу.

Это еще одна деталь, которую мы не обсуждали, но я не видела смысла поднимать эту тему. Сегодня множество женщин не меняют фамилии, когда выходят замуж, верно? Если он не просил меня, то я чертовски уверена, что не буду затрагивать эту тему. У меня чувство, что я только и жду, когда начнется кошмар в офисе социального обеспечения.

— Ванесса, — крикнул он. — Нам надо идти.

С нервным вздохом, который превратился в стон, я встала с края кровати, где сидела последние пятнадцать минут, пока ждала, что тошнота и нервы успокоятся, и подняла свою сумку. Мы остаемся там всего на одну ночь, но я не знала, что паковать или что надену... когда буду делать это... поэтому я взяла простое платье, которое надевала до этого раз

десять, нарядные джинсы и блузку, две футболки, чтобы перестраховаться и любимую пару туфель на каблуках.

Нижнее белье, носки, зубная щетка, зубная паста для поездок, расческа и дезодорант лежали в моей сумке. В дорогу я надела кроссовки. Я не очень готова к этому дню, а я ненавидела быть не готовой, поэтому буду жить с тем, что упаковала.

Упаковала, чтобы выйти замуж.

Это такое же большое дело, каким я не пыталась его сделать.

— Ванесса, — проревел Эйден, не от нетерпения, а просто, чтобы я услышала его. — Пошли.

— Иду. Попрдержжи лошадей! — крикнула я в ответ с лестницы, затем быстро направилась к комнате Зака. Постучав в дверь, я прижала к ней ухо. — Зак Эттак, мы уезжаем.

Дверь открылась через несколько секунд. Наружу высунулась его русая голова, на лице уже расцвела большая улыбка. С тех пор, как он вернулся домой после того, как я переехала, он почти безостановочно дразнил меня, извинялся, что вовремя не обустроил дом для меня, и что он не нуждается в намеке, что провел ночь в доме женщины. Как только я улучила шанс остаться с ним наедине, то снова спросила, не против ли он того, что происходит. Его ответ:

— А почему я должен быть против, милая? Это ты выходишь за него замуж, не я, и мне нравится, когда ты рядом.

И все.

Из-за того, что их часто не бывает дома, мы не будем стеснять друг друга.

— Тогда обними меня, невеста, — произнес Зак, уже широко раскрывая объятия.

— Ухх, — насупилась я, обнимая его.

— Ванесса!

— Твой будущий муженек ждет, — произнес Зак до того, как я пальцами сжала его губы.

— Мы вернемся завтра.

— Ванесса!

Я вздохнула и сделала шаг назад.

— Пожелай мне удачи.

Зак пренебрежительно махнул рукой, на его загорелом лице расплылась злобная улыбка.

— Конечно, миссис Грэйвс.

Он нес полный бред, но я знала, если не спущусь вниз, Эйден вероятно поднимется сюда и потащит меня вниз — он ненавидит опаздывать — поэтому я позволила комментарию Зака остаться без внимания и побежала вниз по лестнице. У ожидающего меня внизу Эйдена на лице было его типичное раздраженное выражение. Он был одет в джинсы и черную футболку с вырезом в форме V, которая растянулась на его широкой мускулистой груди. Его любимое худи свисало с кончиков пальцев.

Когда я спускалась вниз по ступенькам, он окинул меня взглядом, отчего мои колени ослабели. Эйден не ждал, когда я спущусь вниз, и направился в гараж. Я прошла через кухню, закрыла за собой дверь гаража и понесла свою сумку к его машине.

— Все взяла? — спросил он, бросив на меня короткий взгляд, когда мы пристегнулись, а потом повернул голову и выехал к проезжей части.

Я провела пальцами по маленькой выпуклости на переднем кармане своих джинсов и ощутила нервный прилив. Я быстро всмотрелась в лицо Эйдена; твердая линия рта, жесткий выступ подбородка и постоянное напряжение в изгибе его бровей. Реальность нахлынула на меня. Я выхожу замуж за этого парня.

Вот это да.

— Ага, — прохрипела я.

Поездка до аэропорта прошла хорошо, компанию нам составило спортивное шоу по радио; к счастью, они обсуждали лишь профессиональный бейсбол. Эйден припарковал свою машину в одном из крытых участков парковки. Отсюда мы воспользовались шаттлом до терминала. По пути я несколько раз смотрела на него, с каждой секундой мои руки все больше покрывались потом. Как только мини-автобус подъехал к остановке, Эйден надел свое худи, несмотря на тридцать с чем-то градусов жары в Далласе, и застегнул молнию прямо до горла.

Когда автобус остановился, он первым вышел из него, одной рукой потянулся за своей сумкой, а второй — за моей. Если он хотел нести мою сумку, я не собиралась возражать.

Я позволила ему вести нас на регистрацию. Мы быстро получили свои посадочные талоны, и Эйден дал автографы четверем работникам аэропорта, которые работали за стойкой, затем мы направились к службе безопасности. Невозможно было не заметить, что люди бросали на него взгляды и таращились.

Не то чтобы он выделялся в своем худи, даже если только женщины бросали на него оценивающие взгляды. Он не самый высокий человек в мире, но сам его размер привлекал внимание. Даже в худи на два размера больше нужного, ширина его плеч и очертание бицепсов выделялись безошибочно.

Вместе мы подошли к первому агенту УТБ (*Примеч. УТБ — Управление транспортной безопасности*), который посмотрел на наши документы, покраснел на мгновение и махнул нам рукой, предлагая идти вперед. Джентльмен, каким он был, Эйден позволил мне первой встать в очередь. Убедившись, что его внимание сосредоточено на чем-то другом, когда мы подошли к посту охраны, где проверяется наш ручной багаж, я положила кольцо в один из подносов со своим телефоном и спрятала обратно в карман, как только закончила проходить через детектор.

— Я хочу чашку кофе, — произнесла я, когда Эйден подошел ко мне. — Ты хочешь чего-нибудь?

Он покачал головой, но пошел со мной к ближайшей Dunkin Donuts (*Примеч. DUNKIN DONUTS. — крупнейшая в мире сеть кофеен*), его тело большой впечатляющей тенью напоминало о его постоянном присутствии рядом. За все то время, когда мы путешествовали вместе, не думаю, что мы когда-либо находились так близко друг к другу. Обычно я тащила за ним, или он уходил, чтобы посидеть где-то в одиночестве. Хотя в этот раз он стоял не в пятидесяти шагах от меня, а меньше чем в десяти. В ушах наушники, и он ни на что не обращал внимания.

И, вероятно, из-за этого я чувствовала себя немного лучше. Он не игнорировал меня или вел себя так, как обычно, то есть притворяясь, что меня не существует. Я должна принять это во внимание, не так ли?

Как только мы встали в очередь, я оглянулась и увидела, что его внимание направлено вперед, сфокусировавшись на меню; между бровей прорезалась линия. Покупатель перед нами отошел в сторону, и я сделала шаг вперед, когда работник поднял голову от кассы,

мельком посмотрел на Эйдена, прежде чем его взгляд опустился вниз.

— Чем я могу вам помочь?

— Могу я...

Словно для того, чтобы убедиться, взгляд работника снова вернулся к Эйдену. Его ноздри затрепетали.

Я знала, что он задохнется до того, как он это сделал. Глаза работника округлились. В следующую секунду его рот закрылся. Затем он втянул в себя воздух.

— Черт, — пробормотал кассир, его взгляд сосредоточился на бегемоте позади меня.

Бегемот, будучи тем, кто он есть, осматривался кругом и не уделял внимание человеку, сходящему с ума прямо перед ним. Так что я ударила его локтем. Внимание Эйдена так быстро вернулось ко мне, что это слегка тревожило. Он нахмурился. Я незаметно наклонила голову в сторону сотрудника магазина пончиков. Так как он не был идиотом, его карие глаза посмотрели в сторону, куда я указывала.

Сотрудник до сих пор пялился на него огромными глазами.

— Вы... вы... вы Эйден... Эйден Грэйвс, — всхлипнул парень на пару лет младше меня. Эйден натянуто кивнул.

Вот это да. Мистер Социальные Навыки снова здесь.

— Вы... Я... — парень задыхался. — Я ваш фанат. Черт возьми, — он еще раз вдохнул, и, клянусь, его лицо побледнело. — В жизни вы еще больше.

Он, правда, правда таким был.

Эйден небрежно пожал плечами, как делал всегда, когда кто-то упоминал его размер. Я думала, ему не комфортно, когда люди затрагивают эту тему, но особенно потому, что я слышала, как он говорил Лесли, что не делал ничего специального для этого. Гены дали ему его телосложение и основу для работы; все, что он делал, это занимался и хорошо питался, чтобы развить то, что ему дано. То, что он не ответил, не было высокомерием; я была уверена, что он просто не знал, что ответить.

Бедный парень продолжал пялиться на него, совершенно не осознавая моего присутствия и того, что позади нас около четырех человек задаются вопросом, какого черта я там тяну с заказом.

Да и Эйден совсем не помогал ситуации — стоял, смотрел на своего фаната этим нечитаемым, граничащим со скукой выражением на лице.

— Можешь сделать кофе моей девушке?

Его девушке?

Я потратила каждую унцию своего самоконтроля на то, чтобы не посмотреть на него с выражением, которое ясно отражает то, о чем я думаю: как ты, черт возьми, только что меня назвал?

К счастью, физически я не отреагировала. Когда кассир, наконец, вышел из своего транса, он посмотрел на меня и моргнул. Я улыбнулась ему, вытаскивая телефон из кармана, игнорируя странное чувство, пронзающее мой позвоночник от фальшивого термина, который только что вылетел у Эйдена изо рта.

— О, конечно. Конечно. Моя вина. Что я могу вам предложить? — спросил парень, краснея.

Я сделала заказ, быстро посмотрела вниз и проверила, что отправляю сообщение правильному человеку, и быстро его напечатала.

Я: Твоя девушка?

Я отправила сообщение мужчине, стоящему около меня, и протянула свою карточку.

Парень бросил еще один взгляд на Эйдена, торопливо и нервно пробивая заказ. Когда он вернул карточку, я поблагодарила его, но он снова перестал уделять мне внимание; он до сих пор пялился на Эйдена, и при ближайшем рассмотрении я поняла, что руки у парня дрожат.

— Спасибо, — снова пробормотала я, забирая свой стаканчик и отходя в сторону, чтобы добавить туда сливки. Эйден двинулся вместе со мной, находясь в собственном маленьком мирке и не обращая внимания на сообщение, которое я ему отправила, или он просто решил игнорировать телефон, который, как я знала, он обычно держит на вибрации в кармане. И тогда я заметила, что люди в очереди позади нас пялятся на него.

Я не могла их винить. Он совсем не посылает дружелюбные вибрации, стоя здесь с обеими сумкам на плечах, руки скрещены на груди, а моя сумка стоит у его ног, пока он ждет меня. Потом я поняла, что они и на меня смотрят. Оценивают. Видят, кто с парнем, из-за которого работник сошел с ума.

Просто я.

Нервы и тошнота никуда не делись. Меня тошнило весь полет до Вегаса. Перед тем как надеть наушники, прислониться к стеклу и уснуть, Эйден сказал мне, может быть, около пяти слов, что не плохо, учитывая, что я застряла в собственном мире отрицания и ужаса. Я продолжала говорить себе, что все будет хорошо, но не чувствовала этого. Если Эйден и боролся с нервами и неуверенностью, он этого не показывал, пока мы выходили из аэропорта и ловили такси до нашего отеля на Стрип. Мы зарегистрировались и направились к лифту.

Он провел карточкой по двери и пропустил меня вперед.

Я присвистнула, когда осмотрела чистую, современную мебель. Я забыла, как хорош этот отель, и из-за этого ощутила маленький укол вины. Когда я была ребенком, мы не так много путешествовали, в основном потому, что у моей мамы не было денег, времени или желания куда-нибудь свозить нас.

Но в редких случаях, когда родители Дианы приглашали меня поехать с ними, мы останавливались с очень дешевых отелях у дороги, которые походили на те, что показывают в фильмах ужасов, и мы все втискивались в одну комнату или две, если ее родители могли себе это позволить.

И я всегда хорошо проводила время, особенно если в отеле был бассейн.

И вот я в этом пятизвездочном отеле, с мужчиной, который являлся миллионером. Я заплатила за номер его картой. И я отлично знала, сколько все это стоит. Я знала, что никто в моей семье, за исключением моего младшего брата, никогда не поселится в таком месте. И из-за этого я ощущала себя немного некомфортно. Чувствовала себя виноватой. И немного грустной.

— Ты в порядке? — спросил этот хриплый, низкий голос позади меня, когда я остановилась в дверях.

Мне пришлось прочистить горло и заставить себя кивнуть и улыбнуться, и все это вышло настолько неискренне, насколько это возможно.

— Конечно.

Ага, он легко прочитал все по моему лицу, его глаза в замешательстве осмотрели номер.

— Ты выбирала отель, — его тон был слегка обвиняющим. — Тебе не нравится?

— Нет, — я покачала головой, сейчас чувствуя себя еще и идиоткой. — То есть, конечно, он мне нравится. Это самое замечательное место, в котором я когда-либо останавливалась, — это о многом говорило, потому что когда я путешествовала с Эйденом, мы всегда останавливались в хороших местах. — Я просто думала о том, какой он изысканный, и что я и представить не могла, когда была ребенком, что когда-нибудь остановлюсь в подобном месте. Вот и все.

Тот факт, что я здесь с Эйденом и выхожу за него замуж, забил гвоздь в мое сердце. Молодая Ванесса, Ванесса до двадцати шести лет и понятия не имела, что ее ждет в будущем.

Повисла пауза, и клянусь, мы оба посмотрели себе через плечо, чтобы взглянуть друг на друга. Напряжение между нами неловкое и неуверенное. Виннипегская Стена моргнул своими большими карими глазами.

— Если ты хотела, то могла бы пригласить свою семью.

— Ох, эм, нет. Все нормально, — оглядываясь назад, я поняла, что слишком быстро отмела его предложение. — Я общаюсь только с младшим братом, и он уже вернулся в колледж.

Почему он так странно смотрит на меня?

— Я не... — Боже мой, почему это так сильно волнует меня? И почему я просто не могу заткнуться? — Я редко разговариваю с мамой и не общаюсь с сестрами. А моя лучшая подруга много работает, — я заломила руки и закончила свой порыв глупости. — Больше у меня никого нет.

Эйден так долго смотрел на меня, что я нахмурилась.

— Ты странно ведешь себя, — заявил он так небрежно, что я почти проигнорировала слова, вылетевшие из его рта.

— Извини?

— Ты странно ведешь себя со мной, — повторил Эйден.

Я закрыла рот и еще больше нахмурилась.

Человек, который не держал свои мысли при себе, очевидно, думал, что должен высказаться.

— Я извинился перед тобой.

Эм.

— Послушай, все нормально... — начала я, прежде чем он прервал меня, покачав головой.

— Это не так. Ты больше не улыбаешься. Не называешь меня Здоровяком и не посылаешь к черту, — заявил он.

Погодите секунду. Я этого не делаю, не так ли? И он заметил? Возможность того, что он это заметил, заставила меня почувствовать себя странно и почти неудобно.

— Я думала, что раздражаю тебя, — пробормотала я, пытаюсь понять, какой ответ будет правильным, и говорит ли он это потому, что искренне скучает по всему перечисленному или нет.

— Раздражаешь, — вот и приехали. — Но я привык к этому.

Погодите еще секунду...

— Раньше я никогда не чувствовал себя неловко из-за тебя, но теперь ты смотришь на меня по-другому. Будто не знаешь меня, или я тебе не нравлюсь, — тот факт, что он посмотрел на меня, без стыда, без неловкости, не играя в игры, ударил меня прямо в

солнечное сплетение. — Я пойму, если ты все еще зла на меня, если ты не думаешь обо мне так, как раньше, но мне нравилось, как все было между нами до этого, — продолжил он с открытым и абсолютно искренним лицом. А я лишь слегка почувствовала себя плохо из-за того, как очевидно проявлялось мое раздражение, особенно из-за того, что он не просто это заметил, а скучал по тому, как все было между нами раньше, несмотря на то, что он так долго меня игнорировал.

— Я знаю, — я сглотнула и изнутри прикусила щеку. — Я знаю. Слушай, я просто... — я пожалала плечами. — Ну, скоро вернусь в норму, я уверена. Просто мне со многим приходится справляться, и я пытаюсь к этому привыкнуть. Иногда мне тяжело прощать людей. Я больше не знаю, как вести себя рядом с тобой.

— Как и раньше, — предложил он беспристрастно, будто это самый простой ответ в мире.

Я сглотнула, застряв между упрямством, цепляясь за страх и обиду, что я испытывала, и неуверенностью в том, как двигаться дальше с этой версией Эйдена, которую я пыталась узнать.

Будто чувствуя, что я не знаю, как ответить, он отвел плечи назад и спросил:

— Кроме этого, ты уверена, что ты в порядке?

— Да.

— Точно?

Я кивнула, выдыхая воздух, который, казалось, застрял в моем животе, вздувая его неуверенностью и тревогой, и, вероятно, чем-то еще, о чем я не знала.

— Да, я, эм, несколько дней назад сменила свой адрес на своих банковских документах. Я поменяю свой документ так скоро, как смогу, — объяснила я и вдруг почувствовала себя неловко. — Уверен, что тебя все это устраивает? Уверен, что все еще хочешь застрять со мной на следующие пять лет?

Этот темный, почти карамельного цвета взгляд задержался на мне — твердый, напряженный, уверенный.

— Да, — ответил без усилий этот Эйден. — После того, как подпишем бумаги, мы должны собрать документы для заявления.

Подпись документов. Мы вернулись к этому. Я сглотнула.

— Да. Ладно.

Вероятно, в моем тоне прозвучала нотка сомнения, потому что он стряхнул с лица это выражение, хмуро посмотрев в мою сторону.

— Ты не бросишь меня.

Мне пришло в голову, что он даже не спрашивает меня. Он указывает. Меня немного обидело, что он вообще такое предположил.

— Я тебя не бросаю. Мы уже здесь. Я бы так не поступила.

— Я не думал, что ты бы это сделала, но я хотел...

Что? Напомнить мне? Проверить?

— Я здесь. Я никуда не собираюсь. Мы сделаем это, — заверила я его.

Через мгновение он кивнул.

— Я знаю, мы торопимся, но это наш единственный шанс. Следующий месяц будет более загруженным у меня.

— Эйден, я знаю. Я понимаю. Поэтому я здесь, не так ли? Все нормально. Мне тоже надо заниматься делами, — даже не думая, я потянулась и слегка коснулась его обнаженного

предплечья. — Я не брошу тебя посреди ночи. Я всегда сдерживаю свои обещания, хорошо? Единственное место, куда я скоро уеду, это в Эль-Пасо, но через несколько дней я вернусь. Я была рядом с тобой два года, и еще пять лет буду поблизости. Я не разбрасываюсь своими обещаниями.

Что-то резко вспыхнуло в его глазах, в одно мгновение оно было там, в другое — уже нет.

Чувствуя себя смущенно, я убрала руку и улыбнулась ему, чувствуя, как что-то во мне расслабилось.

— Слушай, полагаю, я не полностью пережила то, что произошло, даже если знаю, что тебе жаль. Я знаю, каково это, когда кто-то делает нечто непростительное, и нечестно, что я переношу это на тебя, ладно? Уверена, что скоро я вернусь к тому, что снова буду показывать тебе средний палец. Не переживай.

Он медленно кивнул, его черты никогда не теряли тонус настолько, чтобы их можно было считать расслабленными.

— Все уладится. Я знаю, что ты сожалеешь, — я заставила себя пожать плечами и выдохнула, и мне показалось, будто я сбросила несколько килограммов. — Я благодарна за все, но мне прямо сейчас надо пописать. Зайди за мной, когда будешь готов уходить.

Я улыбнулась ему, прежде чем направиться в ванную, нуждаясь в минутке для себя. Внутри ванной комнаты я прислонилась к двери и прерывисто вздохнула. Что я делаю?

«Все будет в порядке», — поняла я, пока пользовалась туалетом, а затем направилась в спальню.

Сейчас только пять часов, спасибо смене времени, но, зная Эйдена, он захочет подписать документы так быстро, как только это возможно. Так что я не удивилась, когда он постучал в открытую дверь, соединяющую мою спальню с гостиной, и приподнял бровь, когда обнаружил меня сидящей на середине кровати, пока я пыталась обуздать восемьдесят различных эмоций, сражающихся в моей голове.

Я делаю это. Я, правда, черт побери, делаю это. Я выхожу замуж.

И если этого недостаточно, кажется, Эйден скучал по тому, что я посылала его. Кто бы мог подумать?

Но самое главное — я собираюсь выйти замуж за Эйдена Грэйвса.

Не уверена, плакать мне или смеяться. Или и то, и другое вместе взятое.

— Хочешь пойти и покончить со всем? — спросил он со своего места в дверном проеме.

Покончить со всем.

Это все решило. И сломало меня.

Я не могла ничего с этим поделать, я упала лицом на кровать. Я смеялась или плакала, и собиралась пойти с ним, чтобы не сорваться при мистере Романтичность.

— Конечно. Больше мне нечем заняться, — фыркнула я, приглушенная одеялом. Я собираюсь пойти и совершить уголовное преступление. Маленькая Ванесса и понятия не имела, на что она будет способна, когда станет взрослой.

— Почему ты смеешься? — его вопрос достиг меня, и меня прорвало еще сильнее.

У меня ушло мгновение на то, чтобы взять себя в руки, но, в конечном итоге, я смогла сесть и протереть руками лицо, улыбаясь дрожащей нервной улыбкой. Он, с другой стороны, стоял и смотрел на меня так, будто я сошла с ума.

— У тебя все это прозвучало так, будто мы идем в ДПС, чтобы обновить твои

документы, и ты не хочешь идти, — я доползла до края постели и встала, разминая челюсть от того, как сильно меня пробрал смех. — Ты знаешь, где хочешь это сделать?

Он опустил вниз свой бородатый подбородок.

— В двух кварталах отсюда есть часовня.

Я кивнула, знакомое чувство тревоги снова наполнило мою грудь.

— Хорошо, — я осмотрела одежду, в которую он был одет еще с полета. — Дай мне хотя бы переодеть футболку, — он не раздевался. Так почему я должна?

Он бросил взгляд на мою футболку и ушел.

Я переоделась в нарядную блузку, которую много раз носила при нем, и встретила с ним в гостиной. На нем до сих пор было худи и футболка с V-образным вырезом, он выглядел привлекательно и обыденно в одно и то же время. Позерство. Хотя моим вниманием завладел маленький медальон, выглядывающий в вырезе его футболки.

Я следовала за Здоровяком. Мы прошли через холл и вышли на жаркое солнце Вегаса. Он сказал, что часовня всего в двух кварталах отсюда, и они казались мне самыми длинными кварталами в моей жизни. В прошлом я два раза была в Вегасе, но всегда с ним и по работе, так что у меня не выдалось шанса прогуляться и осмотреться. По большей части я осматривала достопримечательности через окно машины, в которой мы ездили.

Днем все выглядит не так, как ночью. Эйден в шаге или двух передо мной, но я слишком занята осмотром магазинов и ресторанов, чтобы следить за ним. И, конечно же, через два квартала от нашего отеля он остановился перед маленькой белой часовней, которую, я уверена, видела в фильмах.

— Готова? — спросил меня Виннипегская Стена так, будто мы отправлялись на битву.

Нет.

Я не готова, но я внимательно всмотрелась в серьезное лицо Эйдена и подумала о том, как сильно он хочет жить в Штатах и не беспокоиться о своей визе, как я могу сказать ему «нет»? Ладно, могу, но большая часть меня, которая слабовольная на 100 %, понимала. Я знала, каково это — не хотеть жить где-то.

Прощайте следующие пять лет моей жизни.

— Да, — ответила я, наконец. — Нам нужны фотографии. Работники Миграционной Службы спросят о них на твоём интервью.

Уголки его рта сдвинулись почти в подобие улыбки, которую я когда-либо у него видела, если вообще видела. Мои нервы стали как оголенные провода, в животе болело, но, кажется, я все делаю правильно.

— Что? Я проверила. Хочу быть готова, — не отправиться в тюрьму и получить то, что мне обещано. И разве это не то, что должен понимать Эйден? Я следую за его словом, полагаюсь на него, чтобы пройти через то, что он пообещал мне в конце этого предстоящего путешествия. Черт, когда мы разведемся, я могу попросить у него половину всего, чем он владеет. Очевидно, он достаточно доверяет мне, чтобы знать — я никогда не сделаю чего-то подобного.

— Все будет в порядке, — кажется, пообещал он мне через мгновение, а эта частичная улыбка до сих пор занимала большую часть его щек.

— Хорошо, — мои руки стали влажными. — Давай сделаем это.

Он кивнул, и мы вошли внутрь.

Двое людей, работающих за стойкой, очевидно, делали подобное много раз. Они и глазом не моргнули, когда увидели нас в повседневной одежде; они не болтали и не задавали

вопросов, из-за которых я бы почувствовала себя странно. Я подумала о кольце, которое держала в кармане, и... я струсилась. Я оставила его там, обещая себе, что позабочусь об этом позже.

Мы заполнили документы, которые они нам дали, и выбрали свадебный пакет за сто девяносто долларов, который включал в себя церемонию в часовне, букет шелковых роз, бутоньерку, на которую Эйден посмотрел с презрением, фотографа и CD диск с пятью фотографиями, которые задокументируют наш «большой день».

Священнику еще шестьдесят долларов.

Так что, за двести пятьдесят долларов Эйден и я стояли перед классическим свадебным алтарем с мужчиной, который, кажется, был нетрезв, и слушали, как он говорит слова, которые в одно ухо влетели и из другого вылетели. По крайней мере, у меня.

Боялась ли я? Немного. Но я смотрела на бутоньерку, которую Эйден засунул в передний карман джинсов, и сжимала ленту, которой были обмотаны стебли моего букета влажными пальцами до слов, вылетевших из его рта:

— Вы обмениваетесь кольцами.

Эйден покачал головой в тот же момент, когда дрожащими пальцами я достала из кармана золотое кольцо и протянула его. Я не хотела одевать его ему; это слишком интимный жест.

Эти темные зрачки впивались в меня, пока он пытался надеть кольцо. Оно не подошло. Почему это так удивительно? Конечно, он стал больше за восемь лет, с тех пор как выиграл национальный чемпионат в колледже. Он надел кольцо на мизинец, куда оно легко скользнуло.

Этот пронзительный взгляд вернулся ко мне и остался там, тяжелый и непреодолимый, из-за чего я чувствовала себя такой уязвимой, что мне пришлось опустить взгляд на букет, который не проживет долго, учитывая, как сильно я заламывала руки. Я смотрела вниз, пока не прозвучали слова:

— Можете поцеловать невесту.

Когда я посмотрела вверх, то увидела, что Эйден смотрит на меня. Мои глаза округлились, я бросила косой взгляд в сторону, не зная, какого черта нам делать. Я слишком переживала о церемонии, чтобы беспокоиться об этой части.

Потом я подумала о фотографе и знала, что нужно сделать, даже если не хотела.

Но кроме этого, я, правда, не хотела отправиться в тюрьму или выплачивать штраф. К черту. Мне не нужно целовать его по-настоящему... даже если это было бы неудобно, если бы мне пришлось.

Я сделала шаг вперед. Глаза Эйдена неуверенно скользнули в сторону, и я не хотела слишком сильно заикливаться над этим сейчас, потому что мне и о своих нервах надо переживать. Затем я сделала еще шаг вперед, положила руки на мускулистые предплечья и приподнялась на носочки, хотя все равно не доставала.

Он хмурился даже тогда, когда опустил голову, наши взгляды встретились, и я прижалась своими губами к его губам. Ничего грандиозного, просто чмок, центр моих губ у его. Они оказались мягче, намного податливее, чем я когда-либо могла представить. Весь контакт продлился, может быть, секунды две, прежде чем я опустилась на пятки и отошла. Моя грудь и шея горели.

И этот красивый суровый мужчина, с которым я подписала документы, нахмурился еще больше, когда я отошла от него метра на три.

— Поздравляю! — прошептал священник, пока остальные работники церкви буквально бросали в нас блески. Я была рада, что ношу очки, когда Эйден потер глаза тыльной стороной руки.

— Одна ваша совместная фотография, — произнес фотограф, уже указывая, чтобы я вернулась к Эйдену.

Я сглотнула и кивнула. Правдоподобно. Быстро сместившись, я оказалась около него. Когда он не обнял меня или сделал что-то, что делает пара, я взяла его под руку, прижалась своим бедром к его и стояла так, пока нас ослепляла вспышка.

Фотограф улыбнулась, когда сделала шаг назад и опустила камеру.

— Дайте мне десять минут, мистер и миссис Грэйвс, и диск будет готов.

Мистер и миссис Грэйвс.

Любимая фраза Дианы идеально подходила нашей ситуации: «Дерьмо только что стало реальным».

Странно думать, что в восемь часов в воскресенье, в середине августа, я законно стала замужней женщиной.

После того, как в часовне нам выдали диск с пятью фотографиями и бумаги, мы пошли обратно в гостиницу в состоянии, похожем на сон. По крайней мере, для меня все было именно так. Станный, странный, странный сон, который больше напоминал галлюцинации от наркотиков, чем реальность. Мы почти ни о чем не говорили, но я думала о том, что мы сделали, и, зная Эйдена, он думал о своей следующей предсезонной игре.

Мы направились в наши спальни, лишь обменявшись с моей стороны натянутой улыбкой и слегка искривленным ртом с его. Кажется, я около тридцати минут просто просидела на краю кровати, тупо собирая свои мысли воедино. Казалось, стены сдвигаются вокруг меня, и я начала испытывать зуд и беспокойство.

Замужем. Я, черт побери, замужем. Женщина в часовне назвала меня миссис Грэйвс.

Я замужем за Эйденем.

Я не могу всю ночь просидеть в комнате. Я слишком неусидчива, чтобы работать или рисовать. Чтобы выбраться из собственной кожи, мне надо чем-то занять голову. Так что я подумала обо всем том, чем когда-то хотела заняться в Вегасе, и в этом списке было кое-что — я хотела увидеть шоу.

Убедившись, что у меня при себе документы и кредитка, я встала и вышла в гостиную номера, которая оказалась пуста. Заглянув в комнату Эйдена, я обнаружила его спящим на кровати, он был полностью одет и в отключке. Одну большую руку он использовал в качестве подушки, а другая была зажата между бедер, из его рта доносится очень мягкий, едва слышимый свист.

Я посмотрела на часы и на секунду засомневалась. Вероятно, он не захочет пойти со мной, не так ли?

Не-а.

Он не похож на человека, которого интересуют акробаты и клоуны в экстравагантных костюмах, еще меньше толпа. Взяв блокнот с ночного столика у его кровати королевского размера, я написала ему записку.

Эйден,

Я гуляю по Стрип. Если будут билеты, возможно, схожу на шоу. Вернусь поздно. Телефон у меня с собой.

Ви.

Я на цыпочках вышла их комнаты, медленно закрыв за собой дверь, и ушла.

Лас-Вегас — не лучшее место в мире для прогулок девушки в одиночку, но со всеми этими людьми, гуляющими повсюду, я подумала, что могло быть и хуже. Было легко влиться в толпу. Я гуляла по улице, ходила по магазинам. Их наполняли туристы всех возрастов и национальностей, и я не чувствовала себя такой одинокой, какой думала, что буду, в одиночку гуляя по незнакомому городу в тот же день, когда я вышла замуж за своего бывшего босса.

Я была у магазина M&M, когда завибрировал в кармане телефон. Когда я его вытащила, на экране светилось имя «Миранда П.».

— Алло?

— Где ты? — произнес хриплый, сонный голос.

Хмурясь, я назвала магазин, когда какой-то мудака толкнул меня сзади, чтобы добраться до прилавка.

Эйден выругался, и мне пришлось отвести телефон от уха и проверить, правда ли это он звонит мне, а не его злой двойник.

— Жди там, — приказал он.

— Зачем? — спросила я, когда на линии стало тихо.

Он придет? И он только что выругался, или мне показалось?

Я не была уверена. Я еще немного прошлась по магазину и едва вышла наружу, бросила взгляд в сторону, откуда пришла. Возвышаясь над всеми в квартале, это, скорее всего, голова Эйдена. Я не видела его лица, потому что он надел капюшон худи, но я узнала его только по тому, как он держал плечи. Я была слишком далеко, чтобы увидеть его глаза, но могла сказать, что он осматривался по сторонам.

Но даже с надетым капюшоном я знала, что он раздражен. Я стояла в стороне у дверей и наблюдала, как он обходит туристов, не обращающих на него внимания. В ту секунду, когда он посмотрел на меня, я это почувствовала и помахала ему.

Его рот забавно дернулся, и я слишком хорошо знала этот его жест.

Из-за чего, он, черт побери, злился?

— Что ты делаешь? — рывкнул он в ту же секунду, когда подошел достаточно близко.

Я подняла плечи, в процессе приподнимая очки на носу.

— Гуляю.

— Ты могла бы разбудить меня, чтобы я пошел с тобой, — практически прошипел он, останавливаясь в метре от меня.

Во-первых, его отношение действовало мне на нервы. Во-вторых, мне не нравился тон, который он использовал.

— Зачем мне будить тебя?

Несколько сантиметров его челюсти, которые были заметны из-под капюшона, сжались.

— Чтобы я пошел с тобой. Зачем еще?

Он смотрел на меня «этим» взглядом.

Раз, два, три, четыре, пять.

Я прищурилась.

— Я не знала, что ты захочешь пойти. Подумала, что ты лучше останешься в отеле и

отдохнешь, — в конце концов, он дремал, когда я зашла к нему.

Длинная линия его горла дернулась.

— Я бы лучше остался там, но мне также не нужно, чтобы тебя похитили и использовали как наркокурьера.

Боже помоги мне. Я посмотрела на тысячи людей, гуляющих по Стрип, чтобы убедиться, что не придумала их.

— Ты, правда, думаешь, что меня здесь кто-то похитит? Правда?

Ноздри Эйдена раздувались. Он пялился на меня.

Я пялилась в ответ.

— У меня уже из-за тебя болит голова, хотя прошло всего четыре часа.

— Я пыталась быть милой и оставить тебя в покое, а не вызывать головную боль. Да ладно, — фыркнула я. — Я просто гуляю. Я была в различных местах и без тебя, — в нескольких. Но не одна. Хотя я не собираюсь признаваться в этом вслух, особенно сейчас, когда он сходит с ума без причины.

Он продолжал смотреть на меня, «этот» взгляд, который действовал мне на нервы, захватывал его черты сантиметр за сантиметром.

— Это глупо. В тебе сколько? Метр семьдесят? Метр семьдесят три? Шестьдесят килограммов? Ты не можешь гулять по Лас-Вегасу в одиночку, — подчеркнул он, его тон был таким натянутым, что я отшатнулась.

Я моргнула в замешательстве и удивлении.

— Эйден, ничего страшно. Я привыкла все делать сама.

Веки этих больших карих глаз медленно опустились, из его поджатых губ вырвался глубокий вздох, будто мы единственные люди на Стрип, когда это абсолютная неправда.

— Может, ты и привыкла делать все сама, но не будь идиоткой, — заявил он спокойно, полностью контролируя себя. — Я не знал, где ты. Здесь происходят преступления, — и не строй такое выражение лица передо мной. Я знаю, что преступления совершаются повсюду. Мы, может, и делаем это не по тем причинам, по которым делают большинство людей, но я дал клятву, Ван. И я пообещал тебе, что мы попытаемся быть друзьями. Друзья не позволяют своим друзьям бродить в одиночку, — он снова пригвоздил меня взглядом. — Ты не единственная, кто серьезно относится к своим обещаниям.

Эмм. Что происходит?

Эти темные глаза выражали упрямство, когда он произнес:

— Я не могу сделать этого без тебя.

Вот черт. Не уверена, что знаю, как после этого разговаривать.

Наш брак — тошнота, раздражение и диарея — не настоящий, но в его словах есть смысл. Мы дали клятвы, которые я не могу вспомнить, потому что не слушала. Но смысл в том, что мы до этого дали друг другу обещания, и я не хочу быть человеком, который отказывается от своих слов.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я никуда не денусь, пока ты не станешь постоянным жителем, Здоровяк. Обещаю.

Его взгляд скользил по моему лицу самую долгую секунду в моей жизни, и, в конце концов, он прочистил горло.

— Чем ты хочешь заняться? — проворчал он внезапно, будто только что он не произнес самые значимые слова, которые я от него когда-либо слышала.

Отдаю ему должное, он не стал жаловаться, как только я рассказала ему о шоу, которое

хотела посмотреть. Но при этом я сжимала руки у груди, как маленький ребенок, просящий чего-то.

— Это все, что я хочу увидеть.

И я собиралась сделать это независимо от того, пойдет он со мной или нет, но ему этого знать не надо.

Он просто поднял взгляд на несуществующие звезды Невады и вздохнул.

— Хорошо, но после мне надо будет что-то съесть.

Возможно, я подпрыгивала на носочках.

— Правда?

— Да.

— Правда-правда? — клянусь, я, кажется, сияла.

Эйден подарил мне, возможно, самый болезненный кивок в истории всего мира.

— Да. Конечно. Пошли, купим билеты.

Я никогда в своей жизни не хотела стать Дороти и стукнуть каблучком о каблучок, но идея того, что я не буду ходить по Вегасу одна, а с этим гигантом, которого можно принять за телохранителя, мне понравилась и я обнаружила, что улыбаюсь ему и хлопаю.

— Хорошо, пошли.

Ради его жизни, я решила игнорировать гримасу на его лице.

И мы пошли. Отель находился на другой стороне Стрип, но у нас еще оставалось время купить два наиболее хороших билета, за которые я заплатила сама, так как чувствовала вину за то, что он платит за все. Билеты нам достались в третий ряд, и я подумала, что это будет стоить каждого пенни, потраченного из моих сбережений.

Когда мы встали в очередь к киоску с закусками, я ощутила, что дрожу второй раз за день, но в этот раз от волнения. Cirque du Lune раньше приезжал в Даллас, но я всегда отговаривала себя от трат на поход туда. Сейчас, когда я не оплачивала аренду и мой бизнес стабилен, трата денег не вызывала у меня учащенное сердцебиение или чувство вины из-за расточительности. Плюс, я была такой возбужденной, что подписывала чек с улыбкой на лице.

— Хочешь разделить попкорн? — спросила я после того, как мы встали в супер длинную очередь к киоску с закусками, но я так радовалась, что даже не волновалась о том, что попкорн будет стоить руки или ноги.

Он начал опускать подбородок в тот момент, когда я заметила, как по его руке сзади стучат пальцем. Эйден нерешительно повернулся лицом к женщине около сорока лет и мужчине того же возраста. Они улыбались.

— Можно нам с тобой сфотографироваться? — выпалила женщина, ее щеки порозовели.

— Мы большие фанаты, — добавил мужчина, его лицо было скорее красным, чем розовым.

— Мы следим за твоей карьерой с Мичигана, — быстро продолжила женщина.

Эйден изобразил эту крошечную улыбку, которую хранил для фанатов, и кивнул.

— Спасибо. Я ценю это, — Здоровяк повернулся ко мне. — Сделаешь фотографию?

Женщина застенчиво улыбнулась мне перед тем, как протянула свой телефон. Я настроила фокус камеры, пока пожилая пара зажала Эйдена в сэндвич между собой — они казались такими маленькими в сравнении с ним — и я сделала шаг назад, когда заметила движение в полоске пространства между Эйденем и женщиной-фанаткой.

На фотографиях он никогда не обнимал людей за плечи, я заметила это еще с самого начала, но всегда держал руки по бокам от них. И из-за этого я почти упустила небольшое движение рукой, но я заметила, и когда Эйден почти мгновенно насупился, я приложила все возможные усилия, чтобы не рассмеяться, пока делала снимок.

К тому времени, как я вернула телефон, мы оказались следующими в очереди, и я оставила Эйдена выслушивать своих поклонников, пока заказывала попкорн без масла, среднюю содовую и бутылку воды.

— Приятно было с вами познакомиться, — крикнула женщина, когда Эйден направился ко мне, как только я вышла из очереди.

Я едва смогла поднять упаковку с попкорном к лицу, когда меня прорвало, и я смотрела на него, не смахивая слез.

Тот факт, что уши Эйдена покраснели, пока он наблюдал за моим смехом, сказал мне, он знает, из-за чего меня прорвало.

— Не говори ни слова, — произнес он сквозь стиснутые зубы.

— Она полностью схватила? — выдавила я.

Взгляд, которым он окинул меня, говорил «ты идиотка» и «отвали», из-за чего я только сильнее рассмеялась.

К нему приставала. Фанатка. Прямо передо мной.

Удивленный взгляд, отразившийся на его лице, когда его лапала фанатка, вероятно, останется в моей памяти до конца жизни.

— Заткнись, Ванесса.

Я умираю. Обычно он меня игнорирует, но это намного лучше.

— Я ничего не говорю, — прохрипела я из-за упаковки с попкорном.

Он прищурился, терпеливо ожидая.

— Закончила? — спросил он, спустя несколько секунд моего смеха.

Мне пришлось стереть слезы с глаз тыльной стороной руки, качая головой.

— Я... я...

Он указал мне на двери театра.

— Заходи внутрь, пока они не закрыли двери, — его тон был раздраженным и, может быть, слегка смущенным. Может быть. Почему то, что его задницу сжали, так разозлило его?

Мне пришлось прерывисто сглотнуть, я еще раз вытерла лицо, снова представляя эпичное выражение шока. Я снова рассмеялась.

— Часто происходит подобное?

— Нет. Ты перестанешь смеяться?

Мы вернулись в отель почти в два часа утра. Я чувствовала себя счастливее, чем когда-либо. Шоу было потрясающим, ужин в ресторане отеля, в котором шло шоу Cirque du Lune, был отличным. Хозяин узнал Эйдена и дал нам самый лучший и уединенный столик, чтобы Эйден смог спокойно поесть.

Правда, все было отлично, даже если Эйден мало разговаривал, пока мы ели. Я не часта куда-то выхожу, но решение исследовать город, а не остаться и работать этой ночью казалось одной из лучших идей, которые у меня когда-либо были.

Так что, когда мы зашли в гостиную номера и пошли в разных направлениях наших спален, я остановилась у своей двери и посмотрела на мужчину, с которым несколько часов назад подписала документы. По нему было видно, что он устал, обычно он ложился в девять, и выглядел он истощенно.

А почему нет? Двенадцать часов назад он сыграл в предсезонной игре, и с тех пор смог поспать лишь дважды. Черт побери. Это чувство нежелательной привязанности просочилось в местечко где-то по центру моей груди.

— Большое спасибо, что остался и пошел со мной, — произнесла я, сжимая руки по бокам, когда улыбнулась ему. — Я очень хорошо провела время.

Эйден кивнул, один уголок его рта сдвинулся на миллиметр, но этот миллиметр мог сдвинуть горы.

— Я тоже.

Я была слишком усталой, чтобы волноваться из-за этого проблеска улыбки.

— Спокойно ночи.

— Спокойной ночи.

После того как я приняла душ и свернулась под одеялами, я, наконец, позволила себе окунуться в реальность. Я — замужняя женщина.

— Что ты делаешь?

Держась одной рукой за перила лестницы, я закончила обуваться и посмотрела на мужчину, стоящего передо мной, на его слегка бородатом лице был настороженный взгляд.

— Иду на пробежку. А что?

Здоровяк посмотрел на переоцененный аксессуар на своем запястье — дорогие тренировочные часы, которые, как я знаю, он получил бесплатно, потому что я открыла коробку, когда их доставили.

— Сейчас пять вечера, — произнес он, будто я не умела проверять время.

Я умела и научилась этому очень и очень давно.

Он вернулся домой около часа назад, пока я была наверху и готовила пятый вариант проекта для книжной обложки автора, с которым я решила больше никогда не работать. Парень сводил меня с ума, постоянно меняя свое мнение, и если бы не мой девиз — не оставляй клиента недовольным, потому что они расскажут всем, что ты отстой — я бы сказала ему засунуть свои деньги себе в глотку и найти кого-то другого.

Да, я была на грани и чувствовала, что мне надо ненадолго выбраться из дома, даже если сейчас намного позже, чем то время, когда я обычно бегаю. Так что я удивилась, когда услышала, как Эйден выходит из кухни в коридор, где я заканчивала последние приготовления.

С тех пор, как мы вернулись из Лас-Вегаса, больше недели назад, мы редко видели друг друга, но все в порядке. Странно, как поездка помогла мне немного расслабиться в его присутствии, и, кажется, наши чувства оказались взаимны.

Эйден даже начал стучать в мою дверь, когда возвращался домой и проходил мимо меня. Говорил он не много, обычное «привет» достаточно громко, чтобы я слышала через музыку, которую мне нравилось слушать, пока я работала, но это уже что-то.

— Я собираюсь пробежать всего пять километров, — ответила я ему, подняв с пола другой кроссовок, и, балансируя на одной ноге, надела его на другую ногу. Это намного труднее, чем должно быть, в основном, потому, что он наблюдал за мной, наверное, ожидая, что я упаду.

— Скоро стемнеет, — ответил он, пока я пыталась засунуть пятку в обувь.

— Со мной все, черт побери, будет в порядке, — я начала падать, выставив руку вперед для равновесия, и вместо этого, большая рука поймала меня за локоть и поддержала. Я одарила его робким взглядом, и позволила части своего веса облокотиться на него, наконец, полностью обувшись. — Спасибо, — я отошла на шаг. — В любом случае, у меня уйдет на бег не больше часа. Я до сих пор бегаю немного медленно, но я ненадолго.

Эйден моргнул этими прекрасными, темными ресницами, прежде чем потерять свой подбородок, а затем его щеки слегка раздулись. Я моргнула, видя смирение — эта чистая эмоция, которая, казалось, пролегла на его лбу и в складках между бровей и вокруг рта.

— Дай мне минуту, — вздохнув, он обошел меня и побежал вверх по лестнице, перепрыгивая через две за раз, и в ответ дом задрожал. На мгновение я испугалась за лестницу. Затем поняла, что он делает.

Собирается ли он?..

— Ты не должен идти со мной, — крикнула я, на секунду поглощая глазами эти идеальные ягодицы и твердые как камень лодыжки, игнорирующие гравитацию, пока они поднимались вверх по лестнице. В любом случае, почему он вообще захотел пойти? Воспоминание о том, что он сказал в Лас-Вегасе, когда я ушла одна, неожиданно нахлынуло на меня. *«Ты не единственная, кто серьезно относится к своим обещаниям».*

— Я не спрашиваю, — крикнул он в ответ, оказавшись наверху.

Разрываясь между мыслями, что это мило и приятно, и что он не хочет, чтобы я в одиночку отправлялась на пробежку в сумерках, я вспомнила, как все это важно для него — в целом для больших парней в его положении — поддерживать кардиотренировки на минимуме.

Они не могут позволить себе терять вес, когда им надо поддерживать свои размеры, особенно с такой диетой, как у Эйдена, который должен употреблять больше пищи, чем тот, кто ест мясо, чтобы получить необходимое количество калорий и не голодать. Именно поэтому тренировался в течение дня Эйден так упорно и прикладывал серьезные усилия, чтобы как можно больше отдыхать в свободное время.

А затем я задалась вопросом, сможет ли он вообще пробежать пять километров?

Я шагнула к лестнице.

— Ты, правда, не должен. Я ненадолго. Возьму с собой телефон.

Наступила пауза, и если бы я сфокусировалась, то могла бы услышать, как захлопываются его шкафчики.

— Одну минуту.

Вот упрямая задница.

— Нет, Эйден, оставайся здесь!

— Тридцать секунд, — ответил твердолобый мул.

Почему я вообще жду здесь и спорю с ним? Он, правда, должен остаться дома. Ему не нужно усиливать нагрузку на сухожилия, если нет необходимости.

— Я скоро вернусь! — сняв очки, я положила их на столик у двери и подождала, пока мои глаза приспособятся. Я хотела купить ремешок, чтобы удерживать их от падения, но еще не сделала этого. Я почти всегда была дальнотзоркой, но клянусь, мое зрение с каждым годом становилось все хуже и хуже. Вероятно, пришло время получить новый рецепт. Когда я уже достигла двери, то услышала, как это гигантское, стодвадцатидвухкилограммовое тело пронеслось вниз, прежде чем лестница снова задрожала.

— Я сказал тебе подождать, — пробормотал он по пути вниз.

Я посмотрела на него через плечо и сморщила нос.

— Я сказала тебе остаться. Ты не должен заниматься кардио.

Вероятно, он собирался притворяться, что я ничего не говорила.

— Пошли.

Я похлопала по поясной сумке, прицепленной к моей талии, если он ее не заметил.

— У меня есть фонарик и перцовый баллончик. Я буду в порядке.

Судя по выражению лица Эйдена не был впечатлен.

— Мило. Пошли.

— Эйден, я серьезно.

— Ванесса, пошли.

Он снова использовал этот проклятый тон голоса, что означал лишь одно — это один из тех моментов, когда спорить с ним бессмысленно. Теперь я это понимаю.

Махнув, чтобы я вышла первой, он включил сигнализацию, потому что Зак спал в своей комнате, и последовал за мной по мощенной каменной дорожке, идущей от дома. Стоя лицом друг к другу, я сделала длинный шаг назад правой ногой и встала в позицию бегуна.

— Эйден, я не шучу. Оставайся дома.

— Почему? — он повторил мою растяжку, отчего шорты обтянули эти большие бедра, как вторая кожа. Я даже не знала, что у ног так много идеально очерченных мышц, пока не увидела Эйдена в его тренировочных шортах.

Мне пришлось заставить себя перестать пялиться на эти большие ноги. Не знаю, что такого в мышцах бедер сводит меня с ума. Я могла жить без шести кубиков, но развитые квадрицепсы и икры были моим криптонитом.

— Потому что ты не должен бегать, — прежде чем я смогла дважды обдумать то, что рвалось у меня изо рта, я произнесла самые худшие из возможных слов, которые можно сказать высоко конкурентному человеку. — И я не знаю, сможешь ли ты пробежать пять километров, Здоровяк. Плюс, твое ахиллово су...

Что я наделала?

Виннипегская Стена — мужчина, который самостоятельно пробился в защитники в НФЛ, смерил меня взглядом, который впервые за многие годы, что мы друг друга знаем, заставил меня почувствовать себя некомфортно. Это выбивало из колеи. Даже хуже. И я хотела, чтобы мне было за что спрятаться.

— Ты переживаешь из-за своих пяти километров, правда? — съязвил он тихим, грубым голосом.

Боже помоги нам. Я подняла руки, повернув ладони к нему, и пожала плечами, попятившись.

— Все, как скажешь.

Мой средний палец дернулся, но я держала его под шарфом с его остальными братьями и сестрами. Следующие несколько минут мы растягивались, уделяя нашим квадрицепсам, мышцам задней поверхности бедра и икрам должное внимание. Я делала это из-за травмы колена, а Эйден из-за своего тела, которое стоило миллионы. Миллионы и миллионы.

Тот факт, что он нарушал строгие правила, поставленные перед самим собой только для того, чтобы я не бегала в одиночку, определенно, отразился в моем сердце и в моей голове, откалывая еще небольшой кусочек от стены, которую я построила перед ним, когда ушла. Я просто надеялась, что завтра он об этом не пожалеет.

— Я готов, — отрапортовал упрямый мул.

Я кивнула и удержала себя от закатывания глаз.

— Тропинка всего в двух километрах отсюда. Я оббегаю ее.

Он просто дернул подбородком вниз и последовал за мной в сторону ворот. Я махнула охраннику, когда мы проходили через боковую дверь, и затем мы побежали.

Удивительно, что с таким большим телом Эйден двигался не тяжело. Он определенно не спринтер по любым меркам, но он постоянный, последовательный. Его бег умеренный, дыхание в норме, и эти длинные ноги, которые весят около тридцати шести килограммов каждая, делали так, что он не был в далеко передо мной или позади меня. Понятия не имею, какую дистанцию он обычно преодолевает, когда занимается кардиотренировкой, обычно проезжая на велосипеде или совершая спринты, но я знала, он серьезно относится к такого рода вещам.

Но он бежал километр за километром, даже если его дыхание становилось тяжелее с

каждым шагом, а каждый шаг — борьбой. И когда мы повернули за последний угол, где-то в четверти километра от дома, я замедлилась. Мы мало разговаривали, пока шли бок о бок. Я уперлась руками в бедра, восстанавливая дыхание, и когда обернулась, его руки были в той же позиции, что и мои.

Чувствуя, что я оцениваю его, Эйден поднял эти густые, почти черные космы, называющиеся бровями.

Я тоже приподняла свои брови.

— Ты в порядке?

— В порядке, — он окинул меня самодовольным и слегка кислым взглядом. Мы еще немного прошились в тишине, прежде чем он спросил:

— Когда ты начала бегать?

Вытирая лоб, я состроила на лице гримасу.

— Перед тем, как уволилась.

Эйден внимательно посмотрел на меня, и этого я не упустила.

Я вспомнила тот день, когда была перед его домом и увидела бегущую женщину.

— Раньше у меня не было на это времени, — и мотивации тоже не было, но я оставила эту часть при себе. — Через несколько месяцев я хочу принять участие в марафоне. Мне просто надо приноровиться к пробежке в шесть километров, чтобы после у меня не случилась остановка сердца.

Мы прошли еще немного, прежде чем он добавил:

— Один из наших кардио-тренеров участвует в марафонах. Я спрошу, есть ли у него какие советы. Ты должна следовать обучающему руководству, чтобы не получить травму.

— О-о-о, — ха. — Спасибо. До того, как я начну бегать со скоростью, с которой планировала, еще месяц, но, полагаю, все должны с чего-то начинать.

Он издал задумчивый звук, но, пока мы шли к дому, больше ничего не добавлял. Из-за того, что морщинки у его глаз стали глубже, я могла сказать, что он был очень занят, раздумывая над чем-то, но он не озвучил то, что творилось в этой большой голове.

Мы дошли до дома, когда включились уличные фонари. Приняв позы на газоне, мы снова начали растягиваться. Я улыбнулась ему, и он вроде как немного изогнул свои губы в замедленной реакции в ответ.

— Твои предсезонные игры проходят нормально? — спросила я.

— Да.

Я переключилась на ноги и посмотрела на него из-за уклончивого ответа, но он был слишком занят, изучая землю.

— Как твое сухожилие?

— В норме.

— Точно?

Он поднял свои карие глаза. Его мирное, серьезно лицо стало слегка раздраженным.

— Точно.

— Ладно, умник. Я просто спросила, — я фыркнула, качая головой и опуская голову.

Повисла тишина, прежде чем он снова заговорил:

— Я в порядке. Я осторожен. Я знаю, что произойдет, если не буду.

Мы оба знали. Он может все потерять.

Вдруг я почувствовала себя почти кретинкой.

— Я просто хотела убедиться, что ты в порядке. Вот и все.

Несмотря на то, что его лицо в этот момент было опущено вниз, я заметила пульсацию его трапециевидных мышц, что сказало мне то, что я хотела знать. Он в порядке, но он волнуется.

— Все лучше, чем ожидалось. Тренеры довольны моим прогрессом. Я делаю все, что они мне говорят.

Я не могла не улыбнуться.

— Знаешь, это то, что мне больше всего в тебе нравилось. Ты знаешь, чего хочешь, и сделаешь все, что угодно, лишь бы это получить. Это правда... — привлекательно — не совсем правильное слово, и точно не то, которое я бы произнесла перед ним. — Достоинно восхищения.

Честно говоря, оглядываясь на свои слова пятнадцать секунд спустя, я понимала, что говорила их с наилучшими намерениями, но когда посмотрела на линии у рта, который целовала неделю назад, то, возможно, получилось не так, как я того хотела.

— Больше тебе это не нравится? — его вопрос был тихим.

Черт.

— Нет, нравится, — я отступила и потянулась к очкам, но поняла, что сняла их, и опустила руку. — Не знаю, почему я сказала об этом в прошедшем времени. Я до сих пор восхищаюсь тобой. Знаешь, это ты вдохновил меня уволиться. Полагаю, из всех людей, именно ты поймешь меня.

Он так медленно повернул голову, что честно, это было очень страшно. Но то, как он посмотрел на меня?.. Не знаю, как это описать. Единственное, в чем я была уверена, — из-за этого у меня защекоталось в местечке между лопатками.

Его кадык дернулся, когда он сглотнул, этот твердый рот изогнулся, когда он почти неохотно кивнул.

— Я понимаю, — он прочистил горло и вернул все свое внимание к земле, поднимаясь на ноги и оттягивая стопу назад к заднице. — Как продвигается твоя работа?

О, Боже. Это, возможно, самый длинный и самый личный разговор, который у нас когда-либо был. Это даже волнительно.

— Она стабильная. Я могу взять на себя больше проектов, поэтому не жалею, — я посмотрела на него, чтобы убедиться, что он слушает, и он слушал. — Меня, кстати, только что пригласили на самую большую в стране конвенцию любовных романов, так что это захватывающе. Если поеду, получу больше заказов.

— Я думал, ты создаешь обложки для книг? — спросил он.

— Создаю, но они разрешают и другим людям иметь там свои столики, если они платят, и если я поеду, возможно, получу больше заказов. Половина моих клиентов писатели, остальные — смесь заказов, которые меня просят выполнить.

Он поменял ноги и искренне поинтересовался:

— Например?

И в такие моменты расстояние между нами в прошлом становилось очевидным.

— Ничего особенного. Несколько заказов для визиток, логотипы, плакаты и флайеры. Я создала парочку дизайнов для футболок одной группы. Несколько дизайнов татуировок, — я указала на футболку, в которую была одета. Она была белой с сахарным черепом неоновой цвета, а венец головы украшали красные розы. Прямо под челюстью написано «ОБЛАЧНАЯ КОЛЛИЗИЯ».

— Я сделала это для группы парня моей подруги. Еще я выполнила несколько заказов

для Зака и для пары ребят из вашей команды, — я не упустила того, что его голова дернулась вверх, когда я упомянула об этом. — В основном, я переделала их логотипы, создала баннеры и все такое, — сказала я ему почти застенчиво, смущаясь своей работы.

— Кому? — спросил он, озадаченный и удивленный.

— О. Эм, Ричарду Кейну, Дэнни Весту, Кэшу Бэйджеку и этому полузащитнику которого продали Чикаго в межсезонье.

— Я ничего об этом не слышал.

Я пожалала плечами и попыталась улыбнуться, будто это не так уж и важно.

Он издал этот тихий, задумчивый звук, но ничего не добавил. Тишина, повисшая между нами, не была неловкой, совсем неловкой. Она просто была. После недолгой растяжки Эйден прикоснулся к моему плечу, прежде чем исчез в доме, вероятно, закончив.

К тому времени, как я зашла внутрь и надела очки, я нашла Зака на кухне у плиты. Эйден сидел у кухонного островка со стаканом воды. Достав стакан из шкафчика, я налила воды и себе.

— Что готовишь на ужин? — спросила я Зака, заглянув ему через плечо.

Он помешивал что-то, пахнущее луком и чесноком.

— Спагетти, милая.

— Я люблю спагетти, — когда он посмотрел на меня, я похлопала ресницами и заслужила улыбку. Я села через один стул от Эйдена.

Высокий техасец мягко рассмеялся.

— Здесь больше, чем достаточно. Эйден, ты сам по себе. Я положил мясо в соус.

Он просто пренебрежительно поднял одно из этих округлых плеч.

Я встала, чтобы налить себе еще воды, когда Зак задал мне вопрос со своего места у плиты, измельчая килограмм говяжьего фарша, который он добавил к овощам:

— Ванни, в этом году тебе снова будет нужна моя помощь с твоим списком?

Я застонала.

— Я забыла. Мой брат только что написал мне об этом. Я не могу позволить ему выиграть в этом году, Зак. Не могу больше мириться с этим.

Он снисходительно поднял свою руку.

— Я понял. Не волнуйся об этом.

— Спасибо... что?

Стакан Эйдена был на полпути к его рту, и он хмурился.

— Ты играешь в фэнтези-футбол? — спросил он, ссылаясь на онлайн ролевою-игру, в которой принимает участие миллион игроков. Они должны создать воображаемые команды из участников лиги, чьи прототипы принимают участие в реальных соревнованиях. Я начала играть около трех лет назад, выступая против моего брата и трех наших общих друзей, и с тех пор всегда участвую. Но тогда я и понятия не имела, кто такой крайний левый или правый защитник, еще меньше знала о «свободной неделе», но с тех пор я многое узнала.

Я медленно кивнула, чувствуя, будто сделала что-то не так.

Здоровяк нахмурился.

— Кто был в твоей команде в прошлом году?

Я назвала игроков, которых смогла вспомнить, задаваясь вопросом, к чему все это, и испытывала не самые хорошие чувства.

— Кто в твоей команде защиты?

Началось. Я спрятала руки под стойкой и бросила свой взгляд на мужчину у плиты,

мысленно матеря его.

— Видишь ли...

Звук, который Зак пытался приглушить, был самым очевидным хихиканьем в мире. Мудак.

— Меня не было в твоей команде?

Я сглотнула.

— Видишь ли...

— Даллас не был твоей командой? — обвинил меня он, его голос звучал... ну, не знаю, возмущенно или обиженно, но, определенно, в нем что-то было.

— Эм... — я бросила взгляд на предателя, который на данный момент пытался подавить свой смех. — Зак помогал мне с этим.

Это был тяжелый удар, от которого колени Зака ударились об пол.

— Слушай, не то чтобы я не выбрала конкретно тебя. Я бы выбрала, если бы смогла, но Зак сказал, что Миннесота...

— Минне-сота.

Боже, он раздробил штат на две части.

Клянусь богом, Здоровяк покачал головой. Его глаза двигались от Зака ко мне в... ага, это было возмущение. Эйден вытянул руку, дергая этими невероятно длинными пальцам.

— Дай мне посмотреть.

— Что посмотреть?

— Твой прошлогодний список.

Я вздохнула и вытащила телефон из поясной сумки, которая все еще была прицеплена к моей талии, разблокировала экран и открыла приложение. Протягивая телефон, я наблюдала за его лицом, пока он просматривал мой список, и чувствовала себя чертовски виноватой. Я планировала выбрать Даллас лишь потому, что в команде играет Эйден, но позволила Заку увести меня в другом направлении. По-видимому, лишь потому, что он лучший защитник в стране, не значит, что все остальные стоят своих денег. Плюс, он пропустил почти весь сезон. Он не должен принимать все настолько лично.

Ему понадобилась лишь секунда, чтобы просмотреть, кто у меня там, и затем он перевел взгляд своих темных глаз на меня.

— Тебе помогал Зак?

— Да, — пробормотала я, чувствуя себя очень, очень плохо.

— Почему ты не взяла в свою команду Кристиана Дельгадо?

Лишь от звука его имени моя верхняя губа начала сердито поджиматься.

Но прежде, чем я смогла что-то сказать, Зак пропел:

— Я знаю, я говорил тебе добавить Кристиана.

Говорил. Но я этого не сделала, потому что он ублюдок. Поднявшись, я подошла к холодильнику, наполнила свой стакан и пробормотала:

— Не захотела.

Мастер вопросов «Почему?» не отпускал меня.

Суть в том, что я ужасная лгунья, и не удивлюсь, если Зак и Эйден поймут, что что-то не так, если я скажу.

— Он мне не нравится, — ответила я прямо, надеясь, но зная, что это недостаточно хороший ответ для этих любопытных задниц.

— Почему?

— Просто не нравится. Он урод.

— Мне он тоже не очень нравится, милая, — заявил Зак.

Удерживая взгляд на своем стакане дольше, чем нужно, я не спеша подняла голову и сразу заметила, что взгляд темных глаз Эйдена направлен на меня. Он думал, и, уверена, что в то же время не совсем доверял мне, из-за этого умного лица я нервничала. Знал ли он, что я увиливала от ответа?

Если и знал, то отступил на время, когда его внимание снова вернулось к моему телефону. Эта маленькая линия между его бровями насторожила меня. Когда он спросил Зака, линия стала глубже:

— Почему ты сказал ей выбрать Майкла?

Зак что-то ответил, на что Эйден покачал своей большой головой.

— Не слушай его. Я бы помог тебе, если бы ты попросила.

И снова наступил этот момент, который был ранее, когда он спросил о моей работе. Я подумала о том, чтобы не касаться этой темы, но передумала.

— Я попросила однажды. Два года назад. Я задала тебе вопрос о принимающих игроках, а ты сказал почитать об этом в интернете.

Он поморщился. Эйден буквально поморщился. И я почувствовала лишь крошечный укол вины, что напомнила ему о том, что было для него не столь важно, чтобы помнить об этом.

Стараясь быть милой, потому что он отправился со мной на пробежку, я потянулась через стойку и похлопала его по руке.

— Эй, у нас впереди пять лет, чтобы ты мог помогать мне.

Потрясающе, как легко можно привыкнуть к огромному изменению в твоей жизни.

Или, может быть, потрясающе то, как легко мне жить с Эйденом и Заком, и в то же самое время продолжать жить своей жизнью и заниматься тем, чем я занималась весь тот месяц, когда уволилась. Правда, не то чтобы моя жизнь сильно изменилась; я просто находилась в новой среде, но делала то же самое, что и в своей квартире.

Несколько недель пролетели незаметно, и прежде чем поняла, я уже месяц прожила в своем новом доме. Я заполнила бумаги две недели назад. На прошлой неделе у ребят начался сезон. В принципе, жизнь шла и двигалась по все той же траектории.

Только вот дом не казался мне моим. Он напоминал мне о том времени, когда я была ребенком, ночевала у Дианы, когда не могла ходить повсюду в нижнем белье или без него, потому что это не мой дом. Впрочем, я проводила большую часть времени, работая в своей комнате, и когда никого не было дома, я могла ходить в любом виде — без одежды или нижнего белья — и нестись вверх по лестнице, как сумасшедшая, как только открывалась дверь гаража. Еще была одна проблема с необходимостью уменьшить звук на колонках моего компьютера, когда я работала, а один из парней был дома.

Я все еще не уговорила себя проводить время в гостиной и смотреть телевизор, даже если парней нет поблизости. К счастью, клаустрофобия еще не настигла меня, учитывая, что большую часть своего времени я проводила в одном и том же месте, и это лишь потому, что пару раз в неделю я ходила в тренажерный зал, встречалась с Дианой раз в неделю или в две и ходила за продуктами.

Когда мне было скучно, я смотрела «Нетфликс» на своем телевизоре. Когда чувствовала желание, рисовала в своем альбоме. Иногда проводила время с Заком, но это бывало не часто, потому что он много времени после тренировок и встреч проводил не дома, встречаясь со своей девушкой сезона.

К тому времени, как я просыпалась каждое утро, обоих парней уже не было. Они, вероятно, были самыми лучшими соседями. А что еще лучше, Эйден тот тип соседа, кому ты не должна платить за аренду.

Я, конечно же, поднимала эту тему. В день, когда переехала, я спросила, какие счета могу помогать ему оплачивать, а все, что он сделал, — посмотрел на меня с этим скучающим выражением на лице, к которому мой характер так и не стал невосприимчив. Затем я снова спросила, и он просто проигнорировал меня.

Он сказал, что работает над тем, чтобы быть моим другом, но я не могу ожидать, что чудо случится всего за одну ночь, не правда ли?

Если им и было странно, что я нахожусь в их доме, никто ничего об этом не говорил, они не давали мне почувствовать себя так, будто я незваный гость, в основном, потому, что оба были заняты. Зак мимоходом упомянул, как сильно переживает из-за другого квотербека, которого выбрала команда, а Эйден жил и дышал спортом и не позволял себе расслабляться.

Ничего нового. Он кивал мне каждый раз, когда мы оказывались вместе в одной комнате, предлагал мне что-то из еды, если она оставалась, что обычно случалось не часто, потому что бедный парень, кажется, выживал с помощью смузи, свежих фруктов, сладкого

картофеля, консервированных бобов, орехов, коричневого риса и одного замороженного блюда за день.

Хотя это не мое дело, не так ли?

Но каждый день в контейнерах для переработки отходов я находила больше картонных коробок, чем за день до этого. И от этого чувствовала себя плохо, виноватой.

И из-за этого я не переставала задаваться вопросом, почему Тревор не нанял ему того, кто будет выполнять те же обязанности, которыми раньше занималась я. Я знала, он нанял Эйдена кого-то, кто отвечает на его письма, потому что однажды я зашла на его аккаунт, просто чтобы увидеть, насколько огромен ущерб, и обнаружила, что каждые несколько дней на письма отвечают, но никто никогда не появлялся в доме, и иногда я находила письма из его почтового ящика на столе, когда он возвращается домой. Где же его Ванесса 2.0?

Проблема в дружбе с кем-то заключается в том, что если ты не хочешь быть плохим другом — или не настоящим другом, потому что настоящие друзья не бывают плохими, — то ты не имеешь права притворяться, будто не замечаешь, что с твоим другом что-то не так.

Самая большая проблема в новоприобретенной дружбе с Эйденем в том, насколько она сложная. То, что мы сделали, технически рассматривается как деловая сделка. Но мы вроде как знали друг друга, и я знала, что даже если он не идеален, и на самом деле не был моим лучшим другом, который пожертвовал бы мне почку, если бы я в ней нуждалась, но я все еще заботилась о нем.

Вот такая я отстойная. Я узнала по самому лучшему сценарию, что я нравлюсь ему достаточно, чтобы он обратился к кому-то, если мне что-то понадобится. То есть, он пошел со мной на пробежку, чтобы я одна не шла домой, когда стемнеет.

И самое главное — мы жили вместе. Технически, мы женаты.

Сложно — самое лучшее слово, чтобы описать нашу ситуацию.

Поэтому, когда я нашла Эйдена в уголке для завтрака, одна его нога лежала на другом стуле, а на ней лежал пакет со льдом, и все это через несколько дней после нашей пробежки, всего лишь через несколько недель после начала обычного сезона НФЛ, я не могла притвориться, что не вижу этого. Друзья так не поступают. А особенно люди, которые два года знают друг друга. И не тогда, когда я знала Эйдена достаточно хорошо, чтобы осознавать, что его тело — его храм. Так что там с его лодыжкой, если он приложил к ней лед?

Вина затопила мою грудь. У «Трех Сотен» самые лучшие тренеры и физиотерапевты в стране. У них в арсенале все виды передовых технологий, чтобы приводить в норму своих игроков. Персонал не позволил бы Эйдену покинуть центр, пока не сделал все, что возможно, чтобы это его не беспокоило.

Выражение на его лице лишь подтверждало, что что-то не в порядке. Его челюсть выпирала вперед, и витиеватые жилы его толстой шеи проявлялись сильнее, чем обычно. Ему больно, или, по крайней мере, невероятно неудобно.

Я видела два года назад, как этот человек уходил с поля так, будто его ребра не были сломаны, и он точно не кричал «Ой-й-й» от видимой и настоящей боли.

И я не могла это игнорировать. Потому что друзья так не делают, не так ли?

Не торопясь, я обошла кухонный островок, наблюдая за ним, не переживая из-за того, что все, что он сделал, это поднял указательный палец в приветствии. Он ел сэндвич и читал книгу... на обложке было написано слово «немой». Я открыла холодильник, вытащила несколько ингредиентов, чтобы приготовить суп, и, как можно тактичнее, обратила все свое

внимание на Здоровяка за маленьким столиком.

— Я собираюсь приготовить суп, хочешь немного? — предложила я.

— Какой суп? — хватило у него наглости спросить, не отводя взгляда от книги в жестком переплете.

Я сдержала усмешку.

— Тот, что ты любишь.

— Хорошо, — пауза. — Спасибо.

Я резала овощи, время от времени бросая на него взгляды. Пробежавшись по нескольким сценариям в своей голове, как заставить его рассказать, больно ему или нет, я поняла, что совсем идиотка.

— Эйден?

— Хм-м-м?

— Что с твоей ногой? — просто ляпнула я.

— Я потянул ее, — таким был Эйден для меня: легким, непринужденным, не выдумывающим никакой лжи.

К несчастью, его комментарий не помог мне и не успокоил. Я бы не удивилась, если бы кто-то врезался в него машиной, и его сухожилие больше не было бы связано с ногой, а он бы просто настаивал, что это растяжение связок.

Но собиралась я это говорить? Не-а.

— Верхние связки голеностопного сустава или нижние? — спросила я аккуратно, так безопасно, как только могла.

— Верхние, — ответил он так же безопасно.

С его травмами и травмами Зака я ознакомилась с самыми различными их видами. Растяжение верхних связок занимало меньше времени на исцеление, обычно около недели или двух. Лечение нижних связок варьировалось от месяца до двух. Так что это плохо, но могло быть хуже.

— Что говорят тренеры?

От этого его челюсть напряглась.

— Я под вопросом на следующую игру.

Не «вероятно», а «под вопросом». О, братишка. Статус «под вопросом» делает из Эйдена раздражительного гуся.

Я опустила взгляд к разделочной доске и сельдерею, который там лежал.

— Возможно, было бы хорошо, чтобы ты сходил к тому иглотерапевту, у которого ты был год назад, когда тебя беспокоило плечо, — чем больше я вспоминала о его прошлых травмах, тем больше вздрагивала. Однажды Зак сказал мне, что каждый футбольный игрок, которого он знает, живет с болью, это неизбежно.

— Наверное, это хорошая идея, — пробормотал он, перелистывая страницу.

— Хочешь «Адвил»? — предложила я, поднимая голову и чертовски хорошо зная, что он не принимает болеутоляющие. И опять же, он редко достает пакет со льдом.

Когда он ответил:

— Две таблетки помогли бы, — я не смогла сдержать вздох.

Следующим вечером звук открывшейся и закрывшейся гаражной двери достаточно сказал мне о том, что происходит. Когда через несколько минут включился телевизор, я осталась наверху со своими цветными карандашами и наброском татуировки, над которой работала для клиента.

Три или четыре часа спустя, как только закончила проект и начала другой, я приняла душ, готовясь лечь, и спустилась вниз, услышав гул телевизора на заднем плане. Гостиная находилась слева от лестницы, кухня — справа.

Я заглянула внутрь и увидела Эйдена, растянувшегося на диване; его травмированная нога была закинута на подлокотник, а одна из рук согнута под головой в качестве подушки. Другая лежала сбоку, ладонь покоилась на его животе. Его глаза были закрыты. Я знала, он не случайно заснул на диване. Я знала это каждой фиброй своего существа. Он сделал это специально.

Беспокойство, свернувшееся в моем животе, меня не удивило. Вот, казалось бы, мужчина, в которого я верила каждой клеточкой своего тела, остался спать на диване, чтобы избежать подъема вверх по лестнице в свою комнату.

Черт побери.

Я поднялась наверх и стащила с его кровати белое одеяло и его любимую подушку. Как только оказалась внизу, прокралась обратно в гостиную и накрыла нижнюю часть его тела одеялом, заправляя его так, чтобы оно не лежало на полу. Прикусив нижнюю губу, я отошла на шаг назад и тогда увидела.

Его глаза были открыты, и он наблюдал за мной.

Я улыбнулась ему и протянула подушку.

На его полных губах появилась маленькая улыбка, когда он взял ее у меня и положил себе под голову.

— Спасибо.

Делая шаг назад, я кивнула, чувствуя себя пойманной.

— Пожалуйста. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Он уже некоторое время сидел в гараже.

То, что он не ушел утром на тренировку, стало для меня вторым тревожным сигналом, звучащим в голове. Он точно не поход на самоубийцу, но...

Оставляя миску в раковине, я открыла дверь и просунула голову внутрь, чтобы увидеть, что происходит. Конечно, он сидел на водительском сидении в своем «Рендж Ровере», его голова лежала на больших руках, опущенная вниз. Я подошла и постучала в стекло. Голова поднялась, он нахмурился, затем опустил стекло.

— Хочешь, чтобы я тебя подвезла? — предложила я, думая о проекте, который хотела закончить сегодня утром, и отбрасывая его на задворки своих мыслей.

Ноздри Эйдена раздулись, но он кивнул. Отдаю ему должное, он лишь слегка прихрамывал, обходя автомобиль, но этого было достаточно, чтобы я запереживала. Я со вчерашней ночи думала о нем, когда нашла его на диване, но знала, что не должна носиться над ним. Вместо этого, я забежала в дом, схватила свою сумочку и включила сигнализацию, прежде чем вернуться обратно в гараж и сесть за руль.

Я не в первый раз вела его машину, только вот в последний раз, когда я была в ней, я

ехала поменять масло и помыть ее.

— Куда мы едем?

— К иглотерапевту.

— Ты ввел адрес в навигатор? — спросила я, выезжая задом из гаража, очень аккуратно, невероятно неуверенная в своих навыках вождения.

— Да.

Я кивнула и следовала указаниям мягкого женского голоса к офису иглотерапевта, хотя после нескольких минут езды я вспомнила, куда мы едем. Как и в прошлые разы, когда я возила Эйдена, казалось, что каждый сотрудник женского пола в гомеопатической клинике находил причину подойти к столу регистрации, пока он заполнял бумаги.

Я сидела и с улыбкой на лице наблюдала, как одна за другой женщины подходят к стойке и просят у Здоровяка автограф или фотографию. Эйден разговаривал тихим, спокойным голосом, его движения были взвешенными, а все тело напряжено, как и всегда, когда его окружали люди, которых он не знал.

У него даже не было шанса присесть, когда двери, ведущие в основную часть клиники, раскрылись, и другая сотрудница произнесла его имя. Эйден посмотрел на меня и указал головой на дверь, прежде чем исчезнуть за ней. Толпа женщин тоже рассосалась. Я даже не задумывалась ни над чем, когда мы торопливо уезжали, и не взяла с собой ничего, чем могла бы развлечь себя. Я взяла один из журналов на столе и начала перелистывать его, повторяя себе, что Эйден в порядке.

Час спустя дверь, через которую ушел Эйден, снова открылась, и появилось его громоздкое тело, продвигаясь болезненными шагами вперед. Мужчина в коротком белом халате, появившийся за ним в дверях, покачал головой.

— Приобрети костыли или трость.

Эйден просто поднял руку, прежде чем дошел до окна, у которого ждали только две сотрудницы. Я бросила журнал на столик и встала. Виннипегская Стена склонился над стойкой, что-то подписывая.

— Такое удовольствие снова видеть вас здесь, — пропела секретарша, когда я остановилась рядом с Эйденем. Она похлопала ресницами?

Если и так, то он не замечал. Все его внимание было сосредоточено на чем-то перед ним, похожем на счет-фактуру.

— Я ваша огромная фанатка, — добавила она.

«Фанатка его задницы», — подумала я.

Она продолжила.

— Мы все надеемся, что вы скоро поправитесь.

Ага, она точно хлопала ресницами. Ха.

На это Эйден ответил одним из своих непонятных мычаний, выпрямляясь и отдавая ей документы.

— Мистер Грэйвс, я могу урегулировать ваш визит с вашим ассистентом, если вы присядете, — произнесла регистратор сладким голосом, ее зеленые глаза на мгновение посмотрели на меня.

Эйден спокойно пожал плечами, когда повернулся лицом ко мне. Ничто в выражении его лица или языке тела не подготовило меня к такому:

— Она моя жена.

Время остановилось.

Что, черт побери, он только что сказал?

— Ты не заполнишь все за меня, Кексик? — просто спросил Эйден, потянувшись в свой задний карман и вытащив бумажник, как будто он только что не произнес слово на чертову букву «ж» перед незнакомцами.

И, погодите секунду, он только что назвал меня Кексик? Кексик?

У меня пересохло во рту, лицо покраснело, но каким-то образом я смогла улыбнуться, когда любопытное и слегка шокированное внимание женщины переместилось на меня, очень даже осведомленная о весе взгляда, которым Эйден меня буравил.

Его жена.

Я его чертова жена, и он только что сказал об этом вслух.

Какого хрена?

Для всего существовали слова, и я большую часть времени понимала это — они ничего не значат. В данном случае я поняла, что да, «жена» не значит «дерьмо», но, все равно, это странно. Очень, очень странно признавать этот титул по сотне разных причин.

А еще более странно слышать эти слова из уст Эйдена, особенно потому, что он говорит это обо мне.

Кексик — это еще один зверь, с которым я точно не готова разбираться в данный момент.

Забирая из рук Эйдена бумажник, я повернула свое, надеюсь, не очень шокированное лицо к регистратору и протянула кредитку Эйдена. С вынужденной, фальшивой улыбкой, которая больше походила на гримасу, она взяла ее из моих рук и провела операцию. После того, как она протянула квитанцию, я обернулась и увидела, что Эйден ждет меня у двери, и вышла вместе с ним. Я боролась с необходимостью спросить, хочет ли он использовать меня как костыль для поддержки. Как только мы оказались в машине, и прежде чем я сделала что-то еще, я развернулась на сиденье к нему так спокойно, будто не произошло ничего особенного.

— Эйден... эм... — я почесала лоб, пытаюсь расслабиться. Сначала главное. — Ты только что назвал меня Кексик?

Он посмотрел на меня. И так медленно моргнул, что я начала думать, будто мне все это привиделось.

— Подумал, что слишком рано называть тебя Булочкой.

Я уставилась на него, и в это время вероятно мой рот тоже был открыт. В конце концов, я безмолвно медленно кивнула, пытаюсь проглотить то, что, как я понимала, было шуткой с его стороны. Его шутка, направленная на меня.

— Ты прав. Еще слишком рано, — пробормотала я.

Он посмотрел на меня этим взглядом, который раздражающе говорил «Я же говорил».

Кто, черт возьми, этот человек? Он выглядит как Эйден. Пахнет как Эйден. Разговаривает как Эйден, но он не тот же Эйден, которого я знаю. Это Эйден, который разыскал меня в Вегасе и сказал заткнуться, когда я дразнила его. Ладно. Я сглотнула и кивнула, принимая, что это то, чего я от него хотела. И, наконец, получила.

Эта версия мне нравилась больше, даже если он был похож на совершенно другого человека. Повозившись с дужкой своих очков, я фыркнула и попыталась выяснить еще один ответ на вопрос, который крутился у меня в голове.

— Почему ты назвал меня там своей женой? — мой голос звучал странно.

Этот борзый взгляд из-под тяжело опущенных век, такой же крутой, как и у перца.

— А почему нет?

— Я думала, что мы будем держать это в секрете как можно дольше, — и он мог хотя бы предупредить меня, что собирается это сделать, чтобы я мысленно подготовилась.

Виннипегская Стена даже отдаленно не выглядел раскаивающимся.

— Ты моя жена, и у меня не хватает терпения для флирта, — ответил он спокойным, бесстрастным голосом, из-за которого мне захотелось его ударить. — Ты не мой ассистент. Хочешь, чтобы я это отрицал?

— Я просто... — мои ноздри раздулись сами по себе. Хотела ли я этого? Не уверена. Но не то чтобы он назвал меня своей сучкой или что-то подобное. — Это нормально, что ты так сделал. Просто ты застал меня врасплох, вот и все.

Вытягивая свое длинное тело на сидении, Эйден ничего не добавил. Я сидела там мгновение, думая о том, что он сделал, и об этом нетрадиционном фиктивном браке, и об этой новой, странной расцветающей дружбе. И тогда я вспомнила обо всех тех словах, которые Эйден сказал мне в Вегасе. Что мы дали друг другу обещания, и то, что он делает — в своей странной манере — чтобы их исполнить.

Сжимая руками руль, я посмотрела на него через плечо и на прерывистом вздохе сходу спросила:

— Что это будет? Костыли или трость?

Он ничего не ответил.

— Костыли или трость, Здоровяк, — повторила я.

Эйден поерзал на сидении.

— Дай мне передохнуть.

Дай мне передохнуть. Мне нужно досчитать до пяти. Заводя машину, я напоминала себе, как он называет меня: своим другом и, странно, своей женой. Он знает меня. Он скучает по Ванессе, которой я была, когда между нами все было хорошо.

— Я найду тебе ходунки, если ты не примешь решение до того момента, как я окажусь на шоссе, — пригрозила я, смотря вперед. — Чем быстрее ты выздоровеешь, тем лучше. Не будь занозой в заднице дольше, чем это необходимо.

Он вздохнул.

— Костыли.

Это было слишком легко, и я не была настолько тупой, поэтому не стала поднимать эту тему, чтобы он не передумал. Я больше ничего не сказала, пока мы подъезжали к аптеке и я парковалась. Эйден тоже молчал, когда я выпрыгнула из машины. В мгновение ока я нашла костыли и купила по рецепту новую баночку противовоспалительных таблеток.

Поездка домой была довольно тихой. Я специально не смотрела, как он, медленно прихрамывая, шел к дивану, на котором лежало аккуратно сложенное одеяло, которое я принесла прошлой ночью, засунутое под подушку. Оставив костыли, которые купила, прислоненными к дивану, я на секунду засомневалась у лестницы, пока наблюдала, как он усаживается.

— Я буду наверху, — сказала я.

Он сухо кивнул и взял пульт дистанционного управления.

— Спасибо, что отвезла меня.

— Ага, — я шаркнула ногой. — Для чего еще нужны друзья? — подразнила я его тихим голосом, неуверенная, как он отреагирует.

— Для этого, Ван.

На лице у мужчины, у которого я видела подобие, вроде как, улыбки лишь пару раз, расплылась робкая улыбка. Выражение на его лице застало меня врасплох. Для мужчины, который никогда даже физически не реагирует, когда выигрывает игру, его улыбка...

Боже, помоги мне.

Это было прекрасно. Другого слова для описания у меня не было. Это как двойная радуга. Лучше, чем двойная радуга.

Я чувствовала себя ошеломленной. Навеки прикованной к одному месту.

Его черты не обязательно должны были смягчиться, но то, как все его лицо просветлело...

Я прикоснулась к своему рту, чтобы убедиться, что он закрыт, а не раскрыт.

Я не могла ответить. Я могла лишь стоять здесь, кивая с улыбкой, очень похожей на невменяемую, которая появилась на моем лице.

— Кричи, если я тебе понадобится. У меня, эм, есть работа, которую нужно сделать, — ага, я поджала свой воображаемый хвост и убежала вверх по лестнице.

Святой Боже. Мое сердце колотилось, и я прижала к нему ладонь, когда села на стул у своего стола. Какого черта это было? Эта улыбка — как ядерная бомба. То есть, я знала, что Эйден привлекательный, это очевидно, но когда он улыбается, ничто не может подготовить вас к оружию массового поражения.

Алло, у меня есть глаза. Даже если я стала нечувствительна к этим аккуратным и скульптурным мускулам, я знала, что они там есть. Я знала, что его лицо красивое, несмотря на неуступчивость, которая обычно виднелась на нем.

Я втянула воздух и выдохнула, пытаясь прочистить голову. Но это не так легко, как должно было быть. Когда я смотрела на фотографии мужских моделей для обложки электронного издания, я один или два раза больше чем необходимо думала об Эйдене.

Боже мой, он не должен больше так делать.

Пару недель спустя, когда Эйден полностью восстановился после растяжения связок, я сидела у себя в комнате, работая над обложкой книги для одного из моих любимых клиентов, когда услышала, что дверь в гараже открылась и закрылась, послышался писк сигнализации, а затем громкий удар захлопнувшейся двери. Сделав потише звук на колонках, я посидела минуту.

Мне не нужно было искать виновника, чтобы знать, кто это. Эйден не хлопающий-дверью-в-приступе-гнева тип. Он, как правило, выражает недовольство на словах или на поле, или в зале, а чаще всего вообще этого не делает, просто идет в свою комнату и сидит так, Бог знает, чем занимаясь. Я так и не поняла, что он там делает на протяжении всех этих часов.

И это то, что насторожило меня. Это, должно быть, Зак, и Зак обычно слишком спокоен, чтобы реагировать подобным образом... если только у него нет причины так злиться.

Я осталась в своей комнате и прислушалась к злобным звукам, доносящимся с первого этажа. Шкафчики с силой захлопнулись, тарелки громко ударились о стойку, и до меня донеслись слова «Черт побери», сказанные дважды. Все это пронеслось вверх по лестнице и захватило меня в моей комнате. Я осталась на месте.

Если Зак зол, ему нужно время, чтобы остыть. По крайней мере, это был лучший способ справляться с моими сестрами, когда они сердились.

Так что я оставила его в покое, несмотря на то, что хотела узнать, что случилось.

Некоторое время спустя топающий звук снова раздался на лестнице и в коридоре.

И тогда я поняла, что произошло действительно что-то серьезное. Обычно Зак всегда здороваётся со мной. И затем его дверь с грохотом захлопнулась.

На краткий миг я задумалась над тем, чтобы написать Эйдену и спросить, знает ли он, что происходит, но если он не ответит, это выведет меня из себя. Так что, вместо этого я ждала.

Оставшуюся часть дня Зак не выходил из своей комнаты.

Я также не слышала ни единого звука, доносившегося из его спальни, и тогда я забеспокоилась.

На следующий день, когда я спустилась вниз, он так и не появился. На кухне я нашла Эйдена, он возился с ручками духовки, держа в одной руке кастрюлю. Он взглянул на меня через плечо, прежде чем пробормотать «привет», и это было почти естественно.

— Привет, — ответила я ему, не заикливаясь на слове на букву «П», пока пыталась решить, как лучше спросить его о моих беспокойствах, связанных с Большим Техасом.

Вероятно, было очевидно, что я чего-то хочу, потому что через пару секунд Эйден заговорил:

— Что случилось?

— Думаю, с Заком что-то не так.

Он произнес «О-о-о» так небрежно, что я не ожидала того, что он сказал после:

— Вчера команда отказалась от него, — объяснил он так, будто эти новости не самое худшее, что когда-либо случалось с Заком. Черт, это самое худшее, как я слышала, что может произойти с любым профессиональным спортсменом. Даже я резко втянула в себя воздух.

— Почему?

Эйден снова развернулся к духовке, эти громадные плечи и широкие боковые мышцы приветствовали меня, выглядывая из-под надетой на нем плотной белой футболки.

— Он был слишком безалаберным. Он не слушал, — Эйден приподнял плечи. — Я говорил ему, что это произойдет.

Я моргнула.

— Ты знал?

— Он воспринимал свои тренировки недостаточно серьезно, и это было заметно. Другие квотербеки играли лучше.

Он издал мурлычащий звук, направляясь к холодильнику.

— Он в ярости, но это его вина, и он знает это.

Я вздрогнула, переживая из-за ситуации Зака, но я понимала то, о чем говорит Эйден, несмотря на жестокость этой правды. Даже я осуждала то, как часто Зак исчезал, когда должен был тренироваться во время межсезонья. Хотя боль за него цеплялась за края моей души. Буквально пару месяцев назад он рассказывал мне, как счастлив из-за того, что я присоединяюсь к команде «делай то, что любишь». А теперь?

— Ты с ним говорил? — спросила я.

— Нет.

Конечно, нет. Когда нормальный человек будет соболезновать другу после чего-то ужасного, что с ним случилось, Эйден этого делать не будет. Я вздохнула и почесала висок. Черт побери, не могу в это поверить.

Я задавалась вопросом, что Зак теперь будет делать, но спрашивать еще слишком рано. Понимая, что ему, вероятно, необходимо чуть больше времени, чтобы разобраться с тем, что произошло, я заставила себя расслабиться. Может, он и стал немного расслабленным, но это не значит, что у него должны вырвать его мечту.

Я хотела поговорить с ним, но не могла не думать о том, как ужасно иногда некоторые люди справляются с разочарованием в своей жизни. Я выросла с тремя такими. Ничего, если я подожду.

Пройдя по кухне на цыпочках своими одетыми в носки ногами, я посмотрела на Эйдена и увидела, что он намазывал хумус на две тортильи.

— Ты в порядке?

— Да, — ответил он быстро.

— Это хорошо, — я устала на его широкую спину и прикусила щеку изнутри; неуверенность в разговорах с ним наполнила мои внутренности. Хочет ли он, чтобы я оставила его одного? Должна ли я попытаться поговорить с ним подольше?

— Как твои пробежки? — спросил он неожиданно.

Светская беседа. Боже помоги нам, он пытается вести светскую беседу.

— Я становлюсь быстрее, — я надула щеки воздухом и боковым зрением посмотрела на холодильник. — А что? Хочешь снова побегать со мной?

Его смешок был мягким, и это заставило меня рассмеяться.

Рим построили не за один день.

— Нет? Ладно. Я вернусь в свою комнату. Дай мне знать, если поговоришь с Заком, хорошо?

Два дня спустя я так и не видела Зака. Не уверена, когда он ел, потому что ни разу его не видела, и если бы не его машина на подъездной дорожке и звуки смыва воды в туалете

время от времени в его спальне, я бы и не знала, что он дома.

Однажды я постучалась к нему, но он не ответил.

На третий день я поняла, что у него было достаточно времени повариться в своем котле жалости. Закончив два проекта, которые планировала на сегодня, я направилась по коридору к его спальне и постучала два раза.

Ничего.

Я постучала сильнее.

Снова ничего.

— Зак Эттак?

И ничего.

— Я знаю, ты там. Открывай, — я прижалась ухом к двери и прислушалась. — Зак, давай же. Открой дверь, или я открою замок отмычкой.

Никакого ответа.

— Я знаю как. Не испытывай меня, — я подождала секунду и продолжила: — Я взламывала шкафчик своего парня в школе, — не самый мой зрелый поступок, но он пару раз пригодился мне.

Он не повелся.

— Зак, приятель. Давай же. Нам не обязательно разговаривать, если ты не хочешь, но пойдём поедим мексиканской еды.

Матрац скрипнул достаточно громко, чтобы я услышала и улыбнулась.

— Если будешь хорошим мальчиком, я отвезу тебя потанцевать тустеп в тот дешевый бар, который тебе нравится. Что думаешь? — пыталась подкупить его я.

Он точно издал какие-то возбужденные звуки. Понадобилось около двух минут на то, чтобы он, наконец, заговорил так, как я надеялась. Он никогда не отказывался от похода в вестерн-кантри клуб. Что, как я предполагаю, работает в его пользу, потому что если бы у него был такой же статус, как и у Эйдена, он не смог бы заниматься подобным, не подвергаясь преследованию, а сейчас не время для этого. В таком клубе он не будет выделяться.

И, наконец, он ответил:

— Ты за рулем?

— Я за рулем.

— Дай мне час привести себя в порядок.

Я не могла не фыркнуть.

— Даже мне не нужно столько времени, чтобы нанести макияж.

Повисла пауза, а затем послышался скрип пружин, который подтвердил, что он на самом деле передвигается.

— Мне надо и волосы уложить, сладкая. Что за ерунда!

Я улыбнулась двери.

— Вот это моя девочка.

— Ненавижу быть той, кто говорит тебе это, но тебе надо сесть на диету.

Заку удалось сделать шаг вперед, прежде чем он покачнулся так сильно, что большая часть его веса оказалась на мне. Снова.

Он не Эйден, но и его масса тела тоже не мала. Боже мой. Я начала тяжело дышать, когда мы сделали еще два шага в сторону дома, серьезно пересматривая предложение Здоровяка начать заниматься силовыми тренировками. Я совершала прогулки, бегала трусцой и ходила на пробежки пять дней в неделю последние два месяца, так что я могу начать тренироваться для марафона, но это не подготовило меня к тому, что я буду тащить Большого Техаса. Я планировала скоро начать перекрестные тренировки, но еще не добралась до них.

Что еще хуже — я, как последняя идиотка, припарковалась на улице, как обычно, но разница в том, что обычно девяностокilограммовый пьяный мужик не цепляется изо всех сил за мою руку.

Вместо того, чтобы залить свою печаль «Маргаритой», как я изначально предложила, Зак сразу перешел к пиву «Корона». Много, много «Короны». Так много, что я потеряла им счет, даже если мой бумажник нет.

Но я не собираюсь ничего говорить, потому что в тот момент, когда он появился на пороге моей спальни, одетый, я увидела опустошение во плоти.

Зак, который обычно источал здоровье, жизненную силу и дружелюбие, выглядел ужасно.

Я ничего не сказала и улыбалась ему, шлепая его по заднице, пока мы спускались вниз по лестнице и шли к моей машине. Конечно, он не хотел говорить о том, что его выперли из команды, вместо этого через несколько минут он нацепил на лицо яркую улыбку и прикладывал всяческие усилия, чтобы веселиться.

Пока не напился.

— Эй, подержись секундочку за стену, чтобы я смогла открыть дверь, — приказала я, тыкая его в бок, в то же самое время пытаюсь повернуть его так, чтобы он смог удержаться.

— Конечно, Ванни, — пробормотал Зак, мечтательно улыбаясь мне: губы крепко сжаты, глаза закрыты.

Я хихикнула, убедилась, что одна из его крепких рук касается стены, и затем выскользнула из-под другой. Я быстро открыла дверь и выключила сигнализацию. И снова, с рукой Зака на моем плече, я сделала всего три шага внутрь, прежде чем он начал заваливаться набок, одна неуклюжая нога подвернулась перед другой, пока он не врезался в кофейный столик около дивана. Лампа, стоящая на нем, зашаталась, когда Зак попытался выпрямиться, но проиграла битву с гравитацией и с грохотом упала на пол: абажур слетел, торшер разбился на тысячи кусочков.

Черт возьми.

Я вздохнула.

Раз, два, три.

— Ладно. На сегодня с тебя достаточно, приятель.

Схватив Зака за руку, я подвела его к дивану, будто он маленький ребенок. Когда его задница коснулось подушек, он распахнул свои остекленевшие, дикие глаза, взгляд которых был таким бесхитростным, что на него невозможно злиться дольше секунды.

— Сиди здесь.

Он сидел.

— Я принесу тебе немного воды, но не двигайся, ладно?

Он с усилием моргнул, полностью ошеломленный, и я уверена, он не видел меня, даже если и пытался это сделать. Он облизнул губы.

— Да, мэм.

Мэм? Я приложила все усилия, чтобы не рассмеяться.

— Я сейчас вернусь, — прохрипела я, зажала нос и сделала несколько шагов назад, обходя кусочки разбитой лампы, прежде чем уйти на кухню. Я включила свет, наполнила пластиковый стаканчик водой, потому что не доверила бы ему сейчас стеклянный, и достала из кладовой веник и совок.

Зак сидел на диване, где я его и оставила, его ботинки валялись посреди комнаты, а задница свешивалась с края. Его глаза были закрыты.

Но большая улыбка на его лице просто убила меня.

Мое сердце наполнил всплеск любви, когда я села на корточки, чтобы подтолкнуть его в плечо. Когда он лениво открыл свои голубые глаза, я протянула ему стакан воды.

— Вышей, приятель.

Он принял стакан без споров, а я занялась беспорядком на полу. Я смела все, что смогла, выбросила осколки в маленькую картонную коробку, которую нашла в отделе для переработки, и выкинула все в мусорку. Достав из кладовки пылесос, я потащила его за собой в гостиную и пропылесосила пол, чтобы убедиться в его чистоте.

Я только выключила пылесос и развернулась, чтобы убрать все по местам, когда втянула в себя воздух и выпустила самый девчачий, самый жалкий писк во Вселенной. Это было не «а-а-а» или «и-и-и». Прозвучало все, ну, не уверена, как это прозвучало, но я никогда не стану считать этот поступок лучшим в своей жизни.

Около меня стоял Эйден, буквально в двух шагах, окутанный темнотой коридора, как серийный убийца.

— Ты меня чертовски напугал! — мое сердце... У меня будет сердечный приступ. Мне пришлось прижать руку к груди, чтобы успокоить его. — Боже мой.

— Что ты делаешь? — его голос был хриплый и тихий.

Удерживая руку на груди, я задыхалась.

— Кое-кто разбил лампу, — я указала на пьяного техасца на диване, которому было плевать на все вокруг.

Я окинула взглядом Эйдена: его сонное лицо, помятую белую футболку, тонкие домашние штаны, которые он надел, чтобы спуститься вниз, потому что два года именно я отвечала за всю стирку его одежды, я стирала их всего пару раз, и из-за этого почувствовала себя виноватой. Здоровяк обычно ложился спать так рано, как только мог, чтобы гарантированно проспать восемь часов, а я тут пылесосила и разбудила его.

— Прости, я не хотела разбудить тебя, — прошептала я, хотя была уверена, что могу пройти по гостиной, ударяя по крышкам и кастрюлям, а Зак бы не проснулся.

Он пожал этими большими плечами, его взгляд переместился с меня на теперь уже бывшего товарища по команде. Мне не нужно смотреть на Зака, чтобы знать, что к этому моменту он уже отключился на диване, особенно когда взгляд Эйдена остановился на чем-то за моей спиной.

— Как много он выпил? — спросил он, зевая.

Острый укол вины поразил меня.

— Слишком много, — будто пытаюсь объяснить, я добавила, — Я просто хотела, чтобы

он на некоторое время вышел из своей комнаты. Я думала, ему это поможет, — может, слишком помогло, но уже поздно возвращаться назад во времени, потому что поняла, что напиваться в хлам — не самый лучший для него вариант.

Если честно, то это было весело.

Вдруг раздался громкий, резкий всхрип, и неожиданное грубое бормотание Зака заставило меня оглянуться через плечо.

— Мне надо кое-что взять. Прости, что разбудила.

Прежде чем он успел что-то сказать, — или не сказать ничего — я поспешила вверх по лестнице и зашла в комнату Зака, внутренне съежившись от беспорядка, который он сотворил с тех пор, как заперся здесь. И запах, он был ужасен. Очень.

Схватив смятое одеяло с кровати и его подушку, я побежала вниз и увидела, как Эйден стоит у дивана и тихим голосом говорит о чем-то с Заком и...

Он похлопывает по подлокотнику?

— Вот, — я протянула подушку.

Эйден взял ее, его внимание было все еще сосредоточено на Заке, и положил ее рядом с подлокотником, который похлопывал пару секунд назад.

— Ложись, — приказал он пьянице спокойным серьезным голосом, который не оставлял места для споров даже тому, кто сейчас сам не свой.

Конечно же, Зак лег, не открывая глаз. Я натянула одеяло на его длинное тело и улыбнулась Эйдену, который все еще стоял у дивана, своим до смешного серьезным взглядом он наблюдал за тем, как я укутываю взрослого мужчину.

Зак издал какой-то забавный звук, будто закопошился, отчего его губы сложились в трубочку, и я фыркнула.

— Он похож на маленького ребенка, не правда ли? — прошептала я.

— Он и ведет себя как маленький ребенок, — проворчал Эйден, с неодобрением качая головой.

— Что он будет теперь делать? — я поняла, что задаю вопрос.

Здоровяк издал непонятный звук.

— Что ему нужно сделать, это прекратить вести себя так, будто мир остановился, и вернуться к тренировкам, чтобы другая команда выбрала его чуть позже во время сезона, — заявил он. — Что он собирается делать... я не знаю. Если будет ждать слишком долго, загубит все свои шансы получить еще одну возможность в будущем. С каждым днем мы стареем, и наши тела не могут... — Эйден наклонил голову набок и окинул меня долгим взглядом. — Я поговорю с ним завтра.

— Это хорошая идея. Думаю, тебя он послушает.

— К тебе, вероятно, он прислушается больше.

Из-за этих слов я нахмурилась, поправляя очки на носу.

— Думаешь?

Он не отводил взгляда от дивана, когда ответил:

— Я знаю.

Мне не обязательно верить, что это правда, но ладно.

— Полагаю, я попробую. Самое ужасное, что он сделает, это не послушает меня, и это будет не впервые.

На этих словах Эйден повернул голову ко мне.

— Ты говоришь обо мне?

Я сжала губы.

— Я говорю не о тебе, но...

— Но?

Я удерживала свой взгляд на стене, а не на Эйдене.

— Раньше ты не слушал меня, если хочешь знать точно.

Эйден не ответил.

— Очень часто, — пробормотала я.

Ничего. Ладно.

Я наклонила голову в сторону кухни.

— Я собираюсь сделать себе сэндвич перед тем, как пойти спать. Ты хочешь один?

— Какой? — спросил он, как будто я предложила бы ему индейку.

— И как тебе живется в грехе?

Я неловко рассмеялась, встряхивая в руках вок. (*Примеч. Вок — глубокая китайская сковорода с выпуклым дном маленького диаметра*). Вот так нервно ты смеешься, когда ощущаешь вину. Я до сих пор не рассказала Диане, что мы с Эйденем ездили в Вегас.

И это чертовое чудо. Обычно она узнавала о начале моих месячных через десять минут после того, как они начинались. Нам нравится праздновать еще один месяц, в котором мы не забеременели.

За всю жизнь я врала ей лишь дважды. По-видимому, мне нравится жить на краю, потому что я знала, меня ожидает неведомая доселе расплата, когда она узнает правду. Потому что, на данный момент, я погрязла слишком глубоко и чертовски точно не смогу признаться в том, что наделала.

Когда врешь лучшей подруге, самая большая проблема в том, чтобы выбрать правильную историю. Необходимо делиться небольшим количеством правды, чтобы все казалось достоверным, но и не врать настолько, чтобы стало заметно, что ты несешь полный бред, и это именно то, что мне надо найти, поэтому я решила отвлечь ее внимание, выбрав золотую середину.

— Все нормально.

— Нормально? И все?

— Ага. Нормально, — что еще, черт побери, я могла сказать? Ничего потрясающего не происходило, даже если отношения между мной и Эйденем сейчас лучше, чем когда-либо. Он живет своей жизнью, а я своей. Он занятой парень; я всегда это знала и ничего не изменилось.

— Самая занятное, о чем я узнала, это то, что Эйден каждую неделю получает доставку из продуктового магазина, и что он нанял какую-то дамочку из Вашингтона, которая отвечает на его письма. Сумасшествие, не правда ли?

Она хмыкнула, замолчала, а затем спросила:

— Почему мне кажется, что ты меня обманываешь?

Она уже догадалась. Какого черта? И почему я удивлена?

— Потому что ты сумасшедшая? — предположила я, в панике съежившись.

— Сомневаюсь.

— Вообще-то, это факт, но в любом случае, не о чем рассказывать. Мы не часто видимся. Все, что он обычно делает, это машет мне.

Иногда он со мной разговаривает, но не нужно вдаваться в детали, не так ли?

— С-к-у-ч-н-о.

Я застонала.

— П-р-о-с-т-и.

— Серьезно? Ты не можешь рассказать мне ничего пикантного?

— Не-а, — я уже работала на него два года, и если и было что-то плохое, о чем я могла ей рассказать, я этого не сделала. Я подписала соглашение о неразглашении.

Я улыбнулась из-за ее недовольного бормотания.

— Ладно. В конце концов, ты едешь в Эль-Пасо на этих выходных? — спросила она,

меня тему. Она знала, если я ей чего-то не рассказываю, значит, так и будет.

— Да, — подтвердила я, и мои внутренности пронзил маленький укол тревоги.

Я еду в Эль-Пасо на день рождения своей матери.

Знаю ли я, что пожалею о поездке, как только попаду туда? Да. Девять раз из десяти такое уже случалось.

Но это ее пятидесятый день рождения, и ее муж организует для нее вечеринку. Он сказал, что она с радостью повидалась бы со мной. Пытался вызвать во мне чувство вины, не так ли? Я разговариваю с ней раз в месяц. Я поняла, что это не слишком некрасиво, учитывая все, что было.

Из-за того, как он заставил меня чувствовать себя, кажется, будто одного звонка в четыре недели недостаточно. Но мне этого хватило, чтобы я собралась поехать к ней, даже если мое нутро подсказывало, что это плохая идея.

— Где остановишься?

— В гостинице, — ответила я.

Я могла бы остаться с мамой, если бы хотела, но это не так. В прошлый раз, когда я у нее осталась, все закончилось ужасно. Там были и две мои старшие сестры, но я лучше переночую под мостом, чем сделаю это. И, конечно же, еще есть мои приемные родители, к которым я планирую заехать, пока буду в городе, но не хочу их обременять.

— А Оскар приедет? — спросила она о моем младшем брате.

— Нет. У него уже начались занятия.

— Ты будешь там одна?

— Конечно, одна, — ответила я, прежде чем задумалась над тем, что говорю.

Разве у «Трех Сотен» не начинается свободная неделя? Которую они получают во время сезона, чтобы игроки отдохнули. Должна ли я ехать одна? Хорошая ли идея брать Эйдена с собой к маме? К моим сестрам? От этих мыслей я скривилась.

Но когда я расскажу им главные новости, он может быть рядом. Теперь именно эта идея казалась мне убедительной. Члены моей семьи ничего не расскажут Диане или ее семье, так что я могу не волноваться из-за этого.

— Вообще-то, может, я поеду и не одна.

Моя любопытная подруга резко вдохнула.

— Правда?

— Возможно, я попрошу Эйдена, так что держи рот на замке.

— Так и сделаю.

Она ужасная лгунья. Я ей не поверила. Не верю, что она не рассказала хотя бы брату, что я живу с Эйденем, но так как никто еще не назвал меня проституткой, я начинала верить, что впервые в своей жизни она промолчала о том, почему я к нему переехала. Она знала, это нелегально, и мы всегда шутили о том, что если одна из нас сядет в тюрьму, то туда пойдём обе, чтобы притворяться любовницами друг друга.

Когда я услышала, как открылась и закрылась дверь гаража, я поняла, что кто-то дома.

— Если ты не сдержишь слово, я всем расскажу о твоих закладках с порно, — пригрозила я ей со смешком.

— Ты никогда об этом не забудешь, не правда ли?

Неважно, как сильно я пыталась, невозможно забыть, как я случайно наткнулась на сохраненную закладку с порно моей подруги — преимущественно с гей-порно.

— Нет.

— Будто ты никогда не смотрела гей-порно, — съязвила она с горечью. — Думаешь, Сьюзи придет к твоей маме?

И после этого мой хороший, прекрасный день ударили в голень. Я прикусила свою щеку изнутри и поправила очки на носу.

— Не знаю. Пару дней назад я разговаривала с мамой, и она не упоминала об этом.

Не то чтобы мама это сделала.

Если я увижу Сьюзи, очень высоки шансы, что все закончится плачевно. Так было всегда. Даже люди, которых я не знаю, но кто знает о нашей ситуации, были об этом осведомлены. Мы как два постоянно отталкивающихся друг от друга магнита.

Черт побери. Я знаю, Диана просто пыталась быть полезной, но когда я просто думаю о Сьюзи, у меня начинает болеть голова.

— К слову, не думаю, что ты должна ехать, одна или с Эйденем.

Это не удивительно. Я просто надеялась, что она не заговорит о Сьюзи.

— Я знаю.

— Но все равно поедешь?

Я уже пообещала, что приеду. Как я могу отказаться?

— Да.

Она этого не одобряла, и я понимала это даже по телефону.

— Я хочу доесть и вернуться к работе. Напишу тебе позже. В следующий раз, когда увидишь бесенят, обними их за меня и скажи Дриго, что я до сих пор помню, что у него мои DVD диски, которые он одолжил месяц назад, — произнесла я, потирая пульсирующий висок.

— Передам. Завтра я сижу с ними. Я скажу тебе, когда у меня будет выходной на следующей неделе, и мы перекрасим твои волосы снова, хорошо?

Мы отключились как раз в тот момент, когда открылась кухонная дверь, соединенная с гаражом, и в дом зашел Эйден со спортивной сумкой в руке.

— Привет, — поприветствовала его я, выключая духовку.

— Привет, Ванесса.

Эйден бросил свою сумку на пол и подошел ко мне, его ноздри раздулись от аромата чечевицы, смешанной с овощами и томатами.

— Пахнет вкусно.

Я посмотрела на него краем глаза, заметив лишь экстра большую футболку на его огромном теле, что на секунду отвлекло меня.

— Здесь достаточно еды для нас обоих, если тебе хватит нормальной, человеческой порции, а не порции размером для Халка.

Он фыркнул, и я подумала, что это больше из-за моего комментария, чем от запаха еды.

— Спасибо, — ответил он, потом подошел к раковине и помыл руки. У островка он немного замешкался, а потом взял две тарелки с полки и поставил их на стол рядом с моим бедром.

Когда запикал таймер, что лапша готова, я слила воду, разложила по тарелкам лишь половину, а остальное оставила в кастрюле. Сверху я полила макароны подливкой, а Эйден положил у своего обычного места два яблока.

Мы сели поесть. Мы просто сидели, не в телефонах, не в компьютерах. А просто... сидели.

— Зак спустился? — спросил он неожиданно.

— Однажды. Около полудня он вышел из своей комнаты, и это все, — с того момента, как команда от него отказалась, прошла неделя, и кроме того дня, когда мы ходили гулять, он не покидал своей комнаты, только если не было необходимости, чаще всего лишь ради еды. Он не хотел ни с кем разговаривать или чем-нибудь заниматься, и я не была уверена, что мне делать, или должна ли я вообще что-то предпринимать.

— Хм-м-м... — протянул Эйден.

— Не знаю, что сказать ему, или должна ли я вообще что-то делать, — призналась я.

Я не умею утешать людей. Правда. Некоторые люди знают, что надо сказать в любой ситуации, знают, какие слова использовать, и идеально их применяют. А я? Обычно я довольствуюсь фразой «Мне жаль». Я плохо обращаюсь со словами, даже если хочу сделать для Зака что-нибудь. Я просто не знаю, что.

Здоровяк поднял одно плечо.

— Дай ему немного времени, — предложил он.

Мистер Конгениальность сейчас пытается дать мне совет о том, что мне делать? Значит ли это, что я должна сделать все наоборот?

— Да, наверное, так и сделаю, — ответила я, прежде чем вспомнила о своем разговоре с Дианой. — Эм-м, на выходных я еду в Эль-Пасо. Помнишь, я тебе говорила? — я ткнула вилкой в макароны на тарелке. — У моей мамы день рождения.

Он поерзал на стуле и коснулся своим коленом меня.

— Ладно.

Я не должна чувствовать себя неловко. Совсем. Если он скажет, что поедет, отлично. Если не захочет, ничего страшного.

— Я думаю... может, ты поедешь со мной? Я не рассказала ей, что мы поженились, и хотела бы сказать об этом лично, чем если бы они узнали от других, — я заерзала на стуле и бросила на него косой взгляд.

Эйден лишь забросил в рот еду, медленно жуя.

Я почесала ухо.

— Только если ты хочешь, — затем добавила я, — лишь на выходные.

Черт. Черт. Черт, черт, черт.

Зачем я вообще спросила?

Эйден почесал подбородок кончиком вилки. Он слегка развернул свое тело на стуле, снова коснулся коленом моей ноги и ответил:

— Мне нужно вернуться в воскресенье вечером.

Я удивленно переспросила:

— Правда?

Он пожал плечами, очень небрежно, или, по крайней мере, настолько небрежно, насколько позволяли его размеры. Честно, я удивлена, что его задница помещается на один стул. И меня поражает, что ножки стула еще не сломались под его весом.

— Да, — и это весь его ответ.

— Ох... хорошо. Я планирую выехать в пятницу. Это восемь часов на машине.

После этих слов он повернулся лицом ко мне, за секунду на его лице отразилась тревога.

— Ты хочешь поехать на машине?

Я кивнула.

Он еще секунду пялился на меня, а потом потянулся к своему карману, вытащил черный

кожаный бумажник и протянул мне серебристую кредитную карту.

— Купи два билета и арендуй машину. Я не езжу в долгие поездки.

Знала ли я, что он не ездит никуда на машине дольше, чем необходимо? Да, но я все равно хотела закатить глаза. Если мне не придется ехать восемь часов, я не поеду, особенно если еще и не я плачу за это.

Так как мы официально женаты, он не считается моим богатым благодетелем, верно?

Отмахнувшись от этой мысли, я нерешительно взяла его карточку.

— Уверен?

Он не стал скрываться и закатил глаза.

— Купи билеты на послеобеденный рейс, обычно нас отпускают около трех, — он посмотрел на меня уголком глаз. — Не арендуй эти крошечные экономные машины, лишь бы сэкономить деньги.

Ага, его властность пробуждает не самые лучшие воспоминания. Но я все равно кивнула и, держа его карту между пальцем, засомневалась.

— Это какой-то тест? — спросила я с сомнением.

Так как он был занят поглощением еды, я дала ему секунду на то, чтобы ответить, прежде чем он повернулся ко мне, между его густых бровей залегла складка.

— О чем ты говоришь?

— Это тест? — я помахала его кредитной карточкой. — Чтобы проверить, потрачу ли я твои деньги или предложу оплатить свой собственный билет самостоятельно?

Его пухлые губы слегка приоткрылись, и он, прищурившись, посмотрел на меня. А потом медленно покачал головой, очень медленно, и я знала, он раздражен... или думает, что я полная идиотка. Либо одно, либо другое. А, может, все сразу.

— Не будь идиоткой. Я бы не предложил оплатить билет, если бы не хотел этого. Ты же меня знаешь.

В его словах есть смысл. Я пожала плечами.

— Хорошо. Ладно. — Боже. — Я просто хотела убедиться, потому что если ты хочешь за них заплатить, я не собираюсь отказывать тебе.

— Просто купи билеты и арендуй машину, — он встал вместе со своей тарелкой и подошел к раковине, прежде чем добавить: — Где мы остановимся?

— Я планирую заселиться в гостиницу.

— Хорошо. Что ты скажешь своей семье?

Я потеряла шею, прежде чем вернуться к своей еде.

— Только маме. Я не... моим сестрам знать не надо. В любом случае, никто не узнает правду. Они не знают, что я живу с тобой. Я подумала...

Черт. Что? Я ожидала, что мама не помнит, на кого я работала? Конечно, она помнит. Теперь. Десять лет назад она большую часть времени не помнила, как она меня родила, и я зависела от нее. Это более мягкая правда, учитывая, что выпивку она любила больше, чем своих детей.

Я должна была остановиться. Я должна была остановиться пять секунд назад. Все в моей жизни повернулось в лучшую сторону. У меня нет причин жаловаться. Моя жизнь лучше, чем просто нормальная. Намного лучше.

После этого напоминания, я прочистила горло и добавила своему тону игривости.

— Если она спросит, я просто скажу, что ушла, а ты вернулся за мной. Ты понял, что безумно в меня влюблен...

Клянусь Богом, он фыркнул.

Я положила руку на стол и выставила вперед для него средний палец, с улыбкой продолжая.

— И что ты жить без меня не можешь, поэтому мы скрывались. Думаю, я должна сказать хотя бы пол правды, чтобы все не стало слишком сложно. Есть проблемы?

Эйден покачал головой и улыбнулся, отчего уголки его губ приподнялись, а у меня на душе слегка полегчало. Все в моей жизни налаживалось.

— Нет.

Придурок. Я не могла не усмехнуться.

— Тогда ты в команде, и это может быть историей, которую мы расскажем всем, кто узнает?

— В какой команде? — спросил он.

— Ты и я. Команда Грэйвс-Мазур. Мы подписали контракт. Вроде как, — я улыбнулась ему.

Он опустил свой бородатый подбородок, и я заметила, как его рот дернулся.

— Ладно. Я стану частью команды.

До нашего отъезда в аэропорт оставалось пять минут, а Эйдена еще не было дома.

Я звонила ему три раза, но он не ответил и уж точно не знал, что я десять раз брала телефон, но отговаривала себя от звонка. Где он, черт побери?

Я собиралась все утро. Даже приготовила ему обед, чтобы он смог поесть по пути в аэропорт, так как знала, он будет голоден после нескольких часов просмотра отснятой игры, прежде чем игроков распустят на неделю.

Но его нет дома. Его нет дома. А мы должны уезжать.

Я мерила шагами комнату. Моя сумка уже стояла у входной двери, и если я не уеду в течение пяти минут, то, скорее всего, опоздаю на рейс.

Из кармана донесся резкий звонок телефона, и он мгновенно выдернул меня из моей паники. И точно, на экране высветилось имя «Миранда П.», и меня пронзило дурное предчувствие.

— Алло?

— Ванесса, — на заднем плане слышался шум, похожий на чей-то смех. — Я не поеду.

Если подумать, я испытала разочарование, которое давно не испытывала; если подумать, в последний раз это было, когда он позволил Тревору болтать обо мне, и оно сжало мою голову. Я хотела спросить у него «почему?». Хотела узнать, почему он ждал так долго, чтобы позвонить или почему не написал мне, если знал, что не поедет, но я не смогла себя заставить. У меня все сжалось в груди, разболелась голова, и я спросила:

— Ты в порядке? — даже если от злости сжимала пальцы.

— Да, — ответил он коротко и отвлеченно.

— Ладно, — я с трудом сглотнула и зажмурилась. *Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять.* Да, помогло не так, как должно было бы. — Тогда я уезжаю.

Вернусь в воскресенье.

— Лесли приезжает в город.

На кончике моего языка повисла фраза «Все нормально», но я прикусила его. Это не нормально. Я злилась на него за то, что он потратил мое время, что строил со мной планы на поездку. Злилась на себя за то, что ожидала и была даже больше, чем немного, взволнована из-за того, что он едет со мной. До этого я никого не брала с собой в Эль-Пасо.

От этого я только разозлилась сильнее.

— Понимаю. Мне надо уложить вещи в машину. Увидимся через пару дней.

Возможно, он попрощался, а, может, и нет. Не знаю, потому что я отключила звонок этого мудака.

Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать.

О чем, черт возьми, я думала? Я знала, что винить могу только себя. Зачем вообще его приглашала? Я должна была молчать и ничего не говорить. Я приготовила ему поесть и потратила часы своей жизни, переживая о том, как буду объяснять своей семье нашу ситуацию.

Боже, я такая, такая глупая.

Почему я вообще думала, что во время своей недели перерыва он найдет время поехать куда-то со мной, когда последние два раза он оставался дома тренироваться?

Я идиотка.

Я взбежала вверх по ступенькам в свою спальню и вытащила из ящика стола чековую книжку. Выписала чек на сумму своего билета и полную стоимость аренды автомобиля. Моя душа немного страдала — это стоимость десяти моих заказов — но я подписала чертов чек и посмотрела на картинку Хэллоу Китти на его фоне и заворчала. Всего за минуту я спустилась на кухню, хлопнула глупым чеком по столу, перевернув его, и пока уходила, представляла, что это лицо Эйдена.

Я забросила сумку на заднее сидение своей машины, приложив чуть больше силы, чем было нужно, и выехала, надеясь успеть на свой рейс.

— Я думала, ты приедешь с другом, — заметила моя мама почти сразу после того, какпустила меня.

Я выдохнула и отвела плечи назад, натянув на лицо улыбку. Я посмотрела на высокую стройную женщину с почти блондинистыми волосами — когда-то, будучи ребенком, между ее запоями и присутствием, я думала, что она была красивой. Особенно тогда. До того, как я образумилась, я чертовски сильно любила ее, и из-за этого мое сердце болело за малышку-Ванессу, которая не знала ничего лучше.

Легко забыть, что та, кто сейчас так идеально выглядит, когда-то была скрытой алкоголичкой. Поэтому так долго никто не замечал, что у нее есть проблема. К счастью, сейчас она в порядке, и поэтому я приехала к ней на день рождения.

Во время полета я мысленно подготовила себя к ситуации и к тому, как с ней лучше

справиться. Благодаря Сьюзи, у нас уже есть одна идиотка в семье. Поэтому я промолчу и все приукрашу.

— У него в последнюю минуту возникли дела, — объяснила я неопределенно, рассматривая дом, в котором была лишь несколько раз до этого. Он хороший. Очень хороший. Ее муж, за которого она вышла пять лет назад, адвокат по разводам. Она познакомилась с ним в группе анонимных алкоголиков. Он кажется приличным мужчиной, и мой младший брат очень хорошо о нем отзывается.

— Очень плохо, — ответила мама. Я чувствовала, как она оценивает меня. — Не хочешь занести свою сумку внутрь?

Я посмотрела ей в глаза, прежде чем ответить. Я не буду стыдиться того, что не хочу остаться с ней, и не позволю себе этого. Если она действительно над этим задумается, то вспомнит, как ужасно все получилось, когда я в последний раз остановилась у нее.

— Я уже заселилась в гостиницу.

На самом деле, я еще вчера туда заселилась. После я встретила со своими приемными родителями и там поужинала. Я часто разговаривала со своим приемным отцом, в моем случае часто — это каждые несколько недель, и рассказала им, что вышла замуж за Эйдена. Мой приемный отец посмотрел на меня через стол, за которым я ужинала семь дней в неделю четыре года своей жизни, и спросил серьезным тоном:

— Ты не могла выйти за того, кто играет за Хьюстон?

Я и забыла, как сильно он ненавидит «Три Сотни».

Этим утром я завтракала с моей приемной мамой. Но я не рассказала ничего из этого моей матери. Каждый раз, когда я упоминаю приемных родителей, у нее появляется этот взгляд, который мне не нравится.

— О-о-о, — она резко вдохнула, и ее улыбка сказала мне, что она понимает. — В таком случае, я рада, что ты приехала пораньше.

Я улыбнулась в ответ маленькой улыбкой, даже полуулыбкой.

— Тебе нужна помощь с вечеринкой?

— Мы уже почти закончили... — она замолчала, на ее лице появилось неуместное оживление.

Из-за внезапного чувства страха я ощутила боевую готовность.

— Кто помогал?

Она назвала имя своего мужа. Обняв меня рукой за плечо, она притянула меня к себе, поцеловав в лоб, и я поборола крошечную потребность отстраниться от нее. Но я знала. Я, мать твою, знала, что она скажет потом.

— А еще Сьюзи и Рики.

Все мое тело окаменело. Клянусь, даже мое колено заболело от узнавания, а сердце бешено заколотилось.

— Ванесса, — моя мать так аккуратно произнесла мое имя, будто оно сделано из яичной скорлупы. — Они живут с нами. Я не хотела говорить тебе, потому что беспокоилась, что ты не приедешь.

Я бы и не приехала. Она верно подметила.

— Она твоя сестра, — добавила мама, встряхнув меня, но это не отвлекло меня от подсчета до тысячи, чтобы я не психанула. — Она твоя сестра, — повторила она.

Сьюзи можно было описать многими именами, и чертова стерва возглавляет данный список. Беспокойство и гнев затопили мои вены. Как она могла так поступить?

— Ванесса, пожалуйста.

Почему она устроила мне такую засаду? Сначала Эйден. Теперь моя собственная мать вместе со Сьюзи и ее мудаком.

— Будь милой. Ради меня, — настаивала она.

Этот день я закончу в винном магазине. Я уже чувствовала это.

Необходимость нагрубить висела на кончике моего языка. Я хотела спросить ее о сотне ситуаций, когда она не делала что-то для меня. Правда, хотела. В хорошие дни я была уверена, что простила ее за то время, когда ее никогда не было дома. За то, что мне приходилось воровать деньги из ее кошелек, чтобы покупать продукты, потому что она снова забывала, что дома нечего есть. За то, что бросала меня одну и заставляла справляться с тремя злыми, грубыми старшими сестрами, которых не волновали я и мой младший брат.

Но я не могла заставить себя сделать это. Независимо от того, сколько лет она вела трезвый образ жизни, теперь я знала, что моя мать висит на волоске. У нее есть проблема, и с этим ничего не поделаешь, даже если она опоздала на двадцать лет, чтобы исправить свои ошибки.

Все, что я могла делать, это ворчать; не могу ничего ей обещать. Правда не могу, неважно, как сильно я хочу сказать ей, что сегодня, впервые с тех пор, как мы были детьми, Сьюзи и я не захотим убить друг друга в ту же минуту, как встретимся лицом к лицу. Боже мой, это печально. Кажется, мы никогда не ладили, то есть моя старшая сестра — разница между нами всего лишь полтора года — относилась ко мне иначе и ненавидела столько, сколько я себя помню.

В первые несколько лет своей жизни я много натерпелась от нее. Она меня ужасно запугивала. Началось все с того, что когда мамы не было рядом, она щипала меня, что происходило постоянно, затем стала обзывать, воровала те немногие вещи, что у меня были, а закончилось все физическим столкновением. Она всегда была идиоткой.

Затем, однажды, мне было около четырнадцати, и я решила, что с меня хватит. К сожалению, она надрала мне задницу, и я оказалась в реанимации с переломом руки после того, как она столкнула меня с лестницы. Именно сломанная рука привела в наш дом Службу защиты детей, потому что наша мать не появилась в больнице после того, как с ней безуспешно пытались связаться. После той ночи нас пятерых разделили, и после этого, четыре года спустя, я лишь раз жила с моей матерью и сестрами. Закончилось все ужасно.

Это болезненная, унижительная история, о которой я давно забыла.

Я понимала, что со всеми моими сестрами что-то не так, особенно со Сьюзи. Когда я стала старше, то поняла — велики шансы, что моя мать была пьяна, пока вынашивала их. Все они были маленькими, в отличие от моего брата и меня, и у них были проблемы с обучением и поведением. Я, может, и понимала, что они не могут изменить большую часть из того, что с ними не так, но от этого мое негодование не становилось мягче.

Ради моих отношений с мамой мы избегали тем, связанных со Сьюзи, и в течение года она лишь кратко упомянула о двух других моих сестрах.

До этого дня.

Серьезно, поверить не могу, что Сьюзи и Рики живут здесь, и что меня никто не предупредил. Диана с ума сойдет, когда я расскажу ей.

— Ванесса, пожалуйста. Я так рада, что ты здесь. Я скучала по тебе. Ты редко приезжаешь, — мама попыталась вызвать во мне чувство вины.

Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять.

«Нет ничего, что я не могу сделать, — напомнила я себе. — Все в моей жизни налаживается. У меня сейчас есть больше, чем я могла себе представить. Прошлое больше не важно».

— Ладно, — глубоко вздохнув, я заставила себя произнести это, все время сжимая зубы.

— Да? — спросила она, светясь от надежды.

Я кивнула, пытаюсь заставить свои мышцы расслабиться. Я знала, то, что собираюсь сказать, ужасный комментарий. Я понимала, что веду себя по-детски, но меня это не беспокоило.

— Да. Я буду вести себя хорошо, пока она делает то же самое.

Мама вздохнула.

Да, она знала. Она знала, что Сьюзи понятия не имеет, как быть милой.

— Не могу в это поверить.

— А ты поверь, — прорычала я в миллионный раз за день, выплескивая свой гнев.

Диана усмехнулась и обошла меня, у нее в одной руке была пластмассовая миска, в другой — кисть. Некоторое время она изучала участок моей головы, на который уже нанесла краску, а затем посмотрела своими карими глазами мне в глаза и нанесла еще слой.

— Знаешь, я не хочу говорить о твоей семье, но когда думаю, что хуже они стать уже не могут, они это делают.

Лгунья. Она не против перетирать кости четверем членам моей семьи из шести. Сколько раз мы сидели в ее комнате и разыгрывали сотни сценариев того, что бы мы сделали или сказали моим сестрам в отместку за то, через что я из-за них прошла? Сотни? Не то чтобы мы воплотили в жизнь что-то из этого. Они старше нас, а с сумасшедшими лучше не связываться.

— А самое ужасное, что когда Рики схватил меня за руку, никто ничего не сказал. Все они вели себя так, будто ничего не происходит.

— Боже, Ви, — пробормотала моя лучшая подруга. — Говорила же, не надо тебе ехать.

Она говорила, а я была упрямой и не слушала.

— Я знаю.

Она коснулась моего плеча рукой.

— Мне жаль.

Не так, как мне.

Я провела у мамы три часа, прежде чем все превратилось в ад. Три часа до того, как я вылетела из дома, обозленная. Честно, я удивилась, что провела ночь в своем отеле, а не отправилась сразу в аэропорт, дожидаться своего рейса до Далласа. Но гнев не утихал, и хорошо поспать мне так и не удалось, полет тоже не очень помог.

Как только приземлилась, я отправила сообщение единственному в мире человеку, который был мне предан, и поехала к Диане, чтобы рассказать ей все и снять весь этот груз со своей души. Помогло ли? Не очень, но уже что-то. Я поделилась с ней всем, что случилось, пока она красила мои волосы в цвет, который тайно выбрала для меня. Это одна из привилегий быть самой себе начальницей.

— Погоди, но ты же не рассказала мне, что произошло с Эйденем, — наконец, заметила она.

Боже мой. И вот я снова разозлилась. Но до вчерашнего дня я смогла хотя бы отодвинуть данную проблему в сторону, но сейчас она превратилась в свежую рану вдобавок к уже существующей.

— Он позвонил и все отменил в последнюю минуту.

Она вздрогнула.

— Ага, — пробормотала я, когда ее грудь промелькнула в миллиметре от моего лица. — В город приехал его старый тренер, и он был занят просмотром игр с командой или еще чем-то, когда позвонил, но это не важно. В любом случае, глупо было приглашать его.

— Я уверена, у него была важная причина, чтобы все отменить, — попыталась убедить меня Ди.

Была лишь одна причина, самая важная для него. И мне не нужны детали, чтобы знать точную формулировку.

— Ага. Уверена, так и есть, — я глубоко вздохнула. — Просто у меня плохое настроение. Прости.

— Нет, я поверить не могу, — ответила острячка.

Я потянулась и попыталась ущипнуть ее через фартук, который был на ней надет, но она, танцуя, отошла от меня, на ее лице была большая улыбка.

— Оставь меня в покое.

Она высунула язык.

— Хотя бы секунду не строй из себя дурочку, ладно?

Я усмехнулась, когда сделала то, что она просила. Диана подошла ко мне, ее живот оказался в паре миллиметров от меня. Вероятно, она потянулась вперед, потому что ее футболка задралась, обнажая полоску кожи.

Я нахмурилась.

Вытянув руку из-под накидки, которую она на меня надела, я задрала ее футболку выше, обнажая несколько мелких синяков — уменьшенную версию тех, что у меня на предплечье.

— Что ты делаешь? — она отошла от меня.

Я посмотрела на нее: на ее лицо, шею, руки, и не увидела ничего, чего там быть не должно.

— Что? — ее тон стал менее резким, чем секунду назад, но я знала, знала по тому, как она потерла штанину, что что-то происходит. Это ее нервный тик.

Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять.

Мне пришлось снова досчитать до десяти, чтобы не выйти из себя.

— Что случилось? — спросила я так спокойно и невозмутимо, как только могла, хотя внутри я становилась злее, чем тогда, когда впервые к ней приехала.

Диана слишком быстро попыталась отмахнуться от этого.

— Ничего. А что? — у нее хватило смелости посмотреть вниз и задрать свою футболку так же, как до этого сделала я. Она даже нахмурилась, прикоснувшись к синякам, а я могу поклясться своим первенцам, что она знала о них и до этого.

— Откуда это?

Отвечая, она не смотрела мне в глаза.

— Помню, что недавно я ударилась бедром.

— Ты ударилась бедром? — она лжет. Она, черт возьми, обманывает меня.

— О кухонную стойку.

— О стойку? — переспросила я медленно. Все это похоже на ужасный сон.

Моя лучшая подруга — подруга всей моей жизни — снова солгала.

— Да, — настаивала она.

— Да... — я не собираюсь истерить. Я не собираюсь выходить из себя в ее присутствии.

— Давай я закончу наносить это на твои волосы, — прервала она меня.

— Диана...

— Наклони еще раз свою голову вперед, Ванни.

— Ди, — я схватила ее за вытянутую руку. Она с удивлением посмотрела на меня своими карими глазами. — Это сделал Джереми?

— Нет!

В моем горле сформировался узел, который с каждой секундой становился все больше и

больше.

— Диана Фернанда Касиллас, — да, я использовала ее полное имя. Моя рука дрожала. — Это сделал Джереми?

Я взглянула в глаза этой чертовой обманщицы высшего уровня и, если бы не ладонь, которой она постукивала по своей ноге, я бы поверила, что она говорит мне правду; что человек, которого я люблю, ради которого сделаю что угодно, и который, как мне казалось, сделает все ради меня, не соврал бы мне.

Я даже не задумывалась над тем, что в прошлом скрывала что-то от нее. Что не рассказала ей, что вышла замуж за Эйдена. Что она не знает о моем студенческом займе. В данный момент ничто из этого не всплыло в моей голове.

— Нет, Ван. Он любит меня. Я ударила бедром.

Узел в моем горле распух, и я чувствовала, как на глаза наворачивались слезы, когда она невозмутимо смотрела на меня. Вот в чем проблема. Диана совсем как я. Как только она увязает слишком глубоко, то не выбирается из ямы, в которую загнала себя. Она не даст задний ход и не расскажет мне правду.

— Я в порядке, Ван. Клянусь.

Она клянется. Покалывание в носу стало сильнее.

— Ди, — прохрипела я.

Ее улыбка причиняла мне боль.

— Я ударила бедром, это глупость. Клянусь.

Не думаю, что Диана осознавала, какую сильную боль причиняла мне. Мне хотелось верить, что ложь, которую я ей говорила, была для того, чтобы защитить ее, чтобы она не волновалась, что я погрязну в катастрофических долгах. А о том, что мы с Эйденем поженились, я не говорила, потому что у нее язык без костей и она рассказала бы всем. Я знала, что когда она узнает и поистерит, то с трудом, но поймет, почему не она первый человек, которому я рассказала обо всем. Она не умеет хранить секреты; все мы об этом знаем.

Но это...

Я не собиралась молчать, даже если знала, что она ни за что не пойдет на попятную и не признается. Сжав ее руку сильнее, я пыталась игнорировать тяжелое биение своего сердца и посмотрела ей в глаза.

— Ди...

Она лжет. Она, как большая обманщица, произнесла:

— Это всего лишь синяк, Ван.

Но это не так.

Не так.

Когда я приехала домой, консервативный седан, припаркованный у дома, сказал мне, что у нас гость. Лесли.

Ох, Лесли.

Он — единственный человек в мире, который мне на самом деле нравился, но время от времени, особенно на этих выходных и каждый год 15 июня, я ощущала к нему небольшой укол ревности. Лесли — единственный в мире человек, о котором заботился Эйден, и я могу сказать об этом со всей уверенностью, и полагаю, я просто жалкая, эгоистичная идиотка. В мой особенный день я не получала даже «С днем рождения», в то время как Эйден не только помнил о дне рождения Лесли, но заботился о нем достаточно, чтобы заставлять меня

отправлять ему подарок.

Я, правда, жалею, что Эйден о ком-то заботится, и этот человек не я?

Я в ужасном настроении — оно сейчас хуже, чем пять часов назад, когда я вернулась обратно в Даллас. Черт, я в плохом настроении с тех пор, как покинула Эль-Пасо. Единственное, чего я хотела — вернуться домой, потомиться в собственной злости и, может быть, посмотреть фильм, чтобы избавиться от мыслей о том, что меня заботит. Моя мать, Сьюзи, ее муж Рики, Диана, ее парень и Эйден. Я хочу побыть в одиночестве.

Припарковавшись на улице, я достала свой чемодан с заднего сидения, игнорируя боль в запястье, и поплелась по подъездной дорожке и тропинке.

Я считала до десяти снова и снова, пока открывала дверь и заходила внутрь так тихо, как могла.

— Ванесса?

Я была уже на середине лестницы, сжимая чемодан в руке, когда до меня донесся голос Эйдена с первой ступеньки. Я медленно опустила чемодан на ступеньку, на которой стояла, сжала зубы и посмотрела через плечо на мужчину, который кинул меня; он стоял в коридоре между гостиной и прихожей в тренировочных штанах и такой свободой майке, что я видела очертания самых сексуальных во Вселенной мускулов.

Люблю ли я сексуальные латеральные мускулы? Конечно. Я же женщина.

Но еще у меня есть мозг, сердце, немного гордости и огромные, мускулистые руки, которыми я хотела придушить того, кто кинул меня, и я не позволю себе ни о чем забыть.

«Если бы он был там, все могло быть хуже», — пыталась напомнить я себе, натягивая ниже рукава кофты, которую надела до приезда к Диане. Но другая часть моего мозга хотела верить, что, может быть, выходные прошли бы иначе, если бы там был Эйден.

И снова, может, мне просто хочется винить кого-то еще, кроме себя, за то, что не прислушалась к своим инстинктам, когда они говорили мне сделать что-то, а я сделала противоположное.

— Да? — спросила я, чувствуя, как напряглись мои щеки.

Здоровяк осматривал меня, и то, как он поджал губы, подсказало мне, что он колеблется.

— Лесли здесь.

Слова едва сорвались с его губ, когда из гостиной выглянула светловолосая голова. Лесли Прескотт — мужчина, почти такой же высокий, как Эйден, и в лучшей форме, чем любой пожилой человек может быть, улыбнулся мне своей белоснежной улыбкой.

— Привет, Ванесса.

Неожиданно у меня между бровей запульсировала острая боль. Я аккуратно разместила свой чемодан и улыбнулась мужчине, которого встречала в прошлом. Мы провели вместе два месяца в Колорадо по двум разным причинам, а в остальное время он приезжал к Эйдену. Мне он нравился, правда, нравился, но я в ужасном настроении, и не честно перекидывать все на него.

— Привет, Лесли, — еле пробормотала я, сбежала по ступенькам и протянула свою руку.

Он пожал ее, открыто улыбаясь мне.

— Поздравляю, — произнес он, пожимая мою руку. — Я слышал большие новости.

Лесли зажал мою руку своими, с каждой секундой его улыбка становилась все шире. Даже если он думал, что это странно, что я не обняла и не поцеловала Эйдена, когда

вернулась домой, то это не отразилось на его лице.

— Мне немного обидно, что меня не пригласили, но я понимаю.

— Ох, спасибо.

Я устало улыбнулась ему, демонстративно не обращая внимания на большое тело на периферии моего зрения, которое наблюдало за нами.

— Я очень счастлив за вас обоих. И был очень разочарован, что тебя не было на этих выходных в городе, но, уверен, у нас еще много времени, чтобы увидеться друг с другом в будущем.

Я заставила себя улыбаться. У нас с Эйденем впереди пять совместных лет, и, уверена, мы с Лесли еще увидимся.

— Я в этом не сомневаюсь.

Лесли просиял.

— Мы досмотрели некоторые кадры, поэтому я уеду и оставлю вас вдвоем сегодня вечером, ага?

На лице Эйдена появился мягкий изумленный взгляд, который довольно сильно раздражал меня.

— Ага.

Да.

Проявился его канадский говор — а это происходит лишь тогда, когда он по-настоящему чувствует себя комфортно — из-за этого часть моей незрелой капризной души разозлилась еще больше.

— Оставлю вас двоих. Мне нужно доделать кое-какую работу, — пока я говорила, все мое внимание сосредоточилось на Лесли.

Пожилой мужчина кивнул.

— Конечно, конечно. Я понимаю. Простите, перед поездкой я воспользуюсь уборной, — он снова улыбнулся, и напряжение во мне слегка ослабло.

Он не сделал ничего плохого, а я веду себя как идиотка.

— Вы уезжаете завтра?

— Ага, мой рейс через день. Я должен возвращаться домой.

— Тогда увидимся завтра. Счастливого пути!

Лесли согласно кивнул и зашел в угловой туалет. Это стало сигналом для меня, чтобы удалиться. Подхватив чемодан здоровой рукой, я прошла большую часть лестницы, прежде чем услышала:

— Ты в порядке?

Я даже не стала останавливаться. Поднималась дальше.

— У меня все хорошо.

— Ванесса, — произнес он низким, осторожным тоном. — Посмотри на меня.

Я была уже на сто восемьдесят процентов готова оказаться в своей комнате, поэтому остановилась, обернулась, приподняв бровь, и посмотрела на фигуру, стоящую у подножия лестницы; одна его рука лежала на перилах.

Он смотрел на меня мрачным взглядом.

— Когда ты говоришь, что у тебя все хорошо, я знаю, что это не так.

— Хм-м-м, — это все, что я смогла ему ответить, чтобы не высказать что-то стервозное. Я пыталась говорить себе, что не важно, что он не поехал со мной; я повторяла эти слова за выходные дюжину раз. И я напоминала себе, что понимаю, почему он остался, чтобы

встретиться с человеком, о котором он заботится, но все это не помогло, совсем.

Моя чертова гордость не справилась с тем, что он меня кинул, да и не только он, но и все остальные на этих выходных.

— Так я и думал, — заявил Эйден, почти вызывающе приподнимая подбородок.

Я сжала пальцами ручку чемодана и представила, что сжимаю его шею.

— Ага, полагаю, что так, — призналась я и фыркнула. — Не хочу об этом говорить. Я ложусь спать.

Я только развернулась, когда раздался хриплый и низкий голос Эйдена.

— Мне плевать, что ты не хочешь об этом говорить. Я хочу это обсудить, — произнес он своим авторитарным, требовательным голосом, который действовал мне на нервы. По любым меркам у него совсем не громкий голос, но ему и не нужно таким быть.

Закатив глаза, я покачала головой, а он продолжал свое чертово объяснение.

— Позвонил Лесли, сказал, что он в Сан-Антонио, и спросил, сможет ли заехать ко мне на пару дней. До того, как я уеду, тренер хотел посмотреть еще пару игр, и я потерял счет времени, — и он продолжил. — Я думал, что из всех людей, именно ты поймешь. Я не вижу, в чем проблема.

На мгновение я задумалась над тем, чтобы поднять чемодан и бросить в него. Это по-детски, конечно. Излишне, да. Но от этого я почувствую себя лучше. Вместо этого я досчитала до семи, и пока смотрела на ступеньки, ответила:

— Я понимаю, Эйден. Правда. Твоя работа — самое важное в твоей жизни, и я знаю, насколько для тебя важен Лесли. Я это знаю и всегда знала.

— Но ты все равно злишься.

Нет смысла лгать, правда? Опустив багаж на ступеньку передо мной, я развернулась и посмотрела в его загорелое лицо, обрамленное темными волосами, которое видела чаще, когда работала на него, чем когда к нему переехала.

— Я не злюсь, Эйден. Я просто... слушай, я в ужасном настроении. Может, сейчас не время для разговоров, ладно?

— Нет, — его спина выпрямилась, и он убрал руку с перил. — Я остался, чтобы посмотреть запись игр с командой и увидеться с Лесли, — заявил он, между его бровей появилась глубокая морщина.

— Я понимаю, почему ты остался. Я не сказала, что не понимаю. Я раздражена из-за этого чертового бесполезного уикенда и не хочу вываливать все это на тебя, — это ложь. Вроде как. — Пожалуйста, мы можем перестать говорить об этом?

Я знала, что он ответит еще до того, как он открыл рот: не-а. И он меня не подвел.

— Я не сделал ничего, чтобы ты разозлилась.

Боже, помоги мне. Боже, помоги мне, мать твою. Я сжала пальцами переносицу, будто это успокоит головную боль. Я прошипела:

— Эйден, просто забудь об этом.

Парень ни о чем не забывает. Почему этот момент должен стать исключением?

— Нет. Я хочу об этом поговорить. Я не поехал домой к твоей маме. Поеду в следующий раз.

У некоторых людей есть одна проблема — они совсем не понимают принцип некоторых вещей. Другая проблема с людьми в том, что некоторые парни не понимают, когда лучше не поднимать тему, вместо этого они давят и давят, и давят, пока ты просто не говоришь «к черту». И это именно то, что сделал со мной Эйден. Моя голова разболелась

сильнее.

— Я пригласила тебя, чтобы познакомить с мамой и моими приемными родителями. И глупая я из-за того, что разочаровалась, когда ты бросил меня в самый последний чертов момент.

Оглядываясь назад, я заметила, что данные слова прозвучали более мелодраматично, чем должны были.

То, что мама специально солгала мне — уже достаточно плохо. То, что Сьюзи впала в свое состояние психа, все только ухудшило. А ложь Дианы только увеличила каждую мою жестокую, болезненную эмоцию, но я не сказала ему ничего из этого. Каждая из частичек гнева проросла во мне из семян, которые появились из-за отсутствия Эйдена.

— Я должен был, — заявил он холодным, жестким тоном, который ясно дал понять, что он не понимает, из-за чего я так расстроена.

Вздыхая, я опустила руки и покачала головой.

— Забудь об этом, Эйден.

— Я не понимаю, из-за чего ты так злишься, — рыкнул он.

— Потому что! Я думала, что мы становимся друзьями, а ты даже до последней минуты не мог вспомнить, что меня надо предупредить о том, что ты не едешь со мной. Ты хоть представляешь, какой ненужной я чувствовала себя из-за тебя?

В его темных глазах блеснула неизвестная мне эмоция, на секунду черты его лица расслабились, прежде чем вернулось его обычное пустое выражение.

— Я остался по важной причине.

— Я поняла. Я знаю о твоих приоритетах. И знаю, где находимся мы. Я знаю, что между нами есть, а чего нет. С данной минуты я постараюсь скорректировать свои приоритеты, — прервала его я, мне уже осточертел этот разговор.

Рот Эйдена был открыт, но после моего комментария, он закрыл его. Эйден нахмурил лоб, и уголки этого пухлого рта, который должен принадлежать женщине с косметическим вмешательством, напряглись. Его лоб пересекли морщины, и он моргнул своими длинными коричневыми ресницами.

Он лишился дара речи.

Слов, похожих на «мы друзья» или «мне жаль». Вместо этого я не получила ничего. Никаких оправданий, никаких обещаний, ничего.

Разочарованная — чертовски разочарованная — я удержалась от того, чтобы закатить глаза и нацепила на лицо напряженную, фальшивую улыбку.

— Я очень устала, — и у меня болит рука. — Спокойной ночи.

Я сделала еще два шага вверх по лестнице, когда услышала:

— Это не так уж и важно.

Почему? Почему я? Почему он просто не закрыл эту тему, пока я не решила перерезать ему горло, пока он спит?

— Просто забудь, что я вообще что-то говорила, — бросила я через плечо ради него и ради себя. Боже, я веду себя как стерва, но мне плевать на это.

Эйден громко фыркнул.

— Не понимаю, почему ты думаешь, что это так важно. Я не прошу тебя возвращать мне деньги за билет или аренду машины. Я уверен, что смогу встретиться с твоей семьей в следующий раз. У нас впереди пять лет, Ванесса. Я не хочу провести все это время так, что ты будешь постоянно на меня злиться. Ты знала, на что шла.

— Поверь мне, я ни на секунду не забываю, сколько у нас впереди лет, — я с яростью потащила чемодан вверх по лестнице.

Когда я больше ничего не добавила, он продолжил сам.

— В чем, черт возьми, твоя проблема?

Я полностью развернулась к нему лицом, руки инстинктивно опустились на бедра.

— Я уже тебе сказала, в чем моя проблема. Я в ужасном настроении, а ты оставил меня в подвешенном состоянии, и это задевает меня сильнее, чем должно бы, я знаю об этом. Но я также понимаю, что должна была это предвидеть.

Он усмехнулся. Сделав это так, что его ноздри затрепетали, он покачал головой, его глаза смотрели куда угодно, только не на меня.

— И что это, черт возьми, должно означать?

Я почувствовала, как вся кровь отхлынула от моего лица, но я буду идиоткой, если прямо сейчас уйду в свою комнату. Иногда выражение лица говорит больше, чем слова, и я надеялась, что улыбка, которой я ему улыбалась, передала ему именно то, что я хотела донести до него. Иди к черту.

Изо рта Эйдена вырвался резкий звук, который по ошибке можно принять за горький смех.

— Я оплачиваю твои займы и покупаю дом не для того, чтобы проходить через это, Ван. Если бы я хотел, чтобы кто-то пилил меня, то у меня был бы настоящий брак, а не фиктивный.

О... черт... нет.

Каждая капля крови в моем теле испарилась. В моем горле застряли ужасные, обидные слова, и я не могла говорить. Не могла думать. Не могла даже дышать.

Я не должна терпеть подобное.

Стоя на ступеньках, я кивнула, мои руки дрожали.

— Знаешь, что? Ты прав. Ты абсолютно прав. Извини, что раскрыла свой чертов рот. Извини, что пилила тебя и ждала нашей поездки, — и мне жаль, что я виню его в цепи событий, которые пошли по наклонной вниз.

Я, правда, в некотором роде веду себя как засранка, но я не знаю достаточно матерных слов, чтобы разрулить данную ситуацию.

Сжав кулаки, я схватила свой чемодан больной рукой, побежала вверх по ступенькам и захлопнула за собой дверь. Не уверена, как долго я там простояла и смотрела на обстановку, окружающую меня, и мне стало казаться, что я попала в пятилетнюю тюрьму. Если бы мы уже не «поженились», то я собрала бы свои вещи и ушла.

Но я подписала бумаги и дала ему слово. Пять лет. Я никуда не уйду, пока ты не станешь гражданином этой страны, обещаю.

И в этом разница между мной и Эйденем.

Я держу свое слово.

Бросив чемодан на пол, я потерла руками щеки, пытаюсь успокоиться. Мои глаза были на удивление сухими. В моей душе, где раньше находились самые важные частички, поселилась дыра, размером с Крейтер. (*Примеч. Крейтер (англ. Crater Lake) — кратерное озеро в США, штат Орегон. Размеры озера: 8 на 9,6 км, средняя глубина 350 м.*)

Я не буду плакать. Я не буду, черт побери, плакать.

Я расстегнула чемодан и вытащила одежду, чтобы постирать ее позже, когда засранца не будет поблизости. Узел в моем горле, который образовался, когда я была у Дианы,

кажется, ослаб. Я не буду плакать. Я не собираюсь плакать, даже если потребность в этом невероятно подавляющая.

Я запихивала свой чемодан под кровать, прилагая чуть больше силы, чем было необходимо, когда в мою дверь постучали. Стук был слишком тихим для Эйдена.

Контролируя гнев и слезы, собирающиеся в глазах, я крикнула:

— Да?

— Ван.

Это Зак.

— Да?

— Могу я войти?

Сняв очки, я потерла бровь ладонью и тяжело вздохнула.

— Конечно. Заходи.

Зак открыл дверь и скользнул внутрь. Когда он закрывал дверь, на его лице сияла веселая осторожная улыбка.

— Привет, милая, — произнес он мягким голосом.

Я напряженно улыбнулась, пытаясь подавить раздражение из-за парня на первом этаже, из-за своей семьи в Эль-Пасо и идиотки в Форт-Уэрт, которая является моей лучшей подругой. Я снова поправила рукав своей кофты, чтобы он прикрывал запястье.

— Привет.

— Мне нравятся твои волосы.

— Спасибо.

Возможно при других обстоятельствах, сине-зеленый цвет понравился бы мне больше, но сейчас я расстроена и разочарована, и мне плевать, что сейчас мои волосы напоминают цвета из Кэнди Лэнда.

— Ты в порядке? — спросил он, а потом подошел и сел на край моей кровати в паре шагов от места, где я сидела на коленях.

Неохотно, я запихнула до конца свой чемодан под кровать и встала.

— Ага.

— Уверена?

Черт.

— Ты все слышал, да?

— Слышал, — подтвердил он, моргнув своими красивыми голубыми глазами.

Конечно, он слышал. Я уж точно под конец кричала.

— Иногда он так легко действует мне на нервы, не понимаю, — вздохнув, я села около него.

— Я знаю.

— Он ни о ком, кроме себя, не заботится.

— Я знаю.

— А затем злится, что кто-то в нем разочарован, — пробормотала я, смотря в пол.

— Я знаю, — снова согласился Зак.

— Я не упрашивала его поехать со мной. Я просто упомянула об этом. И все было бы нормально, если бы он сказал, что слишком занят.

— Я знаю.

— Почему он такая заноза в заднице?

Краем глаза я заметила, как Зак поднял руки.

— Мир никогда не узнает, милая.

Я фыркнула и, наконец, посмотрела на него.

— Нет, вероятно, нет, — я подтолкнула его локтем. — Ты бы не бросил меня, не правда ли?

— Ни в коем случае, — он подтолкнул меня своим бедром, притягивая мой взгляд к пижаме с северными оленями, которая была на нем. — Неудачная поездка домой?

За все время, что мы друг друга знаем, я немного рассказывала ему о своей семейной ситуации. Пару раз упоминала, что не очень близка с мамой, и что мои сестры огромные занозы в заднице, и, кажется, раз или два упоминала своих приемных родителей, но не вдавалась в детали. Но он знал достаточно.

Я подняла голову, мой взгляд опустился на бороду, которую он отрастил за это время; обычно он каждый день брил свое красивое личико. Светло-синие круги залегли у него под глазами, а щеки были более впалыми, чем две недели назад, и я почувствовала себя эгоистичной идиоткой. У некоторых людей действительно важные проблемы, о которых они переживают, а я тут схожу с ума из-за людей, которые не заботятся обо мне.

— Да, — это преуменьшение. Я покачала головой, на время скрывая ссору со Сьюзи и ее мужем. — Было отстойно. Очень.

Зак улыбнулся мне сострадательной улыбкой, и я приняла ее.

— Почему, думаешь, я не вернулся домой?

А-а-а, черт.

— Я тебя услышала, — склонив голову, чтобы посмотреть на него, я окинула его взглядом. — Ты знаешь, я переживаю за тебя.

Он пренебрежительно фыркнул.

— Со мной все будет в порядке.

Сколько раз я сама произносила эти слова, когда мне казалось, что мир вокруг меня распадается на части? Потянувшись, я положила руку на его бедро.

— Конечно, будет, но это не значит, что я не буду беспокоиться или интересоваться о том, что ты собираешься делать дальше.

Он откинул назад свою голову с волосами песочного цвета, и его вздох разнесся по моей спальне.

— Я, черт побери, не знаю, Ванни, — признался он усталым голосом. — Понятия не имею, что делать.

Может, я и не могу исправить всю эту ситуацию с Эйденем, моей сестрой и Дианой, но, насколько это возможно, могу постараться помочь Заку теперь, когда он, наконец, заговорил об этом.

— Ты все еще хочешь играть?

Он с радостью ответил.

— Конечно.

Это было очень легко.

— Тогда ты знаешь, что должен сделать. Ты снова начнешь тренироваться и заставишь своего агента найти команду, к которой ты присоединишься. Может, не в этом сезоне, но хотя бы в следующем. И никаких «если» и «но». У тебя не должно быть другого варианта, — посоветовала я ему. — Что думаешь?

Зак постукивал по полу своими ногами в носках, и этот размеренный звук сказал мне, что он слушает меня. Он накрыл своей ладонью мою, и я переплела наши пальцы.

— Это либо сработает, либо нет. Ты не узнаешь, если не попробуешь, а если не рискнешь, то, вероятно, закончишь старикашкой, и будешь постоянно задаваться вопросом, что бы произошло, если бы ты не сдался, — я дала ему наставления, освободила свою руку и обняла его.

Он усмехнулся.

— У тебя нет проблем с деньгами? — по некоторым стандартам я не богата, но у меня до сих пор есть мои сбережения, и я горжусь тем, что смогла накопить их сама.

— Я в порядке, — заверил он меня.

Полагаю, это так. Он не любит экстравагантность.

— Если решишь остаться и если будешь хорошим мальчиком, я разрешу тебе пробежать вместе со мной этот марафон в феврале, — добавила я, притянув его к себе, чтобы снова обнять.

Его спина напряглась.

— Ты собираешься бежать марафон?

— Зачем ты думаешь я вообще бегаю?

— Потому что тебе скучно?

Я прочитала очень много исследований о тренировочном процессе для человека, который бежит свой первый марафон, и никто не занимается этим лишь потому, что ему скучно.

— Нет, я просто хочу это сделать. Раньше у меня не было времени на тренировки, и мне нравится вызов, — плюс, я хочу кое-что доказать себе. Сделать это ради моего бедного колена. Что могу сделать все, что захочу.

Я хотела знать, что нет ничего невозможного, и послать свою сестру к черту за то, что она со мной сделала.

Я прислонилась к нему и сделала судорожный вздох, на меня неожиданно нахлынули подавляющие эмоции этих выходных.

— Ты участвуешь или как?

Техасец тяжело вздохнул.

— Что, будешь лузером и сдашься?

Он слегка наклонился ко мне, уголок его рта приподнялся.

— Что я получу за это?

— То же, что и я — личное удовлетворение, что ты сделал то, чего раньше не мог.

Улыбка на лице Зака убила чувство обиды, которое в данный момент я испытывала к Эйдену. Его голубые глаза сияли, и он излучал радость.

— Ты просто лучик солнца, милая, знаешь об этом? Сделать то, чего раньше не мог. Ну, к черту. Запиши меня на это ужасное испытание.

Ага, я, возможно, взвизгнула, удивившись, что он на самом деле принял мое предложение.

— Правда?

— Да, правда, — его улыбка слегка увяла. — Еще раз, этот марафон на сколько километров?

Я вздрогнула, не желая убивать наше соглашение еще до его начала.

— Ты не хочешь этого знать, Зак, — убрав свою руку, я похлопала его по спине. — Ты не хочешь этого знать.

— Твою мать, да?

— Точно.

Мы улыбнулись друг другу.

— С тобой все будет в порядке?

Я кивнула.

— Со мной всегда все будет в порядке.

Через час или два я лежала в своей кровати, по телевизору шел один из моих любимых фильмов с очень тихим звуком (я включила титры), когда послышались три тихих стука в мою дверь.

Три. Это Эйден.

Через секунду раздались еще три тихих, тихих, тихих стука.

Я промолчала и продолжила смотреть «День Независимости».

Он может взять свою настоящую жену и заснуть ее себе в задницу.

— Ты рано встал, — сухо заметила я, когда Зак зашел на кухню, еле волоча ноги.

Большой Техасец сонно приподнял брови. Если бы я не знала его, то решила, что он пьян, но он просто очень устал.

— Хм-м-м.

Ладно. Кто-то не в настроении для разговора, и меня это устраивает. Не то чтобы я проснулась с фантастическим настроением. И мне не помогло то, что первым делом после того, как проснулась, я позвонила брату Дианы, чтобы рассказать о том, что увидела вчера, а он лишь ответил, что его сыновья уже сказали ему о синяках пару дней назад.

— Я пытался поговорить с ней, но она твердит, что ударилась бедром, — объяснил он.

Значит, она придерживается своей истории; но я до сих пор в это не верю.

— Я не верю ей.

Ее брат издал неуверенный звук, отчего я испытала разочарование.

— Не знаю, Ван. Мне тоже не нравится этот придурок, но не думаю, что Ди будет врать о подобном.

Вот основная проблема воспитания в семье, которая обычно честна и открыта друг с другом, — не знаешь, как далеко они зайдут, чтобы скрыть нечто постыдное. И тогда я сразу поняла — он не заподозрит худшее, пока Диана не расскажет своему брату, что Джереми физически причиняет ей боль, или пока она не появится с синяком под глазом.

Этот разговор бессмысленный, и он лишь ухудшил злость, текущую по моим венам последние несколько дней. Признаю, вчера, когда я не ворочалась и не вертелась в постели, я лежала без сна, думая обо всем, о чем не должна. И я знала, что не должна была позволять всему этому волновать меня, но это невозможно игнорировать, когда все это так бьет по мне. И они капля за каплей капают на мою решимость.

Эйден. Мама. Сьюзи. Диана.

Мой технический муж. Моя мать. Моя сестра, хотя я до сих пор хочу получить результат ДНК теста, чтобы подтвердить наше родство. Моя лучшая подруга с детства.

Есть ли в этом мире хоть кто-то, кому я могу доверять? На кого могу положиться? Иногда мне кажется, что только на себя. Можно было подумать, что к данному моменту я уже должна была это знать.

Я хмуро посмотрела в сторону тренажерного зала, откуда доносились звуки бьющихся друг о друга силовых весов. Когда я спустилась вниз, кое-кто уже тренировался. Некоторые спортсмены во время выходной недели уезжают на каникулы или проводят свое время с семьями, но Здоровяк так не поступает. Никогда.

Я должна была быть более осмотрительна.

Когда я договорила и оттолкнула все мысли в сторону, Зак уже насыпал себе в миску овсянку, засунул ее в микроволновку и сел напротив меня за уголком для завтрака. Пазл, который собирал Эйден, украшал середину стола. Мы с Заком одновременно посмотрели друг другу в глаза и улыбнулись. Его улыбка была усталой, а моя — раздраженной, но говорила о том, что я пытаюсь успокоиться.

Мой планшет лежал рядом с миской каши на столе; я рассеянно перелистывала страницы вэб-сайта, который продает дизайны для футболок от внештатных художников. В

прошлом пару раз я продавала им свои работы и хотела посмотреть, есть ли какие-нибудь дизайны, которые вдохновят меня сегодня на работу, если только в последнюю минуту не получу заказ.

Зазвенел дверной звонок — не слишком долго, чтобы стать раздражающим, но и не слишком быстро, чтобы его можно было проигнорировать — и я встала.

— Я открою.

Лицо, которое я увидела в глазок, заставило меня немного улыбнуться. Лесли не заслуживал моего обиженного настроения, когда я и так вижу его лишь пару раз в год.

— Доброе утро, — поприветствовала его я, открывая дверь.

— И тебе прекрасного утра, Ванесса, — улыбнулся в ответ Лесли. — После тебя.

Джентльмен. Я искренне улыбнулась, когда зашла и впустила его, наблюдая, как он закрывает дверь.

— Как ты?

Моя грудь болезненно сжалась в ответ.

— Я в порядке, — ответила я так честно, как смогла. — А вы?

Выражение на его лице застало меня врасплох. Будто он удивлен, что я сказала ему правду, или он вообще не был удивлен, что я не в порядке, и просто подтвердил, что я честна с ним.

— Я жив. О чем еще я могу просить?

Из-за этого я почти возмущенно фыркнула. Иногда, если хочу, я могу быть депрессивной. Даже в моей голове это прозвучало жалко. Мой вдох вышел медленным, контролируемым, и я кивнула мужчине.

— Хорошо подмечено, — я рукой указала в сторону тренажерного зала. — Эйден тренируется. Хотите выпить чего-нибудь?

— У вас есть кофе?

В доме кофе пью только я.

— Я сейчас сделаю.

Сцепив руки за спиной, он благодарно улыбнулся.

— Я ценю это. Пойду и проверю Эйдена.

Лесли заглянул на кухню и поприветствовал Зака, махнув ему рукой, и улыбнулся.

— Доброе утро, Зак.

Я зашла на кухню, когда Лесли ушел в зал, засыпала зерна молотого кофе в кофеварку и нажала на кнопку «варка». К тому времени, как я села на свое место, Зак уже соскребал остатки своего завтрака со стенок миски и выглядел более бодро, чем полчаса назад.

— Чувствуешь себя лучше? — спросил он.

— Не совсем, — это так очевидно? Я приподняла плечо. — Чем будешь сегодня заниматься?

— Тренироваться.

Я подняла кулак, чтобы он стукнул по нему своим, и он просто покачал головой, когда его кулак встретился с моим.

— Хочешь пойти сегодня на пробежку?

Отдаю ему должное, он старался контролировать выражение своего лица, чтобы не съезжиться.

— Конечно.

— Не надо быть таким взволнованным, — рассмеялась я.

Зак мгновенно съежился.

— Я прикалываюсь, Ванни. Во сколько ты хочешь пойти?

— В четыре нормально?

Он кивнул.

— К этому времени я вернусь.

Я снова подняла руку, и мы стукнулись кулаками.

— Надо одеться и выходить, — произнес Зак, уже отодвигая свой стул.

Мы договорились встретиться позже. Сполоснув свою тарелку и убрав ее в посудомойку, он исчез наверху. Желая закончить с оставшимися постами на вэб-сайте, я пролистала еще одну страницу, когда появился Лесли.

— Спасибо, что приготовила его, — произнес он около кофе машины и достал из правильного шкафчика чашку без моей помощи.

— О, пожалуйста, — я выключила планшет, зная, что у меня осталось мало времени до того, как появится Эйден. Я не в настроении мириться с его заскоками. Лишь от одного упоминания его имени у меня закипала кровь.

Настоящая жена.

Чертов мудака.

— Прости, что приехал так неожиданно, — заговорил Лесли со своего места за стойкой, наливая кофе.

Из-за этого я перестала ругать Эйдена в своей голове.

— Не переживайте из-за этого. Все нормально.

— Это не нормально. Я почувствовал себя ужасно, когда Эйден сказал мне, что ты поехала домой.

Дом. Что за слово, чтобы описать Эль-Пасо.

— И я не хотел нарушать ваше уединение. Я помню, каково это — быть молодоженами, — произнес человек, который сильно повлиял на будущее Эйдена.

Молодожены. Меня тошнит.

— Все, правда, нормально. Я знаю, как много вы для него значите, — или, по крайней мере, я отлично представляла, как много этот пожилой мужчина значит для Эйдена.

У Эйдена лишь двое друзей, с которыми он общается время от времени. Видится лично, может быть, раз в год. Кроме них, есть еще Лесли. Лесли, который был его тренером в старшей школе. Лесли, который, как неоднократно говорил Эйден, присматривал за ним и подтолкнул к успеху. Даже через двенадцать лет после окончания школы, они видятся довольно часто. Когда сезон заканчивался, Лесли продолжал тренировать Эйдена в Колорадо. Иногда тренер приезжает и в другое время.

Если это не какая-то форма любви или уважения — по крайней мере, со стороны Эйдена — тогда не знаю, что это.

Но он усмехнулся из-за моего комментария.

— Лишь потому, что он знает, как много он для меня значит.

Как бы ужасно я себя не чувствовала, когда Лесли подошел к островку с чашкой в руках, я немного смягчилась. На его лице сияла улыбка, пока он изучал стол.

— Он все еще этим занимается? — спросил он, указывая на пазлы.

— Все время. Особенно когда у него стресс.

Улыбка Лесли стала шире, превращаясь в задумчивую.

— Он собирал пазлы со своими бабушкой и дедушкой. Не помню, чтобы хоть когда-

нибудь у них дома не было пазла, — он мягко усмехнулся. — Знаешь, после того, как умерла его бабушка, он почти год со мной не разговаривал.

Эм. Что? Его бабушка?

— Даже передать тебе не могу, сколько раз я пытался дозвониться до него, оставлял голосовые сообщения. Даже ездил на несколько его игр в Висконсин, но он избегал меня. Это почти разбило мне сердце, — он сел на стул, который освободил Зак. Его светлые брови приподнялись над краем чашки.

— Только между нами, да? Он все еще болезненно воспринимает данный период своей жизни.

Эйден? Болезненно?

— Когда умер его дед, он был разрушен, но когда ушла Констанс, его бабушка... я не видел, чтобы кто-то был настолько убит горем. Он так любил эту женщину, ты и представить себе не можешь. Он обожал ее. Она однажды сказала мне, что когда он поступил в университет, он звонил ей каждый день, — продолжал Лесли так, будто это не самый великий секрет, который я когда-либо слышала.

Я не могла оставаться спокойной после того, что он рассказал мне. Плюс, у меня было чувство, что, когда Лесли по-настоящему посмотрел мне в лицо, он точно понял, что я ничего не знаю о бабушке и дедушке Эйдена.

За последние пару дней я устала всем лгать, поэтому этому мужчине, который всегда был добр ко мне, я решила сказать правду.

— Я не... он никогда не упоминал о своих бабушке и дедушке. Ему не нравится говорить о таком, — призналась я, дергая дужку очков.

Лесли опустил чашку на стол и слегка покачал головой.

— Это не должно удивлять меня, — конечно, не должно. — Между нами... — он слегка подался вперед, — он самый замечательный человек, которого я когда-либо встречал, Ванесса. Я сотни раз говорил ему об этом, но он не слушает. Он не верит, и я не уверен, что его это заботит. Когда мы впервые встретились, я не мог и предложения из него вытянуть. Одно предложение, ты можешь себе это представить?

Я кивнула, потому что да, да, я могла себе это представить.

— Если бы я попросил его присоединиться к футбольной команде в другой день, а не тогда, когда я это сделал, он бы никогда не согласился. Знаешь, тогда его дед еще был жив. И он уже жил с ними. За день до этого он снова нарвался на проблемы с тренером по лакроссу из-за драки с коллегой по команде, и дед что-то сказал ему — он этого мне так и не рассказал — и он согласился попробовать. У меня ушло четыре месяца на то, чтобы заставить его поговорить со мной, и я был настойчив. Даже тогда это произошло из-за того, что у его дедушки случился сердечный приступ, и у меня было чувство, что ему нужно с кем-то поговорить, — Лесли вздохнул из-за воспоминаний, которые нахлынули на него. — Нельзя прожить свою жизнь, прячась от всего. Тебе нужны люди, один или два человека рядом, чтобы они в тебя верили, и каким бы умным не был этот парень, он этого не понимает.

В какой-то момент я оперлась локтями на стол, опустила подбородок на руки и ловила каждое слово, что он говорил мне.

— Вы хорошо знали его дедушку и бабушку?

— Его дедушка был моим лучшим другом. Я знаю Эйдена с тех пор, как он ходил в памперсах, — рот Лесли дернулся. — Он был самым толстеньким ребенком, которого я

когда-либо видел. Помню, что смотрел ему в глаза и видел силу. Всегда такой серьезный, такой тихий. Но кто может винить его, с такими-то родителями.

Я хотела задать миллион вопросов, но не знала, как.

— Он хороший мужчина, Ванесса. Великолепный. Однажды он тебе раскроется. Я в этом уверен, — добавил Лесли. — Раньше он говорил, что никогда не женится, но я знал — ему лишь надо найти правильную девушку, чтобы убедиться в обратном. Даже горы со временем меняются.

Из-за этого я чувствовала себя идиоткой. Большой, фальшивой идиоткой.

Все это смешалось в моей голове.

Я не настоящая жена. Он не любит меня. Все это не по-настоящему.

У меня в горле снова сформировался неприятный узел, секунду я не могла говорить, пока пыталась собраться с мыслями.

— Я знаю, что он хороший мужчина, — с дрожащей улыбкой, наконец, выдавила я из себя. — И, к счастью, у нас впереди много времени, — добавила я тихо.

По тому, как просветлело лицо Лесли, все у меня в животе скрутилось.

Я — случайность. Обманщица. Фиктивная жена.

Я та, кем сделала себя.

— Он почти закончил? — заставила я себя спросить, убирая руки под стол и сжимая их.

— Почти. Он должен... о, вот и он. Ты нас подслушиваешь? — пошутил Лесли.

Я отодвинула свой стул, пытаюсь обуздать свои эмоции, лицо и тело, и все это для того, чтобы пережить следующие несколько минут, а потом исчезнуть в своей спальне. Я еще не успела дойти до стола, а Здоровяк уже зашел на кухню и направился к раковине.

— Нет, — ответил он и посмотрел на меня своими каре-карамельными глазами.

Сполоснув миску, я положила ее в раковину и едва прислушивалась, как Эйден и Лесли обсуждают его тренировки. Я игнорировала, как футболка прилипла к его потному телу и как он продолжал смотреть на меня. Независимо от того, что мне рассказал Лесли, я не в настроении мириться с Эйденом, даже если он чертовски сильно любил своих дедушку и бабушку.

Так или иначе, мне удалось нацепить на лицо нечто, похожее на улыбку, когда проходила мимо Эйдена, и специально потерлась своим плечом об его, потому что была уверена, Лесли наблюдал за нами.

— У меня много работы. Если понадобится, я наверху, — произнесла я больше пожилому мужчине, чем тому, за кем я замужем.

Ответил лишь Лесли.

И это нормально. «*Это абсолютно нормально*», — заверила я себя, поднимаясь по лестнице. Эйден может сердиться на меня столько, сколько хочет. Я зла на него.

Я только дошла до верхней ступеньки, когда зазвонил мой телефон. Закрыв за собой дверь — потому что кто бы мне сейчас ни звонил, он точно не в списке людей, с которыми я бы хотела сейчас говорить — я подняла телефон с прикроватной тумбочки. На экране высветилось слово МАМА.

Отдаю себе должное, я не выключила телефон, не заматерилась и даже не задумалась над тем, чтобы отклонить звонок. Я ответила на чертов звонок, потому что я мелочная. Потому что мне не из-за чего чувствовать себя плохо.

Я просто не хотела с ней говорить. Ни сейчас, ни в ближайшее время. Вот и все.

— Алло?

— Привет, детка.

Ладно. Из-за этого я закатила глаза.

— Привет.

— Я так о тебе переживала, — заявила она.

Поэтому она ждала почти два дня, чтобы мне позвонить? Потому что так переживала? Черт возьми, я такая стерва.

— У меня все хорошо, — ответила я ей нейтральным тоном.

— Ты не должна была так уезжать.

Человек многое может выдержать, но я уже дошла до грани. Я на краю, и все это моя вина. Если бы не проигнорировала свои инстинкты и не поехала в Эль-Пасо, это можно было предотвратить. Я была идиоткой. И я дала всем вокруг возможность вывести меня из себя.

— Ты...

— Я люблю вас обеих.

— Я знаю, что любишь.

Когда-то, когда я была намного моложе и более незрелой, меня убили бы слова о том, что она любит нас одинаково. Я не психопатка, как Сьюзи. И я не могла понять, почему, когда происходили проблемы, она не могла встать на мою сторону. Но теперь, повзрослев, я поняла, что никогда не могла требовать такого от нее. В плохие дни, я думаю, что сломленные люди могут лишь любить таких же сломленных.

Я, может, и не безупречна, и, может, мои волосы и валяются повсюду, но я поклялась себе очень, очень давно, что никогда не стану такой, как они.

Хотя, это ужасная, чертовски ужасная мысль. Особенно потому, что в качестве примера людей, которыми я не хочу стать, я использую собственную мать и Сьюзи.

Но с меня довольно.

— Я не прошу тебя не общаться с ней, но я сама не хочу иметь с ней ничего общего. Между нами никогда ничего не изменится. Иногда я уживаюсь с Эрикой и Роуз, но это все.

— Ванесса...

— Мам. Ты слышала, что она сказала? Она заявила, что хотела бы сильнее ударить меня тогда машиной. Она попыталась в меня плюнуть. А потом Рики схватил меня за руку. У меня синяки. Мое колено болит каждый день с того дня, как это произошло, — черт возьми, мой голос надломился, как и мое сердце. Почему она не понимает? Почему? — Я не пытаюсь спорить с тобой, но после такого я не могла остаться.

— Ты могла уйти, — ответила женщина, которая в прошлом уходила сотни раз. Она человек, который не умеет справляться со своими проблемами, если рядом нет бутылки.

Черт побери. Я так зла на нее сейчас, что не могу подобрать ни одного слова, которое не было бы грубым и не обидело ее чувства. И я была слишком сосредоточена на себе, что уже не слышала ничего из того, что она говорила. Расстроившись, я закатала рукава своей кофты. Сжав свободную руку в кулак, я даже не пыталась досчитать до десяти. Я хотела что-то сломать, но не сделала этого. Я, черт побери, не буду этого делать. Я выше этого.

— Знаешь что? Ты права. Я, правда, должна бежать. У меня много работы. Позвоню тебе позже.

И в этом вся моя мама. Она не знает, как бороться. Может эту черту я унаследовала от своего отца, кем бы ни был этот парень.

— Хорошо. Я люблю тебя.

Что такое любовь я узнала от своего младшего брата, от Дианы и ее семьи, даже от своих приемных родителей. И это не искаженная, страшная вещь, которая делает только то, что лучше для нее. Любовь наделена чувствами, это забота, и она делает лишь то, что лучше для тебя. И я больше не буду пытаться анализировать то, что моя мать подразумевает под любовью.

В прошлом я слишком часто это делала. В данном случае это лишь слова, которые я использую ради человека, которому нужно их услышать.

— Угу. Я тоже тебя люблю.

Пока по моему подбородку не потекли слезы и не капнули мне на рубашку, я не осознавала, что плачу. У меня горело в носу. На меня нахлынули чувства пяти-шести-семи-восьми-девяяти-десяти-одиннадцати-двенадцати-тринадцати-и-четырнадцатилетней Ванессы, которая все эти годы ощущала лишь одно — боль. Ванесса пятнадцатилетняя и старше ощущала нечто другое — злость.

Злость из-за эгоистичности матери. Злость на то, что она не перестала пить до тех пор, пока нас у нее не забрали. Злость, что меня бросали снова и снова.

Она была нужна мне сотни раз, но в девяносто девяти случаях из ста ее не было рядом, или если и была, то в пьяном состоянии, и от нее не было никого проку. Мама Дианы для меня в большей степени мать, чем она. Моя приемная мать была мне большей матерью, чем та, что подарила мне жизнь. Я практически вырастила сама себя и Оскара.

Но если бы не все то, через что я прошла, меня бы здесь не было. Я не была бы тем человеком, которым стала. Я стала собой не из-за матери или сестер, а вопреки тому, кем они были. И почти всегда я себе нравлюсь. Я могу гордиться собой. Это чего-то да стоит.

Я едва успела вытереть слезы с лица и положить телефон, когда в дверь раздался знакомый тройной стук. Если бы я умела рычать, уверена, то, как исказились черты моего лица, точно передали бы мои чувства.

— Да? — выкрикнула я саркастично, борясь с желанием забраться в кровать как маленький ребенок. Не то чтобы я когда-либо так поступала.

Учитывая, что слово «да» не совсем приглашение войти, я лишь слегка удивилась, когда открылась дверь, и внутрь заглянул мужчина, которого я совсем не хотела видеть в ближайшем будущем.

— Да? — повторила я, прикусив щеку изнутри, чтобы не обозвать его. Уверена, все мои эмоции были написаны на моем лице, мои глаза блестели от слез, и я не собиралась их прятать.

Эйден раскрыл дверь полностью и скользнул внутрь, он быстро осмотрел мою комнату и его взгляд замер на мне; я сидела на краю кровати. Он свел брови вместе, когда стал свидетелем того, что я и не пыталась скрыть. Его рот недовольно сжался. Он схватился рукой за затылок, и я попыталась игнорировать сжавшиеся бицепсы, которые, кажется, увеличились в три раза от этого движения. Когда его взгляд снова скользнул по моему лицу, его кадык дернулся.

— Нам надо поговорить.

Однажды я хотела, чтобы он говорил со мной. Теперь дело не в этом.

— Ты должен проводить свое время с Лесли, пока он здесь.

Его бицепсы дернулись.

— Он согласился, что я могу подняться сюда и поговорить с тобой.

Я прищурилась.

— Ты сказал ему, что мы поругались?

— Нет. Он может понять, что что-то не так, без слов, — Эйден опустил свои большие руки по бокам. — Прошлой ночью я хотел поговорить с тобой.

Но я проигнорировала его стук. Из меня вырвался недоверчивый звук. Какой смысл врать, если он точно знает, что я не спала?

На мгновение Эйден сжал руки в кулаки, а потом скрестил их на груди.

— Прости меня за то, что я сказал тебе вчера.

Меня не впечатлила его прямота, и, уверена, взгляд на моем лице сказал ему об этом.

Но в истинной манере Эйдена, он не позволил выражению моего лица удержать его от того, что он пришел сказать.

— Мне не нравится, когда какие-то проблемы висят у меня над головой, и если у нас с тобой проблемы, мы будем говорить о них. Я имел в виду именно то, что сказал тебе в квартире. Ты мне нравишься настолько, насколько мне вообще может кто-то нравиться. Если бы это было не так, я бы не пришел к тебе со всем этим. Теперь я вижу, что ты всегда относилась ко мне намного лучше, чем просто как к человеку, который выписывает тебе чек. Я замечал это уже некоторое время, Ван. Но я не очень хорош в подобной ерунде.

«Ему некомфортно, или мне просто кажется?» — задалась я вопросом.

— Я эгоистичен и эгоцентричен. Ты это знаешь. Я все время забиваю на людей.

В его словах есть смысл. Он так делает. Я знаю об этом из первых рук.

— Я понимаю, ты не такой человек. Ты не забираешь назад свое слово. Я... я не думал, что тебя будет волновать, если я не поеду, — добавил он осторожно.

Я открыла рот, чтобы сказать ему, что никому не нравится, когда на них забивают, но он заговорил снова:

— Но я понимаю, Ван. Если люди не жалуются мне в лицо, когда я так делаю, не значит, что это не злит их, верно? Я не хотел вести себя как мудака. Я просто хотел убедиться, что ты нормально добралась и не убьешь меня во сне за то, что я тебя кинул. Затем я разозлился.

Я думала о том, чтобы убить его, но меня немного удивило, что и он предполагал, будто я могу о таком подумать.

Прежде чем я успела хорошенько осмыслить данную мысль, Эйден окинул меня мрачным взглядом.

— Если бы ты поступила так со мной... — он выглядел так, будто ему некомфортно от того, о чем он думает, и он с тяжело вздохнул. — Я не справился бы с этим так хорошо, как ты.

Это чертов факт.

— Я не пилила тебя, — заявила я. Потом я подумала над своими словами и мысленно внесла в них поправку «в основном» не пилила.

Он склонил голову набок, будто хотел сказать обратное.

— Ты пилила, но у тебя было на это право. Прямо сейчас со мной много чего происходит.

Моя первая мысль — наступает конец света. Он открывается мне.

Вторая мысль — это же очевидно, что он чертовски переживает.

Я не замечала язык его тела, или напряжение в его плечах, или его голос, когда он говорил, но сейчас, когда пригляделась получше, все стало очевидно. За первый месяц обычного сезона он прошел через многое. Он уже вывихнул лодыжку. Зака выкинули из

команды.

И самое главное — он переживает из-за своей визы и будущего не только в «Трех Сотнях», но и в НФЛ. Его травма станет фактором для всей его карьеры. Если он ошибется люди будут гадать, вернется ли он таким же сильным, как был раньше, даже если это не будет связано с его ахилловым сухожилием.

Парень выглядел так, будто готов сломаться, а сейчас только конец сентября. Я хотела спросить, слышал ли он что-то от адвоката по иммиграции, нашли ли нашу лицензию на брак, или является ли Тревор до сих пор занозой в заднице, начал ли он искать другую команду или лучший контракт, что бы он там ни хотел от следующего этапа его карьеры, но...

Я не спросила. Сегодня плохой день для моих вопросов и его ответов. Я слишком измученная, слишком уставшая и разочарованная.

И в этот момент в моей голове промелькнула искра раскаяния, потому что я поняла, что, возможно, я нарывалась на ссору. Возможно. И, возможно, сейчас не лучшее время, чтобы выливать на него столько хрени, когда у него на плечах уже лежит такой груз.

Плюс, сейчас я не в лучшем настроении.

Но извинения не моя сильная сторона, и мне нелегко это дается, но хороший человек осознает, когда он не прав, и принимает свой промах.

— Прости, что взорвалась. Я разозлилась, что ты не поехал, но я знаю, почему ты меня кинул. Мне просто не нравится, когда люди говорят, что сделают что-то, и затем этого не делают, но у меня так уже давно. С тобой это никак не связано, — я достала эти слова прямо из «Банка Эйдена». Кроме того, за эти выходные многое произошло, что не было его виной. Но я не буду говорить об этом.

В ответ он кивнул, как признание того, что мы оба плохо справились с ситуацией.

— Ну, мне тоже жаль. Я знаю, как для тебя важна твоя карьера, — со вздохом, я протянула ему свою руку. — Друзья?

Эйден перевел свой взгляд от вытянутой ладони к моему лицу, прежде чем принять мою руку.

— Друзья, — во время пожатия он посмотрел на свою огромную ладонь, которая поглотила мою, и на его стоическом лице появилось отвращение. — Какого черта произошло с твоим запястьем?

Ага, я даже не пыталась натянуть рукав ниже и притвориться дурочкой. Я, как идиотка, забыла, что закатала их. Я освободила свою руку из его хватки и позволила гневу еще раз пронестись по моему позвоночнику и шее при мысли о мудаке-муже моей сестры.

В частности, о том моменте, когда он схватил меня за руку и дернул после того, как я накричала на Сьюзи, когда она практически сказала, что жалеет о том, что не убила меня. Но в миллионный раз я не стала спрашивать ее, почему она так меня ненавидит. Что я могла сделать такого в четырехлетнем возрасте, что она стала моим заклятым врагом?

По большей части, я злилась на себя за то, что не предотвратила всю эту ситуацию. И снова, ее муж освободил меня из своего стального захвата в тот момент, когда я подняла ногу и попыталась заехать ему по яйцам, но вместо этого попала по внутренней стороне бедра.

— Ничего.

Взгляд его темно-карих глаз встретился с моим, и, клянусь жизнью, из-за ярости в его глазах я почти перестала дышать.

— Ванесса, — зарычал Эйден, буквально зарычал, когда мягко потянул рукав вверх, открывая синяк над моим запястьем.

Я наблюдала, как он изучает этот глупый, глупый синяк.

— Я поссорилась со своей сестрой, — есть ли смысл не говорить ему, кто это был? Мне хватило одного взгляда на твердую линию его рта, чтобы понять, что он не забудет об этом. — Там был ее муж, и он немного распустил руки, так что я попыталась ударить его по яйцам.

Его ноздри раздулись, а мышца на щеке заметно дернулась.

— Муж твоей сестры?

— Да.

Его щека снова дернулась.

— Почему?

— Это глупость. Не важно.

Он только что заворчал?

— Конечно, это важно, — его голос был обманчиво мягким. — Почему он это сделал?

Я знаю этот взгляд у него на лице — упрямый. Тот, который говорит, что спорить с ним бесполезно. Я не очень хотела распространяться о делах Сьюзи, а еще меньше делиться тем, какие шаткие у меня отношения с третьей по старшинству сестрой. Нам со Сьюзи бы на шоу Джерри Спрингера. Она сделала свой выбор много лет назад, и лишь она виновата в том, что из этого вышло. Мы выросли при одинаковых обстоятельствах, ни у одного из нас не было того, чего не было у другого. Я не чувствовала к ней никакой жалости.

Вытерев руки о штаны, я выдохнула.

— Ей не понравилось, как я смотрела на нее, и мы поругались, — объяснила я, оставив при себе пару деталей и яркие слова, даже если это совсем не объяснение. — Ее муж услышал, как мы спорим... — как она называет меня сукой, а я говорю, что она незрелая идиотка, — и схватил меня за руку.

«Ты чванливая сука. Что дает тебе право думать, что ты лучше меня?» У нее хватило чертовых нервов кричать мне в лицо.

Я ответила ей единственным возможным образом, на который была способна с подавленным во мне гневом.

«Потому что я не какая-то чертова дура, которая любит причинять боль всем в своей жизни. Поэтому думаю, что я лучше тебя».

Мозолистые кончики пальцев Эйдена мягко потерли мой синяк, когда он взял мое запястье в колыбель своих рук, которые были инструментом его мультимиллионного тела. Его щека задергалась сильнее, когда я откинула голову назад, чтобы посмотреть на твердую линию, которую создавала его челюсть, когда он сжимал зубы. Он тяжело дышал, круговыми движениями поглаживая большим и указательным пальцами мое предплечье, а затем спросил:

— Он извинился?

— Нет, — я откашлялась. Все это так неловко, неловко, неловко.

Я заметила, как он сглотнул. В воздухе появилось незнакомое напряжение. Звук того, как он сглотнул, прозвучал громко в моих ушах.

— Он ударил тебя?

И после этого я поняла — вспомнила, почему он так расстроен из-за этой ситуации. Я вспомнила тот момент, который запрятала в дальний уголок своего мозга, потому что

беспокоилась, что меня уволят. Как, черт возьми, я могла забыть об этом?

Почти сразу после того, как я начала работать на мужчину, которого знают как Виннипегская Стена, я поехала с ним в Монреаль на благотворительное мероприятие, которому он жертвовал деньги. После него Лесли, который тогда уже переехал из Виннипега, пригласил меня вместе с Эйденом на ужин с его семьей. В тот день Эйден казался рассеянным, но я думала, может, мне лишь кажется. Тогда я его не знала, не изучила мелкие детали в чертах его лица или тоне, по которым понимала, что он чувствует или о чем думает.

Мы ужинали с Лесли, его женой, двумя его сыновьями и внуком, который оказался самым милым маленьким мальчиком. Весь вечер четырехлетний малыш перелезал с одних колен на другие, и в какой-то момент, к моему удивлению, оказался на коленях Здоровяка. Мальчик протянул ручку и стал изучать лицо Эйдена, мягко и не спеша. Его рука коснулась большого, толстого шрама у линии его волос. Мальчик спросил у него.

— Что случилось? — этим милым, мягким голоском, на который способны лишь дети.

Я слышала этот вопрос лишь потому, что сидела рядом с ним. В противном случае, уверена, я бы пропустила ответ, который он прошептал.

— Я очень сильно разозлил своего отца.

Молчание, которое повисло после его ответа, было удушающим, подавляющим и безудержным. Мальчик моргнул и так и не смог понять ответ, который ему дали; и как он мог? Было очевидно то, как сильно его любили. Эйден посмотрел в мою сторону, и я знала, он понял, что я услышала его, потому что не смогла отвернуться слишком быстро и включить дурочку.

После этого Эйден не произнес ни слова; он не напомнил мне про соглашение о неразглашении, которое я подписала в первый рабочий день, не угрожал моей жизни или будущему, если я расскажу. Так что я и не поднимала эту тему. Никогда.

Отмахнувшись от воспоминаний и симпатии, которая затопила мою грудь из-за того, что Эйдена так тронула эта ситуация, я опустила свой взгляд на его бороду. Я не хотела, чтобы он видел меня, потому что, уверена, он поймет, что я думаю о том, о чем бы ему не хотелось.

— Нет, он не ударил меня. Он все еще жив, — смогла я слегка улыбнуться.

Он не улыбнулся в ответ.

— Ты рассказала кому-нибудь?

Я вздохнула и попыталась вытащить свою руку. Он не отпустил.

— Мне и не надо было. Все слышали.

— И они ничего не сделали?

Его щека дергается?

Я пожала плечом.

— У меня не такие отношения с семьей.

Прозвучало так же ужасно, как и было на самом деле.

Предательство, пронзившее меня в этот момент, снова ударило по мне, сильно и болезненно. Мои глаза наполнились слезами, когда я вновь пережила инцидент, произошедший, когда мне было восемнадцать лет, и который разрушил то, что осталось от треснувшей связи, соединяющей меня с ними. При воспоминании об этом даже мое колено немного разболелось.

Эйден слегка ослабил хватку на моем запястье и спросил меня своим тихим голосом:

— Она твоя родная сестра?

Родная сестра. Я упоминала о своих приемных родителях?

— Да, — я поправила очки. — Мы никогда не были близки. Она очень далека от общепринятого понятия сестры.

— Сколько их у тебя?

— Трое.

— Ты младшая?

— Младшая из девочек.

— Они там были?

— Да.

— И никто ничего не сделал? Ничего не сказал?

Почему мне так стыдно? У меня зашипало в глазах, и я посмотрела в потолок. Мне не будет грустно. Я не собираюсь прятаться.

— Нет.

Он не отводил взгляда от моих глаз.

— Они живут в Эль-Пасо?

— Я так думаю.

Его ноздри затрепетали, он мягко отпустил мою руку, и я мгновенно ощутила потерю тепла его пальцев.

— Хорошо, — он отошел и крикнул через плечо: — Зак!

Какого черта?

— Что ты делаешь?

Он не смотрел на меня и снова выкрикнул имя Зака.

— Мне надо одолжить его машину. Если я туда полечу, то останутся доказательства, что я там был.

Черт возьми.

— Ты... — заикнулась я. — Ты... — в этот раз я закашлялась. — Какого черта ты собираешься делать?

— То, что ты ударила его по колену, меня не успокаивает, — Эйден даже не посмотрел на меня, когда пошел к двери. — Зак!

Ага, слезы в моих глазах решили пролиться именно сейчас. Ну вот. Одна, две, три.

— Ты сошел с ума, Здоровяк.

— Нет. Этот мудака сошел с ума. Твоя семья сошла с ума. Я знаю, что делаю.

Этот псих собирается кого-то избить, не правда ли? Черт побери.

— Ты сделаешь это ради меня?

Черт, у меня занижены ожидания, если из-за этого я становлюсь плаксивой.

Здоровяк остановился около двери и развернулся на каблуках с большей грацией, чем может быть у мужчины такой большой комплекции. Он моргнул, прожигая меня взглядом.

— Мы партнеры. Мы команда. Ты это сказала.

Я молча кивнула, отчего заработала от него взгляд «ты идиотка». Его брови слегка приподнялись, а голова опустилась вперед, будто он готов к спору.

— Если кто-то связывается с тобой, тогда они связываются и со мной, Ван. Я не хочу обидеть твои чувства. Может, я и плохо справляюсь со всей этой дружеской фигней, но я никому не позволю сделать тебе больно и уйти безнаказанно. Никогда. Ты меня поняла?

Мое сердце. Мое бедное, слабое, жалкое сердце.

Я сглотнула и попыталась отбросить в сторону глыбы эмоций, которые заполнили мои вены. Как бы я ни хотела, чтобы Эйден надрал задницу мужу Сьюзи...

— Охранник увидит тебя за рулем его автомобиля, и на воротах камеры.

Эйден наклонил голову и посмотрел на меня удивленным взглядом.

— Ты хорошо над этим подумала, — медленно произнес он.

— Конечно, — ему не нужно знать, что тогда я готовила его убийство. — Поэтому мы должны подождать.

— Мы?

— Да. Я не позволю тебе избить его в одиночку. Я тоже хочу сделать пару ударов, — я приподняла брови и слабо улыбнулась, позволяя напряжению отпустить мои плечи. — Шучу, — вроде как. — Это не важно. Вероятно, я никогда его больше не увижу, а если это и произойдет, их жизнь отстой. А моя нет. Для меня это достаточная месть. Поверь мне.

Ну, по крайней мере, почти всегда.

— Ванесса... — начал он и нахмурился.

Следующие три предложения, сказанные нами, были последним, о чем я думала той ночью, ложась спать.

— Ты была со мной два года, но полагаю, я только сейчас начал понимать, — заявил Здоровяк с торжественным выражением на лице.

— Понимать что?

— Что, вероятно, я должен тебя бояться.

Когда мой телефон издал звук о том, что пришло сообщение, я уже давно пялилась на шаблонные изображения. Отодвинув очки на макушку, я зевнула и подняла телефон.

Сообщение

Миранда П.

Испытывая любопытство — очень сильное любопытство, потому что это первое сообщение, которое я от него получила, — я открыла смс и прочитала его. Затем перечитала. И снова. А затем тупо уставилась на экран компьютера.

Миранда П.: Они узнали.

До того, как поддаться панике, я выпрямила пальцы и сделала успокаивающий вдох. Я уже знала, что это произойдет. По крайней мере, это то, что я говорила себе.

Чем больше я думала об этом, тем больше радовалась, что люди в часовне в Лас-Вегасе не узнали его. Или что люди на улицах ни на что не обращали внимания и не замечали, что мы гуляли там. Или что секретарша в офисе акупунктуры не сделала фотографию и не запостила ее онлайн.

Потому что я, может, и не понимала людей, большинство из них, но понимала любопытных зевак. И любопытные зеваки сделают подобное, не задумываясь дважды. Тем не менее, я напомнила себе, что здесь нечего стыдиться.

Со мной все будет в порядке. Итак, один сайт сплетен написал пост, что мы поженились. Йухуу-ууу. Вероятно, существуют тысячи таких сайтов.

У меня промелькнула мысль, что Диана узнает обо всем, но я разберусь с этим позже. Сейчас нет смысла пугаться. Она единственная, о чьей реакции я переживаю. А чувства и мнения моей матери и сестер точно не возглавляют в данный момент список моих приоритетов... никогда не возглавляли.

Я откинула эти мысли подальше. Я устала злиться и расстраиваться; это влияет на мою работу. Плюс, они достаточно часто в моей жизни выводили меня из себя и заставляли грустить. Я не позволю им испортить еще хоть один день.

Снова взяв телефон, я, подавляя тошноту, быстро написала сообщение Эйдену.

Я: Кто тебе сказал?

Не прошло и двух минут, как мой телефон снова зазвенел.

Миранда П.: Тревор взорвал мой телефон.

У-у-у. Тревор.

Я: Мы знали, что, в конечном итоге, это произойдет, верно? Удачи с Тревором. Я рада, что у него нет моего номера.

А еще больше меня радовало, что у нас не было в доме стационарного телефона, потому что, уверена, в противном случае он названивал бы сюда.

Я еще пару минут смотрела на изображения на экране — отвлекаясь больше обычного — когда мой телефон снова зазвенел.

Это Эйден/Миранда. Я правда должна уже переименовать его.

Миранда П.: Удачи? Я не отвечаю на его звонки.

Что?

Я: Этот псих заявится сюда, если ты не ответишь.

Я эгоистична? Да. Меня это волнует? Нет.

Эйден: Я знаю.

Эм.

Я: Ты всегда на тренировках...

Эйден: Повеселись.

Что за мудака! Я почти рассмеялась, но пришло еще одно сообщение.

Эйден: Я свяжусь с ним через пару дней. Не переживай.

Фыркнув, я написала ответ.

Я: Я не переживаю. Если он заявится сюда, я отправлю его в твою комнату.

Эйден: Ты действительно пугаешь меня.

Я: На заметку, ты и понятия не имеешь, сколько раз спасался от смерти.

После этого он ничего мне не ответил.

На следующий день мой телефон зазвенел, когда я обедала. Я еще не получала никаких угрожающих звонков или сообщений от Дианы, но мне все еще было страшно смотреть на экран. Я, кстати, ничего от нее не слышала с того момента, как покинула ее дом.

Ничего необычного, но я все еще немного нервничала и злилась. К счастью, на экране высветилось имя Эйдена. Я, наконец, изменила его имя в контактах.

Эйден: Ты свободна в это воскресенье?

Технически, я никогда не была свободна, но его вопрос заставил меня задуматься.

Я: Смотря для чего. А что?

Эйден: Приходи на игру.

Эм. Мне это кажется? Он впервые в жизни приглашал меня на одну из своих игр?

Я: *Я была на нескольких твоих играх.*

Эйден: *Ты пять раз встречала меня после игры.*

Он помнит об этом?

Я: *Я встречала тебя пять раз, но посетила я больше игр, спасибо.*

Эйден: *Когда?*

Я: *Пять раз в последнем сезоне. Три раза в предпоследнем. В этом году я не была ни на одной.*

Очевидно же.

Эйден: *Почему?*

Я: *Потому что парень, который обычно доставал мне билеты, больше не играет в твоей команде...*

Эйден: *Зак давал тебе билеты?*

Я: *Кто еще?*

Эйден: *Я мог бы это сделать.*

Тот же самый человек, который не мог сказать мне «доброе утро». То-о-очно. Мой телефон снова пикнул.

Эйден: *Теперь я могу давать тебе билеты. Все, что тебе надо сделать, это сказать мне.*

Я улыбнулась от того, что он написал «сказать», а не «попросить».

Я: *Я этого не знала. Обычно ты берешь билеты только для Лесли. Зак всегда просто давал их мне.*

Эйден: *Приходи в это воскресенье.*

Я: *У меня вроде как есть планы.*

Я лгала. В мои планы входило немного поработать утром и посмотреть пару футбольных игр, чтобы убедиться, что мой квотербек из фэнтези-футбола и любимый принимающий получили работу.

Эйден: *Хочешь, чтобы приехали Тревор или Роб?*

Я: *Это угроза?*

Эйден: *Это факт. Я разговаривал с ними. Они подняли вопрос о том, что ты не приходишь на мои игры.*

Прямо тогда я решила, что не хочу знать, о чем они говорили. Мне и не нужно знать. Если Эйден угрожает мне их визитом, и они знают, что мы подписали документы... мне этого достаточно. Если нужно, я стану участником команды Грэйвс, особенно если это не включает тех двух кретинов.

Я: *Хорошо. Пожалуйста, возьми мне два билета.*

Эйден: *В зоне для семьи?*

Черт, нет.

Я: *Если можно, на трибунах, Здоровяк.*

— Поверить не могу, что ты уболтала меня на это, — прошептал Зак, когда мы вышли из очереди у торговой палатки около фанатской зоны.

Честно, я тоже не могу в это поверить. Когда я подумала о том, кого позвать с собой, то знала — мои варианты ограничены. Либо Диана, с которой я не разговаривала и в которой по-прежнему была разочарована, и, не хочу снова лгать, особенно теперь, когда о нашем браке с Эйденем написали.

Либо парочка людей, с которыми я познакомилась через нее, и мы время от времени встречались. И остался Зак. С тех пор как я переехала в Даллас, у меня не оставалось времени на то, чтобы заводить друзей. Поэтому я пошла к Заку и спросила, не хочет ли он пойти.

Меня не удивило его нежелание.

Но если я чего-то очень сильно хотела, то я это получала, и этот раз не исключение.

Но это не значит, что я должна быть самодовольной. Я похлопала его по руке и повела в секцию, где находились наши места. Раньше он никогда не был на стадионе в качестве болельщика, всегда как игрок, и рассматривал все кругом так, будто это что-то новое. И, возможно, у него на лице даже была насмешка, но я притворилась, что игнорирую ее.

— Ты уверен, что у тебя все в порядке из-за того, что ты здесь?

— Да, — твердо ответил он.

Не уверена, что полностью верила ему, но он отвечал мне так все восемь предыдущих раз, когда я спрашивала. Но я до сих пор ощущала вину за то, что заставляла его смотреть игру после того, как команда отказалась от него чуть больше месяца назад. Но он ответил:

— Я все равно собирался смотреть игру дома.

Чем больше я об этом думала, тем сильнее ощущала вину. Он мог отказаться приходить, но не сделал этого.

— После мы можем пойти поесть мексиканской еды, что думаешь? — я слегка подтолкнула его локтем.

В ответ он только заворчал и кивнул.

У нас отличные места. Такие хорошие, что я не уверена, кого подкупил Эйден, чтобы получить их прямо за день до игры. Мы сидели прямо у линии пятидесяти ярдов, в третьем ряду. Нас окружало море джерси и эмблемы с символами «Трех Сотен», и когда мы заняли свои места, я прямо ощущала напряжение Зака.

Опустив наши напитки, Большой Техасец наклонился ко мне.

— Ты скажешь мне, почему мы сидим здесь, а не в зоне для семьи?

Я скользнула по нему взглядом.

— Мне не нравятся люди, которые находятся там.

Это заинтересовало надоедливую задницу.

— Кто? — прошептал он свой вопрос, его глаза горели интересом. — Расскажи мне. Святой Боже. Из-за своего ответа я почувствовала себя идиоткой.

— Все они?

Зак разразился смехом.

— Почему?

Мне пришлось сделать глоток пива, которое я купила, чтобы мысленно набраться сил и вспомнить тот день.

— Помнишь, когда ты достал мне билеты в ту зону? В первый раз, когда ты пригласил меня? — он не помнил, но это не важно. — Ну, я пошла... и все было похоже на фильм «Дрянные девчонки» только с женщинами, которые давно закончили старшую школу. Они без перерыва говорили друг о друге: кто набрал вес, кто носит сумочку из коллекции прошлого сезона, кто кому изменяет... и у меня разболелась голова. Теперь я одна из них.

— Ты та, кто ты есть, Ван.

Мне немного полегчало. Возможно, я сделала еще один глоток пива, а затем прижалась своим плечом к его.

— Ты мне нравишься, ты же это знаешь, правда?

Он фыркнул и взял свое пиво, делая глоток. Мы уселись поудобнее и наблюдали, как игроки выбегали на стадион, а фанаты поднимались на ноги, и все восемь тысяч кричали во всю силу своих легких. «Три Сотни» играли сегодня со своими главными конкурентами, «Хьюстонским Пожаром», и они были сильны. Я собиралась сделать фотографию и позже отправить приемному папе.

Расстегнув куртку, я освободила руки, чтобы взмахивать ими во время игры, вытащила их из рукавов и поправила подол джерси, которую надела.

Пиво вылилось изо рта Зака ему на колени.

— Ван. Ван. Зачем ты это сделала? — прокричал он, пялясь на меня так, будто я сошла с ума.

Я уселась поудобнее и улыбнулась.

— Потому что ты мой друг, и если кто-нибудь посмотрит, не хочу, чтобы они о тебе забыли.

Несколько часов спустя мы с Заком поехали поесть мексиканской еды и выпить «Маргариты» после игры, и вернулись домой, когда появился Эйден. Он еле волочил ноги по полу и бросил сумку на пол, а выглядел таким усталым и задумчивым, как и всегда после победы.

Не знаю, почему после победы он становился задумчивым, а не ликовал, но мне это вроде как нравилось. Когда команда не выигрывала, он просто выглядел заведенным и обозленным в своей тихой, задумчивой манере. Как по часам, он что-то съел и исчез в своей спальне.

Перемешивая лапшу из киноа (*Примеч. Кинóа (лат. Chenopodium quinoa), или Квинóа, или Кинва (кечуа kinwa) — хлебная зерновая культура*), я улыбнулась ему через плечо.

— Хорошая игра, Здоровяк, — он три раза получил мяч, что совсем неплохо.

— Спасибо, — он замер на месте. — Какого черта на тебе надето?

Я пожалала плечами, все еще помешивая ложкой лапшу в кастрюле.

— Одежда.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

— Джерси? — предположила я, пожав одним плечом.

Краем глаза я заметила, как он обошел меня. Я чувствовала, что он изучал меня. Когда он заговорил, его голос был тихим и осторожным:

— На тебе джерси Зака.

— Ага.

— Ты... ходила на игру в джерси Зака? — он говорил все еще спокойно и аккуратно.

— Угу, — я взглянула на него, он стоял прямо позади меня, спиной к кухонному столу. Его руки были скрещены на широкой груди. — Не хочу, чтобы кто-то забыл, что он квотербек, — объяснила я, прежде чем отвернуться.

Тогда он начал двигаться. Но он так долго ничего не говорил, и я подумала, что он вышел с кухни, но обнаружила, что он сидит за столом в уголке для завтрака, локтями опирается в бедра. Я поняла, что его щека дергается, но он не выглядит злым. Просто... созерцает.

— Ты в порядке?

Он быстро осмотрел кухню и потом посмотрел на меня.

— Нормально.

— Ладно, — таймер для лапши выключился, и я развернулась к плите. Слив воду и вывалив лапшу в миску, я добавила соус с пеканом и овощами, который приготовила ранее, и все перемешала.

Одной рукой я убрала кастрюлю и доску в раковину, и понесла миску туда, где сидел Эйден, и поставила ее перед ним.

— Подумала, ты будешь голоден. Просто помой потом посуду или убери в посудомоечную машину, ладно?

Он поднял голову, и его темный взгляд встретился с моим, у него на лице было написано удивление.

Понятия не имею, с чего это вдруг, но я подмигнула ему.

— Кстати, спасибо за билеты. Они были великолепны.

— Спасибо за еду, — ответил он и встал, буквально в шаге от меня.

В последний раз мы находились так близко друг к другу в Вегасе, и я чмокнула его в губы в часовне, но тогда я была так всем отвлечена, что не могла оценить, какой он чертовский большой и как близко мы стояли.

Потому что он большой. Высокий, у него широкие плечи и грудь, а из-за узкой талии остальная часть его тела выглядела более внушительной. От него исходило невероятное количество тепла и легкий аромат кокосового масла, которое он наносил на лицо каждый раз, когда принимал душ.

Святой Боже, он привлекательный.

Я сглотнула и улыбнулась, будто его присутствие никак меня не волнует. Будто отсутствие дистанции между нами — это обычное явление.

— Хорошо, ну, наслаждайся ужином. Я пойду наверх и посмотрю телевизор.

Он снова поблагодарил меня и пошел за стаканом.

«Какого черта только что произошло?» — задалась я вопросом, как только зашла в спальню и села на край кровати.

Какого черта со мной происходит?

Я сидела в спальне, когда начал звонить дверной звонок. За все время, что я провела в этом доме, никто не приходил. Черт, даже когда я не жила здесь, никто не заходил неожиданно. Ворота общины удерживали посторонних снаружи, а соседи не очень общительны.

Если кому-то нужен стакан сахара, они едут в магазин и покупают его. Я не уверена, кого ожидать, но когда заглянула в глазок, то оказалась полностью застигнута врасплох.

Полностью, абсолютно, на двести процентов застигнута врасплох. Черт побери.

Это Тревор. Менеджер парней. Король всех мудаков.

— Кто там? — закричал Зак откуда-то сверху, скорее всего, из своей спальни. Он вернулся домой час назад, и скоро мы собирались отправиться на пробежку.

— Это Тревор! — прошептала, уверенная, что он меня услышит. Входная дверь крепкая, но не звуконепроницаемая.

Послышался звук. Потом ругательство. Затем слова Зака:

— Меня тут нет.

Дважды, черт побери.

— Ладно! Ты мне должен!

— Конечно! — прокричал сверху предатель, прежде чем захлопнуть свою дверь.

Сжав зубы, я произнесла про себя молитву и открыла замок.

— Привет... Тревор, — фыркнула я и нахмурилась, я даже не пыталась улыбаться и вести себя так, будто рада его видеть. Ведь правда в том, что я совсем не рада. А самое замечательное — мне не нужно притворяться.

Император всех кретинов даже не потратил усилия, чтобы притвориться вежливым. Выражение на его лице сменялось от раздраженного, пустого и шокированного к нахмуренному, а уголки его губ с каждой секундой опускались все ниже.

— Где Зак? — практически выплюнул он.

Что произойдет, если я закрою дверь у него перед носом?

Я знала, Тревор узнает, что мы с Эйденем поженились, и знала, что такое «они говорят об этом», что бы это ни значило. И я понятия не имела, что говорить. Не знала, что известно или не известно Тревору. И мне захотелось обругать себя за то, что открыла дверь до того как поняла, что должна говорить.

Но если кто и может почувствовать слабость в воздухе, так это этот мудака. Я не могла провалиться. Не могла прогнуться. Поэтому я моргнула, а затем отстранено и прохладно посмотрела на него.

— О, привет. У меня все отлично, а ты как?

Его рот превратился в жесткую линию, кожа у темной линии волос натянулась. И мне не показалось, что его веки дернулись.

— Не отвлекай меня. Где Зак?

— Пожалуйста, не пугай меня, — в этот раз я усмехнулась, получая очень сильное удовольствие от его презрительного взгляда. — Зака нет дома.

Тревор уставился на меня своим снисходительным взглядом, и его веко задергалось сильнее.

— Я знаю, он здесь.

— Его здесь нет.

— Ты только что на него кричала! — он ссутулился. — Я слышал вас.

Я окинула его и его дорогой костюм тройку (неуместный для такой погоды) своим взглядом.

— Во-первых, не кричи мне в лицо. Во-вторых, ты все себе вообразил, потому что дома я одна.

Ему не нужно ничего говорить. Я могу слово в слово передать то, о чем он думает, и все это можно составить во фразу «я тебя ненавижу».

Мне он тоже не нравился. Не скажу, что виню его. Я думаю о том же самом, потому что знаю, он слышал меня.

— Ты, правда, собираешься говорить мне, что его тут нет? — спросил он, наклонил голову на миллиметр и посмотрел на меня, прищурив глаза.

Кивнув, я призвала на помощь все свои навыки, чтобы ярко ему улыбнуться, хотя знала, хвастать мне нечем.

Он просто пялился на меня.

И я улыбнулась шире.

— Мне, правда, надо вернуться к работе. Ты должен позвонить ему. Не знаю, когда он вернется.

Этого оказалось достаточно, чтобы вывести его из транса, в котором Тревор был, потому что он покачал головой.

— Поэтому я здесь. Он не отвечает на мои звонки. Он ни на чьи звонки не отвечает, даже на чертовы e-мейлы. Он превратился в Эйдена...

Из-за этого я почувствовала, будто у меня горят уши.

— Эй.

— Это полностью неприемлемо.

Я тяжело вздохнула и сжала зубы, в то же самое время поднимая руку, чтобы остановить его.

— Прекрати, — ага, я сделала это. Ну, что он со мной сделает? Уволит? — Успокойся. Остынь. Не кричи мне в лицо, потому что я закрою перед тобой дверь. Не знаю, почему они не отвечают на твои звонки и e-мейлы, может, подумаешь об этом? Они перезвонят, когда захотят, но я бы тоже тебе не звонила, если бы знала, что получу всю эту хрень. И не говори передо мной плохо о своих клиентах. Мне это не нравится, и это непрофессионально.

С каждым словом, вылетающим из моего рта, его лицо становилось все более красным. В какой-то момент на его шее стала выделяться вена.

— Ты понимаешь, как это работает? — спросил он осторожно, но твердо.

Если он думает, что я отступлю, то его ожидает кое-что еще. Много месяцев назад я бы промолчала и смирилась бы с тем, что технически он мой начальник. Но больше это не так.

— Это ты на них работаешь, верно? — спросила я у него.

— Ты ничего не знаешь, — прошипел он.

Какой смысл тратить на него свое время?

Он дрожит?

— Не знаю, что ты сделала, чтобы заставить Эйдена на тебе жениться, но теперь мы должны это прояснить, — продолжил Тревор.

— Думаешь, я что-то сделала, чтобы женить его на себе? — усмехнулась я, ощущая

легкий приступ паники. Тревор видел нас, когда я работала на Эйдена; и, думаю, он заметил, что между нами нет никаких искр.

Этот придурок кивнул, показывая этим, какой идиоткой он меня считает.

— Ты беременна?

Ответ «нет» был резок и уже висел на кончике моего языка, и я почти ответила ему. Я почти сказала ему, как меня злит его нелепое гребаное предположение. Кем он меня считает?

Распутницей. Он думает, что я распутная золотоискательница.

Конечно, это именно то, о чем он думает. Почему бы и нет? Я даже представить себе не могу, сколько раз, пока мы работали вместе, Эйден ясно давал понять, как мало его волнует мое существование.

Но я все еще оскорблена. И я ничего ему не должна, даже если не беременна.

Сжав зубы, я одарила его сумасшедшей улыбкой.

— Это важно?

— Да, это важно! — рявкнул он, указывая на меня, и его уши покраснели. Клянусь жизнью, только пар из его ушей мог бы улучшить данный момент. — Он сказал, у вас нет брачного контракта, — он буквально задохнулся от негодования. — Когда я подписывал с ним контракт, то это был второй пункт, о котором я предупредил его. Надевай презерватив и подписывай брачный контракт...

Я приподняла бровь, позволяя ему высказаться.

— И из всех женщин в мире... из всех женщин... он женится на тебе. В Вегасе. В тайне и он не сказал мне. Я пытаюсь делать то, что лучше для него.

Невозможно долго слушать человека, который говорит так быстро, и чей голос настолько пронзительный, что напоминает о скрипе мела по школьной доске.

— Тогда делай то, что лучше для него. Я никуда не денусь, и тебе не надо понимать, что происходит между нами. Ты не единственный, кто хочет, чтобы у него все было хорошо. Если твоему маленькому мозгу, размером с арахис, хочется о чем-то переживать, так почему бы тебе не заботиться о том, что действительно важно, например, где он будет играть в следующем году.

Тревор секунду пялился на меня: его горло дергалось, а ноздри раздувались.

— Мозг размером с арахис?

— Наш разговор окончен. Я им передам, что ты заходил. Пока.

И вот так я спокойно закрыла тяжелую дверь, пока он говорил. Я даже не захлопнула ее. И каково этому придурку сейчас?

Мне потребовалась секунда, чтобы понять, как меня обессилил этот разговор. Фух. Пока поднималась в свою комнату, ощущала себя немного болезненно.

Я никогда ему ничего не делала. Ничего плохого, только иногда строила из себя острячку, когда он этого заслуживал. Боже мой.

Когда я подходила к своей комнате, дверь комнаты Зака распахнулась, и в просвете появилось его лицо, большие глаза, нос и рот.

— Прости.

Я отмахнулась от него.

— Ты мне должен. Одевайся, чтобы мы могли выдвигаться на пробежку.

Он сморщил нос.

— Не хочешь вместо этого выйти перекусить?

— Нет, — улыбнулась я ему ярко. — Одевайся и пошли. Тебе надо выбраться из дома, милый.

— Ван, — он почти проскулил, когда я исчезла в своей комнате и закрыла дверь. Прежде чем что-то делать, я вытасила телефон и отправила Эйдену быстрое сообщение.

Я: Мудак нанес визит. Просто предупреждаю тебя.

Я уже разделась, когда запищал мой телефон.

Эйден: Тревор?

Я: Да, если он появится снова, тебе придется вытаскивать меня из тюрьмы.

Это последние слова, которыми мы обменялись друг с другом, прежде чем я ушла.

Следующим вечером я услышала на лестнице шаги до того, как Зак влетел в мою комнату, его носки скользили по полу.

— Здесь Тревор, — прошипел он, приподняв брови.

— Ты впустил его?

Он резко посмотрел на меня.

— Нет, не хочу его видеть. Я услышал, что кто-то припарковался и выглянул в окно. Прежде чем подняться сюда, я сказал Эйдену, что он здесь.

— Ха, — спасибо Богу за маленькое чудо. Сегодня вторник, а значит у Эйдена выходной, так как только что он отыграл игру в Сан-Франциско. Я прищурилась, и Зак прищурился в ответ, потом я приподняла плечо и склонила голову набок.

— Мы будем подслушивать или как?

— Ага, — мужчина, который в последние дни почти не улыбался, наконец, одарил меня улыбкой. Во время нашей семикилометровой вчерашней пробежки, он все время хмурился и дулся, вероятно, мысленно матеря меня. Поэтому я рада, что мы снова начали разговаривать.

Когда я услышала, как открылась и закрылась входная дверь, я подошла к своей двери. Я всю ночь не спала и беспокоилась, что Тревор решит подняться вверх по лестнице и все узнает, потому что если я технически и замужем за Эйденом, на самом деле по-настоящему мы не женаты.

Очевидно же, что это большой недостаток в нашем спектакле. Хорошо, что Лесли джентльмен, и он никогда не поднимается наверх и ничего не выискивает, и это работает в нашу пользу. В противном случае, нам бы предстояло неловкое объяснение.

А потом я поняла, как глупо беспокоиться о том, что Тревор поднимется на второй этаж. Конечно, он этого не сделает. Начнем с того, что Эйден и близко не подпустит его к лестнице.

Но это не значит, что мне не любопытно, о чем они будут говорить.

И именно потому мы с Заком тихо вышли из моей спальни и подошли к верхней

ступеньке лестницы, сели на задницы и прислушались к тому, что происходит внизу. Я могла поставить свой сберегательный счет на то, что Эйден не пригласит Тревор в свою святылище-кухню.

И я совсем не разочаровалась, когда их голоса донеслись из гостиной, и я почти отчетливо слышала их разговор. И я не стала обременять себя воспоминания о последнем разе, когда я их подслушивала.

— Какого черта, Эйд? Я дюжину раз пытался дозвониться до тебя, — произнес Тревор слегка повышенным тоном.

И что же ответил наш умник?

— Я знаю. У меня есть определитель номера.

О, черт, мне хотелось смеяться, когда он так разговаривал с людьми. Ладно, правда, я получала от этого удовольствие лишь потому, что он так разговаривал с Тревором. Мне, правда, не нравился этот парень.

Тишина. Затем раздался низкий голос Эйдена.

— Что ты тут делаешь?

— Пришел увидеться с тобой и Заком, так как никто из вас мне не отвечает.

— Мы говорили неделю назад. Что нам обсуждать сейчас?

— Сказать мне «да, я женился» и «я прослежу, чтобы она ходила на игры», и то, что ты вешаешь трубку, не значит, что мы разговариваем, Эйден. Святой Боже. Почему ты мне сразу не рассказал?

— Это не твое дело.

— Меня касается все, что связано с тобой. Ты женился на своей чертовой ассистентке, чувак. Я узнал об этом только тогда, когда мне позвонил пиарщик команды и спросил про свидетельство о браке, — проорал Тревор.

— Я женился на девушке, которую знаю два года, и которая больше на меня не работает. Она совершеннолетняя, как и я. Меня не ловили за приемом наркотиков. Меня не арестовывали в стрип-клубе. Я не ввязывался в драки. Так что не обращай со мной, как с ребенком, Тревор. Мне это не нравится.

Мы с Заком обменялись впечатленными взглядами.

— Тогда не веди себя как ребенок. Я говорил тебе. Я с самого начала говорил тебе, ты должен думать головой, а не членом, и ты женился на Ванессе во время сезона без брачного договора. О чем ты думал? Она беременна?

— Ты, правда, считаешь, что я думал своим членом? — голос Эйдена был холодным и решительным.

И пугающим. Чертовски пугающим.

— Ты думал не головой, — вырвались глупые слова изо рта Тревора, отчего мне захотелось показать ему язык.

— Не думай, что что-то знаешь, потому что это не так. Ты не знаешь ничего ни обо мне, ни о Ванессе. И если она беременна, не строй такое выражение лица, если не готов столкнуться с последствиями.

Эм... он только что произнес слово на букву «д», не правда ли? Мне это не послышалось?

— Она моя жена, и все, что она когда-либо делала, это присматривала за мной. Не ступай на эту территорию, Тревор. Ты не хочешь это делать, понимаешь меня?

Я, черт возьми, приготовлю ему ужин. Может быть, даже обед.

— Я не это имел в виду, — пробормотал менеджер.

Эйден, возможно, фыркнул, но звук был слишком тихим, и я была не совсем уверена.

И его менеджер, кажется, закашлялся.

— Я ничего не имел в виду, мужик. Успокойся. Ты неожиданно скинул на меня такую бомбу, и это совсем не прогулка по парку. Мы с Робом обсуждали эту ситуацию, и было бы здорово, если бы мы смогли придумать какую-нибудь историю вокруг этого события...

— Ты, правда, думаешь, что я хочу рассказывать о своем браке?

— Это отличная идея. Ты должен...

— Я ничего не должен. В следующий раз, когда ты будешь говорить о ней или о нас, ты должен держать свой рот на замке, и вместо этого сфокусироваться на своей работе. За что, черт побери, ты думаешь, я плачу тебе?

— Никто не разговаривает со мной так, как ты, — придумал отличный ответ Тревор, и его голос был таким же возмущенным, каким, я уверена, он себя чувствовал.

— Никто не приносит тебе столько денег, сколько я. Ты об этом забыл? Никого не касается, что я делаю, когда я не на поле, пока это не что-то негативное. Смирись с этим.

— Отлично, — с покорностью ответил Тревор, и, возможно, в его голосе проскользнули нотки гнева. — Где Зак?

Я посмотрела на Зака и показала ему язык, когда у него на лице появилось обеспокоенное выражение из-за вопроса Тревора.

— Поехал навестить родных, — без труда соврал Эйден, чем удивил меня, потому что не думаю, что хоть раз слышала, чтобы он лгал. Он, как правило, говорил правду, даже если задевал чьи-то чувства, вместо того, чтобы что-то выдумывать.

— Что с вами двоими такое... ох-х. Ладно. Забудь. Просто скажи Заку, что я оставил ему десять голосовых сообщений. Он должен перезвонить мне.

Эйден никак ему не ответил.

После этого я толкнула локтем Зака в ребра и указала пальцем на свою комнату. Я отползла назад и поднялась на ноги. После этого села за свой компьютерный стол и вернулась к последнему проекту, который хотела за сегодня закончить. Вскоре я услышала, как открылась и закрылась входная дверь.

Но я никак не могла избавиться от мысли, крутящейся в моей голове. Не то чтобы я ожидала, что Эйден будет плохо отзываться обо мне...

Но я испытала облегчение, что он защитил мою честь перед Тревором. Наконец-то. Может, я испытывала нечто большее, чем просто «облегчение», если до конца быть честной с самой собой.

Когда через час я спустилась вниз, то нашла Эйдена в гостиной, он, сгорбившись, сидел на пуфике около дивана. Зак предупредил, что уходит в магазин, поэтому я знала, что дома мы одни. Я приготовила салат из киноа размером с четыре обычные порции Эйдена, и три из них упаковала в контейнеры на потом. Наложив себе хорошую порцию, я с миской пошла в гостиную.

Он сидел на том же месте, что и до того, как я ушла готовить. Ноги упирались в пол, тренировочные штаны низко сидели на бедрах, а в руках он держал три маленьких детали из-под пазла. Лежащая перед ним картинка из тысячи деталей была наполовину собрана, и на ней был... летающий дом? Я едва переступила порог комнаты, когда он поднял голову и с любопытством посмотрел на меня.

— Я приготовила кое-что. В холодильнике еще осталось, если ты хочешь, —

предложила я так, будто бы он когда-нибудь отказывался от еды.

Клянусь, его лицо светлело каждый раз, когда я говорила, что оставила ему еду. Это мило и печально, и от этой мысли я заерзала на месте.

— Спасибо, что сказал Тревору то... что ты ему сказал, — выдала я, сразу же мысленно шлепая себя по лицу. Какого черта это было?

Выражение на его лице оставалось открытым, будто он совсем не был смущен тем, что я призналась, что подслушала его разговор.

— Не благодари меня. Я всего лишь сказал правду.

Я приподняла плечо и улыбнулась.

— Все равно, я ценю это.

Он моргнул своими спокойными карими глазами, ноздри раздулись достаточно, чтобы я заметила.

— Ты не представляешь, как ужасно иногда я чувствую себя из-за тебя.

Погодите. Что?

— Почему?

Он подался вперед, убирая в сторону детали пазла.

— Ты благодаришь меня за то, что я защитил тебя, Ван. Ты не должна благодарить меня за подобное.

Я не должна говорить ему об этом, но однажды он не защитил меня, и не стал бы этого делать. Если бы я не согласилась выйти за него, он не встал бы на мою сторону. В данный момент у меня нет дома. И он еще не оплатил мои займы. Мы до сих пор не нашли баланс. Но я просто отказывалась верить, что он сделал это лишь по этой причине.

Какая-то часть меня понимала, что Эйден заботится обо мне... сейчас... как-то по-своему. И я просто не собиралась слишком анализировать данную ситуацию. Не то чтобы я слишком серьезно воспринимала данную ситуацию, просто достаточно серьезно, чтобы оценить ее. Просто это что-то значит, но не все.

— Ну, просто хочу, чтобы ты знал, я не воспринимаю это как само собой разумеющееся. Вот и все.

Он что-то промычал, выражение на его лице было пустым и безэмоциональным, даже вдумчивым.

— Если хочешь, можешь посмотреть телевизор здесь, — добавил он неожиданно.

Какого черта?

— Ты уверен? Не возражаешь, если я составлю тебе компанию? — спросила я более застенчиво, чем собиралась.

Из-за этого он закатил глаза, выдохнул и покачал головой.

— Прекрати говорить и садись, — он кивнул, встал и, не произнося ни слова, ушел на кухню.

Почувствовав себя неудобно, я прочистила горло и села на другой конец дивана, скрестила ноги и положила миску на колени. Схватив пульт, я включила телевизор и начала переключать каналы, пока не нашла свой любимый фильм. Когда Эйден вернулся, то обнаружил, что я смотрю «Валл-И», и если он подумал, что это странно, то ничего не сказал.

Но он не встал и не ушел на кухню.

На следующий день мой телефон зазвонил поздно вечером.

На экране высветилось имя Эйдена. Он лишь дважды звонил мне до этого: когда стоял за дверью моей квартиры и когда кинул меня.

Я ответила.

— Алло?

— Ванесса, — он не спрашивал, я ли это, просто произносил мое имя, как требование.

— Да?

— Моя машина не заводится, — сказал он мне, в его тоне слышались обвинительные нотки, но этого не может быть. О чем он думал? Что я поехала и заминировала его стартер? Если я не сделала этого, когда он бесил меня, зачем мне делать это сейчас?

— У тебя сдох аккумулятор? — спросила я, запутавшись. Он арендовал ее лишь год назад, и аккумулятор не мог разрядиться так быстро.

Он резко пробормотал что-то себе под нос.

— Я уже позаботился об этом. Сюда едет эвакуатор.

Эм.

— Ладно. Тогда что тебе нужно?

— Ты можешь забрать меня? — прямо спросил он.

Я моргнула, удивленная, что он звонил мне, а не вызвал такси.

— Эм. Конечно. Где ты?

— Я в главном здании. Где тренируется команда, — ответил он, уверенный, что я знаю, где это место. В прошлом я пару раз бывала там. — Еще мне надо забрать кое-какие документы из офиса иммиграционного адвоката.

Я вздохнула, поглядывая в окно на грозу, бушующую снаружи. Ненавижу ездить во время дождя, но он редко просит меня о каких-либо одолжениях... если они не важные и не судьбоносные.

— Конечно, приеду так быстро, как смогу.

Он пробормотал:

— Спасибо, — слова прозвучали вынужденно, и он повесил трубку.

Кое-что не меняется, не так ли? Я улыбнулась, сохранила свою работу, взяла сумку и спустилась вниз, чтобы забрать ключи. Очень быстро я доехала до здания, в котором, думала, никогда больше не окажусь, и показала на воротах охраны старый пропуск, который Эйден дал мне.

Когда я подъезжала к правильному зданию и парковала машину, зазвонил мой телефон, до смерти напугав меня. Я почти ожидала, что это Эйден, поэтому удивилась, когда на экране высветилось имя Дианы.

— Алл...

— Как ты могла не рассказать мне? — закричал на том конце знакомый голос.

Черт.

— И тебе привет.

— Не говори мне «и тебе привет», *cabrona* (сучка).

Ладно. Она использовала слово «сучка». Это показывало, насколько она зла.

Достаточно честно.

— Ты хочешь услышать, откуда я узнала? — не хочу, но она не стала ждать подтверждения ответа, который и так знала. — Мне сказал Родриго!

Я поморщилась.

Как будто я и в первый раз ее не расслышала, она снова закричала.

— Родриго!

Я не собиралась извиняться. Знала, от этого станет только хуже. Я в курсе, как все с ней работает. В данном случае, лучшее, что я могла сделать — позволить ей разносить меня.

— Ты вышла замуж и не сказала мне!

Я молчала и смотрела на здание, чтобы убедиться, что Эйден не вышел наружу.

— Это потому, что ты думала, что я всем расскажу, не так ли?

Это, определенно, неправильный вопрос для поиска ответов. Так что я держала рот на замке.

— Ты меня больше не любишь? Это так? Я для тебя теперь старая пластинка?

Я все еще молчала.

— Не могу в это поверить! — вскрикнула она, и звук отозвался эхом. Зная ее, она, вероятно, в своей машине. — Я собираюсь ударить тебя по половым органам.

На этом я нарушила свое молчание.

— Хотела бы я увидеть, как ты пытаешься, — она не росла с моими сестрами. А вот я знала, как драться с девчонкой.

По крайней мере, лучше, чем она.

— Нет! Не разговаривай со мной прямо сейчас, — настаивала она. — Ты не сказала мне, что вышла замуж. Ты на испытательном сроке, а мне надо вернуться на работу. У меня перерыв на обед. Если в этом году ты хочешь вернуться в мой хороший список, мне нравится клубника в шоколаде.

На это я фыркнула. Она выжила из своего чертова ума.

— Ты должна мне.

На этом она повесила трубку, а я заехала на парковку, которую искала. Я опустила голову на руль. Все прошло одновременно и лучше, и хуже, чем я ожидала, но я испытала небольшое облегчение из-за того, что все тайное стало явным.

Осматривая пустую парковку, я барабанила пальцами по рулю. Я сомневалась, выбираться ли мне наружу, когда сверкнула гигантская молния и окрасила дождливое лавандово-серое небо зазубренными полосами. Шли минуты, а он так и не вышел из здания «Трех Сотен».

Черт побери. Прежде чем передумать, я выпрыгнула из машины, в миллионный раз ругая себя за то, что не взяла зонтик и резиновые сапоги, и побежала через парковку, прямо через двойные двери.

Оказавшись внутри, я осмотрела коридор, высматривая Здоровяка. Женщина за стойкой регистрации с любопытством посмотрела на меня.

— Могу я вам чем-то помочь? — спросила она.

— Вы видели Эйдена?

— Эйдена?

Тут, правда, так много Эйденов?

— Грэйвса.

— Могу я спросить, что вам от него нужно?

Я прикусила щеку изнутри и улыбнулась женщине, которая меня не знала, таким образом, понятия не имела, что я знаю Эйдена.

— Я здесь, чтобы забрать его.

Очевидно, она не знала, что со мной делать. Прямо сейчас я точно не похожа на девушку профессионального футболиста. Так как я не планировала выходить из дома, то даже не накрасилась.

И не надела нормальные штаны. Или рубашку. На мне обрезанные шорты и футболка, у которой я ножницами отрезала рукава. Плюс дождь снаружи, который совсем не помог моим волосам. Сейчас они напоминали бирюзовое облако.

К тому же, мы совсем не похожи друг на друга, поэтому не сойдем за брата и сестру. Как только я открыла рот, запахнулись двери, соединяющие передний холл с остальной частью учебного центра.

Мужчина, которого я искала, весь такой импозантный, большой и потный вышел из дверей с сумкой, переброшенной через плечо. Он выглядел угрюмо, впрочем, как и всегда.

Из-за его раздраженности я слегка улыбнулась.

— Готов?

Кончиком своего подбородка он выказал кивок.

Пока он шел ко мне, я ощущала на нас взгляд администратора, но была слишком занята Сварливыми Штанишками, чтобы смотреть на кого-то еще. На секунду он посмотрел на меня своими карими глазами, и в этот раз я улыбнулась необдуманно.

Он окинул меня взглядом.

— Из-за чего ты улыбаешься?

Я пожалала плечами и покачала головой, пытаюсь соорудить невинный взгляд.

— О, просто так, Солнышко.

Он пробормотал губами «Солнышко», посмотрев в потолок.

Вместе мы побежали к моей машине. Распахнув дверь, я запрыгнула внутрь и, пожившись, завела машину и включила печку. Эйден сел внутрь грациознее, чем я, промокший, но не так сильно, как я.

Пока пристегивался, он смотрел на меня, и я бросила на него косой взгляд.

— Что?

Качая головой, он расстегнул свою сумку, которая лежала на его коленях, и вытащил оттуда пресловутое черное худи, которое он носил. А потом он протянул его мне.

Я могла лишь пялиться на него. Его излюбленная, не какая-то там брендовая, очень-очень большая кофта. Он предлагал ее мне.

Когда я только начала работать на Эйдена, то помнила, как он давал мне специальные указания о том, как хочет, чтобы ее стирали и сушили. В мягком режиме, а потом просто вешала ее высохнуть. Ему нравилась эта вещь. У него могло быть сотни таких, но это не так. У него лишь одна черная кофта, которую он носил постоянно, а иногда надевал синюю.

— Для меня? — спросила я как идиотка.

Он встряхнул ее, закатив глаза.

— Да, для тебя. Надень ее, пока не замерзла. Если у тебя случится пневмония, я бы не хотел о тебе заботиться.

Ага, я проигнорировала его раздраженный тон и сосредоточилась на «не хотел», когда взяла у него кофту и, не сказав ни слова, надела ее. Я держала в руках его кофту, как золотую медаль. Как будто мне дали заветную, семейную реликвию. Драгоценность Эйдена.

Всю дорогу до дома время от времени я смотрела на него. Радио не работало, но одно дело молча есть вместе за стойкой, и совсем другое — когда мы молча сидим в машине.

— Они сказали, что случилось с твоей машиной? — заставила я себя задать вопрос.

— Водитель сказал, что-то с компьютером.

В этом есть смысл. Я сжала руль сильнее, когда на горизонте молнии засверкали ярче.

— Твоя тренировка прошла хорошо?

— Нормально.

— Пожалуйста, расскажи мне больше, — хихикнула я. — Ты же выиграл все свои игры.

— Едва ли, — ответил он голосом, который, казалось, застрял между разочарованием и гневом.

Только вчера я видела новостной отрывок об этой суперзвезде команды «Три Сотни», как он пару дней назад играл и каким потрясающим был.

— Этот парень из команды «Грин Бэй» был огромен.

Даже смотря вперед, я ощутила, как он оскорбился.

— Он не такой уж и большой, — поправил он меня раздраженно.

Но он такой. Я видела фотографии парня, против которого играли «Три Сотни», и я видела его по телевизору. Парень ростом под два метра, весом со сорок килограммов; он, определенно, крупнее Эйдена, и даже я знала, что все эти лишние килограммы не чистые мышцы, но он все же был большим.

Но я держала рот на замке и не настаивала, что он не прав. Я могу притвориться, что его оппонент не размером с Делавэр. (*Примеч. Название одного из штатов США*). Это точно.

— Ну, твоя команда победила.

Эйден поерзал на своем месте.

— Я мог сыграть и лучше.

Что я могла на это сказать? Я просидела на достаточном количестве его интервью с людьми, которые вечно заискивали перед ним, и знала, Эйден впитывал каждое свое несовершенство и каждую ошибку, которую когда-либо совершал. Это глупо и прекрасно, как многого он от себя ожидал. Для него все всегда недостаточно хорошо. Согласно его словам, ему еще много над чем надо работать.

— Ох, Эйден.

— Что?

— Ты лучший в стране, и я говорю об этом не потому, что хочу быть милой, и для тебя это ничего не значило.

Из него вырвался пренебрежительный звук, и он щелкнул своими длинными пальцами, которые лежали у него на колене.

— Я хочу, чтобы меня помнили через много лет. Для этого мне надо выиграть чемпионат.

Его тон задел что-то в моем мозгу, ту часть, которая в течение многих лет отговаривала меня от того, чтобы уволиться.

— Тогда ты будешь счастлив? — спросила я осторожно.

— Может быть.

Не уверена, что именно в его ответе «может быть» взволновало меня.

— Ты выигрывал звание лучшего Защитника три раза из восьми, Здоровяк. Не думаю, что тебя когда-либо забудут. Просто говорю. Ты должен гордиться собой. Ты тяжело ради этого работаешь.

Он не согласился и не опроверг мои слова, но когда я повернулась к пассажирскому окну, то заметила, что он смотрит в окно, и у него на лице самое задумчивое выражение, которое я когда-либо видела.

Может быть.

С другой стороны, мне, вероятно, это показалось.

Мой телефон громко зазвенел из держателя, где я его оставила. Я посмотрела на него, но он был повернут экраном вниз, и я не могла посмотреть, кто звонит, не взяв его, и я чертовски точно не собиралась этого делать, особенно когда дождь стал сильнее биться о лобовое стекло. Так же быстро, как телефон начал звенеть, он замолчал.

И зазвенел снова.

— Собираешься отвечать? — спросил Эйден.

— Не люблю разговаривать по телефону за рулем, — объяснила я, когда телефон перестал звонить.

Он хмыкнул.

А затем звонок раздался снова.

Он со вздохом схватил телефон и посмотрел на экран.

— Это твоя мама.

Вот черт.

— Не...

— Алло? — ответил Здоровяк, поднеся телефон к своему лицу. — Она занята, — я повернулась голову и увидела, как его нижняя губа слегка выпятилась. — Я ей передам, — по гневу, с которым он ответил, стало понятно, что это последнее, что он собирался делать.

Как насчет этого. Прежде чем я успела его поблагодарить за навыки ответа на звонок, он коснулся экрана телефона и убрал его обратно в держатель. У меня внутри зародилось беспокойство, и я прочистила горло.

— Моя лучшая подруга, наконец, узнала, что мы поженились.

— Я думал, ты сказала ей.

— Она знала, что мы собираемся это сделать, но я не сказала ей, что это случилось. Она заявила, что ей рассказал брат, так что мне интересно, откуда он это узнал.

— Она тебе не сказала?

Снова прокручивая наш разговор, я улыбнулась.

— Нет. Была слишком занята, крича на меня.

Эйден задумчиво заворчал.

— Наверное, поэтому звонила мама. Обычно ей звоню я, — кроме того раза, когда она позвонила после неудачной поездки в Эль-Пасо. Лишь думая об этом, я снова начала злиться. Может, мне надо подождать и перезвонить ей... в следующем месяце. Я отмахнулась от горькой мысли.

— Где офис твоего адвоката?

Тридцать минут спустя я заехала на многоуровневую крытую стоянку, прилегающую к высокому офисному зданию.

— Я подожду здесь, — сказала я, выключив мотор.

Эйден покачал головой, открывая дверцу машины.

— Пошли со мной.

Я осмотрела свои ноги и качнула головой.

— Я не одета...

Здоровяк смотрел лишь мне в лицо.

— Ты всегда хорошо выглядишь. Пошли.

Он не ждал, что я начну спорить. Просто закрыл дверь.

Я заворчала себе под нос и вышла, подтянула ниже подол кофты Эйдена и поняла, что она доходит до края моих шорт... Великолепно.

Обреченно вздохнув, я заметила, что Эйден ждет меня. По крайней мере, у него хватило благопристойности не высмеять меня за то, как ужасно я выгляжу. Мост, по которому мы шли через парковку, сотрясали гром и молния, и возможно, я шла чуть быстрее, чем обычно.

Эйден едва открыл передо мной дверь, когда свет внутри на секунду замигал.

Пока мы шли к лифту, свет отключался еще дважды. А потом, когда Здоровяк нажал на кнопку лифта, он моргнул снова.

Я замерла, осматривая пустой коридор.

— Может, нам пойти по лестнице?

Он бросил на меня косой взгляд, который сказал все, что он думает, — ты идиотка, Ванесса. Вместо этого, словами он сказал:

— Я слишком устал.

Ох. Ага.

— Ладно.

Прежде чем я успела обдумать все последствия поездки в лифте во время грозы, двери разъехались. Внутри уже находилась парочка, и, когда мы зашли, они сместились в угол.

Я не упустила то, как у мужчины распахнулись глаза, когда Эйден отошел в противоположный от них угол. Я прижалась к ближайшей к нему стене.

— Какой этаж, Здоровяк?

— Шестой.

Когда я нажала на кнопку и двери закрылись, свет снова замигал. Пока лифт медленно поднимался, в моем животе разлилось беспокойство. Лифт дернулся и остановился, огни замигали и погасли, оставляя нас в абсолютной темноте.

Раз, два, три, четыре...

Твою мать.

Твою же чертову мать.

Я попыталась моргнуть, когда другая женщина в лифте завизжала, и ее партнер спросил:

— Какого черта?

Не зажглось даже аварийное освещение.

Везде было темно.

Разве здесь не должно быть резервного освещения?

Паника мгновенно сдавила мне горло. Ладно, она охватила все мое тело, каждая мышца в моем теле до боли напряглась. Мне стало тяжело дышать, меня начало трясти. Я зажмурилась, игнорируя перешептывающуюся в углу пару.

Ладно. Ладно.

Все нормально.

«Все будет нормально», — говорила я себе.

Я в порядке.

Это просто недолгое отключение из-за грозы; в таких больших зданиях есть резервные генераторы, которые скоро заработают.

Не правда ли?

Я стала ощупывать стену рядом с собой, ища панель, и моя рука наткнулась на щель в металле, которую я полностью исследовала. Она прямоугольной формы, и я поняла, что в ней должен находиться аварийный телефон. *«В лифтах, — думала я, — есть аварийные линии...»*.

Защелка легко открылась, и я вытащила оттуда маленький телефон. Мне ничего не было видно, пока я ощупывала все изнутри, и не нашла никакую панель для набора. В трубке я даже гудков не слышала. А лифт не двигался. Свет не возвращался.

Я держала телефон у своего уха, но на том конце не было ни звука.

Зарядка села. Полностью сдохла.

Мне показалось, что мой желудок опустился к коленям.

Было так темно, что когда я поднесла руку к лицу, то не видела своих пальцев. С каждой секунду я дышала все громче, моя грудь вздымалась при каждом быстром, беспокойном вдохе, и такого со мной не случалось уже давно.

Но прошла еще минута, и я так и не услышала гудения, которое сигнализировало бы о том, что вернулась мощность. Ничего не изменилось и через три или четыре минуты, и страх, который я пыталась игнорировать, усилил на мне свою грубую, жадную хватку.

— Ванесса?

Вот черт, черт, черт.

Я не могу дышать. Не могу дышать. Не могу дышать.

Я думать не могу.

— Ванесса, — снова послышался голос Эйдена, шепот, строгий и напряженный в маленьком пространстве. — Какого черта ты делаешь?

Я зажмурилась. Борись, борись, борись.

— Ничего, — удалось мне прохрипеть.

Прекрати, прекрати, прекрати, прекрати, прекрати. Успокойся. Все в порядке. Все хорошо. Ты всего лишь в лифте. У тебя все хорошо.

Но у меня не все хорошо. У меня и близко все не в порядке.

У меня астма. С каких пор у меня астма?

Моего плеча коснулась рука, когда я слепо вернула телефон на место, а потом, сгорбившись, вцепилась в свои колени, прижимая их к груди.

Думай, Ванесса. Думай.

— Вы Эйден Грэйвс, не так ли? — раздался мужской голос.

— Да, — отрезал в ответ Эйден ворчливо, тон его голоса не терпел никаких дальнейших вопросов. Когда я боролась за следующий вдох, рука на моем плече сжалась.

— Ванесса, — повторил он мое имя.

Дыши, дыши, дыши.

Но я не могу. Я паникую. Я сжала ладонями колени сильнее и смогла каким-то образом быстро вдохнуть.

Думай.

У меня все хорошо. Лифт не такой уж и маленький. В какой-то момент свет снова включится. Я резко вдохнула через рот.

— Сядь, — зашипел Эйден, рука на моем плече надавила достаточно, и я не собиралась спорить, опускаясь на колени.

Мои ключи! Я похлопала руками по карманам толстовки Эйдена, и, наконец, нашла

комок, который искала, в правом кармане. Я вытащила ключи, и пальцами сдвинула гладкую, металлическую трубку, которую я всегда ношу на связке ключей. Щелкнула маленькой кнопкой на задней панели... и ничего.

Не работает.

Мой телефон! Я начала ощупывать карманы, ища его, а затем вспомнила, что видела, как Эйден положил мой телефон в держатель в машине. Мной овладел страх.

— Успокойся, — настаивал Эйден в темноте.

«Ты в порядке. В порядке. В порядке. Ты в лифте. Ты в порядке», — напоминала я себе.

— Ванесса, — я ощутила около своих коленей исходящий от его тела жар. — С тобой все хорошо, — заявил он твердо.

У меня паника, и мне некогда смущаться того, что я не могла дышать. И я уж точно не могла и рта раскрыть, чтобы заговорить, и, конечно, точно не могла пререкаться с ним из-за того, что он раскомандовался.

На мое плечо опустилась его вторая рука, большая и твердая.

— Ты в порядке, — в темном лифте раздалось низкое, грубое бормотание Эйдена.

— Что с ней такое? — спросил незнакомый голос с другого конца лифта. — Она в порядке?

— Сделай глубокий вдох, — он большими пальцами поглаживал мои плечи, игнорируя вопрос незнакомца. — Дыши.

Дышать? Я пытаюсь, но ощущаю лишь удушье.

— Через нос... давай же. Вдох. Выдох через рот. Успокойся, — пальцами он выписывал на мне маленькие, почти злые круги. — Дыши медленно. Медленно. Вдыхай через нос, выдыхай через рот, — в любой другой ситуации меня бы удивил его спокойный и расслабленный тон.

Каким он был мягким и неторопливым. И как он не похож на человека, который сначала, как только понял, что со мной что-то не так, наорал на меня.

— Ты в порядке, — скомандовал Эйден, сжимая свои руки. — Успокойся. У тебя все получается, — помогал он мне сделать еще один дрожащий вдох. — Я прямо здесь, — его дыхание опалило мою щеку, когда он ладонями обхватил мои предплечья.

— Я без тебя никуда не уйду, — он сжал меня руками, его слова звенели в моих ушах. — Ты не одна.

Я в порядке. Я в порядке.

Я сделала еще несколько быстрых вдохов, прежде чем смогла вдохнуть по-настоящему, и не ощущать, будто тону. Я быстро переместилась со своих израненных колен на задницу и прижала их к груди.

— Дыши, дыши, дыши, — командовал Эйден.

Я не могла заставить себя открыть глаза, но это нормально. Меня все еще трясло, но с этим можно жить, пока воздух поступал в мои легкие. Через нос, выходил через рот, как и говорил Здоровяк. Мое дыхание было более резким, чем обычно, но я все же дышала.

— Получается? — переместился рядом со мной Эйден, его колено касалось моей ноги, когда он сел рядом со мной.

— Да, — выдохнула я, прижимаясь лбом к коленям.

Я в порядке. Я в норме.

Мое тело сотрясала сильнейшая дрожь, будто заявляя об обратном.

Со мной все хорошо. Один вдох, один выдох. Я зажмурилась. Я не одна. И чтобы в этом

убедиться, я провела рукой по своему колену, скользнула ею по бедру, пока не коснулась Эйдена. Пальцами я задела край его футболки и сжала тонкий материал.

Я не одна. Я в норме. Я вздрогнула, и мои мышцы сжались.

— Лучше?

— Немного, — пробормотала я, потирая кончиками пальцев прошитый подол его майки. Прекрати вести себя как ребенок. Ты не умираешь. С тобой все хорошо. Я заставила себя открыть глаза и поднять голову, пока не прислонилась ею к стене позади себя. Я совсем ничего не видела, но все нормально.

Я в порядке.

Один глубокий выдох через рот, и я стала дышать спокойнее. Другая пара в лифте к данному моменту перешла на очень тихий шепот, и я не понимала, о чем они говорят. Эйден, с другой стороны, как всегда молчал, его глубокое дыхание сказало мне, что на него никак не повлияло то, что произошло из-за чертовой погоды и лифта.

И снова, если бы меня так сильно не пугали темные и маленькие пространства, то ничто из этой ерунды не показалось бы мне важным. Мы не навсегда застряли внутри, и лифт вдруг не упадет, и мы не умрем.

Надеюсь.

Вдруг лифт резко дернулся, женщина в углу закричала, а лампы в потолке на секунду замигали и снова погасли.

К черту все это.

С навыками, которыми не знала, что обладаю, я приподнялась и скользнула на колени Эйдену так быстро, что даже не поняла, что делала, потому что если бы я над этим задумалась, то уж точно никогда такого не сделала бы. Ни в коем чертовом случае. Но, если честно, я поступила именно так.

Я у Эйдена на коленях. Он сидел, его ноги были скрещены, мускулистые бедра обхватывали как в коконе мои бедра, его подбородок находился прямо около моего уха. Меня охватила дрожь.

Эйден выпрямился позади меня; его бедра напряглись под моей попой.

И именно тогда я ощутила стыд.

— Прости, — извинилась я, поднимаясь.

Его ответом стало:

— Заткнись.

Он положил руки на мои голые голени, притягивая меня обратно к нему; моя спина прикоснулась к его твердой груди, и я поняла, что его футболка полностью промокла из-за дождя. Но мне было плевать. И его ноги расслабились подо мной.

Мне казалось, будто я сидела на кресле-мешке. Большом, твердом, мокром мешке, который дышит... и у него две руки, которые обнимают мои голые колени. И у меня вырвался жалостный, глубокий вдох, и я расслабилась в объятиях Эйдена.

Большим пальцем он круговыми движениями поглаживал чувствительное местечко на внутренней стороне моего колена, вызывая у меня очередной вздох.

Здоровяк пробубнил что-то у моего уха, его теплое дыхание подействовало на меня успокаивающе.

— Не хочешь рассказать, из-за чего все это? — шепотом спросил он.

— Не очень, — пробормотала я, сцепляя руки на коленях.

Он насмешливо усмехнулся и замолчал, пока...

— Ты сидишь на мне. Полагаю, ты мне должна.

Я снова попыталась вырваться, хотя мне этого не хотелось, но эти большие руки сжали меня еще сильнее, он раскрыл свою ладонь, и теперь его пальцы накрывали мое колено и часть моего бедра.

— Прекрати. Я дразню тебя, — сказал он.

Дразнит меня? Эйден? Я вздохнула, не открывая глаз.

— Я боюсь темноты, — как будто это не очевидно.

Он, кажется, даже не дышал.

— Ага, это я понял. Я бы дал тебе свой телефон, чтобы использовать его как фонарик, но после того, как я с тобой поговорил, у меня села батарея.

— Ох. В любом случае, спасибо, — я сделала еще один глубокий вдох. — Я, правда, боюсь темноты, как здесь, когда я не вижу ничего. Это началось, когда я еще была ребенком, — объясняла я напряженно.

— Почему? — встрял он.

— Что, почему?

Из него вырвался раздраженный вздох.

— Почему ты боишься темноты?

Я хотела спросить, на самом ли деле он хочет знать, но, конечно же, это так. Я не обязана желать рассказать ему — да я никому не хочу об этом рассказывать — но в его словах есть смысл. Мне двадцать шесть, а я сижу на его коленях после приступа панической атаки, и все потому, что выключился свет. Полагаю, я вроде как должна ему.

— Это глупо. Я знаю, что это глупо. Ладно? Когда мне было пять, мои сестры... — хотя уверена, я должна винить Сьюзи, так как именно она была главным умом этого инцидента... — заперли меня в шкафу.

— Поэтому тебе страшно? — хватило у него смелости спросить до того, как я успела продолжить.

— На два дня без света, — закончила я.

Отреагировал Эйден не голосом, мне показалось, будто пришло в движение все его тело. Миллиметр за миллиметром он полностью напрягся, от пальцев ног до макушки.

— Без еды и воды?

От меня не ускользнул тот факт, что он подумал о такой маленькой детали. И это самая ужасная часть. По крайней мере, сейчас я думала, что это самая ужасная часть истории.

— Они оставили мне воду и конфеты. Еще чипсы.

Эти сучки, даже в семь, восемь и девять лет уже были порочными. Они все спланировали.

Она запланировали запереть меня там, потому что не хотели за мной присматривать, пока мамы нет дома. Ради всего святого, они не хотели играть со мной. Прежде чем уйти, они насмехались надо мной за дверью.

Я вздрогнула, хотя мне этого и не хотелось.

— Где была твоя мама? — спросил он своим устрашающе спокойным голосом.

Не уверена, что вдруг в этих воспоминаниях, которые я оттолкнула подальше, заставило меня чувствовать себя пульсирующей, болезненной раной. Из меня вырвался неконтролируемый длинный вздох.

— Думаю, тогда она с кем-то встречалась. Возможно, это был отец моего младшего брата.

Я плохо все помню. Он несколько лет то появлялся, то исчезал из наших жизней. Единственное, что я точно знаю, тогда ее дома не было.

— Иногда она на несколько дней исчезала, но это было моим бременем.

— Кто тебя выпустил?

— Они, — они открыли дверь и издевались надо мной за то, что я повела себя как ребенок и описалась. Мне понадобился час, чтобы заставить себя выйти оттуда.

— Что случилось потом? — он до сих пор говорил этим спокойным, терпеливым голосом, который просто кричал «неправильно» во всю силу своих легких.

Я задрожала из-за злости и стыда.

— Ничего.

— Ничего?

— Нет.

— Ты рассказала матери?

— Конечно, я рассказала матери. Они заперли меня в ее шкафу. И я описалась там. Ей пришлось заменить ковер, потому что он так ужасно пах, — я ужасно пахла. Мои руки были изодраны от того, что я колотила дверь, а голос охрип из-за того, что я кричала и просила их меня выпустить... или, хотя бы, включить свет... или включить свет в спальне... но безрезультатно.

Понятия не имела, чем они занимались эти два дня, что я была там, и, к счастью, мне на это плевать.

Мне это не волновало. Потому что нельзя оставлять детей одних в таком возрасте.

Его грудь вздымалась за моей спиной, будто ему было трудно дышать.

— Она ничего не сделала с твоими сестрами?

Я хотела свернуться в клубок и исчезнуть. Его тон действовал мне на нервы, широко раскрывая края раны, которая называется «мое детство», чтобы заглянуть внутрь. Из-за этого я чувствовала себя маленькой.

— Нет. Она наорала на них. И все. То есть, после этого она оставалась дома месяц или два... — как я помню, это именно то время, когда она почти всегда была трезвой, — и каждую ночь я спала с ней. После этого, я перенесла свои вещи и делила комнату с младшим братом, — и я стала запирает дверь спальни.

На несколько секунд поглаживающие движения его пальцев на моих коленях замедлились, и клянусь жизнью, это оказался подсознательный жест, потому что он до сих пор тяжело дышал.

— Мне приходилось спать с включенным светом, — призналась я, ощущая, как его грудь приподнялась подо мной. Тупо, тупо, тупо. — Не знаю, зачем я тебе все это рассказала. Не смейся надо мной.

Повисла пауза. Затем послышалось:

— Не буду, — пообещал он просто. — А я-то думал, почему у тебя было так много ночников в квартире и в твоей спальне.

Я знала, что он заметил.

— Пожалуйста, не рассказывай Заку. Ему может прийти в голову спрятаться под кроватью, когда я сплю, и напугать меня до смерти.

— Не расскажу, — он обхватил ладонями мои колени. Его руки обняли меня по бокам. Дыхание Эйдена у моего уха было размеренным, но не ровным. — Это не глупо, что ты боишься. Ты не должна стыдиться. Это остальным должно быть стыдно за себя.

В ответ я смогла лишь кивнуть, но не была уверена, знает ли он об этом или нет. Из моей груди вырвался еще один резкий вздох, как порыв, и, закрыв глаза, я коснулась местечка под его коленом.

— Спасибо, что помог мне успокоиться, Здоровяк. Я давно так не теряла контроль.

— Не волнуйся об этом, — пробормотал он в ответ.

Я не убирала руку, и кончики моих пальцев касались грубых волос у него на ноге. Мое дыхание было слишком громким, а сердце до сих пор билось неровно, в то время как у Эйдена сердцебиение было мягким и едва слышным. Я сосредоточилась на своих вдохах и выдохах.

Другая женщина в лифте пробормотала:

— Это отстойно.

Это правда. Так и есть.

Тишина растягивалась на минуты, и я, позволив своей спине расслабиться, прижалась ею к груди Эйдена. Внутренние части его предплечий убаюкивали меня. У него такое спокойное дыхание, что из-за него меня клонило в сон.

Когда лифт неожиданно дернулся, мои глаза распахнулись, свет дважды моргнул и больше не выключался. Женщина на другом конце взвизгнула, но мне и отдаленно не было страшно. Меня волновал лишь свет.

И именно тогда, когда мы больше не были погружены в темноту, я, наконец, собственными глазами увидела то, как я сижу на Эйдене. Две длинные мускулистые ноги находились по обе стороны от моих, и они такие длинные, что наши колени находились довольно далеко друг от друга.

Его мощные мускулистые трицепсы обнимали меня по бокам, играя роль телохранителя. Но больше всего на меня повлияли его руки, запястья, которыми он так легко придерживал мои бедра.

Он обнимал меня. Несмотря на все причины и цели, Эйден обнимал меня. Окружал меня.

Отклонив голову назад, я проглотила ком, поднимающийся из моего желудка вверх по горлу, и приготовила для него немного нервную, застенчивую улыбку. Но когда я посмотрела Эйдену в лицо, выражение на нем оказалось таким серьезным... таким чертовски серьезным. И моя улыбка увяла.

Лифт снова дернулся, и почти сразу зазвонил аварийный телефон.

Мягко прикоснувшись к моему колену, Эйден поднял меня и пересадил в сторону, будто мой вес для него — это ничто, а я совсем не пушинка. Потом он поднялся и потянулся к стене, вытаскивая телефон из держателя.

В этот момент его взгляд скользнул ко мне, и из-за твердости на его лице мне показалось, будто я сделала что-то не то.

— Да... Как раз вовремя... Да, — после этого он повесил трубку, вероятно посреди разговора. — Мы выйдем через пятнадцать минут.

Я кивнула на его заявление, а потом притянула ноги к груди и обняла себя руками. Но Эйден не сел обратно, вместо этого он прислонился к стене и скрестил руки на груди. Как и лодыжки.

Не прошло и десяти минут, как в лифте раздался громкий звук, и следующее, что я поняла, он снова поехал вверх. Когда двери, наконец, открылись, перед нами возникли двое работников здания, они спрашивали, все ли с нами в порядке, но Эйден прошел мимо, будто

их не существовало.

— Вы в порядке? — спросил один из сотрудников.

В порядке ли я? Нет, но я не собиралась говорить им об этом. Особенно потому, что мне стыдно, что я испугалась. И я не была уверена, из-за чего на лице Эйдена было такое выражение после того, как включили свет.

— Ты идешь? — спросил Здоровяк с того места, где ждал меня.

Вот это мужчина, которого я знаю.

— Придержи коней, Солнышко. Я иду.

Его губы дернулись, и я поняла, что ему не очень понравилось слово «Солнышко», но самое важное, он знал, что мне плевать, если он его ненавидел.

— Пошли. У него почасовая оплата, а мы уже опоздали.

Мы быстро нашли то, что нам нужно. На стене, рядом со стеклянной дверью с каркасом из твердой древесины, висела табличка с надписью «Адвокат».

Нас поприветствовала красивая, приятная деревянная мебель теплых оттенков коричневого и зеленого. И меня снова накрыло осознание, что я сейчас похожа на пятнадцатилетнюю вульгарно одетую девушку в свитере огромного размера, в котором кажется, будто под ним у меня ничего не надето.

Эйден выглядел не лучше: на нем футболка, прилипшая к телу, длинные, черные шорты чуть ниже колен и обувь для бега. Разница лишь в том, что ему плевать на то, как он выглядел.

Прямо перед дверью за столом сидела пожилая женщина и улыбалась нам.

— Могу я вам помочь? — спросила она.

— Да. У нас встреча с Джексоном. Я звонил и предупреждал, что опоздаю, — объяснил Эйден.

И это все меняло.

— Ох, мистер Грэйвс. Верно. Одну секунду, пожалуйста. Из-за проблем со светом его встреча затянулась.

Проблемы со светом. Мы с Эйденем посмотрели друг на друга.

Я ничего не могла с собой поделать, особенно сейчас, когда мы покинули ужасный лифт, и хихикнула, у меня на лице расцвела улыбка.

Недовольные уголки его губ слегка приподнялись — всего лишь слегка — но вот оно. Он улыбался. Он, черт побери, улыбался мне. Снова. И это было так же великолепно, как и в первый раз.

Когда мы сели, чтобы подождать, он развернулся всем своим большим телом в сторону и впился в меня взглядом.

— Что за взгляд у тебя на лице?

Я подняла руку и прикоснулась к своему лицу: ко рту и щекам, и поняла, что да, я, светила. Не улыбалась. Светилась.

Он мне улыбался. Как еще я могла реагировать?

— Просто так.

Уголки его губ опустились.

— Кажется, будто ты на наркотиках.

Это заявление стерло мою не-улыбку с лица.

— Мне нравится твоя улыбка. Вот и все.

Здоровяк окинул меня кислым взглядом.

— Из-за тебя я чувствую себя Гринчем.

— Я не это имела в виду. Ты должен улыбаться чаще.

Недовольное выражение на его лице ни в чем меня не убедило. В конечном итоге, когда я села прямее, он опустил свою руку на спинку моего стула. Мы ждали, пока женщина за столом разговаривала по телефону, и я прошептала:

— Что именно мы тут делаем?

— Он хочет обсудить кое-какую информацию, — объяснил он.

А я задалась вопросом, не мог ли адвокат просто отправить нам письмо по почте, но оставила эту мысль при себе.

— Так что, я не могу подождать здесь?

— Нет.

Я заерзала и сильнее понизила голос.

— Адвокат думает, что это по-настоящему, не так ли?

— В противном случае это мошенничество.

Черт. Я соскользнула ниже на своем стуле, и горячая кожа его предплечья потерлась об мою шею. Из-за этого слова по моей спине пробежал страх. Я не хотела отправиться в тюрьму.

Будто читая мои мысли, Эйден прошептал:

— Ничего не случится. Никто не поверит, что это не по-настоящему.

Не знаю, откуда у него такая уверенность, но мне тоже надо найти нечто подобное.

К счастью, вскоре открылась дверь, ведущая в зал ожидания. Оттуда вышла пара, и они яростно что-то обсуждали, кажется, на немецком языке, и не обратили на нас внимания.

По-видимому, настало время шоу.

Когда мы встали, секретарша показала, чтобы мы заходили. Я переплела наши с Эйденем руки и слегка сжала его ладонь.

Он сжал мою в ответ.

— Зак! Ты готов? — прокричала я, обувая кроссовок.

— Я обуваясь, миссис Грэйвс!

Идиот.

— Я жду тебя внизу, — ответила я, засовывая вторую ногу в обувь.

— Хорошо, — крикнул он в ответ, когда мои ноги коснулись ступенек. Когда я спустилась и зашла на кухню, то нашла там Эйдена, он сидел в уголке для завтрака, а перед ним стоял большой стакан с чем-то коричневым и вонючим, держу пари, там какие-то бобы и овощи.

Я подошла к холодильнику, чтобы выпить воды перед пробежкой, и спросила через плечо:

— Здоровяк, хочешь чего-то из холодильника, пока я здесь?

— Нет, спасибо.

Сейчас вечер понедельника, вчера у команды «Три Сотни» была игра. Бедный парень приехал из Мэриленда в четыре часа утра, и ему пришлось вытаскивать себя из кровати в девять, чтобы встретиться с тренером, а потом сидеть на одной встрече за другой.

Язык его тела отчетливо доказывал, насколько он изнурен. А как иначе?

Я налила себе пол стакана воды и осушила его. Наконец, на другом конце комнаты Эйден оторвался от своего пазла, который сейчас заканчивал, и спросил:

— Куда вы двое идете?

— На пробежку.

— Почему он идет с тобой? — прямо спросил он, между его бровей появилась морщинка. Его длинные пальцы, кажется, проглотили кусочек пазла.

— Я убедила его бежать со мной марафон, — он что, в первый раз видит, как мы уходим вместе?

Что-то в моих словах, должно быть, заинтриговало его, потому что его голова дернулась, и из его рта вырвалось нечто, похожее на смешок.

— Он собирается бежать марафон?

Ну, это прозвучало обидно даже для моих ушей. А тот факт, что когда он задавал свой вопрос, на кухню зашел Зак, совсем не помог ситуации. Он сморщил нос, окинув долгим взглядом своего бывшего товарища по команде.

— Ага.

— У тебя самое ужасное кардио, которое я только видел, — заявил Мистер Никаких Социальных Навыков, и его совсем не смущало то, что все его слышали.

Я не могла не согласиться с ним. Учитывая, что Зак — элитный спортсмен, первые наши пробежки были похожи на то, что я бегу со своим клоном, которым была два месяца назад, после того как решила начать тренироваться.

Я не могла пробежать даже двух километров без одышки и боли в колене, и я думала, что это неплохой результат.

Зак, с другой стороны, вел себя так, будто я босиком и без воды вела его через пустыню Мохава.

— Неправда, — спорил он. — Ван, почему ты киваешь?

Я остановилась.

— У тебя... ауч! Не надо меня щипать, — я посмотрела, как я думала, на своего друга, который вдруг оказался около меня. — У тебя ужасная выносливость. Твое дыхание даже хуже, чем у меня.

— Я смогу пробежать марафон, если захочу, — щеки Зака слегка покраснели, а я попыталась отойти от него, чтобы он снова меня не ущипнул.

— Конечно, сможешь. Прямо сейчас твое дыхание, как порыв ветра, — я хлопнула его по спине, и через секунду уже уклонялась от него. — Давай уже покончим с этим, — произнесла я и убедилась, что нахожусь в пяти шагах от него. — Только сначала дай мне пописать, Форест Гамп.

Зак рассмеялся, снова потянувшись ко мне.

Я отпрыгнула назад. Случайно краем глаза я заметила, что Эйден смотрел на меня. А в частности, на мои ноги. Все мои трико лежали в стирке, и мне пришлось вытащить из ящика шорты, которые я не носила годами.

Они слишком узкие и слишком короткие, и мне пришлось надеть мешковатую футболку, чтобы эластичный пояс, который впивается в живот и бедра, был не заметен. С тех пор как я начала бегать, сбросила почти семь килограммов, но до шести кубиков мне еще далеко.

Так что я немного удивилась, когда его густые брови сошлись вместе, а взгляд стал сфокусированным.

— Что случилось с твоей ногой, Ван?

Пока я на него работала, то несколько раз носила юбки и платья. Мне всегда казалось, что ему просто неинтересно, откуда у меня шрам чуть выше колена. Черт, я была в обрезанных джинсах, когда мы застряли в лифте, и я сидела у него на коленях. Его руки обнимали мои колени. Как он не заметил?

Только теперь я поняла, что он даже не смотрел на меня.

Меня не волновало, что шрам не красивый, и я никогда его не прятала. Это мой почетный знак. Ежедневное напоминание о физической боли, через которую я прошла, обо всем том гневе, что мне приходилось контролировать, и что я с ним сделала. Я окончила колледж. Встала на ноги. Достигла своей цели — развила свой бизнес и решаю свои проблемы самостоятельно. Никто ничего для меня не делал, лишь я сама. Я копила. Я работала. Я упорствовала. Я. Не кто-то другой.

И если я смогла сделать все это, значит, я сильная, и могу лишь вспоминать о моментах, когда была слабой, чтобы они вели меня вперед. Боль в колене никогда не позволяет мне забыть о том, через что я прошла за последние восемь лет.

Я направилась в сторону дверей кухни, потому что правда не так уж и важна.

— Меня сбила машина.

Обычно я не говорила людям, что за рулем сидела моя сестра.

Когда мы с Заком вышли из дома, солнце уже низко висело над горизонтом. Мы пробежали трусцой десять километров, прежде чем развернуться и вернуться домой. Последние три километра мы использовали, чтобы расслабиться. После того, как наше дыхание выровнялось, Большой Техас неожиданно фыркнул и спросил:

— Как, черт возьми, до сегодняшнего дня Эйден не замечал твоего колена?

Я резко рассмеялась.

— Я задаю себе тот же самый вопрос.

— Боже, Ванни, мне кажется, я заметил его в самую первую неделю, когда ты начала на него работать, — он покачал головой. — Он не замечает ничего, что не имеет отношения к футболу, пока они не ударят ему прямо по лицу.

Это правда.

А потом Зак добавил:

— Например, тебя.

И мне показалось, что что-то опустилось мне на плечи. Не обязательно плохое, но правда оказалась похожа на удава. Она, как тяжелая змея, могла либо обернуться вокруг шеи и задушить, либо лечь на плечи как боа из перьев — красивый, милый аксессуар для жизни.

В данном случае, я собиралась принять правду в виде первой версии. Потому что с реальностью я уже сталкивалась, и как Эйден признался мне: он не ценил меня, пока я не ушла.

Все так, как есть. Нельзя заставить кого-то заботиться о тебе или любить. Я слишком хорошо была с этим знакома.

Но Эйден — мужчина, который любил лишь одно единственное, и если ты к этому никак не относишься, то это плохо. Он слишком долго занимался лишь этим и не видел ничего вокруг. И я понимала, что ничто, кроме футбола, для него не имеет значения.

Единственное, что не укладывалось у меня в голове, это то, что Лесли рассказал мне о бабушке и дедушке Эйдена, и о горе, которое он пережил, когда потерял их. Передо мной он никогда о них даже не упоминал. Но, полагаю, он просто такой, какой есть.

Теперь же я знала, что по-своему, но он заботился обо мне. И это уже о чем-то говорило, не правда ли? И я не пыталась уцепиться за соломинку или думать, что существовало нечто большее между нами, чем есть на самом деле. Я просто брала то, что могла, и не предавалась фантазиям.

С этим я могла жить.

Поэтому я пожала плечами.

— Ага, именно так. Он просто слишком сфокусирован и ни о чем другом не заботится. Я это поняла, — это правда.

Тяжело вздохнув, Зак фыркнул.

— Для него такой подход работает. Он единственный настоящий профессионал в команде, — из-за того, как скривился его рот после того, как он закончил говорить, у меня стало горько на душе. Единственное, о чем я думала — бедный Зак.

Поэтому я ударила его по руке.

— Прекрати дуться. Тебе только двадцать восемь. Один из квотербеков играл, пока ему не стукнуло сорок, не так ли?

— Ну... да. Играл.

— Видишь? — на данный момент этого достаточно, не так ли? Я решила сменить тему. — Есть планы на Хэллоуин?

— Куда ты собираешься?

Я остановилась у двери и показала ему ведро в форме Светильника Джека, которое купила вчера, чтобы он заметил внутри три упаковки конфет, которые я высыпала внутрь. *(Примеч. Светильник Джека (англ. Jack-o'-lantern) — один из основных атрибутов праздника Хэллоуин, представляет собой вырезанную в виде головы тыкву с подсветкой (традиционно — свечой, но сегодня часто используется электрическая подсветка).*

— Никуда. Собираюсь посидеть снаружи.

Он сидел на своем обычном месте, которое я теперь называла его трон — за уголком для завтрака — а перед ним лежал пазл. Не знаю, почему, но мне казалось это невероятно милым. Правда, правда.

Пока он работал над пазлами, его плечи всегда были сгорблены, и не нужно заставлять его врасплох, чтобы знать, что иногда, когда он очень увлечен, то кончик его языка выглядывает из уголка рта. Сейчас же, в Хэллоуин, он развернулся всем телом, следя за мной.

Его взгляд опустился на мое тело, кажется, в третий раз за все то время, что мы знакомы, и он приподнял свою густую бровь, а на лице у него красовалась безэмоциональная, каменная маска.

— Ты разоделась.

— Это костюм, — ответила я, защищаясь. — Для Хэллоуина.

Для протокола, я люблю Хэллоуин. Это мой второй любимый праздник после Рождества. С самого первого 31 октября, которое я помнила, я полюбила все это... костюмы, декорации, маленьких детей и сладости.

Эйден слегка склонил голову набок.

— И кто ты?

Он это серьезно? Я осмотрела свой костюм, полагая, что неплохо постаралась три года назад, когда надела его впервые на вечеринку к друзьям. Комбинезон, желтая футболка, в мой лоб впивался один глаз. Все же очевидно.

— Миньон.

Виннипегская Стена моргнул.

— Кто, черт возьми, такой миньон?

— Миньон. «Гадкий я», — я моргнула, а он продолжал молчать. — Ничего?

— Никогда его не видел.

Богохульство. Я бы спросила, серьезно ли он, но знала, что это так.

— Это один из самых милых мультфильмов во всей Вселенной, — объяснила я медленно, надеясь, что он пошутил.

Он покачал головой, снова опуская свой взгляд.

— Никогда о нем не слышал.

— Я даже не знаю, что тебе сказать, и в то же самое время не уверена, почему удивляюсь тому, что ты о нем не слышал, — ответила я. — Ты понятия не имеешь, что упускаешь, Здоровяк. После «В поисках Немо», это, вероятно, один из самых милых анимационных фильмов.

— Очень в этом сомневаюсь, — но он не сказал, что не слышал о «В поисках Немо». Уже что-то.

— У меня в комнате есть DVD, можешь взять его.

До того, как он успел ответить, раздался стук в дверь, и я хихикнула, сжала покрепче в руках ведро и приготовилась к «кошелек или жизнь» по ту сторону двери.

На крыльце стояли двое детей, не старше шести лет, в руках у них были тщательно продуманные мешки из ткани.

— Кошелек или жизнь? — почти прокричали они.

— Счастливого Хэллоуина, — ответила я, пока бросала в их мешки конфеты и с любопытством рассматривала миниатюрных Могучего Рэйнджера и Капитана Америка.

— Спасибо! — прокричали они одновременно и побежали к взрослым, которые стояли у края тротуара и ждали их. Один из них махнул мне, и я помахала в ответ, прежде чем вернуться обратно в дом.

— Я буду снаружи, — предупредила я Эйдена и взяла складной стул, который специально для этого заранее оставила у двери.

Я едва села на свой стул в нашем маленьком внутреннем дворике, когда открылась входная дверь и оттуда выглянули ножки такого же стула, как и у меня, и затем показался большой, почти двухметровый мужчина, за которого я законно вышла замуж.

— Что ты делаешь? — спросила я, когда он поставил стул рядом с моим, чуть подальше от двери.

— Ничего.

Он внимательно осмотрел меня. Честно, небольшая часть меня беспокоилась, что швы сидения разорвутся, когда он сядет, но, о чудо, этого не произошло. Отклонившись назад, он скрестил руки на груди и уставился на улицу.

А я пялилась на него.

Он никогда не сидел снаружи. Никогда. Когда у него есть время? Да и зачем ему?

— Ладно, — пробормотала я больше для себя, нацелив свое внимание на улицу, и заметила несколько детей в трех домах от нас. Сейчас еще рано, только шесть, поэтому я не очень задумывалась над тем, почему на улице так мало народу.

В квартале, где выросла я, уже в пять часов вечера улицы были заполнены маленькими детьми, в восемь выходили дети постарше и делали свой обход. Каждый дом в том районе был украшен настолько, насколько позволяли средства — кроме нашего — но все равно было круто. Все были увлечены.

Мама не очень хотела покупать нам костюмы, но это не останавливало меня и младшего брата. Я набила руку с тех пор и теперь могу создавать костюмы буквально из ничего. Каждый год, несмотря ни на что, мы одевались и выходили с Дианой, и нас сопровождали ее родители.

Даже в квартирном комплексе, где я жила до этого, были дети, и два года, что я прожила там, они постоянно заходили во время праздника. Сейчас же, с другой стороны, я испытывала разочарование, хотя, может быть, еще слишком рано?

— Тебе все это нравится? — произнес грубый голос.

Я откинулась на спинку стула и положила себе на колени маленький «Кит-Кат» из ведерка.

— Да, — я засунула половину шоколадки себе в рот, и она торчала, как сигарета. — Мне нравятся костюмы и воображение. Конфеты. Но больше всего я люблю костюмы.

Он быстро осмотрел меня.

— Ну не знаю.

Я скрестила руки на груди и слегка наклонилась к нему.

— Что? Я не одета как сексуальный кролик или медсестра из особняка Плэйбой.

Взгляд его глаз был устремлен вперед.

— Это так одеваются большинство девушек?

— Некоторые... если у тебя нет воображения. Т-с-с. В прошлом году я одевалась как Гоку. Мы с Дианой ходили на вечеринку одной из ее подруг на Хэллоуин. Я заставила ее одеться как Гранкс.

Это заставило его посмотреть на меня.

— Что за Гоку?

Ага, мне пришлось вцепиться руками в свой стул, пока я пялилась на его бородатое лицо.

— Он второй величайший боец в истории аниме. Он персонаж из аниме «Драгонболл», — я поняла, что одновременно шептала и разглагольствовала, и закашляла. — Это японский мультик, который я люблю. Ты никогда о нем не слышал?

Его густые брови сошлись на переносице, он положил одну ногу на другую и вытянулся на этом бедном, бедном стуле.

— Это мультик... с драками?

— Межгалактическими сражениями, — попыталась завлечь его я, приподняв бровь. — Как «Уличный боец», но со смыслом. Он эпичен.

Возможно, добавлять межгалактические сражения было лишне, потому что он покачал своей большой головой.

— Что, черт возьми, такое «межгалактические сражения»?

— Сражения... — я уставилась на него и взяла две конфетки, протянув ему «Эирхэд» (*Примеч. Жевательные конфеты AirHeads со слабым вкусом фруктов и ягод, отличительная особенность — окрашивают язык*), потому что знала, он — веган. — Вот. На это уйдет некоторое время.

— Все время у него был хвост? — спросил Эйден и поднес к губам леденец «Блоу Поп», который он взял из ведра, когда доел «Эирхэд». Мне, возможно, раз или два пришлось заставлять себя отводить взгляд от его губ. — Это кажется глупым. Кто-то мог схватить его за хвост и использовать это против него.

То, что он рассуждал над стратегией в аниме, которое я просто обожаю, очень взволновало меня; и я пыталась не позволять этому проявиться на моем лице.

— Нет, он потерял свой хвост, когда вырос, — объяснила я.

Мы весь последний час обсуждали «Драгонболл». И за это время к дому за конфетами подошли лишь четверо детей, но я была слишком занята, объясняя мое самое любимое шоу в мире Мистеру У-меня-не-было-детства, что не очень заостряла на этом внимание.

Он моргнул, обдумывая мое объяснение.

— Он потерял хвост, когда достиг полового созревания?

— Да.

— Почему?

— Почему это важно? Это генетика. У парней растут волосы в разных местах, когда они достигают полового созревания; он может потерять свой хвост, если хочет его потерять. Ты

просто должен посмотреть, чтобы понять.

Эйден выглядел не очень убежденным.

— А потом, есть еще «Драгонболл Зет» и «ДжейТи», и, по моему мнению, они даже лучше.

— Что это?

— Это серии, где они уже взрослые. У них есть дети, они вырастают и становятся лучше них.

Его бровь дернулась, как и рот, я в этом уверена.

— И это у тебя тоже есть на DVD?

Я улыбнулась.

— Может быть.

Он искоса посмотрел на меня и почесал свою бородатую щеку.

— Возможно, я должен его посмотреть.

— Когда захочешь, Здоровяк. Моя коллекция видео — твоя коллекция видео.

Клянусь, он кивнул, будто на самом деле принял мое предложение.

Победоносно вздохнув, я снова обратила свое внимание на улицу, которая оказалась абсолютно пустой. Ни одна душа не бродила по нашему или соседнему кварталу в пределах видимости. Что-то щелкнуло в моей голове, и я по-настоящему задумалась о сегодняшнем вечере, об Эйдене и о том, что он вышел наружу и сидел со мной.

Я закусила губу и медленно произнесла:

— Вероятно, детей сегодня больше не будет, да?

Он приподнял плечо и вытащил изо рта леденец.

— Похоже на то.

Я встала, удерживая в руках почти полное ведро конфет, и опустила голову, собирая ножки стула. Мое горло сжалось.

— Дети здесь не часто ходят за конфетами, не так ли?

Эйден промычал самый раздражительный не-ответ в мире.

Но я его все же получила.

Поверить не могу, что мне понадобилось так много времени, чтобы это понять.

Он знал, что дети в его районе не ходят за конфетами — в его чертовом районе с воротами. Поэтому он вышел, чтобы составить мне компанию. Как насчет этого.

— Эйден?

— Да?

— Почему ты не сказал мне, что здесь мало маленьких детей?

Он даже не посмотрел на меня, когда направился в дом со стулом под мышкой.

— Ты выглядела такой взволнованной. Я не хотел портить тебе день, — признался он, и в его голосе не было ни капли смущения.

Бах-черт-возьми-бабах.

Не знаю, есть ли подходящие слова, которые я могла бы сказать ему в ответ. Я думала о его проявленной доброте, забирая у него стул и убирая их в гараж, пока он пропадал в ванной.

У меня заурчал желудок, и я достала горох, помыла и высушила его, все время думая об Эйдене. Вскоре он появился на кухне и сел за стол для завтрака, его плечи сгорбились, пока он спокойно работал над пазлом. Я приготовила ужин — в четыре раза больше, чем обычно готовлю для себя — и все время повторяла, что делаю это лишь потому, что он был мил со

мною.

Я даже не собиралась спрашивать, голоден ли он. Потому что он всегда хочет есть.

Через тридцать минут ужин был готов, я наполнила две миски и одну протянула ему, наложив туда в три раза больше, чем себе. Забирая миску, Эйден неотрывно смотрел мне в глаза.

— Спасибо.

В ответ я лишь кивнула.

— Пожалуйста. Я пойду, поем и посмотрю телевизор.

Я уже дошла до места, где гостиная соединялась с коридором, проходящим посреди дома.

— Хочешь посмотреть это шоу, «Драгонболл»?

Я остановилась, когда расслышала его слова.

— Мне любопытно теперь, что это за маленький мальчик с хвостом обезьяны, который, предположительно, может надирать задницы.

Я посмотрела через плечо, чтобы убедиться, что он не тянет меня за хвост, и заметила, что Эйден сидит на краю своего стула, и уже готов встать, если я подам ему знак. Прежде чем отреагировать, я на секунду остолбенела. И мне пришлось приложить максимум усилий, чтобы не улыбаться, как лунатик.

— Это «Драгонболл», Здоровяк, и ты не должен просить меня дважды.

Я как раз сидела за своим компьютерным столом, когда раздался первый оглушающий удар молнии. Дом затрясло. Окна задрожали. Завыл ветер, отчего захлопала облицовка дома. До нас, наконец, добралась буря, которую предсказывали метеорологи по новостям.

Запаниковав, я так быстро, как могла, сохранила свою работу и выключила компьютер.

Потом ударила еще одна молния, и свет за окном был таким ярким, что казался нереальным, больше похож на ядерный взрыв, чем стихийное бедствие. На свет можно не надеяться. Он потух, как свеча: вот он есть, и уже нет.

— Твою мать! — пробормотала я себе под нос, уже отходя от стола к кровати, я шла вслепую и махала руками по сторонам, чтобы найти ночной столик. Сначала его нашли мои колени, и я ругнулась, схватившись за место, на котором, уверена, уже появился синяк, одной рукой, а другой — нащупала верхний ящик.

Внутри я быстро обнаружила маленький светодиодный фонарик. Я всегда оставляла его в левом углу, и, конечно, он там и оказался.

Включив его, я глубоко вздохнула, а потом забралась на кровать и залезла под одеяло. Фонарик — это самое лучшее оборудование, которое можно купить за деньги; хитроумное изобретение восьми сантиметров в длину с пятью сотнями люменов. Я скользнула ярким лучом по потолку и направила его в сторону открытой двери, в то время как завывания ветра снаружи становились все громче. Меня передернуло.

Не похоже, чтобы меня заранее предупредили, что надвигается буря. В последнее время дождь шел, не прекращаясь, но вместо того, чтобы буря проходила мимо, она становилась лишь сильнее и сильнее. Отлично.

Это так глупо. Ненавижу свой страх темноты. Правда. Из-за него чувствую себя чертовым маленьким ребенком. Но не важно, как сильно я пыталась убедить себя, что все хорошо, все нормально...

Не помогло.

Меня все еще трясло. Дыхание застревало в горле. И я очень хотела, чтобы свет снова загорелся.

— Ванесса? Где ты? — послышался в коридоре грубый голос Эйдена. Я едва слышала его шаги в коридоре, так как они сливались с шумом на улице.

— В своей спальне, — крикнула я в ответ, мой голос звучал слабее, чем мне бы того хотелось. — Почему ты не спишь? — Спящие Штанишки пошел в кровать в обычное время — в девять. Три часа назад.

— Меня разбудил гром, — следующая молния осветила тело, заполнившее мой дверной проем секунду спустя, и я посветила фонариком на его ноги.

Его голые ноги.

На нем надеты одни лишь боксеры. На груди нет футболки. Эйден стоял у меня в дверях в одних лишь боксерах, с медальоном вокруг шеи, и всеми своими мускулами.

У него так много мускулов.

Прекрати. Тебе нужно остановиться прямо сейчас.

— Боже. Насколько яркая эта штука? Не могла бы ты светить в пол? — произнес он голосом, по которому я поняла, что всего пару минут назад он крепко спал. Вместо этого я

направила луч света в потолок. — Ты в порядке?

— Все нормально, — ответила я, но по моей спине все же пробежала нежелательная дрожь. — Просто описалась в свои штаны. Ничего особенного, — смешок, вырвавшийся из моего рта, прозвучал так же фальшиво и неловко, как я себя и чувствовала. На самом деле, я походила на сумасшедшую.

Звук, который он издал, походил на то, будто он полностью выпрямился и двинулся вперед, обходя матрас, прежде чем остановиться, возвышаясь надо мной.

— Подвинься.

Подвинуться?

Я не собиралась спрашивать. Я должна, но не буду, так как мое сердце поднялось к горлу и там застряло.

Я пододвинулась. Ни один из нас не произнес ни слова, пока он забирался на мою кровать и ложился под одеяло, будто в этом нет, черт возьми, ничего особенного, будто это не первый раз, когда он делал подобное. Я не позволила себе стать стеснительной и застенчивой.

Отчаянные времена требуют отчаянных мер, и я не собиралась говорить «нет» другой части моего брачного договора, когда он забирался в мою постель, а мне не хотелось оставаться одной.

В двух окнах моей спальни снова вспыхнула яркая молния, и потом комната погрузилась в жуткую тьму, которая пугала меня до смерти, несмотря на луч света, направленный в потолок.

Не стыдись, я пошевелила между нами ногой, пока наши колени не соприкоснулись.

— Ты дрожишь? — спросил он странным тоном.

— Немного, — я пододвинулась к нему на миллиметр ближе, впитывая жар, выделяемый его телом.

Эйден вздохнул, будто я мучила его, а все, что я делала — занималась своими делами в постели.

— Ты в порядке.

Я водила лучом фонарика круговыми движениями по потолку.

— Я знаю.

Из мужчины его размера вырвался тяжелый вздох.

— Иди сюда, — его голос, казалось, грохотал среди простыней.

— Куда? — я уже была около него. Мне пришлось перекатиться на бок.

— Ближе, Ванесса, — приказал он, раздраженно.

Я почти не беспокоилась о том, как странно, что со мной в кровати тот, кто за все время нашего знакомства ни разу не обнял меня. И я уж точно не думала о том, что он почти голый, и что на мне лишь нижнее белье и майка.

Поэтому я сдвинулась еще немного и поняла, что он уже не лежит на спине. Он перевернулся на бок. А я практически оказалась прижатой к нему: лицо у его груди, руки между его торсом и моей грудью.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он был теплым и прекрасно пах дорогим коксовым маслом и травяным мылом, которым ежедневно пользовался. Тем же самым, что я заказывала ему онлайн, когда все между нами было совсем иначе.

Я даже сейчас представить себе не могла, что Эйден — тот же самый мужчина, который

еще пять месяцев назад как минимум пять дней в неделю удерживал меня на расстоянии вытянутой руки — а сейчас лежал в моей кровати, потому что знал о моей фобии.

Позже, когда буду способна, я обдумаю то, что он проснулся и пришел в мою спальню, но сейчас неправильное время.

Он слегка сместился, всего немного. И его подбородок, покрытый щетиной, на секунду потерся о мой лоб. Эйден издал мягкий звук и снова прикоснулся ко мне, задержавшись на моей коже на мгновение дольше.

— Как ты пережила последние двадцать лет, боясь темноты? — его вопрос был таким мягким, таким гибким, и я открыла рот, чтобы ответить, прежде чем задумалась над этим.

— У меня всегда при себе фонарик, — объяснила я. — И кроме последних двух лет, я всегда жила с кем-то. Плюс, я редко оставалась в абсолютной темноте. Со временем учишься ее избегать.

— Ты жила со своим парнем? — спросил он небрежно, его теплое дыхание щекотало мои волосы. Если его голос и был слишком небрежным, я не заиклила на этом свое внимание.

— Эм, нет. Я никогда не «жила» ни с кем. У меня их было лишь трое, и до этого так и не дошло, — мой взгляд задержался на блестящем золотом медальоне, который лежал слева на его грудной клетке. — А ты когда-нибудь жил с девушкой?

Смешок, вырвавшийся из горла Эйдена, заставил меня подпрыгнуть от неожиданности.

— Нет, — в тоне его голоса слышались капли отвращения и недоверия, будто бы он никогда не совершил нечто настолько глупое. — Я никогда не состоял в отношениях.

— Никогда?

— Никогда.

— Правда?

— Правда, — ответила самодовольная задница.

— Даже в старшей школе?

— Особенно не в старшей школе.

— Почему?

— Потому что каждые отношения заканчиваются одним из двух способов: либо расставание, либо свадьба. А мне не нравится тратить свое время.

Из-за этих слов я немного отклонила голову назад, чтобы наши взгляды встретились. На его лице застыло выражение, которое ясно говорило, что я потеряла собственный разум, но он был слишком занят. В его словах об отношениях есть смысл, но остальное...

О том, что он не встречается. Религиозный медальон у него на шее. И вдруг все обрело смысл.

— Ты... — я не могла произнести это. — Ты хранишь себя до брака?

Он не откинул голову и не рассмеялся. Не щелкнул меня по лбу и не назвал идиоткой. Эйден Грэйвс просто пялился на меня в темной комнате, его лицо было в нескольких сантиметрах от меня.

Когда он перестал смотреть на меня, то заморгал. И моргнул еще раз.

— Я не девственник, Ванесса. Пару раз в школе я занимался сексом.

Я выпучила глаза. В старшей школе? Он не встречался ни с кем со времен чертовой старшей школы?

— В старшей школе? — мой голос прозвучал с таким недоверием, каким и должен был быть.

Кажется, он понял, на что я намекаю.

— Да. Секс — это сложно. Люди лгут. У меня нет на это времени.

Черт. Побери. Я наблюдала за его лицом. Он не врет. Совсем. Вдруг у меня появилось отличное представление о том, какого черта он делает столько часов в своей комнате. Он мастурбирует. Мастурбирует все время. Я почувствовала, как покраснело мое лицо, когда спросила. — Ты вновь обратившийся девственник?

— Нет, — его ресницы снова опустились. — Что заставляет тебя так думать?

— У тебя никогда не было девушки. Ты даже на свидания не ходишь, — ты все время дрожишь.

Черт, мне пора прекратить думать о нем и о его руке, и еще о том, что он все время зависает в своей комнате.

Эйден определенно смотрел на меня с выражением «ты идиотка».

— У меня нет времени пытаться строить отношения, и мне почти не нравятся люди. Включая женщин.

Я сжала руки, которые все еще находились между нашими телами.

— Я тебе немного нравлюсь.

— Немного, — повторил он, слегка изогнув уголки губ.

Я пропустила его комментарий мимо ушей и указательным пальцем показала на медальон Святого Луки у него на шее.

— Разве это не католический святой? Может быть, ты религиозен.

Он сразу поднял свою большую руку и коснулся маленького медальона, который всегда носил на шее.

— Я не религиозен.

Я приподняла брови, и он раздраженно рассмеялся.

— Ты можешь спрашивать, о чем хочешь.

— Но ответишь ли ты?

Он фыркнул, пошевелив передо мной своим большим, почти голым телом.

— Задавай свой чертов вопрос, — заявил он резко.

Кончик моего указательного пальца завис прямо над его медальоном, прежде чем я притянула руку обратно к своей груди, ощутив стыд. Я несколько лет хотела задать ему этот вопрос, но не ощущала достаточной уверенности. Какой момент будет еще лучше, чем когда он мне командовал сделать это.

— Почему ты всегда его носишь?

Эйден ответил без оговорок.

— Он принадлежал моему дедушке.

Это что, так колотится мое сердце?

— Он отдал его мне, когда мне исполнилось пятнадцать, — объяснил он.

— На день рождения?

— Нет. После того, как я переехал к нему.

Его голос мягкий и успокаивающий. Мне хотелось закрыть глаза, впитать его слова, и я ощутила смысл в том, что он открывался мне.

— Почему ты стал жить с ним?

— С ними. Я жил с бабушкой и дедушкой, — он снова коснулся моего лба своим щетинистым подбородком. — Мои родители больше не хотели иметь со мной дело.

От его признания у меня дрогнуло сердце. Все это казалось слишком знакомо, слишком

болезненно даже для меня.

Вероятно, очень болезненно даже для Эйдена.

Я никак не могла соотнести то, что рассказывал Эйден, с мужчиной рядом со мной. С тем, кто едва повышал голос в гневе, который почти не матерился, редко дрался со своими соперниками, а еще реже — с членами своей команды. Эйден — уравновешенный, целеустремленный, сфокусированный, дисциплинированный.

А я прекрасно знала, каково это — чувствовать себя не важной.

Я не собиралась плакать.

Я лежала с закрытыми глазами, а Эйден хранил свои секреты ближе к сердцу.

Я ощутила его дыхание у своего лба.

— Ты когда-нибудь посещала терапевта? — спросил он. — После того, что сделали твои сестры.

Возможно, в конце концов, это не тот разговор, который мне хотелось бы вести.

— Нет. Ну, когда меня забрали из дома матери, я ходила к психологу. Когда Департамент защиты детей взял меня под надзор. Но они задавали лишь вопросы о матери. А не обо всем... остальном.

Оглядываясь назад, я понимала, они хотели убедиться, что я не подвергалась насилию ни с ее стороны, ни со стороны тех, кого она могла привести в жизнь своих детей. Возможно, психолог увидел что-то не то в моих сестрах, потому что нас отправили в разные дома. Честно, я никогда не была так счастлива, как тогда.

Насколько это ужасно? И я даже не чувствовала вины, особенно когда нас отдали хорошей семье, в которой взрослые действительно заботились о нас.

Такого со мной раньше никогда не было.

— Мне не нравится бояться. Я бы хотела, чтобы этого не было, и я пыталась все исправить, — бессвязно пробормотала я, защищаясь.

Он отклонился немного назад и неуверенно посмотрел на меня.

— Это был всего лишь вопрос. Все мы чего-то боимся.

— Даже ты? — я заставила себя посмотреть ему в глаза, отмечая в сторону защитную реакцию и цепляясь за новую тему.

— Все, кроме меня, — услышался его спокойный, легкий ответ.

На это я застонала. Яркий луч света между нами отбрасывал тени на его лицо.

— Нет. Ты это сказал. Все мы чего-то боимся. Что насчет того, когда ты был маленьким?

Тишина становилась такой же оглушающей, как и грохот, который издавали дребезжащие стекла. Почти машинально я коснулась кончиками пальцев его груди.

— Клоуны.

Клоуны?

— Серьезно? — я пыталась представить, как маленький Эйден плакал из-за мужчины или женщины с разукрашенным лицом и красным носом, но не смогла.

Здоровяк все еще лежал лицом ко мне. Он слегка наклонил подбородок, выражение на его лице было спокойное и расслабленное:

— Ага.

Боже, помоги мне, он использовал на мне свой канадский сленг. Я пыталась контролировать эмоции на своем лице из-за того факта, что он использовал единственное слово, которое произносит лишь тогда, когда супер расслаблен в присутствии других людей.

— Я думал, они собираются съесть меня.

Сейчас, представив это, я слегка улыбнулась. Я скользнула ладошкой под свою голову, устраиваясь поудобней.

— Сколько тебе было? Девятнадцать?

Он очень, очень медленно заморгал своими большими шоколадными глазами.

— Ты прикалываешься надо мной?

— Да, — моя улыбка стала шире.

— Потому что я боялся клоунов? — он будто не мог понять, почему мне так весело.

Но так и было.

— Я просто не могу представить, что ты чего-то боишься, особенно клоунов. Да ладно. Даже я никогда не боялась их.

— Мне было четыре.

Я хихикнула.

— Четыре, четырнадцать... никакой разницы.

Учитывая жесткое выражение на его лице, ему совсем не было весело.

— Это был последний раз, когда я пришел спасти тебя от Бугимена.

Меня пронзил шок, но я постаралась не показывать этого, но... так и было. Он шутил со мной. Эйден прикалывался надо мной. Со мной.

— Прости. Прости, я просто прикалываюсь над тобой.

Я пододвинулась к нему еще на миллиметр, вытягивая колени так, что они коснулись его бедер.

— Пожалуйста, не уходи пока.

— Не уйду, — ответил он и подложил подушку себе под щеку, его глаза уже стали закрываться.

Мне не надо просить его обещать мне, что он не бросит меня; я знала — если он сказал, он так и поступит. Вот такой он человек.

— Эйден, — прошептала я.

— М-м-м? — бормотал он.

— Спасибо, что пришел сюда за мной.

— Угу, — его большое тело слегка сместилось, прежде чем он испустил длинный, глубокий вдох.

Не разворачиваясь, я положила фонарик позади себя и направила луч света на стену.

Он не спрашивал, собираюсь ли я оставить свет включенным на ночь, или сколько выдержит батарея. Вместо этого, я просто улыбнулась ему, сняла очки и положила их на неиспользуемую тумбочку позади себя. Потом положила руки под щеку и наблюдала за ним.

— Спокойной ночи. Еще раз спасибо, что остался со мной.

Приоткрыв один глаз, всего лишь узкую щелочку, он промычал:

— Ш-ш-ш.

Это «ш-ш-ш» самое близкое к «пожалуйста», что я получу от него.

Я закрыла глаза, улыбаясь.

Примерно пять минут спустя Эйден заговорил:

— Ванесса?

— Хм-м?

— Почему на твоём телефоне я был сохранен как «Миранда П.»?

Из-за этого мои глаза резко распахнулись. Я не удалила это имя из контактов, когда

уша, не так ли?

— Это длинная, скучная история, и ты должен спать. Ладно?

Его ответ в виде «угу» прозвучал так же недоверчиво, как и должен был. Он знал, я вру, и того, что я знала, что он знает, оказалось недостаточно, чтобы вызвать у меня бессонницу.

И когда я проснулась чуть позже, на улице все еще было темно, дождь барабанил по окнам, и у меня ушла секунда на то, чтобы понять, что я в своей кровати, и делаю все возможное, имитируя одеяло.

Персональное человеческое одеяло для Эйдена.

Одна из моих ног переброшена через его бедро, предплечье прижато к его животу, и моя макушка буквально покоилась на его бицепсе. А мой чертов рот был в миллиметре от его соска.

Какого черта я делаю?

Слегка откинув голову назад, я увидела, что Эйден лежит на спине, а ладонь выполняет роль подушки — хотя куда она делась, понятия не имею — а другой рукой, бицепс которой я использовала как подушку, он обнимает меня за шею.

Убрав назад руку и ногу, чтобы не вести себя как огромный осьминог, я медленно перевернулась, не двигая головой. Я пыталась придумать, что бы подумал Эйден, если бы проснулся и нашел меня в такой позе, и я не хотела этого знать.

Чего он не знал, не причинит ему боли.

— Я проснулся посреди ночи, чтобы выпить воды, — произнес Зак над миской овсянки с бананами.

Я сняла очки и зевнула. Эйден нечаянно разбудил меня в шесть утра, когда вставал с кровати. Моей кровати. Той, в которой он провел со мной всю ночь. Ну, шесть часов.

Я пыталась снова уснуть, но не смогла. Вместо этого я лежала в кровати и смотрела телевизор, пока не решила, что прошло достаточно времени, чтобы немного поработать, прежде чем пойти позавтракать.

— И твоя дверь была широко открыта, — продолжил он.

Я закрыла рот.

— И я заметил, что ты была не одна, милая, — идиот даже не пытался скрыть дебилскую улыбку на своем лице. Он слишком сильно этим наслаждался.

Теперь я могла справиться с этой ситуацией несколькими способами. Могла притвориться идиоткой. Могла сойти с ума. Или вести себя так, будто в этом нет ничего особенного. Когда имеешь дело с самым назойливым мужчиной в мире, третий вариант — мой единственный выбор.

Постукивая вилкой по тарелке, я спокойно посмотрела на блондина, сидящего передо мной.

— Прошлой ночью во время шторма отключили свет.

— Угу.

Он заглотил это.

— Он знает, что я боюсь темноты, — продолжила я.

— Боишься темноты, — его рыжие ресницы затрепетали. — Угу.

— Это все, что произошло. Прекрати так на меня смотреть.

Зак усмехнулся, перед тем как засунуть ложку с овсянкой в рот.

— Все, что пожелаете, миссис Грэйвс.

Из-за этого я застонала.

— Все совсем не так.

— Я не спорю с тобой, милая, — ответил он, но я совсем не была уверена в том, что он забудет обо всем.

— Правда, все было совсем не так, — добавила я. — Он просто... пытается быть моим другом.

«Друг, который забирается к тебе в кровать?» — задавалась я вопросом. Может быть, в следующий раз он просто найдет для меня фонарик для чрезвычайных ситуаций.

И я легко могу поверить, что он проснулся из-за грозы, сумасшедшего грома и ветра. Но что заставило его прийти в мою спальню, когда отключился свет? Потому что он видел, что я чувствую, верно?

И это доказывало, что он хоть немного, но заботился обо мне, и это то, что делают друзья. Или, может, если бы я умерла от сердечного приступа в кровати, все увидели бы, что то, что между нами, не по-настоящему, а он хотел защитить свою репутацию.

У меня нет ни сил, ни воли так много думать об этом.

Зак приподнял бровь, прежде чем снова вернуться к своей еде.

— Ты, более чем вероятно, первый человек, с которым он пытается быть друзьями, Ван.

Я смерила его взглядом, чувствуя себя неловко. А потом просто пожала плечами и продолжила есть. В конце концов, какие у меня аргументы?

— Ты его друг.

— Не совсем, сладкая.

Я не могла полностью с ним не согласиться; все те компоненты, которые, как я думала, являлись элементом нашей дружбы, отсутствовали во взаимоотношениях между Эйденом и Заком. Они ничего не делали вместе. И, как я заметила, они никогда по-настоящему не разговаривали друг с другом, особенно с тех пор как Зака выкинули из команды.

Связь между ними стала еще тоньше. Они просто, ну, соседи.

И снова, это Эйден. Разве мы ожидаем, что он будет обниматься и писать любовные письма?

— Знаешь, в тот день, когда мы пошли гулять, а ты отключился? Он спустился вниз и помог уложить тебя на диван. Он беспокоился о тебе. Это, как я думаю, о чем-то, да говорит.

Очевидно, он отмахнулся от моих слов и не давил. Не понимаю я мужскую дружбу, и, наверное, никогда не пойму.

— Ты проведешь День Благодарения с Дианой? — спросил он.

Я покачала головой.

— Нет. Пару дней назад я писала ей, и ответом мне стало: СЛИШКОМ СКОРС ПРЕДАТЕЛЬНИЦА. Я дам ей еще одну неделю, чтобы успокоиться, пока она сама не свяжется со мной. Ничего особенного. В конце концов, это всего лишь День Благодарения.

Сколько раз в этот день я ела макароны с сыром из коробки?

— У моего младшего брата в пятницу игра. Я собираюсь остаться там. Что насчет тебя?

Зак скривился.

— Я поеду домой. Не хочу давать маме возможность приезжать сюда и оттаскивать обратно за ухо, если сам не приеду, — он хмыкнул. — Это будет не в первый раз.

Я усмехнулась, вспомнила миссис Джеймс и согласилась с ним. Она пугающая и возмутительная женщина: южная красавица до самых кончиков ногтей с французским маникюром. Я встречалась с ней пару раз, когда она приезжала на игры в Даллас.

— Я уже представляю, как она это делает.

— Она и сделает. Думаю, она думает, что дает мне достаточно слабину с тех пор, как меня выгнали из команды. «Моему малышу нужно вернуться домой и позволить мамочке все уладить», — гласило ее последнее голосовое сообщение, — он быстро посмотрел на меня. — Хочешь поехать со мной?

На секунду мне захотелось согласиться, но, в конце концов, я покачала головой.

— Вероятно, я должна просто остаться здесь. Но все равно спасибо.

Он слегка разочарованно пожал плечами.

— Если передумаешь, ты знаешь, тебе всегда рады.

— Знаю. Спасибо, Зак. Я бы могла попросить тебя остаться, но немного боюсь твою маму. Если мне придется, я, вероятно, сама повезу тебя.

— Трусишка.

Я улыбнулась.

— Это ты не хочешь ехать домой. Просто не забывай бегать. Мне не нужно, чтобы ты расслаблялся. Мне достаточно твоих легких курильщика, а у нас и так плотный график.

Он застонал, но неохотно кивнул.

— Не забуду, — заметил он с улыбкой, которая исчезла так же быстро, как и появилась. — Пока я снова не забыл... Какого черта происходит между тобой и Кристианом?

Улыбка исчезла и с моего лица.

— Ничего.

— Не «ничегокай» тут мне. Ты сказала, что он не нравится тебе по определенной причине, и я, черт побери, забыл спросить тебя об этом. Что случилось?

«Когда, мать твою, у меня появился старший брат?» — задалась я вопросом, когда этот высокий блондин, совсем не похожий на меня, взмахнул своими пальцами, будто говоря мне «давай же», и я нахмурилась.

— Ничего серьезного.

Он снова взмахнул пальцами, и в этот момент я поняла, что он не отстанет. По-видимому, он надел шорты Эйдена. И, как я поняла, вздох, вырвавшийся у меня, оказался вполне заслуженным. Я откинула голову назад, медленно подняла ее и приоткрыла один глаз.

— Он мудака. Ты об этом знаешь, — начала я, открывая второй глаз. — И однажды он пытался подкатить ко мне.

Зак заморгал своими светло-голубыми глазами.

— Когда?

— Может, года полтора назад, — это точно было полтора года назад, но кому нужны детали? — Мы пошли с Дианой в бар, и там был он. Пьяный. Он узнал меня... А затем начал вести себя неприятно, пытался меня поцеловать, был подлым и лапал мою задницу. Обычное поведение мудака.

Мой друг потянул немного мочку своего уха и послал мне самую фальшивую улыбку, на

которую только способен такой искренний парень, как Зак. Меня это совсем не успокоило. Совсем.

— Ни фиги себе, сладкая.

Я отмахнулась от него.

— Ничего серьезного. Просто теперь я пытаюсь держаться от него подальше. Я вообще не должна была заикаться об этом.

Глаза моего друга вроде как остекленели, и он устремил свой взгляд в пустоту, смотря на что-то у меня за плечом.

— Ау. Зак?

Он снова посмотрел на меня, сфокусировался, и, наконец, на его лице появилась настоящая улыбка.

— Прости.

У этого парня нет ни одной грубой косточки, но мне не понравилось, что он отстранился. Я прищурилась.

— О чем ты думаешь?

Он бросил мне мои же слова.

— Ни о чем, миссис Грэйвс.

— Прекрати.

Следующая неделя пролетела очень быстро. У меня было много работы, и когда мне позвонили и попросили посидеть с детьми брата Дианы, Родриго, потому что она не может из-за своей работы, я не сказала «нет». Я не могла отказать.

Мне нравились его мальчики, даже если Родриго идиот, который отказывался верить, что его сестра может ему врать, он все еще отличный парень. И так уж случилось, что я нашла у его детей игрушку, из-за которой я рассмеялась, и заплатила им пять долларов.

Один раз позвонила мама, чтобы спросить, приеду ли я на ужин в честь Дня Благодарения, и я дала ей тот же ответ, что и каждый год с тех пор, как мне исполнилось восемнадцать.

— Нет, — и я перестала придумывать оправдания, почему не могу этого сделать.

Моего младшего брата тоже там не будет, потому что я могла приехать лишь, если бы он умолял меня, но он никогда так со мной не поступит. Она ничего не сказала о Сьюзи или двух других демонах, с которыми у меня одна ДНК.

И прежде чем я поняла, наступила среда, и дом оказался полностью пустым. В День Благодарения у «Трех Сотен» игра против главных соперников, а единственный сосед, который у меня остался в городе, все время отсутствовал.

Поэтому я удивилась, когда в среду вечером мой телефон пикнул со своего места на моем столе.

Это Эйден.

Эйден: *Идешь завтра на игру?*

Я: Запиши меня, но всего один билет. Пожалуйста.

Эйден: Всего один?

Я: Да...

Зак уехал, а Диана по смс уведомила меня, что едет на День Благодарения к своим родителям в Сан-Антонио, и если я захочу поехать, она не намерена специально разбить свою машину по пути.

Я написала ей в ответ, что ценю ее искреннее предложение, но останусь в Далласе, потому что планирую встретиться с младшим братом, который в пятницу будет играть матч неподалеку.

Я решила, что в День Благодарения займусь дизайном футболок, пока у меня есть вдохновение.

Эйден: Тебе не с кем пойти?

Я: *Всегда одна*

Эйден: *Всегда Раздражающая*

Я: Ты бы скучал, если бы меня не было, Солнышко.

Я чуть не нажала «отправить», но написала ему другое сообщение.

Я: Спасибо за билет.

Он не ответил, но когда тем вечером я вышла из душа, то нашла на кровати что-то в цветах команды, завернутое в пластик, и долго пялилась на этот предмет. Когда я разорвала упаковку, то встряхнула ее и увидела, что это новенькая джерси с надписью ГРЭЙВС на спине, и я улыбалась так, что у меня заболели щеки.

Взглянув на часы у своей кровати, я увидела, что еще нет девяти, и пошла к комнате Эйдена, хозяйской спальне в конце коридора. Когда я оказалась там, его дверь была закрыта, но я постучала, слушая его передвижения с той стороны.

И, конечно же:

— Ванесса?

— Это Кексик.

Он издал звук, который я не смогла распознать.

— Заходи.

Я повернула ручку и скользнула внутрь, оставляя ее открытой. Он сидел на краю своей большой королевской кровати, вытирая голову полотенцем. Первое, что я заметила, какая гладкая у него челюсть.

Без бороды он выглядел моложе... симпатичнее. В прошлом я лишь пару раз видела его гладко выбритым, но так как он обычно делал это вечером, пока спал, она всегда слегка отрастала.

— В твоей комнате отключился свет? — спросил он, закинув полотенце себе на шею.

— Ты такой забавный, — я закатила глаза, чтобы он знал, как раздражал меня. — Манекен.

Уголок его полных губ слегка приподнялся, когда он забросил полотенце в корзину в

углу комнаты.

И только тогда я поняла, что на нем лишь маленький кусочек золота между ключицами и боксеры. Серые, облегающие, сделанные из какого-то спандекса, боксеры.

У меня пересохло во рту, и я отвела глаза в сторону — куда угодно — вместо... вместо этих огромных бедер, которые я все время видела в обтягивающих шортах, когда делала его фотографии.

Или вместо этой толстой, темной выпуклости, прижатой слева к его ноге. Я разглядывала его комод.

— Я, эм, видела подарок, который ты оставил на моей кровати, — заметила я, подбирая слова.

— Угу, — пробормотал он, и я увидела своим периферийным зрением, что он встал и пошел в сторону комода, на котором я пыталась сосредоточиться.

Что он делает? Я сглотнула и бросила секундный взгляд на самую потрясающую задницу, которую когда-либо видела, прежде чем снова отвести взгляд.

— Я просто хотела поблагодарить тебя.

Мышцы на его шее поднимались и опускались. Вы никогда не видели трапециевидные мышцы, пока не видели Эйдена.

— Я получил ее бесплатно, а тебе была нужна новая.

Я на секунду снова взглянула на его задницу. Я слабая. А потом посмотрела снова. Такая чертовски слабая.

— Они дали ее тебе бесплатно? — мой голос звучал напряженно, а почему бы и нет?

Я не могу перестать пялиться на самую великолепную округлую задницу и бедра во Вселенной. Я хотела укусить их. Я, правда, хотела покусать их.

— Я попросил ее впервые. Им пришлось дать ее мне, — бросил он через плечо.

Его комментарий согрел меня сильнее, чем должен был, и я сосредоточилась на золотой цепочке вокруг его шеи. Я хотела спросить его о родителях и почему они не фигурируют в его жизни. Я хотела знать, был ли он занозой в заднице, когда был ребенком.

Но сильнее всего я хотела узнать, что больше всего он любил в своих дедушке и бабушке. Но не сделала ничего из этого. Вместо этого, я спросила в его спину:

— Могу я кое о чем спросить тебя?

— Я сказал, что ты можешь.

Возможно, наши отношения и стали лучше, но мне все равно время от времени хотелось встряхнуть его. Что-то мне подсказывало, что это никогда не изменится.

— Я всегда задавалась вопросом, почему вместо футбола ты не играешь в хоккей?

Он развернулся лицом ко мне всем своим большим, влажным телом, надевая серо-лиловые пижамные штаны. Из-под мешковатых краев его штанов выглядывали эти длинные ноги. И эта верхняя часть его тела...

Данная картина не надоедала, и я не стала невосприимчивой к этим твердым, круглым соскам, которые окружены влажными, темными волосами. Или к этим жестким, твердым мышцам брюшного пресса. К этим широким плечам, узкой талии и выпуклым мышцам, из-за чего он выглядел более впечатляюще.

В прошлом году он отказался от съемок для обложки журнала по какой-то глупой причине, и я не понимала, почему. Даже если он много весил, он выглядел потрясающе. Если бы он только решил продавать календарь со своими фотографиями, он заработал бы так много денег.

Но об этом я подумаю позже, а не когда Эйден рассказывает мне о том, что я исказила стереотипы об остальных его соотечественниках.

— Не все канадцы хорошо играют в хоккей, — объяснил он, завязывая шнурок своих пижамных штанов.

Я посмотрела в его спокойное лицо и приподняла брови.

— Ты говоришь, что полный отстой в этом?

Он окинул меня своим самодовольным взглядом, который обычно я ненавижу, и уперся своими руками в бедра.

— Я не полный отстой. Я хорош в хоккее. Просто не наслаждаюсь игрой.

Высокомерный?

— Ты же сидела со мной на всех этих интервью. Ты все знаешь, — добавил он тоном, который задел что-то во мне, будто он пытался сказать мне что-то, что я никак не могла собрать воедино.

— Ты просто всегда говорил, что тебе нравилось играть в лакросс, вот и все, — по какой-то причине, никто никогда не спрашивал, почему он не играет в более популярный канадский вид спорта, чем в тот, который был преимущественно американским, ну, насколько я помню.

Здоровяк оперся своей задницей о комод.

— Когда я был моложе, мой дедушка записывал меня туда на пару сезонов, но во мне ничего не щелкнуло, ты этого не знала? — я покачала головой. — Хоккейный тренер из моей старшей школы в десятом классе пытался рекрутировать меня играть за него. Тогда я уже был метр восемьдесят. Весил девяносто килограммов, но я сказал ему, что не заинтересован.

Даже если я признаю, что различия между футболом и хоккеем огромны, я все еще не могу понять, на что он намекает.

— Что тебе в нем не нравится?

— Мне он не нравится. Вот так все просто, — он надавил кончиком своего языка изнутри на щеку, и Здоровяк не делал никакого театрального представления из того, что говорил. — Мой отец бил меня, потому что мог, по крайней мере, раз в неделю, пока я не достиг половой зрелости. За всю свою жизнь я ввязывался в достаточное количество драк; я буду драться с кем-то по хорошей причине, но не ради игры.

Пока росла, я пыталась не сильно жалеть себя. Из-за того, что мать не слишком сильно любила меня. Из-за того, что я оказалась не так важна для того, кем бы ни был мой отец, чтобы хоть раз попытаться встретиться со мной.

Даже если я и не была так испорчена, как мои сестры, у меня был характер. Я легко выходила из себя. Но я научилась это контролировать. Я рано решила, что не собираюсь позволять эмоциям определять меня.

Я хотела быть лучше. Хотела быть хорошим человеком. Я хотела быть кем-то — не обязательно кем-то великолепным или кем-то важным — но тем, с кем я могу жить.

Мой младший брат совсем не пил, и я знала, это потому, что у нашей мамы были проблемы с выпивкой. Он был на четыре года младше меня и провел в этом доме меньше времени, чем я, но помнил достаточно.

А как иначе? Но я не хотела избегать алкоголя из-за страха того, что он мог сделать со мной. Я не хотела демонизировать его. Хотела лишь доказать себе, что алкоголь — не монстр, который уничтожает жизни, пока мы сами себе этого не позволим.

Вся наша жизнь основывается на выборах. Ты выбираешь, что из нее сделать. И я не собираюсь позволить ей сделать из меня суку. Я могу быть зрелой взрослой, которая знает свои границы. Я могу быть хорошим человеком. Может, не все время, но достаточно.

Так что объяснение Эйдена и тот факт, что его долбанутый отец бил его, поселились глубоко в мягком, нежном местечке во мне, которое находится глубже, чем мое сердце. Я знала, каково это — не хотеть упасть в дыру, которая уже выкопана для вас, даже если и был шанс заполнить ее. Из-за этого у меня защипало глаза.

Я опустила голову, чтобы он не заметил восемьдесят разных нежелательных эмоций, отразившихся на моем лице.

И, может быть, Эйден чувствовал себя таким же неуравновешенным, как и я, поэтому он отошел от темы и двинулся к более безопасной.

— В любом случае, до этого я все равно играл в лакросс.

С остальной частью истории я была знакома, и рассказала ее, не отрывая взгляд от бежевого ковра.

— Лесли уговорил тебя играть в футбол, — поделилась я с ним информацией, которой он делился с остальными сотню раз до этого.

Согласно истории, раньше он никогда не играл в футбол, и ему было интересно. Остальное история. Только сейчас я знаю фрагмент истории, о котором не знала раньше, но долгое время знал Лесли.

Он был лучшим другом его дедушки. Лесли верил, что спросил Эйдена в правильный момент. Это было мгновенное решение, которое изменило все направление его жизни.

Тем летом, между десятым и одиннадцатым классом, он набрал девять килограммов мышечной массы и тренировался с Лесли несколько раз в неделю. В середине последнего года обучения в старшей школе несколько учебных заведений в Канаде и США уже пытались заполучить к себе Эйдена Грэйвса.

Он был феноменальным. Естественным. Его талант и тяжелая работа так глубоко врезались в него, что невозможно было игнорировать алмаз в грубой огранке.

— Лесли попросил меня играть в день, когда дедушка застал меня с девушкой на заднем сидении его машины, и сказал, что мне нужно занять свое время чем-то более продуктивным, или это сделает он.

Как насчет этого. Он действительно не девственник. Ха. Мой рот дернулся, и я встретила своим взглядом с его.

— Ну, мне кажется, это здорово, что ты ввязываешься в драки только с людьми, которые заслуживают, чтобы из них выбили все дерьмо. Если тебе об этом никто не говорил, это действительно благородно. По-супергеройски.

Из-за моего комментария Здоровяк закатил глаза, чувствуя себя некомфортно из-за моего комплимента. Ну, ему было некомфортно из-за любых комплиментов, высказанных в его адрес. Не знаю, почему нахожу это таким привлекательным, и мне правда этого не хочется, но невозможно чувствовать что-то иное. Как кто-то может быть таким высокомерным и одновременно смиренным?

— Я совсем не герой, — заспорил он.

Мою грудь наполнил всплеск привязанности.

— Ты пришел спасти меня на прошлой неделе, когда я нуждалась в тебе. Ты можешь быть не совсем белым рыцарем в сияющих доспехах, — сказала я до того, как успела обдумать свои слова.

Его голова слегка дернулась назад, и он сфокусировал на мне взгляд своих глаз. Его челюсть напряглась.

Я сказала достаточно, и не хочу слишком давить. С таким курсом, каким двигаюсь я, далее я сделаю комплимент его заднице.

— Ладно, я знаю, что тебе скоро надо будет ложиться, и я просто хотела поблагодарить тебя за подарок. Я буду носить его с гордостью, но только не говори Заку, что его джерси я оставила дома.

Здоровяк кивнул, выпрямляясь. Он опустил руки по бокам.

— Спокойной ночи, Ван.

Я сделала шаг назад и схватила дверную ручку, улыбаясь, когда закрывала за собой дверь.

— Спокойной ночи.

«Встреть меня в семейной комнате», — прочитала я записку, написанную аккуратным почерком на обратной стороне чека из продуктового магазина; я ожидала всего лишь билет, а не пропуск, чтобы пройти через охрану, шедший в довесок.

Пропуск, как постоянное напоминание, прожигал мой карман всю игру — игру, которую они проиграли. Я продолжала прикасаться к нему, чтобы убедиться, что не обронила его, и пыталась понять, почему после игры он попросил меня встретить его там.

То есть, я пару раз встречала его, но всегда лишь потому, что ему было нужно что-то от меня, когда я на него работала.

Мне пришлось спросить у нескольких работников стадиона, куда идти, потому что, когда я раньше ждала Эйдена, то обычно подъезжала прямо ко входу семейной комнаты.

Я не очень хотела идти в семейную комнату, особенно потому, что это первый раз с прошлого сезона, когда я увижу всех. Я не могла назвать ни одну из жен своей подругой, даже если они дружелюбны, но не думаю, что за год они обо мне забыли.

Тогда я была единственной женщиной в жизни Эйдена, и некоторое время я была «новенькой», потому что многие из них не верили, что я его ассистентка, и наши отношения были лишь деловыми.

И теперь...

Ну вот, теперь я выгляжу как лживое чмо, тогда как в прошлом между нами с Эйденем ничего и не было. Но не то чтобы теперь все в это поверят, даже если я не видела их с тех пор, как он в октябре получил травму.

И если быть честной с самой собой, я немного боялась.

Ладно, больше, чем немного.

Мне действительно пришлось добавить в свой позвоночник немного стали, напоминая себе, что мне известно, что я никому не врала. И пока я это знала, это все, что мне было необходимо. Я здесь только ради Эйдена, ни для чего больше.

Я мысленно продолжала повторять себе эти слова, проходя один за другим пропускные пункты охраны со своим пропуском и документами, спрятанными в заднем кармане.

«Семейная комната» — это просто всем известная зона на пути к парковке игроков, здесь никогда нет СМИ, интерьер — всего несколько диванов и круглых столов. Я не торопилась, пока шла туда, но все равно оказалась там слишком быстро.

Пройдя последний пост охраны, я подняла подбородок и зашла в комнату, будто в этом нет ничего особенного, будто мне не из-за чего чувствовать себя плохо.

Комната оказалась забита. Забита детьми, женщинами и мужчинами всех возрастов. Она была наполнена атрибутикой «Трех Сотен». Первые слова «О, дорогая, поздравляю!» ударили меня прямо между лопаток, и даже если я не была актрисой, я не хотела быть грубиянкой, даже обманывая.

Поэтому я развернулась и одарила женщину, разговаривающую со мной, самым счастливым взглядом.

А далее последовали, вероятно, самые болезненные тридцать минут в моей жизни, и это о многом говорит, учитывая мою последнюю поездку в Эль-Пасо, которая стала абсолютным провалом.

— Я так рада за тебя!

— Вы созданы друг для друга!

— Вы ожидаете пополнения?

— Ты должна всегда поддерживать своего мужчину.

— Обязательно запланируйте ребенка на межсезонье!

Созданы друг для друга? Мой мужчина? Чертов ребенок?

Не уверена, как меня не вырвало. Честно. А потом последовали тонкие комментарии о том, как жены игроков НФЛ, особенно членов команды «Трех Сотен», должны себя вести.

Игроки должны быть центром Вселенной. Предпочтительно, чтобы семью не видели и не слышали. «Мы» — невидимая система поддержки.

Я не многое знала о женщинах, но достаточно о парнях по фрагментам и кусочкам, которыми Зак иногда делился со мной, и лишь некоторые из них были впечатляющими. И если парень — кусок дерьма, то как его подруга может быть значительной?

И когда я обдумывала это, меня пронзило осознание, что я замужем за человеком, которого считают самым большим мудаком в команде.

По крайней мере, по историям Зака, которые он рассказывал мне в прошлом. Эйден недружелюбный, закрытый и не прикладывает никаких усилий для установления дружественных отношений с кем-либо, а тем более с супругами и семьями людей, с которыми состоит в одной команде. Он говорил об этом снова и снова — у него нет времени на дружбу и отношения.

Что это говорило обо мне? Я идиотка и проститутка, в зависимости от того, как анализировать факты.

Я как раз разговаривала с одной из жен ветеранов команды, у которой уже было готово праздничное блюдо на День Благодарения, когда игроки начали заполнять комнату.

Очевидно, ее муж был одним из них, потому что она почти сразу похлопала меня по руке после того, как заглянула мне через плечо.

— На следующей игре я возьму у тебя номер телефона. Мы должны держаться вместе, детка.

Помимо того, что я была идиоткой и проституткой, я была самозванкой. Здесь были все эти женщины, которые пытались быть милыми, включая меня — хотя некоторые из них отвадили меня от того, чтобы появляться в семейной комнате — но вот я здесь. Я.

Фальшивая жена. Человек, который через несколько лет исчезнет из их жизни, если не раньше, зависит от того, что в ближайшем будущем решит делать Эйден.

Может, эта «проводить-время-в-семейной-комнате» идея не очень хорошая.

Хорошая часть заключается в том, что обычный сезон уже наполовину закончился.

Крепко обняв меня одной рукой, за все время с того момента, как я зашла в комнату, она впервые оставила меня одну. Я наблюдала, как игроки подходят к своим семьям в разных настроениях.

У некоторых на лицах были спокойные улыбки, у некоторых — неохотные, а у других — грустные. Некоторые выглядели злыми и не пытались спрятать свои эмоции, очевидно же, что они хотели бы оказаться в другом месте, а не здесь.

Где Эйден?

Он, что, забыл обо мне...

Вдруг в группе мужчин немного меньше его появилась знакомая большая голова. Эти глубоко посаженные карие глаза быстро просканировали комнату, прежде чем он заметил меня.

Я махнула.

Когда он слегка опустил подбородок, черты его лица не выражали никаких эмоций. И он произнес этими своими красивыми, полными губами:

— Готова?

Я улыбнулась и кивнула. Преодолевая заполненную комнату, большую часть времени я не отводила свой взгляд от лица Эйдена. Когда проходила мимо двух парней, для которых делала кое-какую работу в прошлом, то резко остановилась, когда один из них пожал мне руку; другой игрок, суперсексуальный, в которого была влюблена каждая фанатка «Трех Сотен», обнял меня.

Обязательно расскажу об этом Диане. Она сошла с ума, когда в прошлый раз я рассказала ей, что делала для него кое-какую работу.

Вероятно, у меня на лице было видно, насколько привлекательным я считаю этого парня, потому что, когда я оказалась рядом с Эйденем, он хмурился.

И я чувствовала жуткое ощущение от того, что на меня смотрят множество глаз, на нас, смотрят и осуждают, и знают, что мы должны делать. Широко распахнув глаза, я улыбнулась ему фальшивой улыбкой, сверкнув зубами, чтобы он точно понял — это знак для него мысленно подготовиться.

Конечно, я должна была поцеловать его.

Вместо этого обняла, впервые обернув руки вокруг его талии.

А тот факт, что мы — буквально — спали вместе, но никогда официально не обнимались, был выше моего понимания. Чтобы сделать это, нам понадобилось два с половиной года.

Если бы я когда-нибудь мечтала о том, каково это — обнимать Эйдена, то реальность меня бы совсем не разочаровала. Несмотря на то, что его широкие плечи уменьшались к фигурной талии, она была не такой уж и маленькой. Это иллюзия, основанная на том, насколько мускулистая и негабаритная верхняя часть его тела.

Мои руки соединились на его поясице. Грудь прижалась к его животу, и он оказался таким же твердым и неприступным, как и выглядел. Я прижалась щекой к месту прямо между его грудными мышцами. Его тело было теплым после душа, который он принял, и он пах чистотой и мягким ароматом своего мыла.

Пока я вдыхала его аромат, он обнял меня. Нежно, нежно, очень нежно. Одной рукой он обвил верхнюю часть моих плеч, а другую положил прямо под ней. Он усилил свое объятие и притянул меня ближе в кокон своего большого тела.

Я пыталась не замереть. Он обнимал меня. Он обнимал меня.

Что-то коснулось моей макушки, и я знала, я, черт побери, знала — это его подбородок.

Вероятно, это второе самое лучшее объятие в моей жизни; его бьет только объятие моего приемного отца, которое он подарил мне, когда навестил меня в больнице сразу после того, как Сьюзи сбила меня машиной.

Он первый, кто пришел ко мне, первый человек, что зашел в мою палату после того, как я очнулась, и я расплакалась. Он обнял меня и позволил горевать о смерти тех отношений, что у нас с ней были.

Но это совсем иное объятие.

Учитывая, что Зак по всем меркам не маленький мужчина, да и рост моего младшего брата метр девяносто, меня никогда не обнимал кто-то такой же большой, как Эйден. Мне это нравилось. Очень. Его бицепсы, прижатые к моему уху, приглушали болтовню людей на заднем фоне. Меня будто поглотило торнадо.

Большое, мускулистое торнадо с потрясающим телом, которое будет присматривать за мной следующие несколько лет моей жизни, даже если не на лучших условиях.

И большое, мускулистое, теплое торнадо с потрясающим телом, которое, наконец-то, стало моим другом.

Из-за этого я улыбнулась в его любимое худи, которое он надел.

— Это приятно, — призналась я шепотом.

Грудь под моим лицом напряглась так сильно, как только могли эти изысканные мышцы.

Все объятие, в общем, продлилось, наверное, секунд пять, прежде чем я отстранилась, улыбаясь как идиотка, и, возможно, я даже покраснела, потому что этот момент был таким монументально грандиозным, и мне казалось, будто я выиграла золотую медаль.

Потом я вспомнила, что команда проиграла игру, и засунула руку в карман со слегка растаявшими мятными конфетами, которые пронесла на стадион. Я планировала съесть их, но когда нашла пропуск вместе со своим билетом, то съела одну, оставив другую для Здоровяка.

Протягивая ему завернутую в обертку конфету, я приподняла брови.

Он приподнял свои брови в ответ и забрал из моей ладони конфету, раскрыл ее и засунул в рот; обертка исчезла в кармане его кофты.

Я наблюдала, как он медленно жует, и спросила:

— Ты должен что-то еще сделать?

Виннипегская Стена покачал головой, все его внимание было полностью сфокусировано на мне.

Я покраснела, не уверенная, как чувствую себя от того, что стала центром его интенсивного взгляда.

— Хочешь поехать домой?

— Да.

— Ты подвезешь меня до моей машины? Я припарковалась на месте для обычных людей...

— Я подвезу тебя.

— Не уверена, позволят ли они тебе заехать на парковку... — я замолчала, когда заметила его «ты идиотка, Ван» взгляд. Я, правда, хотела засунуть палец ему в нос. — Верно. Конечно, они позволят тебе заехать. Тогда подвези меня.

Эйден молча согласился, наклоном головы указав мне в сторону выхода.

Может быть, мы успели сделать два шага, когда я заметила знакомое лицо; мужчина стоял у входа в семейную комнату. Я выпрямила плечи, когда мы дошли до принимающего «Трех Сотен».

Я уловила момент, когда он заметил Эйдена и меня рядом с ним. Улыбка, которая появилась на его лице, была тревожной и вывела меня из себя.

— Хорошая игра, мужик, — сказал Эйдену Кристиан Дельгадо, однако он не отводил взгляда от меня. — Привет, Ванесса.

— Привет, Кристиан, — поприветствовала я его в ответ, мой голос звучал безэмоционально, абсолютно без энтузиазма.

— Как поживаешь?

— Хорошо, спасибо, как ты? — мой голос, правда, звучал как у Ларча из «Семейки Аддамс».

Распускающий руки ублюдок подмигнул. Он, черт возьми, подмигивал мне, пока Эйден играл роль моей огромной тени.

— Отлично, милая.

Милая? Правда?

На мои плечи опустился тяжелый вес. Периферийным зрением я заметила на своем плече тяжелое запястье. Взгляд на моем лице оставался бесстрастным, когда мы прошли мимо него и направились в сторону туннеля.

Наконец, когда мы оказались далеко от семейной комнаты и Кристиана, я посмотрела на Эйдена.

— Прости, что обняла тебя, но я знала, люди смотрят, и было бы странно, если бы я этого не сделала.

Он с отстраненным взглядом продолжал смотреть вперед, но покачал головой.

— Как все там прошло?

— Пять женщин, с которыми я никогда не разговаривала, спросили, на каком я месяце беременности. Трое других сказали, что мне лучше планировать рождение ребенка в межсезонье, если я не хочу, чтобы меня все расстраивало.

Я приподняла бровь, снова обдумывая эти разговоры. Мне не нравилось, когда люди говорили мне, что делать, особенно те, кого я не знаю, и которые суют свой нос не в свое дело.

— Игнорируй их.

— Стараюсь, — вздохнула я, до сих пор разрываясь между неприятными ощущениями от того, что я обманщица, и раздражением на других женщин, которые оказались такими назойливыми.

Эйден нахмурился.

— Что такое?

— Ничего.

Эйден сжал мое плечо.

— Что такое?

Я посмотрела на него взглядом, как можно точнее стараясь сымитировать его.

— Я чувствую себя плохо из-за того, что веду себя с ними дружелюбно, когда на самом деле все не так, как они думают, — я заметила, что морщинка между его бровей стала глубже.

— И кто знает, что случится через несколько месяцев, верно? — я понизила голос, зная, насколько конфиденциальна эта информация.

Он медленно кивнул, не осторожно, но в нем бушевала какая-то другая эмоция, которую я не могла определить.

— Мы не можем жить в разных штатах, — произнес он громко, будто это не то, о чем нужно говорить шепотом.

Я осмотрела дорогу, по которой мы шли, чтобы убедиться, что ниоткуда не появился человек с диктофоном в руке.

— Ты хочешь поговорить об этом сейчас?

— Почему нет? — ссутулив плечи, спросил мужчина, который лгал лишь тогда, когда восходила голубая луна.

Не заметив никого поблизости, я пожалала плечами под его запястьем.

— Потому что ты не хочешь, чтобы об этом знали все?

— Мне плевать, Ван. Я всегда буду делать то, что лучше для меня. Если это кого-то удивляет, это их вина.

Тот факт, что я два месяца хранила в тайне мой план уволиться совсем не давил виной на меня. Совсем. Я знала, что из всех людей, именно Эйден поймет то, что я сделала, если задумается над всем этим.

— Ты не против переехать? — спросил он.

— Я знала, во что ввязываюсь вместе с тобой, Здоровяк. Я не собираюсь неожиданно давать задний ход. Ты говорил, что не совсем счастлив здесь. Это твоя мечта, — я знала, его контракт почти истек.

Я знала, даже после того, как он подпишет контракт с командой, его могут продать в любой момент. Я была готова к такой реальности. Конечно, здесь Диана, но нас с моей лучшей подругой могут разделять континенты, и мы все равно найдем способ общаться каждый день.

Дистанция никак не повлияет на нашу дружбу. Ведь я как-то выжила с четырнадцати лет, когда мы перестали с ней быть соседями. Плюс, я никогда не перееду обратно в Эль-Пасо. Никогда.

С другой стороны, у моего брата собственная жизнь. Мы виделись так часто, как могли, но с его колледжем и баскетболом этого недостаточно. После его игры в Дентоне, мы, возможно, не увидимся с ним еще месяц или два.

Меня это устраивало, потому что я знала, у него все хорошо. Он делал то, что любил. С этой мыслью, стоя рядом с мужчиной, который всеми силами цеплялся за свою мечту, я остановилась. Как и он.

Выражение на лице Эйдена было сдержанным, но я хотела убедиться, что он понимал.

— Я могу работать где угодно, и, в любом случае, я здесь ради тебя, а не ради команды. Делай то, что тебе нужно.

У него на лице появилось немного забавное выражение.

— Мы все уладим, но не переживай обо мне, — пыталась заверить его я. Не уверена, почему он думал, что я передумую, кину его или сделаю что-то из того, о чем он думает.

Я долго и упорно думала об этом, прежде чем согласилась выйти за него замуж.

Спортивная карьера — вещь непостоянная, даже если сейчас он в своей лучшей форме.

Нечто яркое могут отобрать у вас в любое время.

Я улыбнулась ему и спросила:

— Ты голоден? — я заморгала. — Глупый вопрос. Ты всегда голоден. Дома я что-нибудь приготовлю.

— Ты не ела?

— Ела до того, как пришла на игру, но это было несколько часов назад.

— Из-за бега ты должна следить, что ешь достаточно, — добавил он, из-за чего я практически споткнулась. — Что ты сегодня делала?

— Ничего. Была дома.

— Что насчет твоей подруги, с которой ты всегда разговариваешь? Она живет здесь, не так ли?

— Диана? Она вчера уехала к родителям.

— В Эль-Пасо?

— Нет. Пару лет назад они переехали в Сан-Антонио.

— Ты не хотела поехать с ней?

— Я не привыкла возиться в День Благодарения. Я лучше поработаю и заработаю денег.

Это полуулыбка появилась у Эйдена на лице? Уверена, так и есть.

— Я люблю Хэллоуин и Рождество. Вот и все, — объяснила я чуть детально. Смотря на его улыбку, я заставила себя задать вопрос, о котором думала последние несколько дней, с тех пор как в соседнем продуктовом магазине появились рождественские деревья.

— Эй, ты не возражаешь, если я установлю елку на Рождество? — и украшения, но я оставила это при себе.

Я уже подготовилась, что он ответит «нет».

Но он не сказал «нет», пока вел меня по парковке к своему «Рендж Роверу», припаркованному на самом ближнем месте, потому что он всегда был первым, кто выходил со стадиона.

— Если это делает тебя счастливой, я не возражаю.

Я резко подняла голову.

— Правда?

— Ага, — он смерил меня взглядом. — Прекрати вести себя так, будто ты в шоке. Ты, правда, думала, что я скажу тебе «нет»?

И вдруг я почувствовала себя идиоткой.

— Может быть.

Он закатил свои карие глаза.

— Меня не волнует Рождество, но если хочешь что-то сделать, вперед. Тебе не нужно спрашивать. Это и твой дом тоже.

Пока я смотрела на него, то не могла понять, откуда взялся комок, сформировавшийся в моем горле, но очень долго я не могла избавиться от него.

Не знаю, кого он пытался обмануть, потому что у него это не получалось.

Черная вязаная шапочка, которую он натянул до бровей, ничего не скрывала. Как и солнцезащитные очки, которые он надел, когда мы вышли из машины.

Конечно, его толстовка с капюшоном, в основном, скрывала большие мускулы под ней, но не может почти стосорокакилограммовый мужчина стать незаметным.

Будто слона одели в камуфляж.

В нашем случае спортивная суперзвезда приехала на баскетбольную игру между колледжами, и он пытался оставаться настолько незаметным, насколько это возможно, прикладывая при этом самые минимальные усилия. Вот в чем вся суть Эйдена — он никогда не переставал быть собой, даже пытаясь оставаться инкогнито.

Он просто предпочитал быть отшельником у себя дома, чтобы его не заметили. Поэтому меня и наняли. Я понимала. Действительно. Он ценил свою личную жизнь, и глубоко в сердце я знала: он был бы таким же, даже если бы не был знаменитым.

Но вот он заходил со мной на баскетбольный стадион в Дентоне, штат Техас, где соберутся несколько сотен людей, и все ради того, чтобы посмотреть на игру моего брата.

Когда я проснулась рано утром на следующий день после Дня Благодарения, последнее, чего ожидала, найти Эйдена бодрствующим за уголком для завтрака. Обычно на следующий день после игры он спит мертвым сном и даже в обед спит дополнительные два-три часа.

После проигрыша «Трех Сотен» на День Благодарения команда дала работникам и игрокам отдохнуть весь остаток выходных.

Но вот он здесь в девять утра, на кухне, в своей пижаме и ест яблоко, и так же удивлен видеть меня здесь, как и я его.

После ужина прошлым вечером мы посмотрели два эпизода «Драгонболл Зет», а потом Эйден поднялся наверх и лег спать.

— Куда ты собираешься? — нагло спросил он, опуская приветствие.

— У моего младшего брата игра, — ответила я ему и подошла к холодильнику, чтобы сделать себе завтрак.

Удерживая яблоко у лица, он задумался.

— Какая игра?

И вот тогда я поняла, что никогда ему не рассказывала.

— Он играет в баскетбол за колледж Луизианы.

Виннипегская Стена моргнул.

— Какая позиция?

— Разыгрывающий защитник, — не уверена почему, но вдруг я спросила. — Хочешь сходить? Это всего в часе езды отсюда.

— Я планировал отдохнуть сегодня... — начал говорить он и пожал плечами. — В какое время ты хочешь выехать?

Ага, на секунду я потеряла дар речи.

И мне понадобилась почти вся поездка, чтобы решить, что мне надо было оставить его дома. Я не волновалась, если к нему подойдут фанаты или еще чего, — он тот, кто он есть — но я не учла того, что ему может не понравиться, что на него будут пялиться часами, если

узнают.

И как его можно не узнать? Он — лицо профессиональной команды НФЛ в Техасе. Даже люди, которые не смотрят футбол, знают, кто он такой с его-то известным именем.

А потом я напомнила себе, что Эйден всегда понимал все плюсы и минусы решений, которые принимал. Всегда. Он большой мальчик и принимал собственные решения, так что к черту. Если он хотел поехать со мной, кто я такая, чтобы сказать «нет»? Я держала рот на замке и свой совет при себе.

Итак, через несколько часов после моего приглашения, мы на большом стадионе, где университеты проводят свои игры. Наконец, впервые за весь сезон я получила возможность посмотреть игру своего младшего брата, и была очень взволнована видеть разыгрывающего защитника команды и то, что Виннипегская Стена был рядом со мной, когда обычно предпочитал оставаться дома.

После того, как я взяла билеты, которые купила по телефону — изначально я купила лишь один — мы без проблем прошли через охрану. Скоро мы нашли свою секцию, и Эйден жестом пропустил меня первой спуститься по лестнице.

Стадион был не очень заполнен. Учитывая, что это день после Дня Благодарения, и большинство студентов из Северного Техаса, вероятно, сейчас со своими семьями, и занимаются делами, которые не имеют ничего общего с баскетболом.

На трибунах лишь несколько цветов Луизианы. Поэтому сразу стало понятно, почему мы в последнюю минуту получили такие хорошие места.

Когда мы сели, игра еще не началась, но скоро уже должны были выходить игроки. Я улыбнулась Эйдену, когда он сел рядом со мной, и его колено коснулось моего.

Я потянулась и похлопала его по бедру. То есть, я сидела у него на коленях. Он спал со мной в одной кровати. Я обнимала его. И в сравнении с этим, что такое хлопок по бедру?

— Спасибо, что приехал.

Осторожное выражение его лица медленно превратилось в безразличное.

— Заткнись.

Я смотрела на него две секунды, а потом улыбнулась и снова прикоснулась к его бедру, фыркнув.

— Что? Я могу сказать тебе спасибо, если хочу.

— Не надо.

Я проигнорировала его комментарий.

— Я рада, что ты пришел. Заниматься подобным вместе веселее, чем в одиночку, даже если ты говоришь мне заткнуться. Я ценю это. Так что подай на меня в суд.

Эйден раздраженно вздохнул.

— Я пойду и найду уборную. Скоро вернусь.

Прежде чем он встал, я показала ему два больших пальца и заслужила от него раздраженный взгляд, а потом он исчез на лестнице. Я сидела и постукивала пальцами по коленям, и ждала, когда из раздевалок выйдут игроки.

Кто-то постучал по моему плечу, обернувшись, я увидела трех парней лет двадцати, на их лицах застыло нетерпеливое выражение.

— Привет, — произнесла я немного неуверенно, задаваясь вопросом, что происходит.

Один парень подтолкнул локтем другого, а третий прочистил горло, почесав место за ухом. Если я что и знала, так это когда люди ощущают неловкость, и именно это испытывали парни.

— Это Грэйвс? — спросил парень по центру, который получил удар локтем.

Черт.

— Кто? — улыбнулась я мило, используя свой лучший глупый взгляд.

— Эйден Грэйвс, — уточнил другой парень, будто это могло помочь, если я правда не понимала, о ком идет речь.

Должна ли я признаться, что это он? Или надо продолжать притворяться, что никогда об Эйдене не слышала? Часть меня хотела воспользоваться вторым вариантом, но если кто-то хорошо к нему присмотрится и подтвердится, что это он...

Ну, Эйден не тот, кто убегает от чего-либо.

Поэтому я перестала притворяться и кивнула.

— Да. Но это наш секрет.

Судя по взгляду, каким они обменялись, они были шокированы или не верили мне. На секунду они заморгали, прежде чем резко посмотреть на меня.

— Это, правда, он? — прошептал один из них.

Тот, что посередине, пробормотал:

— Твою мать, — затем слегка побледнел.

— Вживую он даже больше, — пробормотал тот, что справа. Потом развернулся на своем месте, чтобы осмотреться кругом, будто Эйден мог магическим образом появиться через пару минут.

Хотя парень был прав. Фотографии не отдают ему должное. Черт, я привыкла все время видеть Эйдена вблизи и до сих пор не могла стать невосприимчивой.

— Что он здесь делает? — спросил тот, что слева.

Это справедливый вопрос. Эйден ходил в колледж в Висконсине.

— Мой брат играет за Луизиану, — объяснила я, решив придерживаться правды. То есть, в любом случае, я все равно не могла лгать.

— Ты его девушка?

Парень посередине ударил предплечьем друга справа.

— Не будь чертовым идиотом. Очевидно, что она его девушка, придурок.

— Вы оба придурки, — произнес «левый». — Он женат. Я читал об этом в интернете, — на его лице появилась нерешительность, когда он посмотрел на меня. — Правда ведь?

Черт. Ну, я сама сделала это с собой. Назвался груздем, полезай в кузов. Мое лицо покраснело, но я пыталась взять себя в руки.

— Ага.

— Я не удивлен. Мне нравятся твои волосы, — улыбнулся «правый».

Ага, мое лицо слегка покраснело, и я поерзала на месте, осознавая, что уже две недели назад мне надо было сделать что-то со своим увядающим сине-зеленым цветом и просто заново покрасить волосы.

— Ох, спасибо.

— Чувак, может, ты заткнешься, черт возьми? Грэйвс может съесть тебя живьем, если не убьет, — прошипел парень по центру.

Я восприняла это как намек развернуться и посмотреть вперед. Они продолжали спорить шепотом за моей спиной. Должна ли я притворяться идиоткой?

Некоторое время спустя, пока маленькая девочка пела Национальный Гимн, большая задница Эйдена опустилась на место рядом со мной.

Я прижала к себе локти, чтобы освободить больше места для него, когда он протянул мне сувенирный стакан, наполненный, как я подумала, «Доктором Пеппером». В другой его руке была бутылка воды.

Я прислонилась к нему и похлопала его по руке.

— Спасибо, Здоровяк.

Наши взгляды встретились, прежде чем он прислонился ко мне в ответ; слегка натягивая щеку изнутри своим языком.

— Тебе не нужно все время благодарить меня.

— Заткнись, — я использовала его же слова, в ответ он лишь покачал головой, его лицо было в паре миллиметров от моего. Когда он уже начал отстраняться, я потянула его за рукав, притягивая ближе к себе.

И он не сопротивлялся. Эйден был так близко, что его подбородок, покрытый щетиной, касался кончика моего носа. Я не дернулась назад, осталась на месте, позволяя чудесному запаху чистоты, исходящему от его кожи, наполнить мои ноздри.

— Парни, которые сидят за нами, узнали тебя, — прошептала я.

Эйден чуть сдвинулся, и его рот потерся о мочку моего уха.

— Они тебе что-то сказали? — его жесткий, глубокий голос отдавался эхом в моей груди.

У меня ушли все мои силы, чтобы не вздрогнуть от его дыхания на чувствительном местечке на моей шее.

— Он спросили, ты ли это, и я ответила «да», — мне пришлось сглотнуть, когда еще один мягкий вздох коснулся моей шеи. — И они знают, что мы... ты знаешь... вместе.

Он не отреагировал.

— Я не знала, что сказать. Прости, — прошептала я.

Этого хватило, чтобы он отстранился и сухо посмотрел на меня.

— Ванесса...

Я опередила его.

— Заткнись.

— Я собирался сказать, чтобы ты перестала извиняться, но и это подойдет.

Он мне только что улыбнулся? Он самодовольно мне улыбнулся? Я не уверена. Я не уверена, но собираюсь принять это за «да». Да, он только что игриво улыбался мне.

И я моргнула. Мое сердце стукнуло два раза.

— В таком случае...

— Заткнись, — закончил он за меня.

Я рассмеялась и полезла в свою сумку, там под шарфом я спрятала красное яблоко от охраны и протянула его ему.

— Какой хороший мальчик. Если будешь хорошо себя вести, то я разобью в своей сумочке для тебя веганский бар.

Не знаю, что говорило обо мне то, что я ношу для него закуску, но не важно. Он как мой щенок, которого нужно часто кормить. Ну, знаете, большой щенок, из-за которого время от времени я ощущаю себя не в своей тарелке. Ага, не в своей тарелке. Вот так плохо.

Он взял яблоко и откинулся назад на своем сиденье, как раз когда центральный игрок команды подошел к центральной линии для розыгрыша. Как, черт возьми, я пропустила выход игроков на поле? Я сняла куртку, закатала свои рукава и приготовилась болеть за своего брата.

— Который из них он?

Я указала на парня с бледной кожей ростом под метр девяносто, которого в детстве наряжала в платья ради смеха.

— Тридцатый номер.

— Он выше, чем я думал, — заметил Эйден отсутствующим голосом.

— Думаю, его отец был высоким.

Эйден резко посмотрел на меня.

— Он у вас не общий?

— Нет. Уверена, что это не так. Насколько я знаю, своего я никогда не встречала, — и под этим я подразумевала, что ни один из мужчин не поднимал меня и не говорил, что он мой отец, когда я была ребенком.

Отец моего брата уделял мне не очень много внимания, когда был рядом. Когда я посмотрела на Эйдена уголком глаза, то заметила, что его лицо напряжено, а челюсть сжата.

— Что такое?

Его кадык дернулся.

— Ты никогда не видела своего отца?

Моя шея покраснела, и я внезапно ощутила стыд.

— Нет.

— Ты похожа на свою мать?

Я поправила дужку очков.

— Нет, — моя мать блондинка, бледная и ростом около метра шестидесяти пяти. Моя кожа больше персикового оттенка, натуральный цвет волос каштановый с красным оттенком, и я выше, чем остальные женщины в нашей семье.

— Мама моей подруги Дианы говорила, что мой отец, возможно, латиноамериканец или, может быть, кто-то со средиземноморской внешностью, но я точно не знаю.

— Ты всегда была высокой?

Если я выпрямлюсь в полный рост, то буду почти метр семьдесят пять.

— Сестры раньше называли меня Слепой Жираф, — где «Слепой» равнялся «Суке». — В детстве у меня были одни ноги и очки... о-о, смотри. Они начинают игру.

Когда я подпрыгнула впервые, чтобы криками подбадривать брата, то поняла, что Эйден оказался не готов к тому, какая я на самом деле фанатка. По крайней мере, как я болею за своего брата.

К началу второй части он начал отстраняться от меня, суетясь и шепча:

— Ты пугаешь меня, — когда я встала и начала орать на судью за дерьмовое судебское решение против Оскара, моего младшего брата.

Но когда во время перерыва он распахнул глаза и притворился, что еще дальше отстраняется от меня, я рассмеялась.

— Кто ты? — невозмутимо спросил он, и я фыркнула.

— Что? На твоей игре вчера я была такой же.

Он слегка опустил веки.

— Зак видел тебя?

Я кивнула.

Эйден моргнул.

— Думаю, я хочу назад свою джерси.

Я заморгала.

— А мне пофиг, Солнышко. Теперь она моя.

Уголок его рта начал приподниматься, когда кто-то прокричал:

— «Три Сотни» отстой! Ты отстой, Торонто!

Какого черта?

Когда я начала оглядываться и выискивать идиота, который кричал, Эйден коснулся моего подбородка указательным пальцем. Я замерла.

— Не волнуйся.

— Почему? — я хотела повернуть голову, но, вероятно, его палец обладал силой Халка, потому что я не могла двинуться.

— Потому что мне не важно, что он думает, — произнес Эйден таким серьезным голосом, что я перестала смотреть по сторонам и сфокусировала все свое внимание на этом привлекательном, высеченном из камня лице.

— Но это грубо, — он отпустил мой подбородок, и теперь своей большой рукой придерживал меня за шею. Большим и средним пальцами он почти полностью обхватывал мое горло.

— Ты думаешь, что я отстой? — серьезно спросил он меня, его голос был очень тихим, чтобы его слышала лишь я.

Я фыркнула и уже собралась открыть рот, чтобы сказать что-то умное, но он слегка надавил большим пальцем, и я хрипло застонала. Черт, сделай так снова. Но каким-то образом мне удалось выдать из себя:

— Нет.

— Тогда почему я должен переживать о том, что обо мне думают другие? — уверенно пробормотал он.

Говоря ему правду, я не опускала глаза:

— Я ничего не могу с этим поделать. Когда я работала на тебя, мне не нравилось, когда люди говорили гадости о тебе, а сейчас мне это нравится еще меньше.

Он впился в меня своими карими глазами.

— Даже когда ты посылала меня?

— Только потому, что ты меня злил, не значит, что я когда-либо прекращала заботиться о тебе, болван, — прошептала я и нахмурилась, не забывая о парнях позади нас.

— Тогда я бы сделала для тебя что угодно, даже когда ты действовал мне на нервы. Может, я и ждала до последней минуты, чтобы толкнуть тебя на полосу встречного движения, но я по-прежнему присматривала за тобой.

Я склонила голову в сторону идиота, который кричал минуту назад.

— Теперь, когда ты занимаешься своим делом и живешь своей жизнью, меня точно будет это волновать, что кто-то, кого ты не знаешь, выкрикивает подобную фигню. Этот парень тебя не знает. Кто он такой, чтобы говорить плохо о тебе?

Черт возьми, лишь думая об этом, мне хотелось повернуть шею и осмотреться кругом, но рука на моей шее удерживала меня на месте. Интенсивное внимание Эйдена будто прожигало мою кожу, проходило сквозь кальций моих костей прямоком во всю мою суть. Пока большим пальцем он поглаживал круговыми движениями мою шею, его ноздри раздувались, а мои ноги немели.

— Причинить боль могут лишь те люди, которым мы это позволяем, Ван. Ты сама сказала — этот парень меня не знает. Всю свою жизнь я беспокоился лишь о том, что думают обо мне четыре человека. И я не парюсь о каком-то неизвестном, сидящем там,

понимаешь меня?

Он передвинул руку и скользнул ею мне за ухо, поглаживая. Его пальцы были сухими и мозолистыми, и, вероятно, это было самое интимное, что мне когда-либо делали.

Слова, дыхание, жизнь... все это застряло в моем горле, пока я смотрела на невероятно длинные ресницы, обрамляющие эти эффектные глаза. Линия его плеч такая внушительная и бесконечная. Его лицо настолько серьезное и вдумчивое, что пронзало меня прямо в сердце, но каким-то образом мне удалось кивнуть, и из моего горла вырвались слова:

— Я понимаю.

И это правда. Я понимала.

Волновало ли его мое мнение? Он объяснил себя, свои решения и свои мысли. Но что это значит?

Он сказал, в его жизни четыре человека, и как я понимаю, это его дедушка, бабушка и Лесли. *«А кто этот еще один человек, чье мнение важно для него?»* — задавалась я вопросом.

Я прикусила щеку изнутри, и из меня вырвался дрожащий вдох.

— Я знаю, тебе не важно, что думает этот мудака, но это не значит, что мне хочется делать вид, будто он не ударил меня по руке. Тебе придется быть моим «свидетелем», — я слабо улыбнулась над своей шуткой. — Команда Грэйвс, верно?

Эйден не улыбнулся в ответ.

Он слегка наклонил голову вперед, и прежде, чем я смогла отреагировать, прежде, чем произнес хоть слово, он подался немного ближе, ближе, еще ближе и прижался своими губами к уголку моего рта. Клевок. Шот намного лучший, чем текила, с привкусом нашей дружбы, привязанности и органического сахара.

Когда он отстранился, всего на несколько миллиметров, наши взгляды встретились, а мое сердце отбивало сумасшедший ритм, граничащий с сердечным приступом. Я улыбнулась. Моя улыбка получилась нервной, смущенной, ошеломленной и удивленной, и мне пришлось сглотнуть.

— ВОЗВРАЩАЙСЯ ОБРАТНО В ДАЛЛАС! — прокричал мужчина снова где-то позади нас, и хватка Эйдена на моей шее неумовимо напряглась.

— Не волнуйся, Ван, — потребовал он с непроницаемым лицом.

— Я не собиралась ничего говорить, — ответила я, а потом вытянула руку подальше от него и завела ему за голову, показывая средний палец и надеясь, что идиот, который кричал, увидит его.

Эйден заморгал своими карими глазами.

— Ты только что показала ему средний палец, правда?

Ага, мой рот приоткрылся.

— Откуда ты знаешь, когда я это делаю? — мой тон был таким же удивленным, каким и должен был быть.

— Я знаю все, — сказал он так, будто и правда в это верит.

Я застонала и окинула его долгим взглядом.

— Ты, правда, хочешь играть в эту игру?

— Я играю ради средств к существованию, Ван.

Иногда я не могла противостоять ему, поэтому раздраженно закатила глаза.

— Когда у меня день рождения?

Он уставился на меня.

— Видишь?

— Третьего марта, Кексик.

Какого черта?

— Видишь? — передразнил он меня.

Кто этот мужчина и где Эйден, которого я знала?

— Сколько мне лет? — продолжила я неуверенно.

— Двадцать шесть.

— Откуда ты это знаешь? — спросила я медленно.

— Я уделяю внимание, — заявил Виннипегская Стена.

Я начала думать, что он прав.

Затем, будто чтобы скрепить сделку, он добавил:

— Тебе нравятся вафли, рутбир и «Доктор Пеппер». (*Примеч. Рутбир (англ. Root beer), или сарсапарилла — газированный напиток, обычно изготовленный из коры дерева Сассафрас*). Ты пьешь лишь светлое пиво. Себе в кофе ты добавляешь корицу. Ешь слишком много сыра. Твое левое колено всегда болит. У тебя три сестры, которых, я надеюсь, никогда не встречу, и брат. Ты родилась в Эль-Пасо. Ты одержима своей работой. Когда ты чувствуешь себя некомфортно, то начинаешь тереть уголок глаза или возишься со своими очками. Ты ничего не видишь вблизи и до ужаса боишься темноты, — он приподнял свои густые брови. — Что-нибудь еще?

Ага, я смогла выговорить всего одно слово.

— Нет, — откуда он все это знает? Как? Неуверенная в своих чувствах, я кашлянула и потянулась к дужке своих очков, прежде чем поняла, что делаю, и спрятала руку под свое бедро, игнорируя знающий взгляд на глупом лице Эйдена. — Я тоже многое знаю о тебе. Не думай, что ты клевый или особенный.

— Я знаю, Ван, — большим пальцем он еще три секунды поглаживал мою кожу. — Ты знаешь обо мне больше, чем кто-либо.

И я вспомнила о той ночи в моей постели, когда он признался в своем детском страхе, поэтому я расслабилась, улыбаясь.

— А я, правда, знаю, не так ли?

На его лице появилось странное выражение, будто он разрывался между тем, чтобы не беспокоиться об этом, и тем, что против моих знаний о нем.

Прислонившись ближе, я ему подмигнула.

— Я унесу с собой в могилу твою любовь к порно с горячими мамочками, не беспокойся.

Он уставился на меня, не моргая и не шевелясь. И затем сказал:

— Я вырублю электричество в доме, когда ты будешь принимать душ, — произнес он резко и четко, и у меня ушла секунда на то, чтобы понять, что он угрожал мне...

И когда я, наконец, это осознала, то разразилась смехом, и, не задумываясь, ударила его по внутренней стороне бедра.

— Кто так делает?

И Эйден Грэйвс, мой муж, ответил:

— Я.

Следующие слова вылетели из моих уст раньше, чем я смогла удержать их:

— А знаешь, что я сделаю тогда? Я заберусь в твою кровать, так что ха!

Какого черта я только что сказала? Что, мать твою, я только что сказала?

— Если ты думаешь, что я должен испугаться... — он наклонился вперед, наши лица находились в паре миллиметров друг от друга. Рука на моей шее, и подушечки пальцев, поглаживающие кожу у меня за ухом, остались на месте. — То мне не страшно.

Даже если тот маленький поцелуй, который он подарил мне, не нанес сильных повреждений, то от того, как он произнес эти слова, мое сердце снова заколотилось. Меня бросило в жар. Все, что, как я думала, я знала, стало выходить из-под контроля.

Он прикалывался со мной. Флиртовал. Эйден Грэйвс. Что это такое?

И мне совсем не помогло то, что когда я смогла успокоить свое сердце и голову, завибрировал мой телефон. Когда я увидела, что пришло сообщение от Дианы с фотографией, я не стала задумываться над этим.

Но когда разблокировала экран, меня снова охватило волнение.

Она прислала снимок ее телевизора. На экране мы с Эйденем сидим на трибуне, его лицо так близко к моему, а рукой он обнимает меня за шею.

Все это выглядело... ну, не знаю, на что это было похоже, но мы с Эйденем смеялись. И я видела, как все это не выглядело для меня.

Со стороны совсем не казалось, что то, что между нами, фальшивка.

Но затем я задумалась. Был ли Эйден супердружелюбным и флиртовал со мной лишь потому, что ожидал, что это произойдет?

— Смотри, он там, — я ударила Эйдена тыльной стороной руки и указала на парня с каштановыми волосами, он стоял снаружи в окружении товарищей по команде и других людей, не связанных с университетом. — Оскар!

Мой брат не развернулся.

— Оскар Мейер Вайнер! — крикнула я снова.

На эти слова он развернулся с большой улыбкой на лице. Я махнула ему одной рукой, а другой потянула за руку Эйдена, ведя его вперед. После игры у него обычно не так много времени, чтобы поболтать, поэтому я хотела воспользоваться этими несколькими минутами, что у нас были.

Когда мы подошли ближе, мой брат прорывался сквозь толпу, но резко остановился, переводя взгляд с меня на Эйдена, а затем снова пошел в нашу сторону. За спиной Оскара люди из толпы тоже смотрели в нашу сторону.

Мой брат улыбался, но продолжал с замешательством смотреть на Эйдена.

— Почему ты мне не написала, что приедешь? — потребовал он, когда я подошла к нему и позволила брату крепко обнять себя, приподнимая над землей. За последние десять лет он стал выше меня, и никогда не переставал напоминать мне об этом.

— Я написала тебе по пути сюда, но поняла, что твой телефон отключен, когда ты мне не ответил, — ответила я, когда он отпустил меня. Я улыбнулась ему, обхватила его лицо ладонями и сжала его щеки вместе.

Сейчас мы не очень близки, но я безумно люблю его. Он — единственный в моей семье, кто никогда не разочаровывал меня.

Он высунул язык и попытался лизнуть мою руку.

Я ущипнула его за щеку, убрала свои руки и сделала шаг назад, потершись плечом о руку Эйдена.

— Оскар, Эйден. Эйден, это Оскар.

Эйден первым протянул руку.

— Приятно с тобой познакомиться, — сказал Оскар, его тон был слегка удивленным,

пока он пожимал руку Эйдена.

— И мне, — Здоровяк отстранился. — Ты хорошо сыграл.

Я наблюдала за ним уголком глаза. Он только что сделал комплимент?

Мой брат кивнул, его лицо слегка покраснело. Большой идиот как молодая версия меня — слова не самая сильная сторона в нашей жизни.

— О, эм, спасибо. Все говорили о том, что ты был на игре, — пробормотал он, а потом его взгляд скользнул к моему лицу, так как его лицо до сих пор сохраняло розовый оттенок. — Я не думал, что вы будете здесь вместе.

Я пожала плечами, не зная, что ответить.

— Как прошел День Благодарения?

Оскар стрельнул в меня взглядом, в котором читалось, что этот день значит для него столько же, сколько и для меня.

— Нам надо было тренироваться, большинство из нас поехали на ужин к тренеру. А у тебя?

— Я работала, а потом была на его игре, — я подтолкнула локтем Эйдена в предплечье.

— Эй... — он на мгновение перевел взгляд мне за плечо; на его лице появилось неловкое выражение. Оскар тяжело и протяжно вздохнул. — Черт побери, Ванни. Мне жаль, ладно? Ты застала меня врасплох, и я забыл...

Мне не понравилось то, куда он клонил. Мы никогда не извинялись друг перед другом. Мы с Оскаром всегда знали, что должны делать, чтобы выжить. Он дал мне свое благословение перед моим отъездом в колледж вдали от него, и я никогда не наезжала на него за то, что он неделями не связывался со мной.

Но сейчас у меня было ужасное предчувствие...

— Сюзи здесь. По крайней мере, она сказала, что собирается приехать.

Твою ж мать. Твою ж мать. Я сжала зубы, один ряд поверх другого, и мне пришлось заставить себя не реагировать. У меня ушли почти все силы на то, чтобы подавить гнев. Чтобы увидеть Оскара, Сюзи должна была приехать именно сегодня?

С каких пор она вообще думает о нем? Даже если они всегда относились к нему лучше, чем ко мне, ни одна из моих сестер никогда не уделяла ему внимание.

— Я приехала увидеть тебя. Все нормально, — солгала я. Я не хотела видеть свою сестру, но и не хотела, чтобы он чувствовал себя из-за этого ужасно. И, как будто я не нахожусь в трех секундах от крика, я спросила: — Сейчас ты возвращаешься в Шривпорт?

Он кивнул, на его лице отчетливо был заметен дискомфорт. Полагаю, он знал меня слишком хорошо, чтобы купиться на это.

— Ага, — Оскар замолчал, в его глазах появилась боль, которая говорила «Мне так жаль», и поднял руку, чтобы махнуть кому-то позади меня. — Ванни, мне так жаль. Так жаль. Если бы я знал, что ты приедешь, я бы сказал ей...

Не приезжать? Ради Оскара я могу хорошо себя вести.

— Не переживай об этом. Я не собираюсь заставлять тебя выбирать между нами, — из-за этого он заворчал, и я отмахнулась от него. — Не будь идиотом. Обними меня.

Чистые, молодые черты его лица напряглись, но он кивнул и быстро обнял меня, прошептав мне на ухо.

— Через пару недель у нас игра против Сан-Антонио. Пожалуйста, приходи. Вы оба.

Я отстранилась и кивнула, немного более напряженно, чем мне бы хотелось. Я, правда, не хочу, чтобы он чувствовал себя плохо, но лишь осознание того, что Сюзи в

непосредственной близости от меня, заставляет меня считать до десяти.

Меня очень злит, что Сьюзи поблизости, когда я час ехала, чтобы увидаться с Оскаром.

— Приду. Не уверена насчет Халка из-за его расписания, но я буду, — я улыбнулась ему. — Значит, увидимся. Люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, Ванни, — сжав зубы, он посмотрел на Эйдена и снова протянул свою руку. — Было приятно познакомиться. Удачи в сезоне.

Здоровяк кивнул и пожал его руку.

— Спасибо. И тебе.

Я почти сразу ощутила дьявола. Как только обернулась, то сразу же заметила сестру и ее муженька-идиота. Будто мое тело запрограммировано чувствовать ее, когда она рядом. Так было всегда. Должно быть, это защитный инстинкт.

Очевидно, она тоже сразу нашла меня в толпе. На ее лице отразилась злость, губы скривились, пока она переводила свой взгляд с Эйдена на меня и обратно.

На десять сантиметров ниже меня и всего на два года старше, Сьюзи выглядела намного старше своего возраста, но это последствия наркотиков, употребления спиртного и просто того, что она жалкая сука. «Несчастье преждевременно состарило человека», — однажды сказала мне приемная мама. Она оказалась права.

Но я до сих пор не испытывала к своей старшей сестре никакой симпатии. Я верила в выбор. Мы выросли в одной среде, ходили в одну школу, и, как я думаю, у нас был одинаковый интеллект.

Но она всегда была грубой, злой, вредной, и в тринадцать она начала творить дерьмо, которое привело к еще большему глупому дерьму, пока она не оказалась похоронена под таким его количеством, что уже не смогла выбраться из него.

Никто не позаботится о тебе лучше, чем ты сам.

Собрав в себе всю свою взрослость, я сказала себе не быть милой. Да и не важно, как бы сильно я этого хотела, я не смогла бы быть милой. Так что я выдавила из себя:

— Привет, Сьюзи. Привет, Рики, — ей и ее наркоманской половинке, тому, кто оставил на мне синяки и чуть не получил за это по яйцам.

Как только эта мысль пронеслась в моей голове, большое тело рядом со мной застыло на месте. Мне не надо было смотреть на него, чтобы знать, что все его тело напряглось; я чувствовала это. Чувствовала его.

— Это он? — спросил Эйден тихим голосом, из-за чего у меня волосы на затылке встали дыбом.

— Кто? — хватило у меня тупости спросить.

— Парень, который оставил синяк на твоей руке.

Выражения «вот черт» на моем лице хватило ему, потому что когда я подумала об ответе — «да, это этот мудака» — мускул на лице Эйдена дернулся. И он исчез. Эти длинные ноги быстро преодолели пару метров между нами и Сьюзи.

Прежде чем я успела произнести хоть слово, сказать, что этот парень не стоит той энергии, которая нужна Эйдену, чтобы разозлиться, Виннипегская Стена подошел прямо к мужу моей сестры, останавливая мужчину ростом метр восемьдесят.

Учитывая, что он редко находится близко к людям, чтобы понять, какой он большой на самом деле, в этот момент, находясь в паре миллиметров друг от друга, разница была поразительной. Эйден превосходил его во всех отношениях.

Но шокировала меня не очевидная разница в размере. А то, как Эйден,

профессиональный спортсмен на пике своей карьеры, реагировал. Я никогда не видела его таким напряженным.

Он дышал через нос, как чертов дракон. Его бицепсы были настолько напряжены, что я видела это под его толстовкой, а на его лице было самое дерзкое выражение, которое я когда-либо видела, и это что-то да говорит, потому что я думала, что была свидетелем всех его проявлений. Но то, как он выглядел сейчас, заставляло все остальное меркнуть на этом фоне.

Эйден зол. Очень зол. Король контроля выглядел так, будто хотел разорвать на части мужа моей сестры, или кем бы он, черт возьми, ни был.

Но именно то, что он сказал потом, сломало меня.

Виннипегская Стена уставился на более мелкого мужчину и холодно заявил:

— Тронешь мою жену снова, и я сломаю все кости в твоём проклятом теле.

Мою жену. Не Ванессу. Он использовал фразу «мою жену».

Он выругался. Ради меня. Ради моей чести. Он произнес слово на букву «П», и это было самое романтическое, что я слышала в своей жизни, потому что Эйден не делает такого.

Затем он перевел свой едкий взгляд на мою сестру, которая вдруг стала выглядеть более некомфортно, чем кто-либо за всю свою жизнь.

Он не произнес ни слова, но я ощущала отвращение. Я чувствовала слова, роящиеся в его голове, застрявшие на языке. Уверена, Сьюзи тоже их ощущала.

И прямо тогда, в этот момент, я поняла, что, возможно, я немного влюблена в Эйдена. Не так, как моя привязанность к нему в прошлом, сейчас все по-другому. Совсем, совсем по-другому.

Черт возьми.

Черт, черт, черт.

«*Серьезно?* — спрашивала я себя. — *Ты, черт возьми, серьезно, Ванесса?*»

Я сохранила свою работу, когда на следующий день, в понедельник, открылась и закрылась гаражная дверь.

Никто из парней не должен быть дома так рано.

Зак прошлой ночью вернулся из Техаса, и обычно он не возвращался с тренировки раньше трех или четырех. А Эйден по понедельникам не приезжал раньше трех.

Сегодня самый короткий день его тренировок, и после выходных, после игры на День Благодарения, не может быть, чтобы он вернулся домой так рано. Обычно понедельник включает в себя посещение тренеров, тренировку, ланч и несколько различных встреч, на которых они смотрят записи последних игр.

Так кто, черт возьми, дома, и почему?

Я встала и крикнула:

— Кто дома? — когда ответа не последовало, я сбежала по ступенькам вниз, зашла на кухню и остановилась, увидев, что Эйден пьет воду.

— Какого черта произошло с твоим лицом? — вскрикнула я в ту же секунду, когда заметила красные и фиолетовые отметины на его челюсти.

Он опустил стакан на стойку и спокойно посмотрел на меня.

— Я в порядке.

Он просто вешает мне лапшу на уши. Я все равно обошла стойку.

— Я не спрашивала, в порядке ли ты. А что, мать твою, произошло?

Он не ответил, поднес руки к сенсору под краном и плеснул воду на лицо. Что, черт возьми, он сделал? Эйден редко дрался.

Черт, он сам рассказал мне, почему не делает этого, и я не слышала ни об одной хорошей причине. У него не взрывной характер; обычно он просто ходил по дому и раздражался.

Пока он вытирал лицо, я вытащила из морозилки пакет со льдом и поморщилась, когда он опустил полотенце, и я вблизи рассмотрела синяки, которые через пару часов займут большую часть его лица.

Понимала ли я, что он пытался избежать разговора о том, что произошло? Конечно. Мне просто было плевать.

Как только он выбросил бумажное полотенце, я сразу протянула ему лед и отошла на шаг назад, еще раз с недоверием рассматривая его черты.

— На тебя напали?

— Что? — его взгляд скользнул по мне, и он слегка нахмурился. Он был оскорблен. Он искренне оскорбился. — Нет, — рявкнул он, но совсем не грубо.

— Уверен? — спросила я с сомнением. Конечно, он огромный, и, конечно, по силе в 99 % случаев побьет любого мужчину, но если его попытаются избить парни немного покрупнее, чем он, то это возможно. Верно? Меня злит даже мысль о подобном.

Прижимая лед к челюсти, он слегка покачал головой и недоверчиво закатил глаза.

— На меня не нападали.

Его заверения меня не успокоили, черт побери, и с каждой секундой я злилась все сильнее. Я прикоснулась к его руке.

— Эйден, расскажи мне, что случилось.

— Ничего.

Ничего. Я поджала губы.

— Тогда ты сам себя избил?

Его фырканье сказало мне больше, чем слово «нет».

— Тогда... — я замолчала, не собираясь сдаваться.

— Я не хочу об этом говорить, — это я поняла с самого начала. Но я такая же упрямая, как и он.

И я не собиралась идти на попятную, потому что передо мной все признаки того, что он ввязался в драку с кем-то из своей команды, и это знак Апокалипсиса. Эйдену плевать на мнение своих коллег по команде, чтобы беспокоится о том, что они о нем думают.

Он на игре сказал, что в его жизни присутствуют лишь пара человек, чье мнение важно для него. И я знаю, он рассказал об этом не просто так. Именно это он и имел в виду.

С самой пятницы я прилагала все усилия, чтобы не думать об игре, на которую мы сходили. Или хотя бы о том, что он сказал мужу моей сестры или что он смотрел на Сьюзи так, будто хочет убить ее.

Потом он взял меня за руку и в молчании повел к машине, в то время как на его лице отражалась чистая злость, и воспоминания об этом прожигали дыру в моем сердце. А потом, пока мы сидели в моей машине, он произнес:

— Прости, что не поехал с тобой.

А я могла лишь сидеть там и хмуриться.

— Куда? В Эль-Пасо? — ответом стал лишь его кивок. — Все нормально, Здоровяк. Что было, то прошло, — я потянулась и положила свою руку на его. — Кстати, то, что ты постоял за меня, было очень мило.

Ну, я думаю это нечто больше, чем просто мило, но мои чувства, которые я думала, испытываю, лучше не озвучивать.

А потом Эйден просто сделал это — подался вперед и сжал зубы, его челюсть напряглась.

— Я слишком часто подводил тебя. Больше я этого не сделаю.

И вот так, мои чувства заполнили меня изнутри, отчего мне стало не по себе. И весь остаток выходных он был более отстраненным, чем раньше.

С тех пор, как мы стали лучше общаться, Эйден не очень изменился, а в выходные стал еще больше походить на себя прежнего. Он тренировался, закончил старый пазл и начал новый, а это верный признак того, что он пытался разобраться в своих мыслях или расслабиться.

Я сразу занервничала и немного, слегка, чуточку распереживалась. Поэтому я выдвинула стул, уселась на него и уставилась на бледное суровое лицо.

— Я просто хочу знать, надо ли мне красть битую или сделать телефонный звонок.

Он открыл рот, собираясь спорить со мной... пока не услышал последнюю часть.

— Что?

— Я должна знать...

— Зачем тебе красть битую?

— Ну, ни у кого из моих знакомых ее нет, и я не могу пойти купить одну в магазине и засветиться на видеопленке.

— Видеопленка?

Он что, ничего не знает?

— Эйден, да ладно, если ты изобьешь кого-то битой, они будут искать подозреваемых. Как только у них появится подозреваемый, они обыщут их вещи или покупки. Они увидят, что недавно я покупала одну, и поймут, что это было сделано преднамеренно. Почему ты на меня так смотришь?

Эйден слегка прищурил свои веки, которые сейчас были лилового оттенка, а на его лице отразилась такая гамма эмоций, что я не была уверена, за какую из них цепляться.

Он приложил лед к другой стороне своей раненой челюсти и покачал головой.

— То, сколько всего ты знаешь о совершении преступлений, ужасает, Ван, — его рот дрогнул. — Меня это чертовски пугает, а меня не так легко напугать.

Я фыркнула, довольная собой.

— Успокойся. Я прошла данную фазу, когда смотрела криминальные шоу по телевизору. Я за всю свою жизнь даже ручку не украла.

Настороженное выражение на лице Эйдена никуда не делось.

— Я не попытаюсь никого убить... пока не придется, — пошутила я.

Его ноздри слегка раздулись, и я едва не упустила этот жест. Но я все-таки заметила и то, как его губы изогнулись в крошечной улыбке.

Я же в ответ улыбнулась ему так невинно, как только могла.

— Так ты собираешься рассказать мне, кто получит кулаки ярости? — я очень надеялась, что мой вопрос прозвучал так же безобидно, как мне хотелось, даже если с каждой прошедшей минутой я испытывала совершенно иные чувства.

— Кулаки ярости?

— Ага.

Я приподняла руки, чтобы он смог разглядеть их. Он и понятия не имел о том, в скольких драках с моими сестрами я участвовала за все эти годы. Я не всегда выигрывала — если честно, выигрывала я редко — но никогда не сдавалась.

Он тяжело и протяжно вздохнул, и я настроилась на краткий ответ, который вылетел его уст.

— Ничего серьезного, — и это все. — Дельгадо...

Мои мысленные системы резко ударили по тормозам.

— Ты подрался с Кристианом?

Он посмотрел на меня из-под своих невероятно длинных ресниц и передвинул лед немного ниже.

— Да.

От этого ужасное чувство в моем животе усилилось.

— Почему? — спросила я так спокойно, как могла, но уверена, на самом деле все вышло так, будто я задыхалась.

Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста. Пусть все окажется не так, как я думаю. В День Благодарения Кристиан вел себя как мудака, но не так, как когда распускал руки.

Я поняла все по лицу Эйдена. Он коснулся языком уголка рта. На мгновение повисла ледяная тишина.

— Ты могла рассказать мне, — обвинил он.

Я сглотнула.

— Рассказать что?

Он до сих пор смотрел на меня из-под густых ресниц, и я заметила, как его рука на

пакете со льдом сжалась.

— То, что он с тобой сделал. Как он вел себя рядом с тобой.

Зак. Я сверну ему шею.

— Я скажу тебе то же самое, что сказала Заку: это не так уж и важно.

Здоровяк застыл. Мускул на его челюсти дернулся, вены на шее напряглись.

— Это важно, Ванесса. Зак упомянул об этом перед отъездом, но я думал, что в этом нет ничего серьезного, потому что ты бы мне сказала. Но ты этого не сделала.

Эйден смерил меня темным, яростным взглядом, его челюсть была очень напряжена.

— Я видел, как он смотрел на тебя после игры. Как он разговаривал с тобой, когда я стоял прямо рядом с тобой. Он знает, что мы женаты, но все равно творит подобное.

Он только что ругнулся второй раз за неделю?

— Мне это не нравится, — заявил он своим невероятно глубоким голосом; спина прямая, плечи отведены назад. — Мне не нравится, что ты всегда думаешь, что сама должна со всем разбираться.

Я ощутила раскаяние, но всего на секунду. Я выпрямилась на месте и посмотрела на него.

— Ты не должен был драться с ним из-за этого, Эйден. Я не хочу испытывать вину. Последнее, что мне нужно, чтобы потом ты стал злиться на себя.

Плюс, что я должна была сделать тогда? Сказать Эйдену, что его коллега по команде приставал ко мне? Он бы ничего не сделал. Я знаю это. Эйден, которым он был пару месяцев назад, тоже об этом знает.

— Я сделал это, и сделаю так снова.

Я моргнула, потом моргнула еще пару раз, и посмотрела в потолок, чтобы собраться с мыслями. Вдруг я ощутила прикосновение к своему подбородку и откинула голову слегка назад, чтобы посмотреть в эти глубокие карие глаза.

Он был серьезен и напряжен.

— Я знаю, ты думаешь, что мне плевать, — прошептал он, — но это не так. Мы теперь вместе.

У меня пересохло во рту, и я кивнула.

— Да.

— Доверяй мне, Ван. Разговаривай со мной. Я не подведу тебя.

Мое горло и язык будто оказались в Сахаре. А глаза, наоборот, хотели превратиться в Амазонку. Я даже не понимала, что мне нужно всхлипнуть, пока не сделала этого. Даже если последние пару дней я и говорила себе, что вообразила, будто влюблена в него, но мое сердце знало правду.

Я люблю его. Ненавижу это чувство, но люблю. Я узнавала его, ощущала это движение в своей груди. Я влюблена в Эйдена, больше, чем немного. В моего фальшивого мужа.

И это ужасно. У меня нет на это права. Так дела не делаются. Это соглашение между двумя людьми, которые едва разговаривали друг с другом. Как я смогу прожить так следующие пять лет? Что, черт побери, я буду с этим делать?

Понятия не имею.

— Ты мне веришь, не так ли? — спросил он, вырывая меня из моих мыслей.

Я заставила себя сосредоточиться на лице, которое знала так же хорошо, как и лица своих любимых; напряженно сжатый рот, острые скулы, густые брови. Контроль и дисциплина во плоти.

Я кивнула и выдавила из себя самую легкую, самую фальшивую улыбку.

— Верю. Конечно, я верю, — я коснулась его предплечья. — Еще раз спасибо за то, что заступился за меня.

— Прекрати, — заворчал он.

Теперь я улыбалась более искренне.

— У меня есть крем для синяков, сейчас принесу.

Эйден дернулся назад так, будто я собиралась засунуть хот-дог ему в рот.

— Ты же знаешь, мне плевать на синяки.

— Это плохо. Потому что мне — нет. Завтра он может быть черным и фиолетовым — и я чертовски надеюсь, что так и будет — но лучше, чтобы все было нормально, — я вздрогнула, когда он слегка улыбнулся. — Что ему пришлось сделать? Разбежаться, чтобы дотянуться до твоего лица?

Эйден рассмеялся, даже не поморщившись, когда порез на его лице стал шире.

— Серьезно, Эйден, — я нежно коснулась кончиками пальцев его раненого подбородка. — Он застал тебя врасплох?

Здоровяк покачал головой.

— Он на самом деле смог достать тебя? — не буду лгать, я немного разочарована. То, что Эйдена побили, это как узнать, что Санта Клауса не существует.

Ранее в своей карьере он ввязывался в драки. Я видела пару кадров в сети, когда делилась ими на фанатских страничках, потому что люди порочные и любят такое. И так как он не вспыльчивый мудака, который дерется без причины, каждый раз, когда это происходило, он выбивал все дерьмо из тех, кто пытался наехать на него.

Я была впечатлена. Что еще тут можно сказать?

Потом он странно посмотрел на меня, отчего я заволновалась и нахмурилась.

— Нет, я сделал так, что он ударил первым, и позволил ему сделать это дважды, прежде чем ударил в ответ, — объяснил он.

Коварный сукин сын. Не думаю, что раньше он так привлекал меня, и это включая все те разы, когда он был в обтягивающих шортах.

— Так что, вина лежит на нем?

Один уголок его рта приподнялся в самодовольной улыбке.

— У тебя будут большие проблемы?

Он приподнял свое больше плечо.

— Они могут урезать мою зарплату за игру. Они не посадят меня на скамейку запасных. Сезон в самом разгаре.

Мне стало не хватать воздуха.

— Зарплата за игру?

Это тысячи. Сотни тысяч. Глупая куча денег. Все могут найти в интернете его годовой оклад. Вся эта сумма разделена на семнадцать платежей, которые ему выплачиваются за обычный сезон.

Все эти деньги. Я наклонилась и прижала ладони к коленям, находясь на грани тошноты.

— Меня сейчас вырвет.

Его вздох залетел в одно мое ухо и вылетел из другого.

— Прекрати. Тебя не стошнит. Я приму душ и потом намажу этот крем, — произнес он, слегка похлопывая меня по спине.

Он ошибался. Меня вырвет. Как он, черт побери, просто взял и выбросил столько денег? И ради чего? Из-за идиота Кристина, который думал, что обычные, принятые в обществе правила не применимы к нему?

Я знала Эйдена. Знала, что у него самоконтроль святого. Он обдумывал все свои решения. Он никогда не наслаждался избиением других.

Он хорошо обдумал то, что собирался сделать так, чтобы Кристиан нанес удар первым. Но я не собиралась думать, что он не принял во внимание последствия данной драки.

И он сделал это ради меня.

Что за чертов идиот. Он мог просто дать мне денег, и этого было бы достаточно, чтобы я забыла о том, как Кристиан год назад пытался засунуть свой язык мне в горло и пробовал схватить меня за задницу.

Но даже когда думала о том, как глупо было потерять зарплату за игру, мое сердце наполнило нечто теплое и особенное, но все быстро сменилось чувством вины.

Я побежала наверх, взяла вонючий крем от синяков, который чудесно помогал, и пошла вниз, зная, что мне нужно уменьшить чувство вины, которое я ощущала.

Внизу я достала из морозилки и кладовой кое-какие продукты и включила духовку, чтобы быстро приготовить еду для своего не совсем белого рыцаря в сияющих доспехах.

Когда через некоторое время он спустился вниз, я только закончила готовить киноа и выключила печь.

— Вкусно пахнет, — похвалил он, открыл шкафчик и достал оттуда стакан, чтобы налить себе воды. — Что готовишь?

— Чана масала, — ответила я ему, отлично зная, что он в курсе, что это такое. *(Примеч. Чана масала — вегетарианское блюдо индийской кухни).*

Я не удивилась, когда из него вырвался голодный звук, и он прислонился бедром к стойке, наблюдая, как я добавляю в большую миску, в которую всегда накладываю ему еду, шпинат. Краем глаза я взглянула на него, рассматривая цветные синяки на его твердом лице.

И меня это злило.

— Из-за чего у тебя такое выражение на лице? — спросил мужчина, который, как я предполагала, ничего обо мне не знал, в то время как я отмерила два стакана зерна и бросила их в миску.

Пожав плечом, я добавила сверху три стакана турецкого гороха.

— Я злюсь из-за твоего лица.

Он усмехнулся, а я застонала, понимая, что только что произнесла.

— Я не это имела в виду. У тебя нормальное лицо. Очень симпатичное, — заткнись, глупая. Просто, черт побери, заткнись. — Это из-за твоих синяков. Я чувствую вину. Я должна была что-то сделать, когда это произошло, вместо того, чтобы с этим разбирался ты.

Забрав у меня миску, он удерживал ее между нами и посмотрел мне в глаза. Выражение на его лице было открытым и задумчивым, но я поняла, что в нем не осталось гнева. Его, правда, не волнует то, что произошло, совсем.

— Не волнуйся об этом. Я сделал то, что хотел.

Он всегда делал то, что хочет. Что тут нового?

— Ага, но это произошло давно.

— И из-за этого я чувствую еще больше ответственности, Ван.

Я нахмурилась.

— За что?

— За все. Что не замечал. Не заботился. Не вел себя так, чтобы ты чувствовала, что можешь рассказать мне обо всем, — его голос был хриплым и немного резким.

У меня закололо сердце.

Мне, на самом деле, стало больно от его признания.

По правде, когда я на него работала, я знала, что мы не ЛДН. (*Примеч.: лучшие друзья навеки*). Я знала. Но слышать, как он говорит подобное...

Все это было похоже на ультрасвежий ожог на деликатно очищенном месте. И это местечко прямо по центру груди. Самое важное место.

Мне потребовалась вся моя эмоциональная зрелость, чтобы не... ну, я не уверена, как реагировать. Но я понимала, чем больше подавляла боль, тем сильнее я не хотела, чтобы он был честен со мной. Это не новость. Он не заботился обо мне, воспринимал меня как должное. Но хоть сейчас он это понимает, верно?

Ага, я говорила себе это, но это не помогало. Мне хотелось разреветься, но я не собиралась этого делать. Это не его вина.

Я заглянула ему в глаза.

— Все нормально. Сейчас ты кое-что сделал, — я сделала шаг назад. — Наслаждайся едой. Утром я начала украшать елку, но остановилась, чтобы отправить пару писем. Сейчас я собираюсь все закончить.

Его шоколадные глаза секунду рассматривали мое лицо, и я знала, даже если он ничего не сказал, он все заметил.

Эйден либо не хотел иметь дело с тем, что я раскисла, или понимал мою нужду зализать свои раны в одиночестве, но он остался верен своему слову и позволил мне уйти с кухни.

Утром я оставила в гостиной настоящий хаос. В оберточной бумаге будто взорвалась бомба, и повсюду стояли коробки. Вчера я прошлась по магазинам, чтобы купить рождественские украшения, и потратила очень много денег, но меня это не слишком волновало, потому что я впервые самостоятельно купила дерево.

В своей квартире я не устанавливала елку, потому что дома меня почти не бывало, да и места там не было. Вместо этого я устанавливала освещенное дерево в девяносто сантиметров, и клеила на него гирлянды. Хотя, в этом году это дерево стояло в моей спальне.

Здесь, у Эйдена и Зака, я установила двухметровую сосну «Дуглас», которую Зак помог мне донести и установить. В доме, где много высоких парней, нет ни одной ступенчатой лестницы, поэтому я притащила в гостиную табуретку, чтобы дотянуться до мест, куда не доставала. Этим утром погас свет, и пара лампочек перегорели.

Обычно мне нравилось украшать рождественское дерево. Пару раз у мамы дома мы делали это, но лишь когда оказалась в приемной семье, то поняла, что украшение елки — это особенное дело. Именно тогда это стало много для меня значить. Забираясь на стул, я не могла игнорировать мысль, которая вертелась у меня в голове.

Ему было плевать на меня.

Или, по крайней мере, он не ценил меня.

Второй вариант даже хуже, чем первый.

Некоторое время я работала в тишине; обернула красивую красную ленту вокруг ветвей и отошла, чтобы ее поправить. Когда я открывала остальные коробки с мишурой, то ощутила его присутствие в комнате.

Эйден стоял между коридором и гостиной и осматривал комнату и украшения, которые мне осталось развесить. Свечи в форме оленей, красная сверкающая рождественская елка из проволоки, венок на каминной полке, и, наконец, три свисающих чулка.

Три свисающих чулка я повесила вчера, на каждом написав заглавные буквы наших имен. Черный для Эйдена, зеленый для Зака и золотой для меня.

В конце концов, он оторвал свой взгляд от чулков и спросил:

— Нужна помощь?

«Я не буду воспринимать это на свой счет», — сказала я себе.

— Конечно, — я протянула ему коробку, которую только что открыла.

Эйден взял, посмотрел на украшения на дереве и перевел взгляд на меня.

— Куда ты хочешь их повесить?

— Куда угодно.

Сделав шаг ближе к объекту наших декоративных талантов, он окинул меня взглядом.

— Куда ты хочешь их повесить, Ван? Я уверен, ты уже все распланировала.

Это правда, но я не собиралась помогать ему.

— Куда угодно, только не слишком близко друг к другу... Правда. Я просто не хочу, чтобы они находились близко... И, может быть, ближе к верхушке, так как они маленькие. Те, что побольше, ближе к низу.

Уголки его рта дернулись, но он серьезно кивнул и приступил к работе.

Следующий час мы бок о бок простояли около елки. Его рука терлась о мою, мое бедро о его, и пару раз он поймал меня, когда я пыталась забраться на стул, поэтому отобрал у меня гирлянды и повесил их самостоятельно. Мы почти не разговаривали.

Но как только мы закончили, то сделали пару шагов назад и осмотрели наше двухметровое великолепие.

Должна признаться, она была прекрасна, даже если на фоне Эйдена выглядела намного меньше. Красная и золотая, с намеками на зелень тут и там, с длинных веток свисали стеклянные украшения, все это было окружено лентой — ребенком я всегда мечтала о таком дереве. Я посмотрела на Эйдена. Его лицо было спокойным и задумчивым, и я задалась вопросом, о чем он задумался. Вместо этого, я задала безопасный вопрос:

— Что думаешь?

Его ноздри слегка раздулись, и в уголках его губ появилась мягкая, мягкая, очень мягкая улыбка.

— Она похожа на елку из универмага.

Я потеряла руку и улыбнулась.

— Буду воспринимать это как комплимент.

Серьезный мужчина кивнул.

— Красиво.

Красиво? От Эйдена? От остальных я восприму это как «потрясающе». Чем больше я на нее смотрела, тем больше она мне нравилась, и я становилась счастливее, и была благодарна за то, за что должна была быть благодарна.

Благодаря Эйдену я живу в замечательном доме. Благодаря Эйдену у меня есть деньги, чтобы купить украшения, гирлянды и елку. И благодаря Эйдену я смогла накопить достаточно денег, чтобы последовать за своей мечтой.

Может, мы и не родственные души, и, может, он и не ценил того, что я привносила в его жизнь, пока не ушла, но благодаря ему у меня есть столько всего. И благодаря ему у меня еще столько всего будет. Эта мысль достаточно смягчила боль, которую я испытывала, поэтому я откашлялась и произнесла:

— Эй...

Он прервал меня:

— Ты развесила огни снаружи?

— Ты делала это весь день?

— Ага, — мы сделали все за пару часов.

Я съездила в два магазина, чтобы купить достаточное количество рождественских огней, и эти поездки того стоили. Круглые, синие светодиодные фонарики украшали крышу и гараж.

Чтобы украсить два столба перед дверью, нам понадобились две разные упаковки гирлянд. Еще одна коробка понадобилась на большое окно, и еще я украсила ветки деревьев во дворе.

— Вы сделали это вместе с Эйденем? — затем спросил Зак, скрестив руки на груди. Я была на улице, заканчивала с фонариками, когда Зак заехал на своем грузовике в гараж.

— Угу. Он даже забрался со мной на крышу, хотя я продолжала повторять, чтобы он вернулся в дом, прежде чем упадет или кто-то из соседей позвонит команде и расскажет, чем он занимается.

В его контракте есть определенные вещи, которые ему запрещено делать: ездить на чем-то с колесами, включая мотоциклы, скутеры, мопеды, сегвей, хOVERборды и скейтборды. Он не может ничем заниматься, для чего нужен добровольный отказ, то есть, прыжки с парашютом. И еще в его контракте есть специальный пункт, в котором сказано, что ему нельзя находиться около фейерверков.

Однажды я нашла его контракт в папке на компьютере и прочитала, мне стало так скучно.

Дословный ответ Эйдена на мои попытки прогнать его:

— Не указывай, что мне делать.

Иногда мне, правда, хотелось придушить его из-за этого упрямства. И снова, это он упомянул о рождественских огнях, а я не была к этому готова, потому что не хотела заниматься этим в одиночку.

Зак захихикал.

— Я не удивлен. Сколько времени ушло на это?

— Три часа.

Он нахмурился и посмотрел на часы.

— Как рано он пришел домой?

И-и-и это напомнило мне о том, что он сделал, что он сказал. Я нахмурилась и пробормотала:

— После двенадцати, — зная, что это заинтересует его.

Хук, линия, бросок.

— Как так? Встречи по утрам в понедельник длятся обычно до двух.

Я ударила его по руке.

— Ты мне скажи, большеротик.

Пронырливый МакНосерсон немедленно оживился.

— Что я сделал? — он едва задал вопрос, как его глаза слегка распахнулись, подбородок опустился, и он наострил уши.

— Ты рассказал ему о Кристиане, ты, ябеда. Знаешь, что случается с ябедами?

— Их убивают?

Я снова ударила его.

— Да! Он подрался с ним сегодня.

Рот Зака приоткрылся, и он уставился на меня. Честно, я люблю Зака. Правда.

— Нет!

Ладно, он взбесил меня за то, что рассказал Эйдену о том, что произошло, но он такой забавный, что просто невозможно.

— Да! Он подрался с ним! — рот Зака открылся шире, глаза бегали из стороны в сторону, будто он не мог понять то, что я ему говорила. — Он...

— Эйден?

— Да.

— Наш Эйден?

Я мрачно кивнула.

Зак все еще мне не верил.

— Ты уверена?

— Он мне рассказал. На нем синяки в качестве доказательства.

— Нет. Он бы этого не сделал, — он посмотрел в сторону, а затем снова посмотрел на меня. — Эйден?

— Да.

Он открыл рот и снова закрыл.

— Я не знаю... — его губы двигались, но изо рта ничего не вылетало. — Он не...

— Я знаю. Знаю, он не дерется.

— Почему, черт возьми, у него ушло на это так много времени? Я рассказал ему неделю назад, — внезапно в отчаянии заметил он.

О, Боже. У него было такое выражение на лице, потому что у Эйдена ушло на это так много времени. Эх.

— Потому что, когда я пошла на игру в День Благодарения, Кристиан назвал меня милой или еще как-то, и вообще вел себя ужасно... погоди. Это не важно. Зачем ты вообще ему рассказал? Я поделилась с тобой этим, как с другом. Круг доверия.

Зак фыркнул и посмотрел на меня с таким выражением, что сразу напомнил мне Эйдена.

— А почему мне не надо было ему говорить?

— Потому что это не важно.

Ага, он, определенно, использует на мне один из взглядов Эйдена.

— Если бы ты была моей женой, я бы хотел, чтобы он рассказал мне.

— Предатель.

В его словах был смысл, но я не собиралась признаваться в этом.

Блондин фыркнул.

— Ван, задумайся на секунду. Эйден — он не будет обнимать тебя, говорить, что ты красивая, называть тебя своим лучшим другом, но я знаю его, и он заботится о тебе.

«Сейчас да», — подумала я про себя.

— Если я умру, он не сможет так легко получить вид на жительство.

Он прищурился и указал на входную дверь.

— Если ты умрешь, кто еще будет заботиться о нем?

Что бы это значило?

— Ладно. Пошли внутрь. Я голоден, — добавил он.

Я еще раз осмотрела на наши голубые огоньки и пошла за ним. Мы только открыли дверь, как услышали, что с кухни доносился рингтон телефона Эйдена. Я проигнорировала этот звук, подошла к холодильнику и достала вчерашние остатки еды.

— Что у тебя есть? — спросил Зак, заглядывая мне через плечо, пока я выкладывала еду на тарелку.

— Паста, — и я просто протянула ее ему. Нет смысла спрашивать, хотел ли он. Конечно, это так.

— Ням, — ответил он, даже еще не попробовав.

Когда я ставила свою тарелку в микроволновку, телефон Эйдена снова зазвонил. Когда моя еда подогрелась, музыка затихла и заиграла снова. Когда я села есть, он снова начал звенеть. И снова.

— Кто, черт возьми, звонит ему? — спросил Зак, он стоял перед микроволновкой и наблюдал, как разогревается его еда.

Потянувшись в сторону, я перевернула телефон Эйдена и посмотрела на экран. На нем светилось имя: ТРЕВОР МАКМАНН. Ух.

— Тревор, — ответила я.

Зак грубо выругался.

— Уверен, он звонит из-за сегодняшнего.

Я вздрогнула. Вероятно, Зак прав.

— Ты говорил с ним?

— Мы разговаривали на День Благодарения. Я подумал, если он будет нести кучу чепухи, я смогу передать трубку маме, — признался он, смеясь.

Телефон снова начал звонить. Боже мой. Я в нерешительности подняла его. Это моя вина. Разве не так?

— Я собираюсь ответить. Должна ли я отвечать?

— Ты в Команде Грэйвс.

Черт побери. Я нажала «ответить».

— Алло?

— Эйден, какого че...

— Это Ванесса, — Заку же я одними губами прошептала: — Зачем я это делаю?

— Дай мне Эйдена, — потребовал он без приветствия.

— Я так не думаю, — быстро ответила я.

— Что значит, ты так не думаешь? Дай ему чертов телефон.

— Как насчет того, чтобы ты придержал коней. Он спит. Я не собираюсь будить его, приятель. Если ты хочешь ему что-то передать, просто скажи. Если тебе нечего сказать, он тебе перезвонит, — в любом случае, я не собиралась рассказывать Эйдену об этой фигуре. Просто Тревору не надо об этом знать.

— Черт побери, Ванесса. Мне надо с ним поговорить.

— А ему надо поспать.

Тревор то ли фыркнул, то ли... зарычал? Точно могу сказать лишь о том, как зол он, и насколько важен для него этот разговор с Эйденем.

Но дело в том, что мне плевать.

— У нас с тобой в последнее время не было времени поговорить, но не думай, что я забыл о тебе. То, что произошло сегодня, это твоя вина. Я знаю это.

— Не знаю, о чем ты говоришь, и уверена, Эйден платит тебе, чтобы ты его поддерживал, а не звонил и пилил его. И я чертовски уверена, что не хочу слушать тебя в данный момент. Так что, я передам ему, что ты звонил.

— Ванесса! — у него хватило наглости закричать.

— Наорешь на меня еще раз, и ты об этом пожалеешь, слышишь меня? Уверена, тебе есть о чем переживать, чтобы еще и меня добавлять в этот список, — зарычала я в трубку, с каждой секундой все больше выходя из себя. — И успокойся сам, прежде чем разговаривать с Эйденем. Мне не нравится, что ты относишься к нему, как к маленькому ребенку.

— Ты заноза в з...

Я отодвинула телефон от лица и показала трубке средний палец. Поднеся телефон обратно к уху, я сказала:

— Твоей заднице, я знаю. Я передам ему, что ты звонил, но просто предупреждаю, ты должен успокоиться перед тем, как будешь говорить с ним.

— Он вляпался во все это с Кристианом из-за тебя, не правда ли?

— Если ты хоть что-то знаешь о нем, то должен понимать — он ничего не делает без причины, так что подумай об этом.

Тревор издал какой-то звук, который я проигнорировала.

— Я скажу, что ты звонил. Пока.

Ага, возможно, я снова прижала свой средний палец к телефону, в этот раз более агрессивно, чем было необходимо, но это казалось правильным, так как это не раскладной телефон, и я не могла его громко захлопнуть.

— Он чертов придурок... — начала говорить я, поднимая голову, но заметила лишь, что Зак стоит, закрыв глаза рукой.

И тогда я почувствовала.

Медленно повернувшись на стуле, я увидела, что Эйден стоял на кухне, приподняв брови.

— Ненавижу его, — я протянула ему телефон. — И, возможно, тебе надо выключить свой телефон, прежде чем он снова начнет звонить.

Несколько часов спустя я сидела у себя в комнате, когда в дверь проскользнул Зак, его глаза горели, а на лице было такое детское выражение, что мое настроение сразу улучшилось.

— Угадай, что?

Я остановила шоу, которое смотрела, и приподняла брови, сев на матрасе.

— Не знаю. Что?

— Я нашел его, — произнес он и скользнул по полу в своей пижаме, сжимая в руке телефон.

Это насторожило меня.

— Что ты нашел?

Зак сел на край кровати около меня. Он опирался спиной на изголовье и удерживал экран в маленьком пространстве между нами.

— Смотри.

Я сделала, как он сказал.

На экране появилось изображение двух мужчин в тренировочных джерси «Трех Сотен» без щитков. Мне не нужно было смотреть на номер большого мужчины, чтобы знать — это Эйден; я знала это тело.

Я знала его тело как свою собственную руку. Плюс, на нем не было шлема, и он вытянул пальцы правой руки. Я задумалась о парне, стоящем в паре метров от него. Номер восемьдесят восемь. Кристиан.

Они единственные люди на видео. Их разделяли лишь пара шагов, и они оба смотрели на поле, где, как я предполагаю, находилась остальная часть команды. К сожалению, на видео не было звука.

На экране Кристиан повернулся к Эйдену в тот момент, когда Эйден опустил руки на бедра, язык его тела был обманчиво спокойным, если бы не напряжение в его плечах.

Прошло несколько секунд, и Кристиан вскинул руки в стороны и сделал два шага к мужчине, за которого я вышла замуж.

Его поза стала агрессивной еще до того, как он снял шлем и откинул его в сторону, его ноги сократили расстояние между ним и Эйденем.

Здоровяк стоял неподвижно, его руки ежеминутно сжимались на бедрах. Может, никто и не заметил движения, кроме меня. На экране было заметно лицо Кристиана: его щеки покраснели, рот приоткрылся, когда он закричал.

И потом это произошло.

Кристиан поднял кулак, и голова Эйдена слегка дернулась назад. Здоровяк сделал шаг назад, опустив руки по бокам.

Кристиан ударил его снова.

Мужчина, известный как Виннипегская Стена, почти небрежно бросил свой шлем на землю. Его большие руки согнулись и на секунду вытянулись по бокам, прежде чем рвануть вперед.

Огромный кулак взлетел и ударил; голова Кристиана дернулась назад. Эйден снова ударил его своей рабочей левой рукой, его большое тело возвышалось над телом мужчины поменьше, и было видно, что после второго удара Кристиан лежал на земле, а к ним бежали игроки.

Эйден попятился назад и позволил остальным оттолкнуть его, но его взгляд был

сосредоточен лишь на принимающем игроке на земле, в то время как их окружили игроки и персонал.

Зак нажал пальцем на экран и повернулся ко мне, его глаза были широко распахнуты.

В ответ я лишь пялилась на него, мой рот был слегка приоткрыт. Мы могли лишь моргать.

И в унисон произнесли одно и то же:

— Твою же мать.

Ужас на лице Дианы предупредил меня о том, что она собиралась озвучить.

— Заходи внутрь, пока тебя никто не увидел, — практически зашипела она.

Я закатила глаза так, чтобы она это увидела, и протиснулась мимо нее в квартиру. Ага, я знаю, мои корни отросли почти на три сантиметра, и проглядывался мой естественный цвет, но меня это не очень заботило.

Единственная причина, почему я не покрасилась в свой обычный каштаново-красный цвет, потому что впервые после Дня Благодарения я написала ей и спросила, какую краску в аптеке она мне порекомендует, и в ответ получила:

Ты уже довела меня до ручки. Купишь ее, и я убью тебя.

Поэтому я ехала целый час, чтобы повидаться с ней в ее выходной спустя пару недель после Дня Благодарения, и мирилась с презрительной усмешкой на ее лице, пока она еще раз осматривала мои волосы. Клянусь, она даже слегка вздрогнула.

Ее отвращения оказалось недостаточно, чтобы я не поцеловала ее в щеку и не шлепнула по попе в качестве приветствия. С того момента, как мы виделись, прошло очень много времени. Она очень долго притворялась обиженной.

Она шлепнула меня в ответ, в то время как ее глаза блуждали по моему телу.

— Несмотря на свои волосы, ты отлично выглядишь.

Я и чувствовала себя хорошо.

— Я бегаю четыре раза в неделю и раз в неделю катаюсь на велотренажере.

Диана снова посмотрела на меня.

— Возможно, скоро тебе придется покупать новую одежду.

— Может быть, — я пожала плечами и бросила на нее взгляд, пытаюсь подсознательно не искать на ее теле синяки от пальцев. Я так ничего и не нашла, но заметила синяки у нее под глазами. — Ты выглядишь усталой.

Но лишь позже я поняла, что она не послала меня на три буквы, что было ее обычной реакцией.

— Я устала. Рада, что ты заметила, — она знала, что от меня извинений лучше не ждать. — Я работаю двойные смены, мало сплю. Я превращаюсь в тебя.

— Успешная трудолюбивая женщина. Думаю, я сейчас заплачу.

— Ой, отвали. Иди на кухню и сними футболку, — приказала она. Я даже не успела пошутить о том, что она хочет, чтобы я разделась, как она остановила меня взмахом руки. — Это не «Стриптиз». Я не дам тебе доллар и не угощу сначала ужином.

— Справедливо, — пробормотала я и зашла на кухню, снимая футболку через голову.

— Итак... как у тебя дела? — спросила она медленно и нарочно неловко.

Ответила я тем же вялым голосом.

— Я в порядке. А ты?

— Нормально, — ответила моя подруга голосом робота.

Наши взгляды встретились, и мы улыбнулись. Она толкнула меня в плечо, и я попыталась ткнуть ее в живот.

— Теперь мы в порядке? — спросила я с улыбкой.

— Ага, мы в порядке. Теперь расскажи мне все, что я пропустила.

Весь следующий час мы болтали. Я рассказала ей о Дне Благодарения и о том, как ходила на игру Эйдена.

Двадцать минут из нашего разговора ушли на обсуждение игры моего младшего брата, как появилась Сьюзи, что Эйден сказал ее мужу, а потом я объясняла ненависть на его лице, направленную на мою сестру.

Я рассказала ей, как он помог мне с рождественским деревом и гирляндами. Как он подрался с Кристианом, которого она отлично помнила по той ночи в баре, потому что угрожала надрать ему задницу, после того как я рассказала ей, что случилось.

Под конец она надела на меня шлем, похожий на что-то из космической программы НАСА, а сама она выглядела ошеломленной.

— Боже, — произнесла она дважды.

— Я думала, что уже преодолела этот этап моей жизни.

— Ни фиги себе. Эта история, как в тех сериалах, что смотрит моя мама.

— Те, что мы раньше смотрели вместе с ней, — заметила я. Так я выучила испанский.

Диана рассмеялась со своего места, где сидела передо мной, скрестив ноги.

— После школы мы бежали домой и смотрели их, да? — задумчиво произнесла она. — Кажется, будто прошла вечность, не правда ли?

Это правда. Я кивнула. Это одни из моих любимых воспоминаний, пока я не переехала на другой конец города и больше их не испытывала. Моя жизнь с матерью принесла мне хорошие и плохие воспоминания, и это все, что я когда-либо знала.

Ди, казалось, отбросила в сторону воспоминания, о которых думала, и произнесла:

— И что ты теперь будешь делать?

— С кем?

— С твоим мужем. Кем еще?

Она говорит о моей сестре. Всезнайка.

— Ничего.

Ди посмотрела на меня взглядом «С кем, ты думаешь, говоришь?»

— Не «ничегокай» тут мне. Он тебе нравится. Я вижу это.

Я открыла рот, чтобы сказать ей, что мне никто не нравится, но она снова взмахнула рукой, призывая меня молчать.

— Ты, правда, собираешься попытаться соврать мне? Я же вижу, Ванни. Привет. Ты не можешь ничего скрыть от мастера, — я утаила от нее свой брак, но зачем упоминать об этом? — Мне кажется, ты ему тоже нравишься. Если бы это было не так, то он не проводил бы с тобой так много времени.

В ответ я смогла лишь сдержанно заворчать.

— Вы будете вместе еще пять лет. Почему бы не взять от этого все самое лучшее? — задала она вопрос.

Я хотела поправить очки, но удержала руки на месте.

— Мы заключили сделку, Ди. Это должен быть лишь бизнес. Не его вина, что я идиотка.

— Почему ты идиотка? Потому что хочешь, чтобы тебя кто-то любил?

— Потому что он никого не любит. И не хочет этого. Будет очень неловко, если я что-то сделаю или скажу. Я не собираюсь сейчас отступить от нашей сделки. Он заботится обо мне, но это все.

Если меня и знал кто-то так же хорошо, как и я себя, то это она. И то, что она сказала потом, подтвердило это.

— Ванни, я чертовски сильно люблю тебя. Ты моя близкая подруга, ты это знаешь, но у тебя довольно испорченная концепция того, за что ты готова работать и рисковать. Не знаю, способен ли он любить тебя или нет, но что будет хуже? Вы женаты. Сейчас он не разведется с тобой.

Это самое худшее, что может произойти?

Я потеряю друга.

Диана наклонилась вперед и потянула меня за джинсы.

— Делай, что хочешь. Я лишь хочу, чтобы ты была счастлива. Ты этого заслуживаешь.

Я сморщила нос, не желая больше разговаривать об Эйдене, особенно когда обсуждаем тему на букву «Л», и от этого у меня ломит все тело. За всю свою жизнь я любила многих людей, которые не любили меня в ответ, и даже не пытались этого скрывать. Так что, полагаю, Диана права, — я не могу пойти на такой риск.

И это довольно депрессивно.

Прочистив горло, я указала на рождественское дерево позади нее, уже готовая сменить тему. Поверить не могу, что праздники меньше, чем через неделю.

Когда я работала на Эйдена, время пролетало быстро, но с тех пор, как я ушла, оно летело еще быстрее.

— Когда ты уезжаешь к родителям?

— В канун Рождества. Мне нужно будет вернуться на работу двадцать шестого, — объяснила она. — Ты остаешься здесь?

А куда еще я поеду?

— Я уезжаю, — произнес Зак через несколько дней, стоя в дверном проеме моей спальни.

Развернувшись на своем стуле, я моргнула и встала.

— Хорошо. Я провожу тебя.

— О-о-о, не стоит.

Я закатила глаза и подтолкнула его, когда оказалась перед ним.

— Я хочу подарить тебе рождественский подарок.

— В таком случае, показывай, куда идти, — произнес он, сделал шаг назад и пропустил меня вперед.

Когда мы спустились вниз, рождественские огни были выключены, и я убрала подарки под елкой в сторону, чтобы достать те, что для Зака. Вытащив из угла, куда я их убрала, две идеально упакованные коробки, я протянула их ему.

— С Рождеством.

— Могу я открыть их сейчас? — спросил он как маленький ребенок.

— Вперед.

Зак разорвал упаковку каждого подарка и открыл их с улыбкой на лице. Внутри

оказались пижамные штаны и тапочки. Что можно подарить мужчине, у которого есть все? То, что нравится ему на самом деле, даже если у него дюжина подобных вещей.

— Ванни, — пробормотал он и развел руки в стороны, в каждой из них было по подарку.

— Пожалуйста, — ответила я, приближаясь к нему для объятий.

Он сжал меня и раскачивал из стороны в сторону.

— Спасибо.

— Всегда пожалуйста.

Он сделал шаг назад и убрал подарки обратно в свою сумку, потом закинул ее себе на плечо и вытащил что-то, похожее на конверт.

— Для тебя, моя девочка.

Я забрала у него конверт с большой улыбкой на лице, рассматривая то, что он дал мне. Разорвала его и вытащила оттуда карточку, которая оказалась подарочным сертификатом в местный спортивный магазин. Но на глаза мне попались каракули, написанные ужасным почерком.

«Для моего близкого друга.

С Рождеством, Ванни. Не знаю, что бы я делал без тебя последние несколько месяцев.

Люблю тебя.

З.»

— Я не собираюсь покупать подарки, поэтому купи себе новую обувь для марафона, ты меня слышишь? Когда я приеду домой, тебе лучше бы уже иметь их при себе. И не смей покупать себе что-то другое вместо этого, — приказал он.

— Спасибо, — пробормотала я, еще раз обнимая его. — Обещаю, я что-нибудь куплю. Когда ты возвращаешься?

— Я останусь до Нового Года. Мой дедуля не очень хорошо себя чувствует, поэтому я хочу провести с ним некоторое время, — подмигнул он мне. — И пару дней назад мне написала милашка, с которой я встречался в старшей школе, что хочет увидеться с Большим Техасом, если я буду в городе.

Я хихикнула. Большой Техас. Она точно не собиралась обращаться с ним как с нормальным человеком.

— Что произошло с девушкой, с которой ты здесь общаешься?

Зак издал странный звук.

— Она немного ку-ку.

— Тогда повеселись дома.

— Повеселюсь, — он наклонился и поцеловал меня в щеку. — Если тебе станет одиноко, поезжай к Диане, слышишь меня?

— Со мной все будет хорошо, — не в первый раз я провожу Рождество в маленькой компании. Я знала, что выживу. Когда он развернулся и пошел к двери, я шлепнула его по заднице.

— Езжай осторожно и передавай от меня привет маме.

Зак улыбнулся мне через плечо и ушел, а я осталась дома одна.

Я закрыла дверь гаража с легкой улыбкой на лице, у меня в руке был подарок Эйдену на Рождество, и я разрывалась между чувством недовольства и волнения из-за маленького сокровища, которое ожидает завтрашнего утра.

До этого я пробежала шестнадцать километров, и меня это утомило, но недостаточно. Я испекла сахарное печенье в форме елочек, карамельные палочки, и это отвлекло меня на пару часов, а затем я услышала дверной звонок, и почтальон вручил мне четыре коробки, адресованные мне. И, как маленький ребенок, я открыла их.

Мои приемные родители, Диана, ее родители и мой младший брат прислали мне подарки, обернутые по-разному. Я получила в подарок акварельные краски, цветные карандаши, несколько пар нижнего белья — от единственного человека, который купил мне это, — хорошие часы и пижаму.

Младший брат написал на открытке «*Скучаю по тебе*». Он проводил праздники с семьей товарища по команде во Флориде.

Я отправила им подарки еще две недели назад, даже маме и ее мужу отправила подарочную корзину. К счастью, от них я не ожидала подарка в ответ, в противном случае, была бы очень разочарована. От этих подарков я ощущала себя любимой и одинокой, и даже не была уверена, как, черт побери, я могу ощущать эти две противоречивые эмоции.

Эйден был дома с обеда, и я заметила, что он в странном настроении. Он вел себя очень тихо, тренировался и собирал пазл за уголком для завтрака, пока я пекла печенье, а потом ушел наверх, сказав, что вздремнет.

Я оставалась внизу достаточно долго, чтобы убедиться, что Эйден уснул, а потом уехала за подарком для него. К счастью, когда я приехала домой, он все еще спал, и я оставила подарок в гараже, уверенная, что Эйден никуда не уедет и не испортит свой сюрприз.

Потом я включила телевизор, чтобы скрыть возможные звуки, доносившиеся из гаража, села на пол и взяла краски, которые прислали приемные родители.

И с тех пор я каждый час проверяла гараж. Когда я шла по дому с пакетом в руке, свет уже был везде выключен, а моя спина болела от того, что я долго просидела, согнувшись.

У подножия лестницы я прислушалась, но везде было тихо. А почему и нет? Несмотря на то, что сейчас канун Рождества, ему надо встать рано и связаться со штаб-квартирой команды, чтобы проверить расписание тренировок, потому что в последнее время его часто беспокоила поясница.

В прачечной я опустила на пол корзину. Я уже уложила внутрь два одеяла, наполнила бутылку водой и прислонила ее к двери, а еду положила в маленькую миску, прикрепленную к двери.

Я позволила маленькому проказнику выйти на лужайку перед домом и ждала, пока он погуляет и пописает. Через решетку на меня смотрела милая мордочка, и я засунула внутрь пальцы, чтобы почесать ему носик.

Гараж был изолирован, и я знала, здесь не холодно, но мне все равно не хотелось оставлять его здесь. Но и к себе в комнату я не могла его забрать, потому что знала, он будет лаять.

Я оставила для него свет включенным и вернулась на кухню, открыла коробку с

печеньем и умыкнула две из них.

Выключила свет везде, кроме как над кухонными шкафчиками, налила себе стакан воды и пошла наверх. В своей спальне я взяла одежду, чтобы принять душ, потому что чувствовала себя измотанной.

Под струями воды я провела времени больше, чем обычно, и вылезла из ванны, говоря себе, что не должна быть такой индивидуалисткой.

Я только открыла дверь ванной, когда услышала:

— Ван?

— Эйден?

Ладно, это глупый вопрос. Кто еще это может быть? Я вышла в коридор с грязной одеждой под мышкой. Его дверь была открытой. Обычно, когда он ложился спать, то закрывал ее, поэтому, думаю, когда поднималась наверх, я этого не заметила.

Он сидел, облокотившись на спинку кровати, прикроватная лампочка освещала часть комнаты. Половина его тела была скрыта одеялом, вторая половина, к несчастью, прикрыта футболкой с брендом одного из рекламодателей, с которыми он работал. Эйден задумчиво смотрел на меня.

— Ты в порядке? — спросила я, прислонившись плечом к дверному проему.

— Да, — ответил он так искренне, так легко, что я понятия не имела, что с собой делать.

Хм.

— Что делаешь? — телевизор был выключен, книга лежала на тумбочке.

— Думаю об игре на прошлой неделе, и что бы я мог сделать иначе.

Из всего возможного, почему именно это пробилось под мои ребра и схватилось за сердце?

— Конечно, ты занимаешься именно этим.

Эйден приподнял свое большое мускулистое плечо, и его взгляд опустился на мою суперскую сексуальную фланелевую пижаму с длинными рукавами, которая была застегнута на все пуговицы.

— Собираешься спать? — спросил он и посмотрел мне в глаза.

— Я не так уж сильно устала. Возможно, посмотрю телевизор.

Даже в приглушенном свете я заметила, что его щека дернулась.

— Посмотри его со мной, — спокойно предложил он.

Погодите. Что?

— Ты не устал?

— Я долго спал. И теперь не скоро смогу уснуть, — объяснил он.

Я улыбнулась и почесала стопу о край ковра в его комнате, который переходил в деревянный пол.

— Уверен, что больше нет игр, о которых тебе надо подумать?

Эйден посмотрел на меня с кислым взглядом на лице.

Он пригласил меня посмотреть с ним телевизор. Какой еще ответ может быть, кроме:

— Ладно.

К тому времени, как я вернулась в его комнату, после того как бросила в корзину для белья свою грязную одежду, он уже перелег на одну половину кровати и включил свой телевизор размером около ста сантиметров, который стоял на одном из его комодов.

А сам он лежал на кровати, скрестив руки за головой, и наблюдал, как я захожу в его

комнату, лишь слегка ощущая неловкость.

Я натянуто ему улыбнулась и продолжала смотреть в глаза, пока приподнимала одеяло и забиралась под него, и ждала, будет ли он жаловаться. Но этого не произошло. На его королевского размера кровати между нами осталось расстояние в два шага. Я приподняла подушку к изголовью и со вздохом опустилась на нее.

— Ван?

— Хмм?

— Что не так?

Подтянув одеяло к подбородку, я заморгала, уставившись в потолок.

— Ничего.

— Не заставляй меня спрашивать снова.

И от этого я почувствовала вину. Так легко забыть о том, как много он обо мне знает.

— Я в порядке. Просто у меня сегодня какое-то депрессивное настроение, может, это гормоны или еще что. Вот и все, — я сжала руки. — Это глупо. Я люблю Рождество.

Между нами повисла тишина, прежде чем он спросил:

— Ты не едешь к маме?

— Нет, — уже после того, как ответила, я поняла, как пренебрежительно прозвучали мои слова. — Мои сестры проводят Рождество с ней. Сейчас она замужем, и у нее есть приемные дети, которые тоже приедут. Она не одна, — и даже если бы она осталась одна, я бы все равно не поехала. Я могу быть честна сама с собой.

— Где твой брат?

— Со своими друзьями.

— Твоя подруга? Диана?

Из-за его занятости мы немного времени проводили вместе и говорили друг другу лишь «привет» и «пока», и в одно и то же время смотрели телевизор.

— Она со своей семьей, — после того, как ответила, я поняла, как прозвучали мои слова. — Клянусь, обычно я в порядке. Просто не в духе, вот и все. Что насчет тебя? Ты в порядке?

— Последнее десятилетие я провожу Рождество в одиночестве. Так что ничего особенного.

Из всех людей, с кем я могла бы провести праздники, я с тем, чья история очень похожа на мою.

— Полагаю, положительная сторона в том, что если ты не хочешь, тебе больше не нужно проводить их в одиночестве, — не уверена, зачем произнесла следующие слова, но я сделала это. — По крайней мере, пока мы застряли вместе.

Почему это прозвучало так жалко?

— Я застрял с тобой, не так ли? — спросил он обманчиво мягким голосом.

Он пытался сделать так, чтобы я почувствовала себя лучше?

— На следующие четыре года и восемь месяцев, — я улыбнулась ему, даже если ощущала внутри невероятную грусть, как будто песок застрял в песочных часах.

Его голова дернулась назад. Это движение было крошечным, очень крошечным, но оно было.

Или мне показалось?

Прежде чем я смогла решить, показалась мне его реакция или нет, Здоровяк резко спросил:

— Ты расскажешь мне, наконец, что сделала твоя сестра, чтобы разозлить тебя?

Конечно, он спросил. А почему бы и нет? Не то чтобы я держала все это в секрете. Просто не люблю об этом говорить. С другой стороны, если и есть в мире человек, с которым я могу поговорить о Сьюзи, это Эйден. Кому он расскажет?

Но суть в том, что даже если бы у него и был человек, кому он мог бы рассказать, он — самый надежный человек, которого я знаю.

Не уверена, когда это произошло, но я не собиралась задумываться об этом, особенно не в канун Рождества, когда он пригласил меня в свою постель, и впервые за долгое время я не чувствовала себя такой одинокой.

Немного поерзав на матрасе, я подперла голову рукой и просто выложила все.

— Когда мне было восемнадцать, она сбила меня машиной.

Эти невероятно длинные ресницы опустились на его щеки. У него покраснели уши?

— Автомобильная авария? — его голос был хриплым. — Ты рассказывала, что человек, который наехал на тебя...

Он моргнул так медленно, что я подумала бы, что с ним что-то не так, если бы не знала его лучше.

— Это была твоя сестра?

— Да.

Эйден посмотрел прямо на меня, в морщинках в уголках его глаз залегло недоумение.

— Что произошло? — озвучил он вопрос.

— Это длинная история.

— Для тебя у меня есть время.

— Это, правда, длинная история, — настаивала я.

— Хорошо.

Этот парень. Мне пришлось вытянуть шею, подготавливаясь к этому чертовому шторму.

— У всех моих сестер есть проблемы, но Сьюзи всегда отличалась. У меня проблемы с гневом, я знаю. Удивительно, правда? Никаких проблем нет лишь у моего младшего брата. Думаю, когда мама была беременна нами, она пила, или, может, наши отцы были мудаками, не уверена.

Почему я рассказывала ему об этом?

— В любом случае, между нами всегда все было плохо. У меня нет ни одного хорошего воспоминания, связанного с ней. Ни одного, Эйден. Вот примерный список: она приходит и бьет меня по лицу без причины, кричит на меня, дергает за волосы, ломает мои вещи без каких-либо причин... ну и такое прочее. Я долго не давала сдачи, пока не устала от ее хрени. Тогда я как раз стала выше, чем она, и решила, что с меня довольно. Тогда она уже пила и принимала наркотики. Я знала, что она употребляла уже некоторое время. Но меня это не волновало. Я устала быть ее грушей для битья.

— Ну, в тот раз она надрала мне задницу. Она столкнула меня с лестницы, и я сломала руку. Мама была... не знаю, где она была. Мой младший брат испугался и позвонил 911. Приехала машина скорой помощи и отвезла меня в больницу. Врачи, медсестры или кто-то еще звонили моей матери. Она не отвечала. Не знаю, где она была, как и не знали мои сестры и брат. Наконец, из больницы позвонили в Службу защиты детей, и они забрали меня, они забрали всех. Не знаю, сколько у мамы ушло времени на то, чтобы понять, что мы все пропали, но ее лишили родительских прав.

— Следующие четыре года я провела с приемными родителями и младшим братом.

Пару раз я видела маму, но это все. Сразу после этого я уехала в колледж, она начала звонить и спрашивать, что я собираюсь делать летом, и говорила, что хотела бы увидеться со мной. Не знаю, о чем, черт побери, я тогда думала. У нее была стабильная работа, поэтому я поехала... и лишь когда оказалась там, то поняла, что она живет не одна. А со Сьюзи и моими старшими сестрами. За все эти годы я не видела ни одну из них.

— Тогда я должна была знать, что лучше бы мне остановиться в другом месте. Родители моей подруги Дианы все еще жили по соседству, но она чем-то занималась на тех выходных, поэтому дома ее не было, а я не хотела оставаться там без нее. Мои приемные родители сказали мне, что их дом всегда будет моим домом, то есть, мой младший брат до сих пор жил с ними. Но по какой-то глупой причине я хотела дать шанс своей матери. Мы — Сьюзи и я — начали ругаться в ту же секунду, как я приехала, я должна была знать. Как только я ее увидела, то поняла — она под чем-то. Я пыталась поговорить с мамой об этом, но она отмахнулась от меня и сказала, что Сьюзи изменилась.

— Серьезно, это был мой второй вечер там, я проходила мимо маминной комнаты и увидела, как она роется в ее шкафу. Мы начали спорить. Она обозвала меня кучей ужасных слов, начала бросаться в меня вещами и задела меня вазой. Я едва заметила, как она схватила мою сумку с кухонного стола, как она уже выбежала из дома с чем-то, что украла до этого. Я так злилась, Эйден. Когда я думаю об этом сейчас, это так глупо, и еще глупее то, что я все равно побежала бы за ней, даже если бы знала, что случится. Она села в машину, а я начала кричать на нее через окно, пока она выезжала на дорогу. Я не хотела, чтобы она проехала по моим пальцам, поэтому встала перед машиной, когда она неожиданно завела ее и надавила на газ.

Тревога и печаль сковали мои легкие, пока я продолжала рассказывать ему о том, что произошло.

— Я помню ее лицо, когда она сделала это. Помню все. Я не отключилась, пока не приехала скорая, что произошло, когда она выехала на дорогу и бросила меня там. Диана рано вернулась домой и была в своей спальне, когда это произошло, она слышала наши крики. К счастью, она вышла как раз перед тем, как Сьюзи сбила меня, и вызвала 911. Доктор потом сказал, что, к счастью, мое тело было повернуто правильно, и что она задела лишь одно колено, а не оба.

Сколько раз я говорила себе, что пережила это? Тысячу? Но предательство до сих пор жалило меня в миллион различных чувствительных мест.

— К счастью. К счастью, моя сестра сбила меня машиной и ранила лишь одно колено. Ты можешь в это поверить?

Что-то раздулось в моем горле и поднялось к глазам. Некоторые называют это слезами, но не я. Я не собиралась плакать из-за того, что произошло. И мой голос уж точно не надламывался от эмоций.

— У меня разорвалось сухожилие. Мне пришлось пропустить целый семестр в колледже, чтобы прийти в себя.

Здоровяк смотрел на меня. Его ноздри слегка раздувались.

— Что произошло после того, как она сбила тебя?

— Она исчезла на несколько месяцев. Не все мне верили, когда я говорила, что она сделала, даже если у меня был свидетель. Уверена, когда это произошло, она была пьяна — вероятно, поэтому она украла деньги, чтобы достать то, что ей было нужно. Мама хотела, чтобы я простила ее и двигалась дальше, но... как она могла просить меня сделать

подобное? Она знала, что Сьюзи сделала. Она и у мамы украла деньги. Она сделала этот выбор, ты знаешь? И даже если она была под кайфом, это все равно был ее выбор принять что-то и украсть у людей, которых она должна была любить. Ее выбор привел ее к этому моменту. И я не могу жалеть ее.

Не могу. Прощение — добродетель, или, по крайней мере, это то, что мне говорили, но я не очень ее чувствовала.

— После я уехала и осталась у своих приемных родителей. Я ни в коем случае не собиралась оставаться по соседству у Дианы. Мой приемный отец заставил меня вести его бухгалтерию, быть его секретарем и заниматься всякими подобными делами, чтобы я смогла хотя бы заработать себе на комнату и пропитание, потому что я не хотела жить за чужой счет. Потом, когда мне стало лучше, я вернулась обратно в колледж.

— Что произошло с твоей сестрой? — спросил Эйден.

— После того, как она меня сбила, я несколько лет ее не видела. Знаешь, что убивает меня больше всего? Она даже не извинилась передо мной, — я пожала плечами. — Может, это делает меня немного хладнокровной, но...

— Это не делает тебя хладнокровной, Ван, — твердо прервал меня Виннипегская Стена. — Человек, которому ты должна была доверять, ранил тебя. Никто не может винить тебя за то, что после этого ты не хочешь обниматься с ней. Я и за меньшее не прощал людей.

От этого я с горечью фыркнула.

— Ты удивишься, Эйден. До сих пор это для меня болезненная тема. Никто, кроме моего младшего брата, не понимает, почему я злюсь. Почему я не могу просто забыть об этом. Я понимаю, что они по какой-то причине никогда не любили меня, но я до сих пор чувствую себя преданной из-за того, что они защищали Сьюзи, а не меня. И я не понимаю, почему. Или что я такого сделала, что они воспринимают меня, как врага. И что я должна делать?

Эйден нахмурился.

— Ты талантливый, хороший человек, Ванесса. Посмотри на себя. Я не знаю, какие твои сестры, но не верю, что они и вполтину так хороши, как ты.

Он перечислял мои качества так вежливо, и они не казались мне комплиментом. Скорее, они походили на утверждения, и я не знала, что с ними делать, особенно потому, что я понимала — Эйден говорил подобное не для того, чтобы я почувствовала себя лучше. Он не из тех, кто поощрял, даже если чувствовал себя обязанным это делать, а вел себя так, только если очень этого хотел.

Но прежде, чем я смогла хорошо все это обдумать, он неожиданно выдал признание, к которому я оказалась не готова.

— Возможно, я не лучший человек для того, чтобы давать семейные советы. Я не разговариваю со своими родителями двенадцать лет.

Я сразу уцепилась за эту тему, предпочитая говорить о нем, а не обо мне.

— Я думала, что ты переехал к дедушке и бабушке, когда тебе исполнилось пятнадцать?

— Так и было, но дедушка умер, когда я был выпускником старшей школы. Они приехали на похороны, узнали, что он оставил все бабушке, и мать сказала, чтобы я сам заботился о себе. С тех пор я их никогда не видел, — ответил Эйден.

— Твой отец ничего не сказал?

Эйден заерзал на кровати, спускаясь с подушки чуть ниже на матрац.

— Нет, тогда я был уже на десять сантиметров выше него, и на двадцать семь

килограммов тяжелее. Да и когда я жил с ним, он заговаривал со мной лишь тогда, когда хотел наорать на кого-то.

— Прости, что говорю о твоём отце, но как по мне, так он мудака.

— Он был мудаком, уверен, что он до сих пор им и является.

Это заинтересовало меня...

— Это из-за него ты не материшься?

Эйден, не любящий врать, ответил:

— Да.

И в этот момент я поняла, как мы с Эйденем похожи. Сильное чувство привязанности, ладно, может, нечто большее, чем привязанность — я могла быть взрослой и признаться в этом — сжало мое сердце.

Я смотрела на Эйдена и сдерживала сочувствие, которое чувствовала, и просто цеплялась за кипящий гнев, пока рассматривала его шрам.

— Как он сделал это с тобой?

— Мне было четырнадцать. Прямо перед тем, как я достиг своего всплеска роста, — он откашлялся, смотря в потолок, подтверждая, что он знает о том, что я знаю. — Он очень много выпил и злился на меня за то, что я съел последнюю баранью отбивную... он толкнул меня в камин.

Я собиралась убить его отца.

— Ты поехал в больницу?

То, что Эйден фыркнул, застало меня врасплох.

— Нет. Мы не... он бы не позволил мне поехать. Поэтому рана так плохо заживала.

Ага, я опустила на подушке чуть ниже, не в состоянии смотреть на него. Вот что он чувствовал? Стыд и гнев?

И что надо говорить после подобного? Есть ли вообще подходящие слова? Поэтому я просто лежала и, кажется, вечность задыхалась от неуверенных слов, повторяя про себя, что у меня нет причин плакать.

— Твой отец такой же большой, как и ты?

— Больше нет, — Эйден грубо рассмеялся. — Нет. Он весит около семидесяти двух килограммов, рост метр восемьдесят. По крайней мере, таким он был в последний раз, когда я его видел.

— Хм-м.

Секунду он двигался на кровати, а потом внезапно произнес:

— Я уверен, что он не мой настоящий отец. Моя мама блондинка, как и он. Они оба среднего роста. Дедушка и бабушка тоже блондины. Мама как-то работала с одним парнем, который всегда хорошо ко мне относился, когда я приходил к ней на работу. Мои родители часто ругались, но я думал, это нормально, так как отец всегда искал, с кем бы подраться. Не важно, с кем, — я не могла не заметить сходство с парнем Дианы. — Моя бабушка единственная, кто признался мне, что мама изменяла отцу.

Я задавалась вопросом: они все еще вместе или нет?

— Кажется, это унижительный опыт для них обоих.

Он кивнул, его дыхание замедлилось, и он посмотрел на телевизор.

— Да, но теперь я вижу, что они были так несчастны друг с другом, и не могли быть счастливы со мной, не важно, что я делал, и поэтому мне легче жить своей жизнью. Самое лучшее, что они для меня сделали — отказались от родительских прав и отдали меня

бабушке и дедушке. Я им ничего не сделал, и для меня оказалось лучше так, как все произошло. Все, что у меня есть, это благодаря бабушке и дедушке, — он повернул голову и посмотрел мне в глаза. — Я не собирался тратить свою жизнь впустую, потому что меня вырастили люди, которые ничего не смогли совершить в своей жизни. Все, что они сделали, это показали мне, каким человеком я не хочу быть.

Почему мне казалось, будто он говорил о моей матери?

Некоторое время мы просто лежали, никто не произносил ни слова. Я думала о моей маме и обо всех ошибках, которые совершила за эти годы.

— Иногда я задаюсь вопросом, почему, черт побери, до сих пор пытаюсь поддерживать с ней отношения. Если я не звоню ей, она звонит мне, где-то два раза в год, если только ей что-то не нужно, или она чувствует себя плохо из-за того, что делала в прошлом или не делала. Знаю, ужасно так думать, но это так.

— Ты сказала ей, что мы поженились?

Я усмехнулась.

— Помнишь тот день, когда мы ходили к твоему адвокату, и ты ответил на ее звонок? Она звонила, потому что кто-то рассказал ей; они узнали мое имя, — я усмехнулась снова, на этот раз со злобой.

— Когда я ей перезвонила, первое, что она спросила — когда я достану ей билеты на одну из твоих игр. Я сказала, чтобы она никогда не спрашивала меня об этом, и она стала так защищаться... Клянусь Богом, даже сейчас я думаю о том, что не хочу никогда быть похожей на нее.

Я сдала ладони в кулаки, но потом заставила себя расслабиться. Я успокаивала себя, пытаюсь отпустить гнев, который так часто просыпался во мне.

— Как я сказал, я не знаю твою мать и даже не хочу с ней знакомиться, но ты все делаешь правильно, Ван. В большинстве случаев даже лучше, чем правильно.

Ладно. В большинстве случаев. От его выбора слов я улыбнулась в потолок, успокаиваясь еще больше.

— Спасибо, Здоровяк.

— Угу, — ответил он, прежде чем перейти сразу к делу. — Не хочу повторяться, но я знаю, сколько ты должна по студенческим займам.

Я перекатилась набок и посмотрела на него. Наконец-то.

— Мне было интересно, поднимешь ли ты когда-нибудь эту тему, — пробормотала я.

Здоровяк тоже повернулся, чтобы посмотреть мне в лицо; лицо не выражало никакого гнева от недавних воспоминаний.

— О чем, черт побери, ты думала?

Я вздохнула.

— Не все из нас получили стипендию, хвастун.

— Но есть более дешевые колледжи, в которые ты могла бы поступить.

Эх.

— Ага, но я не хотела ни в один из них, — ответила я и поняла, как глупо это прозвучало. — И да, сейчас я немного об этом жалею, но что я могу поделать? Дело сделано. Я была упрямой и глупой. И я никогда не делала того, что хотела, понимаешь? Я просто хотела уехать.

Эйден недолго обдумывал мои слова, потом подпер голову кулаком и спросил:

— Кто-нибудь о них знает?

— Ты шутишь? Ни в коем случае. Если кто спрашивал, я говорила, что получила стипендию, — наконец-то я кому-то об этом призналась. — Ты первый человек, которому я в этом признаюсь.

— Ты даже Заку не говорила?

Я уставилась на него.

— Нет. Мне не нравится рассказывать всем, что я идиотка.

— Только мне?

Я показала ему язык.

— Заткнись.

Не важно, сколько мне лет, первое, что приходило мне на ум каждое утро двадцать пятого декабря, это — Рождество. Под елкой не всегда оказывались подарки, но после того, как я научилась не ждать ничего, магия этого дня не исчезла.

Мое волнение не сдерживало и то, что утром я проснулась не в своей комнате. Я лежала на своей стороне кровати, натянув одеяло до подбородка. Передо мной был Эйден. Кроме его макушки я видела лишь сонные карие глаза. Я улыбнулась ему.

— С Рождеством, — прошептала я так, чтобы мое утреннее дыхание не ударило ему прямо в лицо.

Стягивая одеяло со своего носа, он сладко зевнул.

— С Рождеством.

Я собиралась спросить, когда он проснулся, но было очевидно, что совсем недавно. Он потер глаза и снова беззвучно зевнул. А потом вытянул руки над головой и потянулся. Эти длинные, загорелые руки с туго натянутыми мышцами доставали до изголовья кровати, его бицепсы увеличивались в размере, пока он вытягивал пальцы, как большой, ленивый кот.

И я не могла не пялиться, пока он не поймал меня.

А потом мы просто смотрели друг на друга, и я знала, мы оба думаем об одном и том же: о предыдущей ночи. Не о длинном разговоре о наших родителях — и об абсолютной честности между нами — а о том, что произошло после.

Фильм. Чертов фильм.

Не знаю, о чем, черт возьми, я думала, и я чертовски хорошо осознавала, что была сонной, когда спросила, не хочет ли он посмотреть мой любимый детский фильм. Я смотрела его сотни раз. Сотни. Он дарил мне ощущение любви и надежды.

И я была идиоткой.

И Эйден, будучи хорошим человеком, который позволял мне почти все, чего я хотела, ответил:

— Конечно. Но я, вероятно, засну во время просмотра.

Он не уснул.

Если я что и узнала этой ночью, так это то, что не существовало невосприимчивых людей в тот момент, когда Литтлфут (*Примеч: «Земля до начала времен» (англ. The Land Before Time) — американо-ирландский приключенческий мультипликационный фильм,*

выпущенный в США 18 ноября 1988 года компанией Universal Picture) терял свою маму. Не существовало. Когда начался мультфильм, Эйден лишь слегка закатил глаза, но когда я спустя время посмотрела на него, он внимательно наблюдал за происходящим.

Когда настал этот ужасный, жуткий момент в мультфильме «Земля до начала времен», мое сердце до сих пор не научилось справляться, и я чувствовала себя так грустно, что икала громче, чем обычно. Мое зрение помутнело. Я задыхалась. Слезы текли из моих глаз, как мощная Миссисипи. Время и десятки просмотров не закалили меня для этого момента.

И когда я вытирала лицо и пыталась напомнить себе, что это всего лишь фильм, и маленький динозавр не потерял свою любимую маму, я услышала всхлип. Вдох, который исходил не от меня. Я не очень осторожно повернулась и увидела его.

Я заметила блестящие глаза и то, как он сглотнул, и его горло дернулось. Затем я заметила косой взгляд, который он бросил на меня, пока я справлялась с собственными эмоциями, и мы смотрели друг на друга. В тишине.

Здоровяк не справился с этим, и если и было во Вселенной особенное время для просмотра этого мультика, то это было оно.

Я смогла лишь кивнуть ему и подняться на колени, а потом я наклонилась и обняла его руками за шею, приговаривая успокаивающим голосом:

— Я знаю, Здоровяк. Я знаю, — даже если в этот момент на глаза мне снова навернулись слезы и, возможно, из моего носа текли сопля.

Но самое удивительное то, что он позволил мне это. Эйден сидел и позволял мне обнимать его, позволял прижиматься щекой к его макушке и говорить, что все нормально. Может, это произошло, потому что мы только что обсуждали неправильные отношения с нашими семьями, или потому, что то, что ребенок теряет маму, самое печальное, что может произойти в мире, особенно когда это невинное животное, не знаю. Но мне было чертовски грустно.

Он засопел — у любого другого человека этот звук был бы похож на сопение — и я обняла его крепче, прежде чем вернулась на свою половину кровати, и мы продолжили просмотр фильма. Потом он повернулся и посмотрел на меня своими глубокими карими глазами:

— Остайся сегодня здесь, — пробормотал он.

Хотела ли я возвращаться в свою комнату? Не тогда, когда я лежала в самой удобной постели, в которой когда-либо спала, свернувшись под теплым одеялом. Что я собиралась делать? Изобразить недотрогу? Я не настолько глупа. Поэтому я осталась, и в какой-то момент Эйден выключил свет, оставил включенной лишь лампу в ванной, и мы пожелали друг другу спокойной ночи.

Если бы я не знала Эйдена лучше, то подумала бы, что он стыдился того, что настолько расстроился из-за мультфильма, но я его знала. Он ничего не стыдился.

Но он не сказал, что ему нужно пространство, и не попросил меня встать с постели.

Сейчас мы смотрели друг на друга, и оба знали, о чем думал другой. Но ни один из нас не собирался ничего говорить вслух.

Я медленно улыбнулась, будто ничего не понимала.

— Спасибо, что позволил мне спать здесь, с тобой.

Он вроде как пожал плечами, но так как его руки все еще находились над головой, я не могла сказать точно.

— Ты не занимаешь много места, — он снова зевнул. — Ты не храпишь. Ты не

беспокоила меня.

Не знаю, что это обо мне говорило, но я чувствовала, что мои мысли очистились, и я отлично отдохнула. Но, в основном, я ощущала себя нетерпеливой, как маленький ребенок.

— Ты хочешь получить свой подарок сейчас или позже? — спросила я, чертовски хорошо зная, что хотела отдать ему его сейчас. У меня кружилась голова, и то, что я, вероятно, была более взволнована, чем он, довольно затруднительно, но...

Кого это волновало? Если он его не захочет, я оставлю его себе. Я буду вместо него чертовски сильно любить щенка, которому только восемь недель.

— Лучше позже, — ответил Эйден как настоящий взрослый, а не как маленький ребенок, который с нетерпением ждет возможности открыть подарки рождественским утром.

На мгновение я ощутила необычайное разочарование. Но всего на мгновение, а потом приняла решение.

— Очень плохо. Не выходи из комнаты. Я вернусь через секунду.

Я выпрыгнула из постели и практически побежала в прачечную вниз по лестнице. Я достала золотистого щенка из клетки и выругалась, когда поняла, что он покакал и лежал на всем этом. Вообще-то, кажется, он катался в своих экскрементах.

— Черт возьми.

Я все равно поцеловала его головку и побежала наверх, чтобы искупать его, и остановилась в своей комнате только чтобы взять миску, которую купила для него, и она лежала в ящике моего комода с прошедшей недели, когда я внесла за него задаток. Я же не могла подарить Эйдену обкакавшегося щенка, не правда ли?

Когда я оказалась в ванной, я крикнула:

— Дай мне пятнадцать минут, Здоровяк.

Закатав рукава, я еще пару раз поцеловала его мягкую головку и ждала, пока вода согреется. Когда все было готово, я взяла медовый шампунь для щенков и стала его намыливать.

Учитывая, что раньше я никогда не купала щенка, это оказалось намного сложнее. В нем было слишком много энергии. Он пописал в ванную. Прыгал на край ванной, пытаясь выбраться или забраться на меня, я не была точно уверена.

Шампунь оказался повсюду; я чувствовала его даже на своем лице. Мой топ полностью промок, и все равно это самый счастливый момент в моей жизни. Эта мордочка просто убивала меня.

Почему у меня никогда раньше не было собаки? Только для меня?

— Что ты делаешь? — спросил голос позади меня.

Я замерла, мои руки были опущены в ванную; одной я удерживала щенка, который встал на задние лапы, а передними держался за край, и его мордочка виднелась через край, и другой я тянулась к крану, чтобы выключить воду. Посмотрев через плечо, я нахмурилась, и схватила полотенце, которое оставила на унитазе.

— Я сказала тебе ждать в своей комнате, — пробормотала я, слегка разочарованная, что он испортил сюрприз. Но я лишь взглянула в эти выразительные большие глаза на этой прелестной мордочке, и забыла обо всем.

Я влюбилась.

И огромная часть меня не хотела отдавать щенка, но я знала, что должна.

— Что это? — ворчливый голос Эйдена стал немного громче и более, более

любопытным.

Обернув полотенце вокруг мокрого, почти неряшливого на вид шарика невинности, я притянула его к себе и встала, прижала его к себе в последний раз, прежде чем повернуться к мужчине, который стоял в дверях. Глаза Эйдена были так широко распахнуты, как никогда.

Его руки висела по бокам, и он сжимал пальцы. Он переводил взгляд своих темных глаз с комочка на моей груди к моему лицу, и снова вниз. Кончики его ушей покраснели, когда он снова спросил:

— Что это?

Я вытянула малыша вперед.

— С Рождеством, Здоровяк.

Мужчина, известный как Виннипегская Стена, взял замотанный в полотенце комочек и просто смотрел на него.

Должна ли я была купить ему что-то другое? Я приобрела для него еще пару маленьких подарочков, но это самый главный. Тот, из-за которого я дрожала в волнении.

— Если он тебе не нравится...

Игривый лай щенка заполнил воздух. А я наблюдала, как на лице Эйдена четыре разные эмоции сменяют друг друга. Замешательство, узнавание, удивление и восторг.

Он поднес щенка к своему лицу.

Эйден так долго смотрел на ретривера, что я начала думать, что восторг на его лице мне лишь привиделся. Но я знала — он любил животных, и однажды в интервью он сказал, как сильно хотел собаку, но пока решил подождать, когда у него не появится больше свободного времени, чтобы быть хорошим хозяином.

Но чем дольше я ждала и наблюдала, не уверенная, чего ожидать, тем сильнее удивилась, когда он прижал мягкий желтый комочек к местечку под подбородком и обнял его руками, как ребенка,

Вот черт. К этому я не была готова. Мое тело не было готово к тому, что Эйден будет держать щенка как ребенка.

Черт, черт, черт.

— Ванесса... — выдохнул он, отчего ситуация стала только хуже.

— С Рождеством, — повторила я хрипло, разрываясь между улыбкой и плачем.

Он моргнул, а затем заморгал сильнее, касаясь свободной рукой маленьких, идеальных черт на невинной мордочке.

— Я не знаю, что сказать, — пробормотал Эйден, его взгляд опустился на щенка. Он наклонил подбородок вперед и, клянусь, притянул щенка еще ближе к себе. — Я никогда... — он сглотнул и посмотрел на меня, наши взгляды встретились. — Спасибо тебе. Спасибо.

Я плачу? Я, правда, плачу?

— Пожалуйста, — я, вроде как, улыбнулась. — Я знаю, ты сказал, что у тебя нет времени на отношения, но ты не можешь не найти время для него. Посмотри на него. Я полюбила его, как только увидела. Когда ты зашел, я уже собиралась вести себя так, будто купила его для себя.

Он быстро кивнул, слишком быстро для того, чтобы мое сердце смогло с этим справиться.

— Да, ты права. Я смогу найти время, — Эйден облизнул губы и пронзил меня взглядом, от которого я снова застыла на месте. Это самое сладкое, самое открытое

выражение, которое я когда-либо видела на его лице. — Я начинаю понимать, что ты всегда можешь найти время для того, что важно для тебя.

Несколько часов спустя мы сидели в гостиной на полу, с новой любовью всей жизни Эйдена, и я думала о том, что это лучшее Рождество в моей жизни. Мы провели весь день со щенком, что удивило меня. Полагаю, я ожидала, что Эйден заберет его и исчезнет, чтобы самому насладиться своим новым «ребенком», но на деле все произошло совсем не так.

Как только Эйден понял, что щенок все еще мокрый, он посмотрел на меня и спросил: — Что теперь?

Следующий час мы сушили неназванного щенка и отвели его пописать, пока Эйден мыл его грязную клетку, а я наблюдала за ним. Потом он установил миски, которые я предварительно купила, насыпал малышу еды и налил воды. Потом последовал совместный завтрак на кухне, пока щенок бегал вокруг нас, и после мы снова вывели его наружу, после того, как он описался на кухне. Эйден, не задумываясь, вытер за ним.

Потом я пошла и приняла душ, а когда спустилась вниз, чтобы посмотреть телевизор, там меня и нашел Эйден, который тоже, видимо, помылся... и пришел с малышом, сидящим у него на руках.

Серьезно, это убивало меня. Этот огромный парень носил повсюду в своих больших руках трехкилограммовую собаку. Боже помоги нам. Мне нужно найти еще щенков и заплатить моделям, чтобы они позировали с ними. Я бы заработала кучу денег, если бы поместила их на календари.

Или, может, меня привлекал лишь Эйден, держащий щенка, в которого он безумно влюблен.

Я не собиралась все это анализировать, я решила все очень быстро.

День проходил просто отлично: горел камин, горели огоньки на елке, и все вокруг было таким мирным. Я позвонила своей большой семье — моему брату, Диане, приемным родителям — и пожелала им счастливого праздника.

Я вытянула ноги перед собой, наблюдая за светлым комочком, который свернулся на полу между моих ног, когда Эйден, сидящий рядом со мной, вдруг повернулся и сказал:

— Я до сих пор не подарил тебе твой подарок.

Я моргнула. Он что? Я ничего не ожидала, но чувствовала себя идиоткой, произнося подобное вслух:

— Ох, — моргнула я. — Ты мне что-то купил?

Он немного прищурился, будто думал о том же, о чем и я.

— Да, — поднявшись на свои большие ноги с большей легкостью, чем мог кто-то с таким большим весом, он склонил голову в сторону лестницы. — Следуй за мной.

Я пошла за ним вверх по лестнице, прямо по коридору в сторону... его кабинета.

Его кабинет?

Он открыл передо мной дверь и головой указал мне идти вперед.

В дверном проеме я заколебалась, наблюдая, как он наблюдал за мной. Он вытянул руку перед моим лицом и включил свет. На его большом столе из твердой древесины стояли два подарка, аккуратно завернутые в полосатую бумагу мятного цвета.

Мне не надо было спрашивать, чтобы понять, что их заворачивали эти большие, аккуратные руки, а не какой-то незнакомец.

И из-за этого у меня защекотало в носу.

— Открой первый, — указал он.

Я посмотрела на него через плечо, зашла в кабинет и взяла верхнюю коробку. Медленно, я развернула бумагу и вытащила тонкую коробку. Я знала, что это, как только увидела название компании.

Это новый, первоклассный планшет. Большинство графических дизайнеров будут пускать на него слюни, но никогда не купят, потому что себя можно уговорить на покупку чего-то более дешевого, но такого же хорошего.

Прижимая его к груди, я повернулась лицом к нему, открыв рот.

— Эйден...

Он поднял руку и закатил глаза.

— Поблагодаришь меня после того, как откроешь следующий.

Я уже была готова проигнорировать его и обнять, но решила быть хорошей и открыть следующий подарок, потому что он так мило попросил. Следующий подарок находился в коробке побольше, как причудливая коробка из-под шарфа, которую я видела у своей соседки по комнате в колледже.

Как и предыдущий подарок, я открыла его медленно и вытащила оттуда идеальную коробочку кубической формы.

Открыв крышку, я улыбнулась, увидев кучу фонарей и лампочек внутри. Там было два фонарика с присоединенными к ним брелоками для ключей и тремя сменными насадками: в форме юпитера, звезды и обычный прямой, который, скорее всего, будет пользоваться у меня наибольшей популярностью.

Там еще были четыре фонарика различных размеров и цветов: розовый, красный, бирюзовый и черный. Я взяла розовый, металлический.

— Они напоминают мне о цвете твоих волос.

О, нет.

— Эйден...

— Я знаю, это не сравнится с тем, что ты подарила мне, но, думаю, для начала этого достаточно. Я годами никому не покупал подарки...

— Этого достаточно, глупыш, — ответила я, смотря на него через плечо и держа в руках самый продуманный подарок, который мне когда-либо дарили.

Здоровяк откашлялся.

— Нет. Это не так. Я тебе должен.

Он должен мне?

— Ты мне ничего не должен. Это... это идеально. Больше, чем идеально. Спасибо.

Чертовы фонарики. Кто бы подумал?

Мне на плечи опустились две большие руки.

— Я должен тебе, Ван. Поверь мне, — так же быстро, как его руки оказались на мне, они исчезли, и он добавил: — Это не подарок, но вытяни свою руку.

Я сделала, как он сказал, подняв ее высоко над плечом, испытывая любопытство от того, что он собирается мне дать. Жевательную резинку?

Мне на ладонь упало что-то прохладное и маленькое. Но довольно тяжелое.

Когда я опустила руку, во рту пересохло.

— Это не подарок. Вчера позвонил ювелир и сообщил, что заказ готов. Я собирался отдать его тебе, но...

Сначала я, честно говоря, подумала, что это камешек. Большой светло-голубой камешек. Должно быть, я пребывала в таком замешательстве, что не сразу заметила ободок из белого

золота под камушком. И тут до меня дошло: это же кольцо.

Держа его на уровне глаз, я вспомнила все те годы, когда была вынуждена делать покупки исключительно в стареньких секонд-хендах. Изумрудная огранка, голубовато-зеленый камень — аквамарин, если быть точной, камень месяца моего рождения, — венчал верхушку тоненького ободка. С четырех сторон камень окружали по три бриллианта. А рядом с белым, ничем не украшенным золотым простым ободком, находился еще один тонкий ободок, инкрустированный бриллиантами, который прилегал к основному кольцу, как будто они из одного набора.

Это кольцо напоминало те кольца, которые носили люди в 1950-х на коктейльных вечеринках... правда, уверена, клянусь сердцем, это не какая-то дешевка, заказанная по каталогу.

— Я решил, что тебе нужно обручальное кольцо. Не думаю, что тебе нравятся бриллианты. Это кольцо больше похоже на тебя.

— Заткнись.

Я еще секунду рассматривала кольцо, мне стало трудно дышать.

— Нет, — запротестовал он. — Если тебе не нравится...

— Прекрати болтать, Эйден. Это самое прекрасное кольцо, которое я когда-либо видела, — я поднесла руку ближе к лицу и покачала головой, затем посмотрела Эйдену в глаза, вложив в свой взгляд чувства своего сердца. — Оно для меня?

— Для кого еще? Моей другой жены? — спросил он раздраженно.

Он купил мне кольцо.

И оно...

Черт возьми. Черт возьми. Я не могу любить его. Не могу. Не могу, особенно не потому, что он купил мне нечто идеальное. Нечто, так подходящее для меня.

Я пыталась подавить свои эмоции.

— Ты мог просто купить мне обычное кольцо. Мне плевать на то, что думают остальные, — прошептала я и надела кольцо на правильный палец.

— Мне тоже плевать, но я все равно купил его для тебя.

— Я влюблен.

Мы с Заком наблюдали, как Лео носился по полу из стороны в сторону, и это видение — было самым прекрасным во всей Вселенной, а я не могла не согласиться с Заком.

Мы трое любили маленький желтый меховой комочек, а прошло всего две недели. Все это время мы с Эйденом тренировали мальчика и установили расписание. Когда Здорвяк уезжал, щенок оставался со мной, и каждые пару часов я выводила его на улицу.

Лео — бриллиант, и я очень жалела, что отдала его Эйдену, а не оставила себе. Но не так-то и важно, кому он принадлежал, потому что, технически, со мной он проводил больше времени, чем с папочкой, которого постоянно не было дома.

«Три Сотни» сейчас приближались к окончанию сезона и продвигались по непредсказуемой таблице, и скоро они окажутся в дивизионном плей-оффе. Их игра завтра, и, должна сказать, мужчина, который настаивал на том, чтобы нести на своих плечах вес всего мира, ощущал невероятный стресс.

Я, само собой, давала ему свободное пространство и старалась поддерживать, что означает, что я готовила достаточное количество еды, чтобы накормить всех в доме. Эйден включил уровень Джедая и, когда был дома, проводил все свое время с новым «ребенком» и отдыхал столько, сколько возможно.

— Я люблю его, — произнесла я, когда малыш подбежал к месту, где мы сидели в уголке, и лег на мои ноги, одетые в носки. — Пока я работаю, он все время спит у меня на коленях. Так трудно не оставлять его у себя на весь день.

Зак наклонился, чтобы почесать его кончиками пальцев, но Лео отключился. Мы пошли на девятнадцатикилометровую пробежку в зал, где он тренировался, а после сразу достали Лео из его клетки, которую Эйден хранил в своей комнате, и дали ему побегать по заднему двору.

Выпрямившись, Зак сделал большой глоток лаймово-зеленого «Гаторэйда» из бутылки, которая стояла около него.

— Ты идешь завтра на игру?

— Планирую. Хочешь пойти?

Он снова заглянул под стол.

— Тебе есть с кем еще пойти?

После той первой игры он со мной больше не ходил. Я смотрела их одна.

— Я могу пойти одна. Ничего страшного.

— Я знаю, что ты можешь пойти одна, но это игра дивизиона. Там будет сумасшествие.

Я закатила глаза.

— Я выросла с тремя психами. Я могу справиться с сумасшествием.

Зак приподнял брови, и тогда до меня дошло, что я сказала. Я могла справиться с сумасшествием. Идиотка.

Я застонала.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

Его улыбка была большой, широкой и не очень невинной.

— Но я ничего не сказал, — подмигнул тупица. — Слушай, я пойду завтра с тобой.

Только убедись, что Эйден достанет нам хорошие места, так как ты говоришь, что слишком хороша, чтобы сидеть с семьями.

— Слишком хороша, чтобы сидеть с семьями? — вскрикнула я. — Просто не хочу быть дружелюбной с женами других игроков. Вот и все.

Из-за этого Зак нахмурился.

— Почему?

— Я тебе говорила, — или я рассказывала об этом Эйдену? Не помню. — Я чувствую себя обманщицей.

— Ты не обманщица.

Я приподняла плечо.

— Так я себя чувствую. Плюс, сезон почти закончился. Кто знает, что произойдет. Он не говорит мне, что происходит с Тревором, или поедет ли в Колорадо в этом году.

Честно, я не сильно задумывалась над тем, уедет ли он во время перерыва между сезонами, потому что не хотела. Когда я все-таки подумала об этом, лишь раз, то мне стало грустно, потому что я не увижу его несколько месяцев. Я бы предпочла жить в неведении, чем все время думать об этом.

Плюс, он скажет мне, когда соберется уезжать... не правда ли?

— Он ничего мне не рассказывает, Ванни, и когда я в последний раз разговаривал с Тревором, мы обсуждали мои планы на межсезонье, — объяснил Зак.

Это стало для меня отговоркой забыть на секунду о Колорадо и вспомнить что-то: что Эйден решит делать со своей карьерой, затронет не только меня, но и Зака. Если он перейдет в другую команду, Зак этого же сделать не сможет. Последние пару месяцев между ними очень натянутые отношения, и я не знаю, что сейчас происходит.

— Ты уже решил, что будешь делать?

— Пару недель назад мне позвонил мой старый тренер из Техаса. Сказал, что в этом году собирается уйти в отставку, и он живет в городе, недалеко от моей мамы. Думаю, все-таки вернусь в Остин, чтобы работать с ним.

Остин? Я подавила свой эгоизм.

— Правда?

— Да. Неплохо было бы вернуться домой. Я тебе рассказывал, каким виноватым я себя чувствовал из-за дедули в это Рождество, — объяснил он. Зак говорил, что его дедушка продолжал напоминать ему, что моложе он не становился.

Потом меня поразил следующий шаг будущего. Конечно, мы живем вместе лишь пять месяцев, но... в конце концов, можем оказаться в разных штатах. Навсегда. Я буду безумно скучать по Заку, моему лучшему другу. В каком испорченном, эгоцентричном мире жила я, что не думала о подобном результате?

Должно быть, он заметил отчаяние на моем лице, потому что недоверчиво рассмеялся.

— Почему ты расстраиваешься, сладкая?

— Потому что я больше не буду тебя видеть, — ответила я со всей честностью. — Ты, фактически, мой второй лучший друг.

— Ох-х, черт, Ван. Ты тоже мой лучший друг, — он распахнул свои голубые глаза. — Что бы я делал без тебя в эти последние несколько месяцев.

Я потерла глаза тыльной стороной ладони. С Рождества я стала плаксой, хотя на это не было никаких причин.

— Почему я так расстроена? Мы все равно будем писать друг другу, верно?

— Конечно. Конечно. Давай же.

Его глаза блестят?

— Обними меня. Из-за тебя у меня тушь потечет.

Я рассмеялась, обнимая его.

— Ты идиот, но я люблю тебя.

Он обнял меня обеими руками, его грудь подо мной дернулась в плаксивом смешке.

— Ты не должен бежать марафон, если не хочешь, — произнесла я в его рубашку.

— Ты провела меня через ад не для того, чтобы сейчас отступить, милая. Мы сделаем это.

— Но если ты поедешь в Остин...

— Мы сделаем это, — настаивал Зак. Он отстранился, обхватил руками мои предплечья и посмотрел на меня. — Ты же знаешь, что между нами все будет отлично, верно?

— Во время марафона или если мне придется переехать с Эйденем?

Он прищурил свои светло-голубые глаза.

— Я не беспокоюсь о тебе во время марафона. У тебя все под контролем. Я имею в виду переезд.

— А, да, — я пожала плечами. — Я не беспокоюсь об этом. Все равно почти ничем здесь, в Далласе, не занимаюсь, и Эйден все чаще составляет мне компанию.

Часть меня ожидала, что он скажет что-то типа «я заметил», потому что когда он вернулся после Нового Года и заметил кольцо, которое Эйден купил мне, он беспощадно дразнил меня. А то, что я снимала его лишь тогда, когда мы отправлялись на пробежку, совсем не помогало. Вместо этого Зак кивнул, улыбаясь.

— Он позаботится о тебе.

Я фыркнула. Я хотела рассказать ему об Эйдене, и о том, что чувствовала, но... я не могла. Просто не могла. С каждым днем мои чувства становились лишь сильнее. И это плохо.

Как можно влюбиться в человека, с которым ты должна развестись через пару лет? Я идиотка, и иногда просто не хотела задумываться над тем, какой я была глупой.

Не уверена, что Эйден приложит усилия, чтобы убедиться, что я хорошо устроилась в новом городе. Я знала, на чем сфокусирована его жизнь, и это, определенно, не я.

— В любом случае, как дела между вами? Есть улучшения? — за последние пару недель я редко видела, чтобы они разговаривали, не то чтобы до этого они общались чаще.

— Все нормально, — его голос был таким же невинным, как я и ожидала. — А что?

— Я не видела, чтобы вы разговаривали. Просто интересно, произошло ли что-то между вами?

Зак покачал головой.

— Нет. Сейчас все по-другому. Он не знает, что сказать мне, а я не знаю, о чем говорить с ним. Когда я попытался поговорить с ним в прошлый раз, он отчитал меня за то, что я виноват в том, что меня выгнали из команды. Я знаю, это моя вина, но я не хотел слышать, как он говорит подобное. Слушай, не волнуйся о нас; не у меня его кольцо на пальце. У вас все будет хорошо.

Погодите секунду...

— И что это должно означать?

— Ты знаешь что, — он подмигнул мне.

— Нет. Не знаю.

Мне не нравилось, к чему все идет, и еще меньше мне нравилась хитринка в его глазах.

Когда Зак погладил меня по макушке, я закатила глаза.

— Не будь идиоткой. Он лег к тебе в постель...

— Потому что мне было страшно.

— Он подрался из-за тебя, Ван. Если это ни о чем не говорит, тогда не знаю, что скажет.

— Потому что...

Но его, вероятно, не волновало то, что я собиралась сказать.

— Я вижу, как он смотрит на тебя. И знаю, как ты всегда смотришь на него.

Нет.

— Ты никогда не встретишь никого более преданного, чем он, Ван, и не знаю человека лучше, чем Эйден, с которым ты могла бы быть. Ты, вероятно, единственный в мире человек, который может справиться с ним. Я просто надеюсь, что вы оба что-то с этим сделаете, и не будете тратить время впустую.

В ответ я лишь тупо смотрела на него.

Звук открывающейся двери гаража заставил нас отвести взгляд. Когда мы отодвинулись друг от друга, Зак думал, что знает какой-то грязный маленький секрет, а я понятия не имела, какого черта происходит, а Эйден в это время открыл дверь в гараж. Лео вылетел из-под стола и понесся к своему папочке.

Эйден сразу же присел и поднял свой светловолосый комочек мускулистыми руками, которые, казалось, совсем несовместимы со щенком, который весил сейчас уже пять килограммов.

Его взгляд скользнул от Лео к Заку, затем ко мне. Уверена, мы выглядели довольно подозрительно, пойманные как олени в свете фар, но да ладно.

Я улыбнулась Эйдену, надеясь, что выглядела не такой расстроенной, как себя чувствовала.

— Привет, Здоровяк.

— Привет.

Рукой, которой не держал Лео, он погладил его спинку, переводя взгляд своих глаз между нами с Заком.

Подойдя к нам, он опустил подбородок, чтобы прижаться носом к щенку, а потом остановился передо мной и наклонился, оставляя на моей щеке мягкий, сдержанный поцелуй, от которого мои ноги приросли к полу.

Какого черта происходит?

Что, черт побери, происходит?

— Пойду, приму душ, — произнес Зак, посылая мне ухмылку, которая просто кричала «Видишь?». Шлепнув меня по пояснице, он вышел с кухни, оставив меня там одну, смущенную и волнующуюся, не сон ли это, от которого я не могу проснуться.

Сдерживая желание ущипнуть себя, я сглотнула и посмотрела на Эйдена, хотя в душе у меня творилась полная неразбериха.

— Как прошел твой день? — прохрипела я.

Здоровяк странно посмотрел на меня, поглаживая щекой мех Лео.

— Нормально. Встречи и тренировка, — Эйден так высоко держал Лео, что тело щенка скрывало все, кроме его глаз. — Как твоя пробежка?

— Утомляющая. Мы пробежали девятнадцать километров по холмистому участку,

установленному в спортзале, — он поцеловал Лео в нос и что-то во мне умерло. — Твой малыш уже побегал снаружи и сделал все свои дела.

Когда я произнесла слово «малыш», губы Эйдена изогнулись в маленькой улыбке. Он посмотрел на меня своими карими глазами и спросил:

— Ты все еще идешь завтра на игру?

— О. Да. Конечно. Все нормально? — после того, как я тогда пошла на первую игру с Заком, я посещала все домашние игры. Эйден не звал меня на выездные игры, а саму себя я не приглашала. Не хотела тратить деньги, когда могла сходить на отличную игру недалеко от дома.

Эйден что-то пробормотал, подходя к холодильнику.

— Ванесса, не задавай мне глупых вопросов.

— Ладно. Я не хотела просто предполагать, спасибо.

Он фыркнул и бросил через плечо:

— Ты же знаешь, я скажу тебе, если не захочу, чтобы ты была там.

— Я так и подумала, но никогда нельзя быть уверенной.

Эйден продолжал смотреть перед собой, когда отвечал, поэтому мне показалось, что, может, он умирает. Или бредит. Или, может, весь этот момент — всего лишь сон.

— Тебе никогда не стоит волноваться о том, что я не хочу, чтобы ты где-то была. Поняла?

И как идиотка, какой я и была, которая не знала, как воспринимать намеки или разумно и мило справляться со всем, в ответ я выдала самую тупую фразу, которую только могла:

— О-о-о. Хорошо.

Идиотка. Идиотка, идиотка, идиотка.

Все это преследовало меня до конца дня.

Свист был ошеломляющим.

Больше, чем ошеломляющим. Он был настолько оглушительным, что я ощущала его даже в костях.

Фанаты «Трех Сотен» на трибунах ревели с неодобрением и разочарованием. Сказать, что они разозлились, значит неадекватно описать ситуацию.

Игра была ужасной. В первой четверти злейшего врага Зака, защитника команды, валили на землю — или блокировали — и он сломал руку. В третьем периоде Кристиана Дельгадо заблокировали так грубо, что с его головы слетел шлем, и он получил сотрясение мозга. Я не кричала от восторга.

И это была лишь верхушка айсберга этого невезения. Зак, мой телохранитель во время игры, с самого начала хватался за сердце, а это многое говорило о мужчине, который не перестал болеть за «Три Сотни» после того, как его выгнали.

Нападающие играли ужасно, и Денвер пользовался преимуществами того, какой ошеломленной и невнимательной была защита «Трех Сотен». Ну, все игроки обороны, кроме Эйдена.

Каждый раз, когда на него попадала камера, или когда я ловила проблески его лица (спасибо местам поближе к полю), у него было такое холодное выражение, будто его одного будет достаточно, чтобы спасти команду.

К сожалению, это было не так.

Свист начался еще до окончания игры, и когда игроки «Трех Сотен» шли через поле в сторону боковой линии, самый большой игрок команды остановился, прежде чем зайти в туннель, ведущий в раздевалку.

Эйден стоял у линии пятидесяти ярдов, сложив руки на бедрах, и смотрел на меня. Я была хорошо знакома с сухожилиями на его шее и видела напряжение в его плечах, которое не заметил никто, кроме меня; даже то, под каким углом он держал запястья, говорило мне о многом.

Его заполняло разочарование.

Я подняла руку и махнула ему.

Он не помахал мне в ответ, и я совсем не удивилась. Тяжело излечить разбитое сердце мужчины.

Поэтому я сделала единственное, что, как я думала, он поймет, прижала руку, которой махала, к животу и подняла средний палец, как делала сотни раз до этого, когда думала, что он не смотрит.

И все еще будучи в шлеме, Виннипегская Стена покачал головой, и я знала, это смех в его проявлении.

— Эй, ты не можешь, мать твою, посылать Эйдена Грэйвса! — закричал на меня сердитый мужской голос с моего ряда.

Я оглянулась на него, не обращая внимания на нависшее надо мной тело Зака, который, казалось, приготовился защищать мою честь, и спокойно улыбнулась мужчине, который защищал Эйдена.

— Он мой муж.

В мгновение ока грубый пожилой мужчина, который кричал, успокоился. Я заметила, как он бросил взгляд на мою руку, где, конечно же, было мое новое кольцо. Я сама смотрела на него где-то раз двадцать за день, и в остальное время раз двадцать прикасалась к нему. Я до сих пор не могла поверить, что он подарил мне его.

— Ты прикалываешься надо мной? — рявкнул он.

— Нет.

На мне надета джерси Грэйвса.

— Ох, — и вот так все снова стало нормально. — Продолжай, — мужчина замолчал и задумался на секунду. — Можешь передать ему, что Гэри из Дентона надеется, что он не бросит эту дерьмовую команду? Прости мой французский, но без него мы отстой.

Что я должна была на это сказать?

— Хорошо. Передам.

Когда я снова посмотрела на поле, Здоровяк исчез.

— Это было ужасно, — заявил Зак.

Табло все еще горело, насмехаясь над фанатами и игроками, которые только что ушли.

31:14.

Ужас.

— Думаю, нам надо отсюда выбираться, — сказал Зак позади меня, когда двое мужчин на трибунах в пяти рядах от нас начали орать друг на друга.

Да, надо.

— Пошли, — ответила я, указывая в сторону выхода. Он опустил руку мне на плечо и проследовал за мной.

Я пробивалась сквозь толпы людей, поднимаясь по лестнице, ведущей к выходу. Фанаты были такими громкими, что у меня болели уши. Помня о двух пропусках в своем кармане, я повернулась к торговым палаткам, когда обнаружила маленький проход в стороне от человеческого трафика, пытающегося выйти.

— Ты пойдешь в комнату для семьи? — прокричал Зак, чтобы я его услышала.

Счет засел в моей голове, и я пожала плечами.

— Не знаю. А ты хочешь?

Зак посмотрел на меня любимым взглядом Эйдена.

— Нет, — это глупый вопрос, но он был достаточно добр, чтобы не говорить об этом. — Но ты должна.

Приподнявшись на носочки, я крикнула ему в ухо:

— Не думаю, что прямо сейчас он хочет меня видеть.

Зак сделал шаг назад и практически закричал:

— Иди.

Я снова шагнула к нему.

— Мне не нравится то, что я бросаю тебя и заставляю ехать домой в одиночестве, — объяснила я. — Плюс, что, если он не захочет отвезти меня домой?

— Выбирайся отсюда, Ван. Тебе меня не обмануть, и мы оба знаем, как прямо сейчас все воспринимает Эйден. Иди. Я, возможно, выпью чего-то перед тем, как поеду домой, но если я тебе понадоблюсь, позвони.

Ага, чувствовала я себя не очень оптимистично или обнадеживающе. Я знала Эйдена. Знала, как он переживает поражения, особенно проигрыши плей-оффа, которые так плохо отражаются на всех. Конечно, может, я и развлекла его немного, показав средний палец, но все равно волновалась из-за встречи с ним.

Вот черт. Что он сделает? Наорет на меня?

Я не считала себя трусихой. Так что к черту.

Обняв Зака и взяв обещание, что он не сядет за руль пьяным, я пошла в комнату для семьи длинным путем. Охрана была более жесткой, чем обычно, но, наконец, я дошла до места назначения и увидела, что оно переполнено людьми. Люди сбились в небольшие группки, их лица были мрачными, некоторые еще пытались улыбаться, но по большей части они все выражали одно и то же — «вот дерьмо».

И я была не единственная, кто боялся увидеть человека, ради которого здесь собирались.

Моя проблема в том, что я не уверена, хотел ли меня видеть здесь Эйден, несмотря на то, что он дал мне пропуск. Он намекнул, что хочет, чтобы я пошла на игру, но теперь, когда они проиграли... я на всякий случай сжала перечно-мятную конфету, которую на всякий случай положила в карман. Мужчина, которым он был, захотел бы побыть в одиночестве, но Эйден, которого я знаю сейчас... ну, я не уверена.

С другой стороны, если он не захочет говорить со мной, если вместо этого он будет самим собой, я пойму. И буду не против. Не позволю его поведению обидеть меня или взволновать.

Это деловая сделка. Мы друзья.

Эти слова напоминали мне пустоту в голове, которую я ощущала и в сердце. Сезон окончен. Что он теперь будет делать?

И эта неуверенность удерживала меня в углу коридора, так как отсюда я могла наблюдать и заметить Эйдена раньше, чем он уйдет.

Игроки стали выходить из раздевалки вскоре после того, как я устроилась на своем месте в дальнем углу комнаты, и после того, как я помахала нескольким женщинам, которые в прошлом относились ко мне дружелюбно. Время шло и шло, и игроков становилось больше. Но ни один из них не был Эйденем.

Вытерев руки о штаны, я достала свой телефон, проверяя его, но не надеялась ничего там увидеть. Мне просто безумно не нравилось стоять здесь в одиночестве. Переступив с ноги на нору, большим пальцем я погладила край своего обручального кольца, слегка закругленные края камня отвлекали меня, пока все больше парней выходили в комнату. Некоторые бросали взгляд в мою сторону, но большинство шли прямо к своим любимым.

Шли минуты, и комната опустела, а я стояла и думала, сколько еще мне можно подождать, прежде чем вызвать такси. Может быть, еще минут десять? Зак, должно быть, уже давно уехал, и я уж точно не собиралась звонить Диане и просить ее забрать меня. Согласно ее последнему сообщению два часа назад, она проводила время со своим парнем. Фу.

Я снова вытерла руки о джинсы, сглотнула и ждала. Затем начала возиться с молнией на куртке. Вверх и вниз. Вверх и вниз.

Прошло десять минут, а Эйдена все не было. К этому времени три четверти комнаты уже успели убрать.

Я вытащила телефон и стала пролистывать контакты в поисках номера компании такси. Вздохнув, я уже собиралась нажать на иконку звонка на экране, когда заметила высокого, темноволосого мужчину, идущего по проходу. На его лице была холодная маска, которая словно говорила «Убирайтесь с дороги и не разговаривайте со мной». Положение его плеч и твердость губ говорили о том же.

Вот черт.

На секунду я подумала о том, чтобы промолчать и нажать на вызов такси, но... я же здесь, не так ли? И я верю, что он не станет смущать меня.

Полагаю.

— Эйден? — позвала я его, мой голос был мягче, чем я ожидала или хотела.

Эти темные глаза оторвались от пола и посмотрели на меня, прежде чем его походка дрогнула, и он остановился в коридоре.

На нем сегодня был надет костюм, и серый костюм двойка смотрелся просто отлично. И лишь из-за спортивной сумки на плече он выглядел как Эйден Грэйвс, которого я знала, — того, кто чувствовал себя некомфортно во всем, кроме его любимого десятилетнего худи, шорт и кроссовок для бега.

На мгновение между его густыми бровями залегла складка, и прежде чем я обдумала свои действия, я помахала ему.

Я снова махала. Помогите мне.

Уголок его рта дернулся, и я знала, что совершила ошибку. Я не должна была приходить. Мне стоило уехать с Заком.

Он сделал шаг вперед, и его ноздри раздулись, и снова из его рта не вылетело ни слова.

Я идиотка. Чертова тупица. Что же я наделала, думая, что все те маленькие вещи.

которые он говорил или делал, на самом деле что-то значили? Лишь то, что мы рассказали друг другу то, о чем, я уверена, не говорили больше никому, не означало, что мы кто-то больше, чем просто друзья. Ты можешь доверять человеку и не быть его другом... не правда ли?

Он остановился передо мной в последнюю секунду. На тридцать сантиметров выше меня и намного шире, Эйден был... он был огромным. Его присутствие подавляло.

От его тела исходило тепло и прекрасный, чистый аромат его кожи; я сглотнула, пока он стоял передо мной. А потом неуверенно ему улыбнулась.

— Привет, Здоровяк. Я не была уверена, хотел ли ты, чтобы я вернулась сюда или нет, но...

— Прекрати.

Эйден наклонил голову, поднимая руки. Одной рукой он коснулся моей щеки, а другой обхватил мою шею сзади. И поцеловал меня.

Эйден поцеловал меня.

Его нижняя губа коснулась моей верхней. Его хватка была обнадеживающей и непоколебимой, в то время как он притягивал меня ближе, чтобы углубить поцелуй. И я сделала то, что сделал бы каждый здравомыслящий человек, — я позволила ему и инстинктивно прижалась к нему губами. Наши рты встретились, и за этим последовал глубокий, гортанный стон у моей шеи, когда он прижался своим лбом к моему.

Окей. Ладно.

Ладно.

Не знаю, какого черта только что произошло, но не собиралась вдаваться в размышления.

Мое сердце колотилось, я приподнялась, чтобы поцеловать его так же, как и он меня, рукой я скользнула вверх, касаясь его шеи. Когда я опустилась обратно на пятки, он последовал за мной вниз. Я потянулась, чтобы размять его тугие, трапециевидные мышцы, и мне казалось, что, возможно, это первый и последний раз, когда я могу это сделать.

Я хотела спросить, все ли с ним в порядке, но я знала ответ.

Глубокий вздох, вырвавшийся из его груди, сказал мне все, что нужно. Поэтому я подняла вторую руку и принялась массажировать мышцы с другой стороны его шеи. Конечно, у него есть тренеры, которые этим занимались, и у него достаточно денег, чтобы заплатить профессионалам, но я все равно массировала его шею. Люди, окружающие нас в данный момент, казались маленькими и незначительными в жизни в целом, и мне было плевать, что они рядом.

— Это приятно, — прошептал Эйден.

Я лишь сильнее надавила пальцами и заслужила улыбку от мужчины, который раздавал их, как золотые билеты на Шоколадную Фабрику Вилли Вонка. Клянусь, он ворчал от удовольствия, как большой медведь.

— Лучше? — спросила я, когда мои пальцы начали уставать, и я прижала ладони к его плечам.

Он кивнул.

— Намного.

— Когда приедем домой, я приготовлю тебе ужин. Что скажешь?

— Я скажу «хорошо».

— Готов идти?

Он снова кивнул, удовольствие на его лице медленно исчезло.

Сомневаясь, я сделала шаг назад. Я сделала слишком много? Жалее ли он уже, что поцеловал меня? Что глупо, потому что, если бы я задумалась над этим, то знала бы, что Эйден не делает того, о чем потом будет сожалеть... Кроме того, что он сделал мне перед тем, как я уволилась. Но я не позволяла себе об этом думать.

— Ты не против подвезти меня, Здоровяк? Зак уже уехал.

— Он привез тебя? — спросил Эйден, приподняв подбородок и взглядом изучая мое лицо.

Я кивнула.

— Я отвезу тебя.

Я рассеяно улыбнулась и позволила ему вести меня по коридору, нагло игнорируя его коллег по команде, мимо которых мы проходили, и кивала лишь сотрудникам, которые его приветствовали или желали хорошего вечера.

Оказавшись около машины, он нажал на кнопку и разблокировал ее, потом открыл пассажирскую дверь и махнул, чтобы я залезла внутрь, а затем закрыл за мной дверь. Каким-то чудом мне удалось свести уровень идиотского выражения на своем лице к минимуму. После он закинул свою сумку в багажник и сам сел внутрь. По дороге домой молчание между нами не было неловким. Я знала, что у него в голове, вероятно, крутятся сотни различных мыслей, и я хотела дать ему пространство.

Прислонившись головой к стеклу, я зевнула и задумалась над тем, что мне нужно сделать, когда я вернусь домой, поэтому не размышляла над тем, о чем не очень-то и хотела думать. Как тот поцелуй перед семьями его коллег по команде и персоналом «Трех Сотен».

— О чем ты думаешь? — неожиданно спросил Эйден.

— Просто думала о том, что мне нужно упаковать для моей поездки в Торонто. Помнишь, я рассказывала тебе, что еду на конвенцию? — объяснила я. — Что насчет тебя? О чем думаешь ты? — спросила я, прежде чем задумалась над своим вопросом, ответ на который не ожидала получить.

Но он ответил:

— Насколько я готов двигаться дальше в своей жизни.

— Ты имеешь в виду, поменять команду? — я ухватила за эту тему двумя руками. Я отлично представляла, как тяжело ему, будучи таким хорошим игроком, играть за такую нескоординированную команду.

Из глубины его горла вырвался странный звук, его внимание было сфокусировано на дороге перед ним.

— Ты уже говорил об этом с Тревором?

— Нет. В последний раз, когда мы разговаривали, он сказал, что нет смысла строить планы, пока не окончен сезон. Он знает, что я хочу делать. Не хочу повторяться. Если он хочет уделить этому внимание, то может; если не хочет, он знает, что мой контракт с ним закончится до того, как я подпишу контракт с другой командой.

Ха.

— Ты... знаешь, куда хочешь поехать? — я поняла, почему мы раньше об этом не говорили. Он хотел сфокусироваться на сезоне, а не на том, что произойдет после. Но неожиданно, казалось, на него свалилось слишком много давления и возможностей. Переезд. Будущее.

Небрежно, очень небрежно он приподнял плечо.

— Что ты думаешь насчет того, чтобы уехать на север?

Север?

— Насколько далеко на север ты имеешь в виду?

Он посмотрел на меня своими глазами цвета кофе.

— Индиана... Висконсин... — произнес он.

— А-а-а, — я смотрела перед собой, чтобы собрать мысли воедино и выстроить в предложение, о котором потом не буду жалеть. — Я могу жить где угодно. Мне просто надо будет купить хорошую зимнюю одежду.

— Ты так думаешь?

Почему в его голосе вдруг зазвучали нотки веселья?

Я фыркнула.

— Да. Зимние ботинки, шарф, перчатки, и я буду в порядке. Я так думаю.

— Я куплю тебе дюжину курток и зимних ботинок, если это то, что тебе нужно, — произнес он тоном, который с каждой секундой становился все более веселым.

Из-за этого я слегка приободрилась.

— Тебе не нужно этого делать. Ты достаточно уже сделал для меня, Здоровяк.

Постукивая пальцами по рулю, он покачал головой.

— Ван, я куплю тебе куртку или десять, если захочу. Мы вместе.

Яичники. Где мои яичники?

— Не так ли? — вдруг спросил Эйден неуверенным голосом.

Я отодвинулась от стекла и повернулась, чтобы посмотреть на него. В его профиле было что-то сокрушающее, и это раздражало. В нем было что-то потрясающее, и это тоже раздражало. Но иногда он бывал таким глупым, что я просто не могла с этим справиться.

— Да. Конечно. Мы — Команда Грэйвс.

Он весело усмехнулся, и вдруг я вспомнила, о чем боялась у него спросить.

— Слушай, ты... когда ты едешь в Колорадо?

То есть, сезон окончен. Последние два года он уезжал так быстро, как только мог, но в этом году он и слова мне не сказал. И снова, зачем ему это делать? Не я собиралась снимать ему дом, арендовать машину или еще что.

И вот так язык его тела полностью изменился. Он стал жестким. Его пальцы сжали руль. Он изнутри ткнул в щеку языком.

— Собираюсь уезжать во вторую неделю февраля.

— Ох, — это уже через три недели. — Ты все еще едешь на два месяца?

Он не озвучил свой ответ, лишь кивнул.

Но ответ все еще бил по моему сердцу, как кувалда. Его не будет два месяца. Конечно, мы не каждый день разговаривали, но за последние полтора месяца я не помнила ни дня, когда не проводила с ним хоть немного времени, даже если все, что мы делали, это молча смотрели телевизор или сидели на полу с Лео между нами.

— Клево, — пробормотала я, но для меня это было совсем не клево.

Выбросив через плечо пятую футболку, я застонала. Пока не начала собираться я и не думала, что у меня так мало одежды. Будто в мой шкаф и ящики проник ниндзя и украл все, что хорошо выглядело и отлично на мне сидело.

— Что ты делаешь? — раздался позади меня низкий, грохочущий голос Эйдена.

Я обернулась и увидела, что он стоит, прислонившись к дверной раме; руки в карманах серых спортивных штанов, ноги скрещены в лодыжках. Я раздраженно сдула с лица розовые пряди волос.

— Пытаюсь упаковать вещи для своей завтрашней поездки.

— В чем проблема?

Черт побери. Я вздохнула. Он хорошо меня знал, и из-за этого я чувствовала себя застенчиво.

— Не могу найти, что мне надеть, — это была почти правда.

Вторая часть правды заключалась в том, что после его последней игры я стала довольно ворчливой, так как он признался, что уезжает в Колорадо после того, как поцеловал меня. Он уезжает через две недели. На два месяца.

Он приподнял брови, подначивая меня продолжить, что только действовало мне на нервы.

— Завтра будто мой первый школьный день. Я так нервничаю, — призналась крошечная часть меня.

Эйден, хмурясь, зашел в мою спальню.

— Из-за чего? — спросил он, наклоняясь, чтобы поднять с пола две мои футболки. Он положил их на кровать, сел рядом с ними и уставился на меня.

— Из-за конвенции.

Именно так прошел мой первый школьный день. Я нервничала. Меня тошнило. Мне было страшно. Я переживала, с кем буду сидеть. Подойдет ли кто-нибудь к моему столику?

О чем, черт побери, я думала, регистрируясь? Не то чтобы я нуждалась в работе. У меня был стабильный приток новых клиентов, как и моя старая, верная клиентура.

— Это книжная конвенция. Из-за чего ты так переживаешь? — он поднял с кровати последнюю футболку, что я бросила, осмотрел длинные рукава и светло-голубой цвет. — Что с ней не так?

Нервы копошились в моей груди и поедали душу, и он понятия не имел, через что я проходила.

Не уверена, что Эйден знает, что такое неуверенность. Я проигнорировала его слова о футболке.

— Что, если меня все возненавидят и никто не заговорит со мной? Что, если в меня что-нибудь бросят?

Эйден фыркнул, убрал футболку, которую держал, в сторону и поднял из кучи другую.

— Что они будут в тебя бросать? Закладки?

Я застонала.

— Ты не понимаешь...

Глаза Эйдена виднелись над воротником блузки, и по смешинкам в его глазах, я поняла,

что он улыбался, а потом он опустил рубашку туда, куда положил голубую.

— Никто в тебя ничего не бросит. Расслабься.

Я сглотнула и села на кровать рядом с ним, наши бедра соприкасались.

— Ладно, может, и не бросит, но что, если... никто не подойдет к моему стенду? Представляешь, как будет неловко? Я, сидящая там в одиночестве? — я беспокоилась, лишь думая об этом.

Поерзав на матрасе, он поднял руку и коснулся моего бедра кончиками пальцев. Улыбка на его лице испарилась, и он смотрел на меня с твердым, серьезным выражением на лице.

— Если никто не подойдет к твоему стенду, значит, они идиоты...

Я не могла не улыбнуться.

— И у них нет вкуса, — добавил он, сжимая мою ногу.

Возможно, моя улыбка стала чуть шире.

— Я заходил на твой сайт. Я видел твои работы «до» и «после». Ты хороша, Ван.

— Я знаю, что хороша...

Его смешок заставил меня замолчать.

— И люди еще думают, что это я самоуверенный.

Со смехом я толкнула его локтем в бок.

— Что? Это правда. Мало есть того, в чем я действительно разбираюсь, но это то, что никто не может отнять у меня. Я тяжело для этого работала.

Во взгляде Эйдена сквозило веселье, когда он поднял голубую футболку, что убрал в сторону.

— Тогда тебе не о чем беспокоиться. Возьми с собой эту.

Я схватила футболку, кивнула и аккуратно сложила ее. Потом прошлась по комнате и собрала остальные вещи, которые хотела взять с собой. Я проведу там всего две ночи, много мне не нужно, но, на всякий случай, я все равно беру больше, чем нужно. Лучше пусть у меня будет слишком много, чем недостаточно.

Я опустилась на колени и вытащила из-под кровати свой чемодан, наблюдая, как Эйден складывает вещи, которые я не собиралась с собой брать.

Он заметил, что я на него смотрю, и приподнял брови.

— Прекрати смотреть на меня так, будто тебя сейчас стошнит, Ван. С тобой все будет в порядке.

— Ты продолжаешь это повторять, но, с другой стороны, ты ничего не боишься, Здоровяк. Ты врезаешься в парней такого же размера, как и ты, или даже больше, зарабатывая себе этим на жизнь.

Его брови поднялись еще выше.

— Страх только в твоей голове.

— Ненавижу, когда люди говорят так.

— Это правда. Что самое ужасное может произойти? Люди не будут разговаривать с тобой? Ты им не понравишься? Те, кто на самом деле тебя знают, любят тебя.

— Тревор не любит.

Эйден раздраженно посмотрел на меня.

— С каких пор тебя волнует, что он думает? Когда дело касается того, что не приносит ему денег, он ведет себя как идиот. Так что, в чем проблема, если ты не нравишься тому, кто тебя не знает. Их мнение не имеет значения. И в конце дня ты все равно будешь собой —

той, кто посылает меня посреди стадиона — и ничье мнение этого не изменит.

Боже мой.

У меня в горле сформировался огромный узел, и я лишь смущенно смотрела на него, стоя на коленях. В определенной степени он был прав. Обычно меня не волновало, что думали другие люди. Но мне, конечно, не нравилось смущение, а кому оно нравилось? Но Эйден Виннипегская Стена Грэйвс, который тяжело работал, был самым преданным человеком из всех, кого я когда-либо встречала, и он так хорошо обо мне думает? Ну, для меня это значило больше, чем должно было.

Намного больше.

Он закончил складывать мои вещи и похлопал по стопке рядом с ним.

— Я везу тебя в аэропорт?

Я, правда, должна была остаться дома.

Два дня спустя я уже три часа как сидела за своим столом на конференции. Мой стол, который я зарезервировала в последнюю минуту, находился в самом дальнем углу от входа.

Мои баннеры были установлены; у меня были несколько книг в мягкой обложке, закладки, булавки и ручки с моим логотипом, разложенные на ярко-розовой скатерти, которую я снова и снова красила в своем гараже, пока она не стала идеального оттенка. Я даже привезла светящийся знак, который оказался очень кстати, и Зак помог мне закрепить его на прошлой неделе после тренировки.

Когда утром я установила свой киоск, то отправила ее фотографию ему, Эйдено и Диане. Ответили лишь Зак и Ди, и, как полагаю, это не удивительно. Но я не собиралась об этом волноваться.

Я знала, мне не кажется, что мой стол выглядит чертовски классно. Все аккуратно уложено, и книги, которые я привезла с собой с обложками в насыщенных тонах, отлично сочетались вместе. Мой стол был красивым, но красота ничем не помогала, потому что все на него смотрели, улыбались и проходили мимо к очереди на автографы.

Даже около автора, сидящей рядом со мной, которая, как сказала мне, выпустила лишь одну книгу, останавливались люди, чтобы с ней поговорить. Думаю, то, что рядом с ней сидел весьма привлекательный мужчина, вероятно, модель с обложки ее романа, определенно привлекало к ней людей.

Почему я не догадалась попросить Зака поехать со мной?

Женщины обожали его еще до того, как он открывал свой рот, но как только узнавали, что он профессиональный футболист, — ну, на данный момент, временно экс игрок НФЛ, — они стекались к нему, как саранча. Если бы я попросила, он бы притворился моделью для обложки.

Черт побери. Группка из трех человек прошла мимо меня, бросив заинтересованный взгляд, и двинулась дальше.

Я бы ушла, если бы не чувствовала себя так чертовски странно. Я заплатила очень много денег за перелет, комнату в отеле и все то, что я купила для своего стола, помимо платы за

установку. Черт, лишь думая о том, сколько денег я на все это потратила, у меня пересыхало во рту. Но нужно вкладывать деньги, чтобы зарабатывать деньги. Мой приемный отец, у которого собственный успешный бизнес, любил говорить мне об этом.

Я уже собиралась нагнуться под стол, чтобы взять бутылку с водой, когда движение в толпе у входа привлекло мое внимание. У автора, чей стол находился перпендикулярно моему, стояла очередь человек в тридцать, заполняя широкий проход. Но вдруг стоящие в хвосте очереди, состоявшей из женщин всех возрастов и рас, начали медленно оборачиваться и крутить головами.

Сначала я заметила голову, возвышающуюся в толпе над всеми. В мою сторону шел мужчина в выцветшей черной толстовке, которую я стирала и складывала много раз. Мужчина, которого я узнаю, даже если он покрасит волосы в светлый цвет и наденет сутану. Я узнаю Эйдена везде.

За него говорили его широкие плечи, длинные ноги, которые несли эту уверенную фигуру, и то, как дерзко была склонена его голова. То, как он держал руки по бокам, и его толстая шея подтверждали, что Виннипегская Стена здесь.

Эйден здесь.

Не знаю, почему, и честно, я даже не задавалась этим вопросом. Меня это не волновало.

Эйден приехал.

Я втянула в себя воздух и встала, из-за огромной улыбки у меня на лице заболели щеки.

Он осматривал комнату своими карими глазами. Какая-то часть меня полностью осознавала, что все в пределах десяти метров были сфокусированы на нем. Конечно, в зале было довольно много мужчин-моделей, но никто из них не был Эйденем и даже близко с ним не сравнится.

Я лишь быстро и с любопытством смотрела на этих моделей, а это многое говорило о моих чувствах к Здоровяку. Мужчины с отличными телами потрясающие, конечно. Дружелюбные парни, которые знали, насколько они привлекательные, любили щеголять этим и флиртовать со своими поклонницами.

Но Эйден совсем не улыбочивый и не застенчивый. Он не знал или не заботился о том, что был незабываемым. Его уверенность была намного глубже, чем у мужчины, которому нравилось то, что он видел в зеркале. Эйден ценил навыки, которые развил во время тяжелой работы.

Он верил в каждый свой сантиметр. Он заботился о том, что мог сделать, и подталкивал себя вперед, чтобы стать лучше, чем за день до этого, и это не из-за внешности, о которой так пекутся все остальные.

И всей этой мужественности, уверенности в себе и понимания того, что «хорошо», никогда не бывает достаточно.

Наконец, он уделил все свое внимание мне, и я стояла там с улыбкой, из-за которой, вероятно, была похожа на идиотку.

Клянусь жизнью, мое сердце чуть не взорвалось от радости и удивления. Я, вероятно, слегка дрожала от сдерживаемой энергии и шока. Вот он, мужчина, который ценил свое время, не брал отпуск и не позволял себе отвлекаться от главной цели за все то время, что я его знала.

Но, все равно, он здесь.

— Святая мать... — я едва слышала, как женщина рядом со мной громко выругалась, прежде чем опустилась на четвереньки, проползла под столом и выбралась с другой

стороны, чтобы встретиться с большим мужчиной, идущим ко мне.

Он приподнял брови, уголки его губ изогнулись, когда нас, наконец, разделял всего лишь шаг.

— Привет.

Я взорвусь. Я, черт побери, взорвусь изнутри.

— Я собираюсь тебя обнять, — предупредила я его со вздохом, сжимая руки по бокам. — Я собираюсь задушить тебя в объятиях, и мне жаль, но мне не жаль.

Его брови, казалось, приподнялись выше, а щеки приобрели странный оттенок, будто он смущен.

— Почему ты говоришь так, будто мне должно быть страшно?

Он едва произнес «страшно», а я уже обняла его за шею. К черту дружеские объятия. Я повисла на его толстой шее, чувствуя, что могу болтаться на ней, а у него даже ни один мускул не дрогнет.

Лицом я уткнулась ему в грудь, прижимаясь к самым твердым и привлекательным грудным мышцам, которые только видела.

Из-за радости я задрожала.

— Ты приехал, — пробормотала я в мягкий материал его толстовки. В моем горле заклокотали восемнадцать разных эмоций. — Не знаю, почему ты здесь, и почему снаружи так холодно, а на тебе лишь кофта вместо пальто, как у любого нормального человека, но я так рада тебя видеть, ты и понятия не имеешь как сильно.

Мою кожу покрывали мурашки, чертовы мурашки из-за того, что я обнимала его, уткнувшись лицом чуть глубже ему в грудь.

— Прекрати болтать, — пробормотал Эйден, обеими руками полностью обхватывая мою спину. И потом, он обнимал меня. Его бицепсы сжимали мои ребра, когда он притягивал меня к себе, а я приподнялась на носочки, пока грудью не прикоснулась к его груди.

Слезы застыли в моих глазах, но я закрыла их и на секунду сжала Эйдена сильнее, прежде чем опуститься обратно. Смотря в его красивое, суровое лицо, мне пришлось прикусить губу изнутри, чтобы не улыбаться как влюбленная идиотка, какой я и являлась.

Не думаю, что в данный момент я любила кого-то сильнее, чем Эйдена.

Отпустив его шею, я провела руками по его плечам и, спустившись к великолепно вылепленным бицепсам, которые я знала из-за того, что постоянно пялилась на них, похлопала по ним ладошками. А потом схватила его и попыталась встряхнуть.

А потом снова начала улыбаться. И что такого, что я похожа на идиотку, которая влюблена в мужчину, за которого вышла замуж ради деловых отношений? Я такая, и я не готова быть кем-то, кроме себя.

Из всех людей, кого бы я хотела видеть в своем углу для моральной поддержки, здесь самый неожиданный человек... и самый большой. Мой друг. Хранитель моих секретов. Моя моральная поддержка. Мой официальный документ.

Плюс, с его рефлексам, если в меня что-то кинут, он сможет отбить этот предмет. Не то что бы такое могло произойти, так как едва кто-то вообще заметил, что я здесь.

Размышления о нем в моем углу совсем не помогали. Наоборот, мне хотелось разрыдаться, а сейчас не время для этого. Черт, все следующее десятилетие неправильное время для подобного. Я должна помнить об этом, даже если мое сердце билось немного сильнее от того, что Эйден приехал сюда.

Я скользнула ладонями вниз с его бицепсов к локтям и ниже, к его запястьям.

— Ты останешься ненадолго? — спросила я, стараясь слишком не надеяться. Может, у него тут какие-то дела... помимо меня.

Повернув запястья, он скользнул своими ладонями по моим.

— Я только что пролетел четыре часа, чтобы оказаться здесь. Ради кого еще мне тут находиться?

Я люблю этого мужчину.

Это то, о чем я думала. Но сказала совсем иное.

— Ладно, умник. Давай я принесу тебе стул, — произнесла я, отходя от него на шаг, прежде чем посмотреть на него. Он действительно стоял здесь, посреди конвенции, в своей толстовке и с рюкзаком за спиной. Эйден здесь. Здесь.

Взвизгнув так, как, вероятно, не делала лет с двенадцати, я обхватила его руку своими руками и на секунду снова обняла его.

— Ладно, я сейчас вернусь, — сказала я, ослабляя свою хватку и отходя на него, а он смотрел на меня с очень странным выражением на лице.

— Я сам принесу, — пробормотал он, наклоня голову в мою сторону. На его ультрасерьезном лице появилась слабая улыбка. Он опустил подбородок. — В тебя уже что-то кидали?

Я закатила глаза.

— Еще нет.

Эйден выдохнул и посмотрел на меня тем взглядом, что действовал мне на нервы.

— Говорил же тебе, — он протянул руку и погладил мой локоть кончиками пальцев. — Я сейчас вернусь.

Не уверена, где он собирался брать стул, но если и есть человек, который получал то, что хотел, так это Эйден. Он все решит. С этой мыслью я забралась обратно под стол и села, вдруг почувствовав себя более оптимистично и на восемьдесят процентов счастливее, чем несколько минут назад.

Я едва села и слегка подвинула свой стул вперед, как поняла, что оба автора по бокам от меня пялятся. Буквально пялятся на меня. У одной из них даже рот был открыт.

— Пожалуйста, скажи, что это не твой брат, — пробормотала та, чей рот был закрыт, ее взгляд был направлен в сторону, куда исчез Эйден.

— Это не мой брат, — ответила я с бóльшим самодовольством, чем было нужно, большим пальцем поглаживая свое кольцо.

— Он модель? — буквально выдохнула та, что с открытым ртом. — Потому что он никогда меня так не обнимал, — она указала пальцем на мужчину, сидящего рядом с ней, который, хмурясь, смотрел в сторону Эйдена.

Я прикусила щеку и попыталась сдержать улыбку, даже если моя душа радовалась из-за Эйдена. Он здесь!

— Нет.

Обе женщины просто тупо смотрели на меня, так долго, что я подняла руку и начала поправлять дужку своих очков, ощущая неловкость.

Мужчина-модель, наконец, склонился вперед.

— Это Эйден Грэйвс, не так ли?

И, конечно же, кто-то сразу же его узнал. Вчера в аэропорту я видела рекламный плакат с ним.

— Это кто? — спросила автор, что сидела слева от меня.

— Виннипегская Стена. Лучший защитник НФЛ, — ответил парень, его глаза бегали между местом, где исчез Эйден, и мной, и он смотрел на меня с любопытством на лице.

— Ты пишешь о нем книгу? — спросил он, и, клянусь, я почти закатила глаза. На табличке позади меня с моим именем ясно написано, что я графический дизайнер. Плюс, мы на романтической конвенции. Не знала, что я пишу биографии.

— Нет, — неожиданно ответил знакомый, глубокий голос, а потом его обладатель опустил металлический стул рядом со мной. — Она моя.

И он сделал это.

И мое сердце тоже — оно забилось сильнее.

Я думала...

Ну, не важно, что я думала. Или почему он ответил так, а не дал другой ответ, чуть отличающийся от болезненной правды. Болезненной, потому что мои внутренности цеплялись за слово на букву «М», даже если и не должны были.

Каким-то образом, когда Эйден использовал его, оно превратилось в оружие массового уничтожения с намерением уничтожить мое сердце.

Я должна была быть осторожней. Я знала, как глупо чувствовать к нему что-то, помимо дружбы. Правда, знала. Все то, что между нами, это бизнес — он ясно дал это понять перед тем, как мы подписали бумаги.

Мы оба что-то получали из этого. Но между нами расцвела дружба — искренняя дружба, что расцвела в моей голове и в сердце, — и превратилась в нечто большее. По крайней мере, для меня.

Я любила Эйдена, и, услышав, как он называет меня своей, я пренебрегла всеми своими инстинктами, которые заставляли меня самостоятельно добиваться своего успеха. Я не чувствовала, будто достойна большего, но я все равно получила дополнительный заряд, несмотря на то, как глупо для меня вырывать его слова из контекста.

Бесполезно надеяться. Бесполезно любить его. Заботиться о нем, конечно. Я несколько лет заботилась о нем. И была влюблена в него все это время.

Но это...

Заставляло меня надеяться, а это последнее, что мне было нужно.

А эти люди, которых я, возможно, еще увижу или больше никогда не увижу, теперь точно знали, что мы вместе.

Я знала, как все это работало. Один расскажет другому, тот следующему, и большинство людей в моей индустрии, в профессии, в которой я хочу работать, потенциальные клиенты, которые находятся в этой комнате, все они будут знать — мы с Эйденем Грэйвсом женаты, а через пять лет узнают, что я потеряла. Все будут знать, что мы развелись, если, конечно, вспомнят.

А этого может и не произойти. Не правда ли?

Но я собиралась жить с этим ради оплаты своих студенческих займов. Мне придется, и от этого моя грудь неестественно сжималась, отчего у меня ломило все тело. Как я могла скучать по тому, что у меня пока есть?

Меня в бок толкнул большой, крепкий локоть.

— В чем дело? — спросил Эйден тихим голосом, бесполезно пытаюсь оставить этот разговор лишь между нами. Меня не обмануть. Все вокруг нас, вероятно, пытались подслушать.

Я попыталась избавиться от своих депрессивных, бесполезных мыслей и, развернув к нему стул, сменила выражение лица. По крайней мере, я надеялась, что у меня это получилось.

— Я просто... я в порядке. Поверить не могу, что ты здесь.

— Счастливый сюрприз? — он наблюдал за мной своими темными глазами, затем его колено соприкоснулось с моим.

В его словах прозвучала неуверенность, или мне показалось? Я подумала о том, чтобы разыграть его, но все знаки указывали на то, что Здоровяк на самом деле знал меня. Он поймет, что я лгу.

— Конечно, — прошептала я.

— Все это просто заставило меня задуматься над тем, что эти четыре года пролетят незаметно, и после я сильно буду скучать по тебе, — я пыталась улыбнуться ему, но больше походило на то, будто я хмурюсь. — Это глупо. Я так рада видеть тебя, а уже расстраиваюсь, думая, что тебя рядом не будет.

Зачем я ему все это рассказывала? И почему мои глаза так неожиданно стали влажными? Я заморгала, глядя на Эйдена, бесполезно вытирая слезы тыльной стороной ладони, и из меня вырвался страшный смешок, такой, как когда вы плачете, но хотите думать, что это забавно.

— Я так рада, что ты здесь, и я плачу, — я плакала и смеялась, и вдруг поняла, что все эти люди, которых я не знала, и которые оценивали Эйдена, заметили и то, что я расстроена.

Когда я посмотрела на него, чтобы убедиться в том, что Эйден думал, что я такая же сумасшедшая, какой я себя и представляла, то поняла, что он не улыбался. Совсем.

Выразительный взгляд на его лице не говорил, что он думал, будто я сумасшедшая, и он не собирался говорить мне, что я на взводе без всякой на то причины. Вместо этого, его кадык дернулся, и он смотрел на меня так, будто лишился дара речи.

Из-за чего мне стало совсем неловко. Снова вытирая глаза, я шмыгнула носом и заставила себя улыбнуться, но ничего не получила от него в ответ. И я не собиралась переживать из-за этого.

— Прости. Не знаю, из-за чего я так расклеилась. Должно быть, мои гормоны не в порядке, — я сглотнула и облизнула губы, все еще чувствуя, что он прожигал взглядом мое лицо. — Я так рада, что ты здесь. Правда. Это самый лучший сюрприз.

На его бородатой щеке появилась ямочка, и я знала, он кусал ее изнутри, и в процессе его ноздри раздувались. Из его легких вырвался глубокий, глубокий вздох, и, клянусь, казалось, будто из его груди выкачали весь воздух.

Все малейшие детали языка его тела полностью изменились, и я бы не заметила этого, если бы не знала так хорошо. Но я знала Эйдена. Знала о нем почти все, и видела признаки.

Я просто не знала, что с ними делать. Единственное, в чем я была уверена, так это в том, что он знал, как много для меня значило то, что он здесь. Со мной.

В данный момент я была уверена, что моя безответная любовь к Эйдену закончится разбитым сердцем.

Единственная проблема в том, что меня, кажется, совсем не заботили последствия. Я наклонилась вперед, положила свою руку на его твердое бедро, и поцеловала в щетинистую щеку, и, может быть, мне совсем не показалось, что на заднем плане женщины шумно отреагировали на то, что я прикасалась к нему и вообще находилась так близко.

— Я, правда, не могу поверить, что ты здесь.

— Ты уже это говорила, — пробормотал он, посмотрев на что-то позади меня.

— Очень плохо. Потому что я в шоке, — я сжала его ногу, выпрямила спину и улыбнулась ему. — Здорово, — прошептала я.

Он сильно прищурил свои глаза.

— Из-за тебя у меня разовьется диабет.

Я рассмеялась, и на мгновение мой стресс отошел на задний план, и этим я заслужила небольшую улыбку с его стороны.

Он поднял руку и коснулся розовой пряди моих волос — в такой цвет Диана покрасила меня пару недель назад.

— Пойду, возьму себе зеленый чай. Ты хочешь ту сладкую фигню с привкусом кофе, которая тебе нравится? — спросил он, поднявшись.

— Ага, но не знаю, пустят ли они тебя внутрь с напитком.

Он окинул меня одним из своих взглядов.

— Они впустят меня.

Он сжал мое плечо, а затем поднял стол за угол, сдвинул его в сторону и вышел через щель, которую создал. А затем поставил стол на место, ни на миллиметр не сдвинув мои вещи.

И мне точно не показалось, что девяносто процентов женщин, мимо которых он проходил — и мимо их столов — наблюдали за ним и пялились на его упругую круглую задницу, пока он шел к выходу.

Я так испорчена.

В моем периферийном зрении появилась рука.

— Ты замужем за ним? — спросила женщина около меня, даже если ее взгляд был прикован к этой шикарной заднице.

В моей груди сформировался огромный узел, пока я наблюдала, как широкая спина Эйдена исчезала в толпе. Мне пришлось подавить зарождавшийся вздох.

— Ага.

— Я пытался приехать пораньше, но не было рейса, — объяснил он через несколько часов, когда мы лежали в кровати в моем гостиничном номере, а между нами стояли восемь коробок с едой на вынос.

В двух блюдах была какая-то вариация тофу, в трех находился вареный рис, в двух — тушеные овощи, а в восьмой — цыпленок в кисло-сладком соусе. Три яблока, четыре банана, две фруктовые нарезки и зеленый чай, который он купил на конференции, совсем не удовлетворили Здоровяка.

Окуная курицу в дополнительный соус, я смотрела на него, до сих пор счастливая от того, что он чертовски сильно обрадовал меня, приехав. Все так нереально. И от меня не укрылось, что после того, как он вернулся со своими напитками и закусками, к моему столу постоянно подходили люди, один за другим.

Должна отдать ему должное, Эйден хорошо справлялся с вниманием. Он даже говорил

«спасибо» и «приятно познакомиться» людям, которые просили у него автограф, как только узнавали, что он там.

Конечно, все подходили ко мне только ради него или использовали меня как оправдание, чтобы подойти к столу, но к концу конференции я раздала все свои визитки и большую часть закладок и ручек.

Меня отметили примерно на пятидесяти страничках в сети, а на нескольких даже были фотографии меня и Здоровяка.

Я не идиотка, я брала, что могла, даже если по неправильной причине, но я воспользовалась этим. Ну и что, что в будущем все будут знать, что наши отношения испортились, и затем будут задаваться вопросом: что произошло, из-за чего они разошлись?

И что такого, если первой причиной они выберут то, что он мне изменил. Обычно именно это все предполагают, когда пара расстается.

Даже говоря себе, что это не важно, мне все равно было трудно с этим справиться.

Я буду знать, что мы «разошлись» не по этой причине. И этого будет достаточно.

— А когда ты начал искать? — спросила я его, отодвигая в сторону мысли об измене и разводе и фокусируясь на нем.

Он что-то промычал, его рот был забит едой.

— Вчера.

Вот черт. Я знала, что, вероятно, когда он подвез меня вчера в аэропорт, я выглядела не очень. Возможно, я сказала ему: «Если я не вернусь, засунь мой жесткий диск в микроволновку», и это заставило его приехать.

— Простой ночью рейсов не было, и мне пришлось ждать, чтобы поговорить с Заком, чтобы он смог присмотреть за Лео; в противном случае я бы оказался здесь быстрее, — добавил он.

— Я не хотела, чтобы ты чувствовал вину.

Он пожал плечами.

— Ты не просила меня приезжать, и я бы этого не сделал, если бы не хотел.

Даже если я знала, что это правда, мне все равно было немножечко, чуточку неприятно. Лишь чуточку.

— Да, я знаю, но все же. Я не должна была плакать из-за этого или заставлять тебя думать...

— Что в тебя будут бросать всякие вещи, — он тихо усмехнулся, и это было так игриво и неожиданно. А потом он положил руку мне на колено, аккуратно стараясь не касаться меня пальцами, на которых был соус. — Я лег спать, волнуясь о тебе.

Он волновался обо мне?

— Все казались милыми, — заметил он.

Конечно, они были милыми с ним. Ладно, и со мной тоже, но это другое. Все оценивали его, до и после того, как поняли, что я заметила, что они делают. Шлюхи.

Не буду врать. Каждый раз, когда я видела, что женщины смотрели на него так, будто они в двух секундах от того, чтобы оседлать его, пока он тут, меня охватывало это незнакомое и территориальное чувство собственности. А он сидел там, не обращая внимания на мир вокруг него, с книгой в руках, выглядя на миллион долларов.

И тогда я думала: «Конечно, она пялится на него». Здесь, на романтической конвенции большой, невероятно привлекательный мужчина... читает чертову книгу.

И даже если логически я не могла винить их за это, часть моего мозга была совсем не

рада их взглядам. Не удивлюсь, если завтра его фотографии появятся в интернете — если их уже не опубликовали — со смешными мемами или подписями под ними.

Я лишь думала об этом, а меня заполняло чувство собственности, что он мой законный муж, и все эти ревнивые женщины могли идти к черту... Я знала, что за чувство ощущала в груди. Собственность. Ужасное собственничество.

Мне это не нравилось. Совсем. Это Эйден. Мой друг. Мужчина, за которого я вышла замуж, чтобы он мог получить гражданство. Парень, который смотрел со мной телевизор. Конечно, я влюблена в него, но я знала, что ничего не могла с этим поделать. Я знала, кто мы друг другу.

Собственность никак не вписывалось в наши отношения.

— Они были милыми, потому что там был ты, — объяснила я, искоса глядя на него в ожидании реакции. — Пока ты не приехал, ко мне никто не подходил.

Он моргнул, совсем не заботясь о том, что я говорила ему, что он причина, по которой люди подходили ко мне.

— Если они не подходили, то лишь потому, что слепые или идиоты, я говорил тебе, Ван. Твой рекламный материал был лучше всех. Я взял твои закладки.

— Ты, правда, взял мои закладки?

Он приподнял брови.

— Две.

Он убивал меня. Он медленно убивал меня.

— Ах, ты, хитрюля, — моя улыбка становилась шире, и я похлопала его по руке, что до сих пор лежала на моем колене. — Я, правда, не могу поверить, что ты здесь. На родине.

— Я из Виннипега.

— Я знаю, из какого ты города, глупый. Я просто думала, что ты никогда не приезжаешь в Канаду.

Эйден задумался.

— Я не ненавижу эту страну.

— Но ты не хочешь ехать сюда или жить здесь. Разве не поэтому ты... получил меня? Потому что не хочешь возвращаться сюда?

— Я не хочу жить здесь.

— Из-за твоих родителей? — хватило у меня смелости спросить.

Он слегка склонил голову, задумчиво поджав свои полные губы.

— Они никогда не были причиной моих решений, Ван. Я больше не хочу здесь жить. У меня здесь никого нет, кроме Лесли, — вилка в его руке дернулась. — Все, о чем я забочусь, в Штатах.

Я с опаской посмотрела на него и кивнула так, будто понимала, хотя, на самом деле, это не так. Не совсем.

Здоровяк снова прикоснулся ко мне, и на этот раз я улыбнулась.

— Теперь я твой должник.

Он что-то прорычал, прежде чем зарыться в коробку с тофу у него на коленях.

— Ты мне ничего не должна, — произнес он, не отрываясь от контейнера.

— Должна. Ты и понятия не имеешь, что это значит для меня.

Эйден закатил глаза, даже если при этом смотрел вниз.

— Я серьезно. Ты и не представляешь. Не знаю, как тебя поблагодарить.

— Мне не нужна твоя благодарность.

— Нет, нужна. Я хочу, чтобы ты знал, сколько это для меня значит. Моя собственная мать не приехала на мой выпускной, а ты прилетел сюда, чтобы сидеть со мной и несколько часов просто скучать. Ты и понятия не имеешь, что ты сделал мой день — мой месяц.

Он покачал головой и посмотрел на меня, его длинные ресницы были опущены, когда он обдал меня своим теплым взглядом.

— Когда я в тебе нуждался, ты не бросила меня. Почему я не должен поступать так же?

— После того, как я вернусь с Матча Всех Звезд, нас приедут навестить мои друзья.

Через два дня после нашего возвращения из Торонто я стояла на кухне, прислонившись к стойке, залпом выпила оставшуюся воду и, нахмурившись, посмотрела на Эйдена.

Мы с Заком только вернулись с пробежки, и он поприветствовал нас, сидя за кухонным столом.

Я измучена, изнурена, до марафона осталось всего три недели, и я по-настоящему начинаю сомневаться, что смогу сделать это. Неделю назад я боролась за то, чтобы пробежать двадцать девять километров, а что уж говорить про сорок два?

Я раньше и представить не могла, что смогу пробежать тридцать километров, поэтому поняла, что не ценю большие успехи, которых я добилась за последние несколько месяцев. Излишне говорить, что сейчас я беспокоилась о том, как пробежать еще двенадцать, когда услышала комментарий Эйдена.

Я моргнула.

— Что?

— Мои друзья приедут навестить... — он замолчал, будто проверяя, слушаю ли я, — после Матча Всех Звезд.

Я слушала, но не знала, почему он так странно и внимательно за мной наблюдал. Он узнал, что его выбрали для участия в Матче Всех Звезд после того, как мы вернулись в Даллас из Торонто. Он готовился уезжать завтра.

— Ладно...

— Они приедут навестить нас.

Медленно приблизившись к одному из стульев около стола, я скользнула на него и заставила мой вялый, рассеянный мозг сосредоточиться. Они приедут навестить...

Вот черт.

— Нас.

Он мрачно кивнул, внимательно наблюдая за мной.

Ладно.

— И они хотят остановиться здесь? — спросила я, даже если это глупый вопрос, ответ на который я уже знала. Каждый раз, когда его друзья приезжали сюда, они всегда оставались у него.

Почему в этот раз все должно быть иначе?

О, точно, потому что я живу с ним в комнате, которую обычно использовали в качестве комнаты для гостей.

И потому что мы законно технически женаты и согласились поддерживать этот спектакль, чтобы никто из нас не нажил себе проблем с законом.

Вот черт.

Если честно, это не конец света, и мы можем что-то придумать. Мы можем. Можем. Ничего серьезного. Так или иначе, это бы произошло.

— Ладно. Ты... если хочешь, я могу остаться у подруги, пока они здесь. Ты можешь притвориться, что я уехала кого-то навестить. Или в последнюю минуту я смогу найти билеты в какое-то теплое место. Не в первый раз Диана может притвориться, что ей плохо,

чтобы мы смогли куда-нибудь уехать.

Видимо, мой комментарий рассердил его.

— Это и твой дом тоже. Я не прошу тебя уехать, потому что они приезжают. Мы знали, это произойдет. Они и тебя хотят увидеть. Все не так уж и серьезно.

Почему кажется, будто это девиз его жизни, когда, в основном, все это отражалось на мне? И почему я не говорила ему, что уже встречалась с его друзьями и сейчас нам не обязательно видеться? Не важно, дома я или нет, не так ли?

— Я уже сказал им, что ты будешь здесь, — заключил он.

И все мои аргументы иссякли.

Он почесал свою челюсть, и мой взгляд зацепился за обручальное кольцо из белого золота, которое он начал носить после Торонто. Я хотела спросить у него об этом, но это было бы слишком глупо.

— Тебе придется переехать в мою комнату, — объяснил он.

К нему, разумеется. Где еще, чет побери, я буду спать? Обычно, один из парней занимал кровать, а остальные спали на диване внизу.

Но проблема не в том, что я должна буду остаться в его комнате.

Главная проблема в том, что я останусь в его спальне, в его кровати, это то, чего он не говорил, но подразумевал. Не похоже, что мы сможем спрятать матрас, и я знала, эта дива точно не будет спать на полу.

«Все это не так уж и важно», — сказала я себе. Это как ночевка. Я тысячу раз ночевала с кем-то. Мы с Эйденом взрослые, и то, что мы разделим вместе кровать, ничего не значит. Мы уже спали вместе, когда отключился свет.

И в Торонто мы тоже спали вместе, когда он удивил меня. Мы будем буквально спать на разных сторонах его королевского размера кровати. И я не лишусь сна из-за того, что мне снова надо будет это сделать.

Кроме того маленького факта, что я несла на шее бремя в виде своей любви к нему с самой книжной конвенции, и с каждым днем, что мы вместе, оно становилось все тяжелее.

— Ладно, — согласилась я, пока мое сердце предупреждало меня, что этого я и хотела. — Это нормально.

Он кивнул.

— Да, я знаю, Ван. Они приедут в тот же день, когда я вернусь. Все работает, — заверил он меня.

Сначала я услышала два громких мужских голоса, а потом увидела их. Крис и Дрю, единственные друзья Эйдена, кроме Зака, который, в основном, стал его знакомым, и меня, его вроде-как-фальшивой жены.

Сохранив текущую работу, я закрыла ноутбук и свободной рукой взяла свой планшет. Все остальное, что мне понадобится на следующие несколько дней, я уже перенесла в комнату Здоровяка.

Эйден не фанат одежды — его «причудливый» гардероб состоял из трех костюмов,

четырёх рубашек, двух пар брюк и двух ремней: черного и коричневого. Часть его шкафа была заполнена коробками с трофеями, обувью и прочими коробками, которые были запечатаны.

Остальная часть его обычной одежды была в комод: тренировочные штаны, шорты, достаточное количество футболок, чтобы одеть целую баскетбольную команду, и тонны нижнего белья и носков.

Но смысл в том, что здесь нет места для моей одежды, поэтому нам не показалось странным, что я оставила свою одежду в другой комнате, сомневаюсь, что ребята откроют ящики и увидят ее.

Меня беспокоил лишь фасад, который мы пытались создать. Почему мы согласились никому не рассказывать правду? Разве мы не могли сделать пару исключений?

Нет. Я знала, мы не могли. Если рассказываешь что-то одному человеку, он говорит другому, а этот человек передает дальше, и, наконец, узнают все. Поэтому мы оба согласились держать все в тайне так долго, как только возможно.

«Мы сможем это сделать. Мы сможем притворяться», — пообещала я себе и положила свой ноутбук и планшет на стол в кабинете. Свой стационарный компьютер я оставила в своей спальне.

Я спускалась по лестнице, прислушиваясь к... четырем мужским голосам? Я едва спустилась, когда заметила Эйдена, стоящего в гостиной, его окружали трое мужчин, почти такого же размера, как и он, плюс-минус десять-пятнадцать килограммов.

Я узнала коротко подстриженные волосы Криса и длинные черные дреды Дрю, но копна светлых волос, которую я не узнала, привлекла мое внимание.

— Ванесса, — произнес мое имя Эйден. — Иди сюда.

Я взглянула на него и заметила, что он стоит, протянув мне руку. Я на долю секунды засомневалась, недостаточно долго, чтобы заметили его друзья, и обернулись, но достаточно долго для того, чтобы Эйден на миллиметр приподнял свою руку.

На его лице застыло такое... выжидающее выражение, такое чертовски выжидающее, будто он был уверен, что я смогу отлично сыграть свою роль, и я поняла, как отчаянно мне это необходимо, и что моя «не умеющая лгать задница» хочет порадовать его.

Я прошла вперед и взяла его за руку, погружаясь в эту огромную ложь, окутавшую мою душу.

— Ты знаешь Дрю и Криса, — произнес Эйден, указывая на мужчин перед ним. Дрк держал на руках Лео, позволяя малышу покусывать один из его дредов.

Сжимая руку Эйдена, я улыбалась мужчинам, которых встречала раньше, и протянула руку для приветствия, когда вперед вышел светловолосый мужчина, которого я заметила краем глаза.

— Ванесса?

У меня ушла секунда на то, чтобы узнать этого привлекательного блондина с зелеными глазами, стоящего в гостиной. Его волосы сейчас намного короче, чем в последний раз, когда я его видела более шести лет назад.

А теперь он выглядел не как в девятнадцать лет, когда я его знала, сейчас он стал больше и выглядел старше.

— Каин? — я сделала шаг вперед, широко улыбаясь.

— Да быть того не может, — он моргнул, качая головой, и улыбнулся так широко, что я даже не заметила, как он сократил расстояние между нами и крепко обнял меня, на секунду

прижимая к своей груди, прежде чем отстраниться, снова качая головой. — Поверить в это не могу, — он снова обнял меня. — Как тесен мир.

— Я знаю.

Я улыбнулась, шокированная тем, что вижу его здесь, и даже не зная, что сказать.

— Дайте угадаю, вы знаете друг друга, — сказал Дрю.

Я посмотрела на него и кивнула, а потом снова перевела свой удивленный взгляд на Каина.

— Мы вместе учились в колледже.

А затем все кусочки встали на место.

Но Каин все равно объяснил.

— Прежде чем я перевелся в Мичиган, я был в Университете Вандербильта, — он снова посмотрел на меня своими зелеными глазами, улыбаясь. — Сколько у нас было? Три совместных класса?

Я кивнула.

— Да, первые две недели ты пытался списывать мои тесты, пока не уговорил меня помогать тебе в учебе, — чего он не знал, так это того, что я собиралась помогать ему бесплатно, но он быстро это понял, после того как я пару раз поставила его на место.

— Поверить не могу, что ты Ванесса Эйдена, — Каин посмотрел на Здоровяка, который стоял справа, чуть позади меня.

Надеюсь.

— Это я, — ответила я и отошла назад, мое бедро и попа прижались к Эйдено. Почти инстинктивно я ощутила на своем плече его запястье, затем локоть, и вот уже на меня опустился тяжелый вес его руки. Мне пришлось слегка отклонить голову назад, чтобы поймать его взгляд. Почему он так серьезен?

— Где Зак? — спросил Дрю, друг Эйдена.

Здоровяк чуть сместился около меня, его бок впечатался в мой.

— Он в тренажерном зале, ведь так?

Мы были так счастливы, что он воспринимал все достаточно серьезно и продолжал тренироваться, даже если сезон закончился, и большинство игроков получили небольшой отпуск, — черт, да четверо из них стояло в нашей гостиной. Ну, я знала, что Крис и Дрю играли профессионально, но не была уверена, чем сейчас занимался Каин.

— Ага. Обычно он возвращается около четырех, — и после мы всегда ходили на пробежку, но не уверена, пойдём ли сегодня, так как друзья Эйдена в городе. И снова, они друзья Эйдена, а Зак просто общался с ними; он общался со всеми.

— Ну, я голоден, кто хочет сходить и поесть? — спросил Дрю.

— Я, — ответили двое других мужчин, что не жили со мной.

Рука вокруг меня напряглась. Он редко ходил в город поесть, ему нравилась лишь пара мест.

— Я выбираю место.

Я фыркнула.

— Мне нужно сегодня закончить две обложки, поэтому я вернусь к работе. Хочешь, чтобы я присмотрела за Лео?

Эйден покачал головой.

— Сегодня не так холодно. Мы возьмем его с собой. Хочу приучить его чаще ездить на машине.

— Ну, тогда повеселитесь, ребята. Увидимся позже.

Взмахнув рукой и еще раз улыбнувшись Каину, я побежала вверх по лестнице. Две обложки, над которыми я работала, должны быть нарисованы вручную, поэтому я включила свой новенький планшет и быстро приступила к работе. Я уже записала свои идеи для этих проектов, поэтому быстро создала макет одной из них, чтобы отправить заказчику до того, как приступлю к дальнейшей работе.

Один час перетек в два, и в какой-то момент я услышала, как открылась входная дверь, и до меня донеслись звуки мужских голосов. Я услышала, как тихо заработал телевизор, но продолжила трудиться.

Когда я услышала, что снова открылась гаражная дверь и голоса стали громче, я выпрямилась и прислушалась. И, конечно же, через несколько минут кто-то побежал по лестнице и до меня донесся окрик:

— Ван!

— В кабинете, — крикнула я в ответ, уже сохраняя свою работу.

В дверях появилась голова Зака, и он улыбнулся.

— Мы идем?

— Конечно. Я сейчас переоденусь.

Он кивнул и исчез в своей комнате. Проскользнув в свою спальню, я взяла одежду для бега — леггинсы, термо-рубашку с длинными рукавами, спортивный лифчик, носки и кроссовки — и побежала в комнату Эйдена, чтобы переодеться. Я как раз надела леггинсы, когда дверь открылась и зашел Эйден, закрывая за собой дверь.

Я улыбнулась, сидя на краю кровати и упираясь пятками в матрас.

— Как прошел обед?

Он приподнял плечо и посмотрел на меня, прислонившись к двери.

— Хорошо.

— Какой ты выбрал ресторан? Китайский? Тайский? Или то кафе, что тебе нравится? — спросила я игриво, надевая носок.

— Мы ели китайскую еду.

— Где Лео? — спросила я.

— Внизу, — последовал его короткий ответ, прежде чем он спросил: — Вы с Каином встречались?

Носок выпал из моих рук.

— Что?

Эйден выпрямился, отходя от стены, на которую опирался. На его лице было такое отстраненное выражение, и я понятия не имела, что, черт побери, это должно означать.

— Вы были с Каином вместе? — повторил он.

Я подняла носок, не отводя от него взгляда.

— А-а-а, нет.

Его щека дернулась.

— Нет, — я моргнула. — Единственная причина, почему он начал со мной тогда разговаривать, потому что хотел списать мою работу.

Почему у него такое выражение на лице?

— Я серьезно. Только поэтому мы стали друзьями.

У него все еще было это чертово выражение на лице.

— Что? Ладно, может я думала, что он симпатичный, но это все, — я пожала

плечами. — Таким парням, как он, не нравятся такие девушки, как я, Здоровяк, — честно, даже если это правда, не знаю, зачем я рассказывала ему об этом.

Его ноздри раздулись, и он отвел плечи назад.

— Какие «такие» парни?

Черт побери. Теперь я чувствовала себя чертовски неловко.

— Ты знаешь... — я прикусила щеку изнутри, опустив голову. — Такие.

— Как я? — спросил он низким голосом.

— Не обязательно ты. Я просто имела в виду... слушай, это не важно. Ты знаешь, с чем мне пришлось иметь дело, — я нормально выглядела. И иногда с кем-то встречалась.

Но я не сучка, я усердно работала, мое сумасшествие всегда было под контролем, и я думала, что это значит больше, чем просто лицо, которое, в конце концов, сморщится.

— Когда ты можешь встречаться с любой женщиной, и большинство из вас, парней, могут, то я не буду в топе чьего-либо списка...

— Заткнись, Ванесса, — рявкнул он.

Я фыркнула.

— Сам заткнись.

— Ван! — крикнул Зак, стуча в дверь. — Тик-так.

Встав, я быстро обулась и хмуро посмотрела на Эйдена.

— Слушай, между нами ничего не было, мы лишь пару раз пообедали и вместе готовились к тестам. Я никогда не мечтала стать его девушкой или о чем-то подобном, и он никогда не вел себя так, будто заинтересован во мне. Я не собираюсь делать или говорить что-то, что подвергнет опасности наши с тобой отношения, хорошо? Ты — тот парень, с которым я подписала бумаги.

Когда я подошла к двери, он не сдвинулся с места. Казалось, что он с силой сжал зубы.

Я коснулась его груди; его большие, идеально накачанные шесть кубиков напряглись под моими пальцами.

— Обещаю, Здоровяк. Я никогда не нарушу данное тебе обещание. Ты это знаешь, — когда он ничего не ответил, я указала подбородком на дверь. — Я должна идти. Когда вернусь, то приготовлю несколько запеканок или еще что-то, чтобы тебе снова не пришлось выходить в город, чтобы поесть. Хорошо?

Эйден неохотно кивнул и отодвинулся, позволяя мне открыть дверь. Зак стоял у подножья лестницы.

— Пошли, милая. У нас плотный график.

Пять часов спустя я чувствовала, что мои ноги превратились в желе, и ощущала себя больной. Я уже прошла стадию истощения и обезвоживания — мы начали брать с собой воду и носить ее в рюкзаках. Но мне казалось, будто у меня грипп. После нашей долгой пробежки два дня назад мы немного облегчили наш забег, а вчера у нас был выходной.

Но последние десять километров с моей больной ногой едва не убили меня. Мои колени. Лодыжки. Плечи. Болело все. А бутылка с водой, которая постоянно ударяла меня по

спине, ничем не помогала, и то, что мы пили кокосовую воду, тоже не помогало, как и отдых, как и душ, как и пижама.

Мне даже пришлось сесть на стул у плиты, чтобы приготовить ужин.

Зак чувствовал себя не лучше. Когда мы вернулись, он сразу поднялся наверх, чтобы принять душ, и взял с собой еду в комнату. И лишь благодаря моей силе воли я сидела в гостиной с ребятами и ела ужин, смотря баскетбол, так как у нас нет обеденного стола.

О чем, черт побери, я думала, собираясь бежать марафон? Почему я решила начать сразу с полной дистанции, а не с сокращенной?

— Тебе нужна помощь? — произнес сзади знакомый голос.

Споласкивая посуду, чтобы положить ее в посудомоечную машину, я посмотрела через плечо и заметила, что на кухне стоит Каин со стаканами в руке. Несколько минут назад парни вышли на улицу, потому что захотели разжечь кострище. Крис предложил заняться посудой, но Эйден почти никогда не видится с друзьями, поэтому я сказала, что сделаю это сама.

Даже если во время этого отключусь.

— Если хочешь, — ответила я.

— Двигайся.

Я подвинулась и позволила ему встать около посудомоечной машины. Я споласкивала посуду и передавала ему, устало улыбаясь.

— Спасибо за помощь.

— Без проблем, — наши предплечья терлись друг о друга, когда я передавала ему тарелку. — Когда марафон? — спросил он, доказывая, что слушал, когда Крис спрашивал меня об этом во время рекламы.

— Через две недели.

Я лишь произнесла эти слова вслух, а меня уже чуть не вырвало. Я едва выжила, когда два дня назад пробежала тридцать километров. Как я смогу добавить к ним еще десять?

— Здорово.

Я слишком устала и была на грани смерти, чтобы пытаться шутить о том, как на самом деле это не здорово.

— А ты чем занимался после колледжа?

Мы не видели друг друга с весеннего семестра на первом году нашего обучения. Осенью Каин сменил университет, и если я и не помню, писал он мне или звонил после этого, возможно, он это и делал.

Тогда я как раз выздоравливала после своего несчастного случая, и следующие шесть месяцев прошли в тумане от смеси лекарств и гнева. Я дружила лишь с Дианой, и это в основном, потому что она не позволила бы случиться чему-то другому, и, честно, мы не очень и общались с Каином.

— Сейчас я в Филадельфии. До этого пару лет жил в Сан-Диего, но все отлично, — ответил он, наклонившись, чтобы убрать блюдо на нижнюю решетку в посудомоечной машине. — Как давно вы с Грэйвсом вместе?

Учитывая, что я не знаю, как много Крис и Дрю рассказали Каину, и еще меньше, что им сказал Эйден, поэтому ответила лишь:

— Ну, я работала на него два года. Вместе мы живем пять месяцев, — таким образом, мне не нужно особо вдаваться в детали.

— Серьезно?

— Серьезно.

— Хм... — пробормотал он себе под нос. — Это... удивительно.

В моем мозгу вспыхнули воспоминания о том, что до этого я сказала Эйдену в спальне, и мне пришлось подавить смешок.

Его локоть снова коснулся моего, когда он взял из моих рук тарелку, его зеленые глаза на секунду встретились с моими.

— Кстати, ты чертовски хорошо выглядишь.

В последнее время мне все говорят, что я отлично выгляжу, и из-за этого я чувствовала себя застенчивой, думая о том, что же они раньше думали о моей внешности. Раньше я плохо выглядела?

— Ох, спасибо.

Мой вес всегда менялся в зависимости от того, как много я делала упражнений.

Я очень легко набирала его и также легко сбрасывала, но я не очень хорошо помнила, какой была в первый год обучения в колледже, но, кажется, тот период был самым «тяжелым» для меня.

Ага, повисшая после этого тишина казалось странной. К счастью, мы быстро сполоснули всю посуду и загрузили в посудомойку.

Пока я вытирала стол, Каин вышел на улицу. Сейчас только девять часов вечера, а я так устала. Я налила себе стакан воды и, пока шла наружу, чтобы еще немного пообщаться с парнями, выпила уже половину.

Когда я из последних сил распахнула французские двери в патио, мне в лицо сразу ударил жар от кострища. Как только мои глаза привыкли, я заметила, что четверо парней сидели вокруг него, развалившись, и общались.

— Ты, наконец, пришла, — объявил Дрю, самый милый из всех. У него на коленях сидел наш светлый пушистый комочек, полностью вымотанный. Очевидно, Лео влюбил в себя еще кое-кого.

— Ага, — ответила я устало, с трудом стоя на ногах и понимая, что тут лишь четыре места, и все они заняты.

— Вот, садись на мое место, — быстро произнес Дрю.

— Ох, все нормально.

— Садись со мной, — предложил Эйден, или, может быть, потребовал, не смущаясь.

Я уставилась на него, сжимая в руках прохладный стакан, и разрывалась между тем, чтобы извиниться и уйти, или сесть, потому что другого варианта у меня не было. И что я буду делать? Предложу сесть на пол, когда есть такая хорошая нога, на которой я могу посидеть? Нога, которая принадлежит мужчине, и его друзья верят, что я вышла за него по любви. Ладно, вперед.

На секунду я подумала о том, чтобы вытащить наружу стулья из гостиной, но это будет странно. И я, правда, не хотела стоять на ногах дольше, чем необходимо.

То есть, это будет не первый раз, когда я буду сидеть у кого-то на коленях. Друзья делают подобные вещи. Женатые люди прижимаются друг к другу, по крайней мере, я себя так успокаивала. Не потому, что хотела посидеть у него на коленях. Не-а.

Я обошла вытянутые длинные ноги, которые были на моем пути, и остановилась около коленей Эйдена, наблюдая, как он разводит их в стороны. Я посмотрела ему в лицо, затененное огнем, и глубоко вдохнула. Это его идея, так ведь?

Развернувшись к нему спиной, я медленно опустилась ему на бедро, успокаивая свою

совесть, что я не тяжелее на сорок пять килограммов. Моя попа коснулась мускулистой ноги, и когда я начала усаживаться поудобнее, так, чтобы моя спина была прямой, он приподнял ногу.

Обняв меня своей большой ладонью за талию, он притянул меня ближе к себе так, что я соскользнула прямо к месту, где его бок переходит в ногу, прямо около паха. Весь мой бок прижался к его груди.

Мое лицо не покраснело, но пульс ужасно ускорился, когда я осознала нашу позу. Я оценила то, что его рука поддерживала меня снизу за поясницу, его ладонь лежала на моем бедре, обхватывая его поверх моей фланелевой пижамы. Другая его рука тоже была занята, большой палец лежал на моем колене, а остальные четыре пальца обхватывали ногу с внешней стороны.

Все мое тело ожило, ощущая сладкий аромат Эйдена. Его большие мускулы под моей попой. И то, как его тепло и хорошо развитые мышцы впивались в мою руку и грудь. И как близко его лицо находится к моему.

Он смотрел на меня, и я чувствовала его изучающий взгляд всем своим существом. Уголок его рта был слегка приподнят в коронной полуулыбке или полуухмылке Эйдена.

Я нервно и немного застенчиво улыбнулась ему в ответ, пока медленно вытаскивала руку, зажатую между нашими телами, и обняла его широкие плечи, которые замечала, по крайней мере, пять раз в день ежедневно.

— Хорошо? — прошептал он, сжав руку, которой согревал мою поясницу.

— Да? Я не раздавлю тебя? — прошептала я.

— Ты и твои вопросы, — он внимательно осмотрел меня. — Ты плохо себя чувствуешь? Это так заметно?

— Нет, — ответила я достаточно громко, чтобы услышал лишь он. — Я чувствую себя очень плохо, и все болит.

— Сколько километров ты пробежала сегодня?

— Всего одиннадцать.

Он пробормотал что-то себе под нос, его тело подо мной напряглось.

— Ты должна поднять ноги. Колено тебя беспокоит?

— Меня все беспокоит, — захныкала я, даже не стесняясь этого.

У моего уха раздался тихий мягкий смешок, и его большая рука накрыла мое колено. Прежде чем я смогла отреагировать, Эйден передвинул меня так, что я села напротив него. Одна его рука находилась на моей ноге, другая — на голени.

Он обхватил мою икру своей большой рукой и начал массировать ее.

Серьезно, по моей ноге и спине пробежала дрожь. И я никак не могла сдержать вздох боли и удовольствия, который вырвался из меня.

— Боже мой, — пробормотала я себе под нос, задыхаясь.

Я ощутила его смешок у своей щеки, пока он массажировал мою икру, а затем стал подниматься вверх к моим квадрицепсам. Конечно, его руки были сильными; и моя нога онемела от того, как хорошо и одновременно плохо я чувствовала себя в данный момент.

— Я должна сказать, что ты не должен этого делать, — мне пришлось подавить еще один стон, когда он достиг чувствительного местечка на задней части моей голени. — Но не стану этого делать. Это просто потрясающе. Спасибо.

Из горла Эйдена вырвалось неразборчивое ворчание, но я была слишком далеко, чтобы обратить на это внимание. Рука на моей спине напряглась, прижимая меня ближе. Его

пальцы работали медленно и осторожно, от мышц над моей лодыжкой и выше, настолько высоко, что если бы я не была такой уставшей, то поняла бы, как близко он находился к краю моих трусиков.

Тихий разговор друзей Эйдена влетал в одно мое ухо и вылетал из другого, и я ловила лишь отрывки фраз то тут, то там. Пока мы сидели там с Эйденем около костра, он почти не разговаривал, он массирует сначала одну мою ногу, потом другую, делая это так хорошо, как только мог.

Отлично. Я была больше сосредоточена на его дыхании и давлении его рук, чем на том, о чем ребята говорили.

И что странно. Обычно я не могла просто сидеть, ничего не делая, потому что мне всегда становилось скучно, но в данную минуту я поняла, что мне совсем не скучно. Я чувствовала себя просто расслабленно, пока меня окружало большое теплое тело, а в паре шагов от меня горел маленький костер.

И я расслаблялась все больше, пока слушала, как его друзья спорят о каком-то футбольном игроке. Случайные фразы Эйдена, сказанные его низким голосом около моего уха, составляли мне компанию. Я даже не заметила, когда моя голова прижалась к его груди, или когда мой лоб коснулся его шеи.

Ладонью он скользнул к моему бедру, обхватив его пальцами. Другой рукой он подхватил меня под колени. И я точно не заметила, когда прижала руку к его животу, и точно не помнила, как забралась под его пуловер и коснулась ладонью кубиков его пресса и мягкой, слегка волосатой кожи под моими пальцами.

И я едва осознавала, что по прошествии неизвестно сколько времени Эйден переместил свой захват и практически держал меня, как в колыбели. Я дремала — больше спала, чем бодрствовала. И чувствовала себя в мужских руках уютнее, чем должна была. В руках мужчины, в которого была влюблена, но который не любил меня в ответ, и, скорее всего, никогда не полюбит. Его сердце уже занято.

Я почти спала, когда в какой-то момент Эйден поднялся, держа меня в своих руках, и тихим голосом, чтобы меня не разбудить, сказал:

— Я уложу ее в кровать.

И Дрю спросил:

— Ты вернешься?

А Эйден ответил:

— Нет, я устал. Хочешь отдать мне малыша?

— Не-а, я оставлю его сегодня себе. Обещаю, что не раздавлю его.

Я зевала и боролась с собой, когда Эйден поднял меня и мои кости, желая и одновременно не желая открывать глаза и идти в его спальню на своих двоих. Когда он приподнял меня повыше, едва мы зашли в дом, я снова зевнула, рассеянно поглаживая пальцами его шею и вниз до ключицы, ощущая его гладкую кожу.

— Я держу тебя, — прошептал он тихим хриплым голосом.

Кто я такая, чтобы говорить ему «нет»?

Я снова уснула. Не зная, что он уложил меня на кровать, снял мои тапочки и носки.

И я точно пропустила то, как резко он прижался своими губами к моему виску, прежде чем выключил свет, включил ночник, который я даже не знала, что он купил, и разделся сам.

— Почему ты пялишься на меня?

Могла ли я притвориться, что не лежу в кровать и не подпираю голову рукой, наблюдая за ним? Точно, нет. На что еще я могла смотреть?

Я уже давно это делала, и, зная Эйдена, уверена, он ждал, чтобы убедиться, что я занималась тем, чем занималась.

Что я и делала.

Я проснулась где-то минут десять назад и лежала, оценив, как мне уютно под тяжелым одеялом на идеально удобном матрасе. Но когда я заставила себя открыть глаза, первое, что увидела — это Здоровяк.

Эйден лежал на боку, рука в роли подушки поддерживала голову. Его обычно суровое лицо... ну, все еще довольно суровое. Оно не мягкое или сонное; на самом деле он выглядел так, будто во сне о чем-то серьезно задумался. Его рот был слегка приоткрыт, и он тихо дышал. И с натянутым до подбородка одеялом он выглядел чертовски мило.

И я ненавидела это.

Почему? Почему он?

Из всех людей на земле, кого я могла выбрать в качестве объекта воздыхания, это должен был быть он. Тот, кому не нужны настоящие отношения, потому что у него нет на это времени. Парень, который в жизни любит лишь одно, а все остальное отходит на дальний план.

И снова...

Он прикладывал серьезные усилия, чтобы проводить со мной время. Он делал для меня такое, что я до сих пор не могу осознать в полной мере. Для меня он больше, чем друг.

Хотя, что это означало? Разве это не обязательные требования в настоящих отношениях? Разве недостаточно находиться рядом друг с другом столько, сколько возможно, или я просто пыталась убедить себя, что во всем этом есть нечто большее? Он поцеловал меня. Это не может ничего не значить, верно?

Я как раз думала об этом — и смотрела на его великолепные губы — когда он поймал меня. Поэтому в ответ я лишь улыбнулась ему.

— А почему бы и нет?

Открыв глаза, Эйден перекатился на спину и вытянул руки над головой, в процессе разминая запястья, пока зевал.

— Спасибо, что уложил меня в кровать прошлой ночью, — произнесла я, наблюдая за гладкой линией его горла, пока он зевал.

Он пробормотал:

— Угу, — размял плечи и снова скользнул под одеяло.

— И что сделал мне массаж, — я уже попробовала подвигать ногами, и, конечно же, они болели, но я знала, что могло быть намного хуже. Я сделала все, что должна была, чтобы предотвратить их скованность, но тело, на сто процентов не подготовленное к подобному, способно выдержать не все.

— Это был не совсем массаж.

Ох.

— И что это должно значить?

— У меня в ягодницах больше мускулов, чем в твоих бедрах.

Все, кто видел задницу Эйдена, знают, что это доказанный факт, поэтому я не собиралась воспринимать это на свой счет. Может, потому, что была все еще сонная, я приподняла брови и ответила:

— Ты видел свою задницу? Это не оскорбление. В ней столько мышц, сколько у других людей во всем теле.

Он приподнял свои густые брови, всего на миллиметр, но я заметила.

— Не знал, что ты уделяла ей столько внимания.

— Почему, ты думаешь, у тебя так много фанаток-женщин?

Эйден низко застонал, но не сказал мне замолчать.

— Ты мог бы заработать небольшое состояние, если бы устроил аукцион и позволил кому-то ущи...

— Ванесса! — Мистер Пропер закрыл рукой мой рот, будто его это шокировало.

Его большая рука буквально закрывала мое лицо от уха до уха, и я приглушенно рассмеялась.

— Из-за тебя я чувствую себя ничтожным, — произнес он, медленно убирая свою руку в сторону, но блеск в его глазах говорил, что он совсем так не думал.

Зевая, я вытянулась.

— Я говорю тебе то, что сказали бы все остальные.

— Нет, никто и никогда не скажет мне подобного.

В его словах был смысл.

— Ну, я говорю тебе правду.

Он издал какой-то звук, и я перевернулась набок, лицом к нему.

— Ты всегда так делаешь.

Почему мне казалось, будто он пытался сказать мне что-то?

— Я всегда пыталась быть честной с тобой, — нерешительно солгала я. Кроме того, что я боялась рассказать ему, например, о моих чувствах к нему или о решении уволиться.

— Ты можешь рассказывать мне обо всем.

И как после этого я смогу жить своей жизнью? Особенно когда я лежала в его кровати, и он сидел около меня, и мы делили одно одеяло на двоих. Я бы хотела, чтобы у меня хватило мужества рассказать ему обо всем, но правда в том, что это не так.

Я до сих пор не готова запрыгнуть так далеко.

Я почувствовала тяжесть его взгляда еще до того, как подняла голову. Прямо передо мной и столом стоял Здоровяк. Буквально передо мной. Я сидела, сгорбившись над столом, и была так сфокусирована на том, что делала, что полностью отключилась.

— Господи. Как у тебя получается так тихо ходить? — он, черт побери, как бесшумный тяжеловесный кот-мутант.

— Навыки.

Клянусь Богом, я чуть не подавилась. Он отошел немного назад и склонился над столом, уперся в него руками и наблюдал за тем, что я делаю.

— Что это?

Я положила ручку на стол и показала ему листок бумаги.

— Это дизайн диптих-татуировки, — я показала на изображения на двух отдельных кусочках, которые все еще обрисовывала. — По одному изображению на каждую ногу, видишь? На одной части лицо Медузы, на другой — ее волосы-змеи.

Когда он ничего не ответил, я удержалась и не нахмурилась.

— Тебе не нравится? Я думала, что у меня хорошо получается.

— Ван, это... — он склонился чуть ближе к рисунку. — Это потрясающе. Тебе платят за то, что ты это делаешь?

— Ага, — я посмотрела на Медузу, и мне пришлось с ним согласиться. Она была чертовски потрясающей. — Я знаю парня в Остине, он делает татуировки. Иногда кто-то просит определенный стиль, в котором он не очень хорош, и, если никто из тех, с кем он работает, этого сделать не может, он обращается ко мне. У меня отлично получается выводить линии, — я снова посмотрела на него и улыбнулась. — Мои акварели тоже не слишком убогие. Я женщина многих талантов.

Пока кто-то не просил у меня портрет, в противном случае я притворялась спящей, чтобы не признаваться, что они у меня получаются не очень.

— Я никогда не задумывался о татуировке, но, возможно, я подумаю о том, чтобы ты нарисовала одну для меня, — ответил он отстраненно.

— Я могу сделать тебе отличного клоуна. Все, что тебе нужно сделать, это попросить, — пошутила я, забирая рисунок.

Ага, у него на лице появилась большая искренняя улыбка, отчего в моей душе появилась брешь.

— Мы впятером собираемся на ужин. Сделай перерыв и приходи.

Мне не нужно было смотреть на рисунок, чтобы знать, что я поработала над ним столько, сколько смогла. Я давно усвоила, что, когда рисую, мне нужно обращать больше внимания на свои пределы, в противном случае я начинаю двигаться по наклонной. И, вероятно, это произошло минут пятнадцать назад, когда мои пальцы свело судорогой.

— Хорошо, — я потянулась через стол и взяла коробку, в которую обычно убирала свои карандаши. — Дай мне десять минут, чтобы переодеться.

Эйден кивнул.

Я знала, Эйден не собирался надевать что-то нарядное, и не пойдет туда, где нужно надеть что-то лучше, чем джинсы. Поэтому я надела узкие джинсы, которые всегда сушу при высокой температуре, чтобы они хорошо на мне сидели, красную футболку с V-образным вырезом и рукавами до локтей и черные туфли на каблуках, которые я не надевала с тех пор, как ходила в последний раз на свидание много месяцев назад.

Не удивительно, что парни ждали внизу. Я знала, они планировали уехать уже завтра. Мне пришлось медленно спускаться по лестнице, и я морщилась на каждой ступеньке — мышцы, о существовании которых я и не подозревала, отвечали болью из-за вчерашней пробежки. Я задумалась над тем, чтобы спуститься вниз на чем-то, но быстро откинула в сторону эту возможность.

Первым меня заметил Зак, и на его лице расцвела большая, глупая улыбка.

— Не говори ничего, — пробормотала я до того, как он заставил бы меня улыбнуться.

На это он только рассмеялся.

Я должна была подумать о том, чтобы надеть вместо туфель кроссовки.

— Я бы понес тебя на спине, но я сам еле хожу, — извинился он, когда я застонала у подножия лестницы.

Я в шутку улыбнулась Эйдену, который стоял около Зака, и захлопала ресницами.

Виннипегская Стена сделал то, что сделал бы Виннипегская Стена, и просто покачал головой.

— Ты не можешь идти в этом. Завтра будешь чувствовать себя еще хуже.

Сукин сын. Я хихикнула, затем фыркнула, наблюдая, как на его лице появилось выражение неуверенности, а потом мои силы иссякли, и я облокотилась рукой на плечо Зака, чтобы мне было за что держаться.

Знала ли я, что он говорил мне правду? Конечно. Я чуть ранее растягивалась и при этом рыдала. Никакого стыда в моей игре.

Но разве он не должен быть моим рыцарем? Моим рыцарем в блестящих доспехах, который будет носить меня на руках, чтобы спасти от боли?

Конечно, нет. Эйден сказал бы мне то, что лучше сделать, даже если от этого чертовски больно.

И серьезно, я не могла любить его еще сильнее. Даже капельку. И я не могла сказать ему об этом.

— Почему ты смеешься? — спросил он.

Мне пришлось снять очки и вытереть ладонью слезы, не заботясь о том, что макияж, который я нанесла чуть ранее, мог стереться вместе со слезами.

— Мужик, ты должен заботиться о своей женщине, — это сказал Дрю. — Помоги ей выйти.

От этого я только сильнее рассмеялась.

— Ох, Эйден, — я посмотрела на мужчину и улыбнулась. — Я в порядке. Я могу идти. Обещаю. Ты прав.

— Я знаю, что я прав, — он протянул мне руку. — Пошли.

Я проснулась утром, и моя рука находилась у Эйдена в штанах.

В его боксерах, если точно.

Тыльная сторона моей ладони была прижата к его теплой ягодице. Колено касалось его подколенного сухожилия. Его спина находилась в паре миллиметров от моего рта. Другая моя рука онемела от того, что я лежала на ней.

Но больше всего меня беспокоила рука в его нижнем белье.

Простыни и одеяло, что накрывали нас, не позволяли мне увидеть много, но что тут нужно видеть, когда ты точно знаешь, к чему прикасаешься? Ничего.

Медленно я попыталась вытащить свою руку. Я уже вытащила большой палец и пыталась освободить остальные, когда Эйден сонно посмотрел на меня через плечо.

— Ты закончила щупать меня? — спросил он хриплым голосом.

Со звуком, который я не хотела рассматривать как шипение, я вытащила свою руку из теплого кокона мужской плоти и нижнего белья, и прижала ее к своей груди.

— Я не щупала тебя, — прошептала я. — Я просто... проверяла, что никто из парней не пробрался в комнату и не попытался забрать тебя.

Его сонные глаза распахнулись шире.

— Поэтому ты держала меня всю ночь?

— Нет, не держала!

— Да, держала, — заявил мужчина, который никогда не врет.

Я закрыла рот.

— Правда?

Он кивнул, перевернулся на спину и вытянул свои мускулистые руки над головой, и это песня сирен для моих глаз.

— Тогда мне жаль, — мой взгляд опустился на волосы на его подмышках, которые странным образом показались мне привлекательными. — Нет.

Эйден опустил руки, на его привлекательном лице, покрытом щетиной, было выражение веселья.

У меня в горле образовался знакомый болезненный узел, пока я смотрела на черты, на которые мне так нравилось смотреть: на его шрам, который тянулся вдоль линии волос, и на золотую цепочку, которая выглядывала из-под футболки; и то, что это означало.

Я, правда, любила его, а он уезжал на два месяца. Не уверена, из-за того ли, что в прошлом произошло с моей семьей, или из-за того, что я собственница с правильным — или, как в данном случае, с неправильным — человеком, но я не хотела, чтобы он уезжал. И я никак не могла попросить его остаться.

Потянувшись, я коснулась бугорка под его футболкой, там, где был медальон, и сказала так много, как могла:

— Я буду скучать по тебе, — призналась я.

Своей большой рукой он убрал мои волосы с лица очень, очень, очень нежно, длинными пальцами он поймал несколько мягких розовых прядок. Медленно он сместился на кровати, наклонился ко мне и прижался своим лбом к моему, а я закрыла глаза, впитывая тепло его тела и мягкость этого жеста.

Я не могла дышать. Не могла двигаться. Просто лежала там и наслаждалась моментом.

— Я буду очень сильно по тебе скучать, — сказала я ему, чтобы он знал, что скучать по нему — это для меня не обычно.

Рукой он глубже скользнул в мои волосы, касаясь кожи, удерживая в своих сильных пальцах больше моих волос. Он выдохнул, и его вздох коснулся моего подбородка.

Он не сказал в ответ, что будет скучать по мне. Вместо этого Эйден губами коснулся моего подбородка, затем впадинки между ним и моими губами. Его дыхание было горячим, а рот влажным, пока он поднимался чуть выше. Но это я сократила расстояние между нами. И это я прикусила его губу.

Но это он начал действовать. Эйден слегка повернул голову и соединил наши губы, и за секунду поцелуй превратился из целомудренного в голодный. Он двигался в одну сторону, а я в другую, наши языки инстинктивно сталкивались. Боролись и погружались. Эйден поглощал мои губы, а я позволяла ему. Мы целовались и целовались. Наши языки снова и снова терлись друг о друга, и этого было недостаточно.

Я обхватила его голову руками, удерживая на месте, когда он приподнялся надо мной,

не разрывая захват наших губ. Он был так быстр, что я даже не заметила, как он широко раздвинул мои ноги телом и бедрами и опустился между ними. Эйден целовал меня так, будто не хотел останавливаться. Рукой он сильнее сжал мои волосы, будто я куда-то собиралась уходить, в то время как моя хватка на нем была такой же порочной и требовательной.

А затем он опустился и задел своим пахом мое местечко между ног. Его жесткая, твердая и такая длинная эрекция находилась прямо между моих ног, когда он опустился на предплечья. Эйден качнул бедрами, потирая мое тело сквозь материал его и моих штанов, и я приподняла попу, чтобы ощутить больше.

Это была ужасная идея, но я не собиралась его останавливать. Я даже не собиралась говорить ему остановиться. В этом не было никакого смысла, и меня это никак не заботило.

Оторвавшись от его рта, чтобы сделать вдох, я с шипением втянула в себя воздух, когда он грубо толкнулся нижней частью своего тела, создавая давление; этот толчок ясно дал понять, что он хотел внутрь. И я хотела, чтобы он это сделал.

— Ван, — прорычал Эйден.

И именно в этот момент в доме как сумасшедшая запищала сигнализация. И пищала все громче, и громче, и громче, как когда код не успевают ввести вовремя. И Лео, который всю ночь спал в своем домике и не писал, начал лаять.

Выругавшись словами, которые звучали как «черт возьми», Эйден остановился. Он задыхался. Лбом он коснулся моего лба, и я слышала, как он с трудом сглотнул.

— Черт возьми, — прошипел Эйден и, отодвинувшись, опустился на корточки. Он не отводил взгляда своих карих глаз от меня, лежащей перед ним: ноги разведены, колени прижаты к его бокам, пока я пыталась восстановить дыхание.

— Вероятно, это ребята, но я должен убедиться, — он снова сглотнул и заморгал, а затем рукой, которая была на кровати, сжал большой стояк, натягивающий его пижамные штаны.

Я не могла отвернуться. Я абсолютно точно не могла отвести взгляда от колоколообразной головки, которая оттягивала вперед его пижамные штаны. Каждый мой инстинкт кричал, что я должна потянуться и сжать его толстую длину. Я хотела умолять его вернуться.

Но тупая сигнализация не замолкала.

— Ребята? — я слепо потянулась и взяла с тумбочки свой телефон и очки. Я надела очки, чтобы взглянуть на свой телефон, и увидела время, также заметила, что у меня три пропущенных звонка от Дианы. Это странно. — Сейчас девять утра, — произнесла я рассеянно. Прошли годы с тех пор, как она звонила мне по пьяни.

— Они не вернулись домой прошлой ночью, — ответил он и перекинул свою ногу через мою, рукой он сжал мою лодыжку перед тем, как он спрыгнул с кровати с грацией, которую я не упустила, даже если и пыталась осмыслить то, что только что произошло. У двери Эйден на минуту остановился, засунул руку в штаны и поправил себя. — Я сейчас вернусь.

Я кивнула.

На мгновение он открыл рот, но затем закрыл его.

— Прости, Ван, — этот тупой писк стал еще сильнее, и он покачал головой. — Дай мне проверить.

И он ушел.

Мы только что целовались и были на грани того, чтобы сделать что-то, где точка

невозврата была бы уже недоступна, и вот его нет в комнате.

Серьезно? У них было столько времени, чтобы прийти, и они должны были сделать это именно сейчас? Они не могли подождать еще пару минут?

Я даже не сомневалась, что это они, но что, черт побери, они делали там до девяти утра? Разве клубы не закрываются в три? Зевая, я села в постели, раздумывая над тем, почему Зак не ввел код, а затем подумала о том, что, черт побери, они только что прервали.

Вздыхнув, я набрала номер Дианы, обещая Лео, который скулил в своей клетке, что выпущу его через минуту, потом скрестила ноги и прижала телефон к уху, а из-за влажности между моих бедер я чувствовала себя не слишком комфортно. Я услышала три гудка, прежде чем она, наконец, ответила.

— Привет, — поздоровалась я.

Я знала Диану, кажется, вечность. Я была рядом с ней, когда ее первый настоящий парень разбил ей сердце, и я была рядом, когда умерла ее собака. Я думала, что слышала в ее голосе все возможные эмоции за столь долгий период. Поэтому я оказалась не готова к разбитому, расстроеному слову «Ван», вылетевшему из ее рта.

— Ди, что случилось? — мне сразу стало страшно.

Она рыдала. И, как я поняла, она делала это уже некоторое время. Сквозь слезы отрешенным тоном она рассказала мне, что произошло. К тому моменту, как я повесила трубку, все мое тело онемело. Сидя там, я забыла о Лео, пытаюсь взять себя в руки.

Я даже не могла заплакать.

Встав, я попыталась сглотнуть боль в горле. Почти вслепую, движимая инстинктом, я заставила себя спуститься вниз по лестнице. У меня звенело в ушах. «Когда начался этот звон?» — размышляла я отвлеченно, пытаюсь собраться с мыслями, но поняла, что не могу ни на чем сосредоточиться.

Удивительно, как быстро все может поменяться; эта возможность никогда не переставала удивлять меня.

Когда я обнаружила всех парней в гостиной, меня, наконец, настигли слезы. И когда я увидела Зака, лежащего на диване с очень заметным гипсом на ноге, которую он закинул на пуфик, я раскисла. Вина и гнев, наконец-то, запустили свои паучьи лапки в моей сердце, вырывая из меня слова. Мой голос надломился, когда я спросила:

— Эйден, ты можешь отвезти меня в больницу?

Я пялилась на экран своего телефона, пока слово «Мама» не сменилось на «Пропущенный вызов».

Я ни секунды не испытывала чувства вины за то, что отправила ее звонок на голосовую почту. Ни на секунду. Я перезвоню ей. Когда-нибудь. После пробежки я слишком сильно устала.

— Милая, хочешь что-нибудь съесть? — неожиданно донесся голос Зака с его места на кухне.

Когда мой телефон зазвонил, я даже не осознавала, что настолько отключилась. Я подняла голову и увидела, что Зак стоит у кухонного островка, одним бедром он упирался в стойку, а в руке держал лопатку.

Но мой взгляд зацепился за костыль у него под мышкой. Мне не надо было осматривать комнату, чтобы понять, что другой костыль он прислонил к холодильнику. За последние две недели я находила его там раз десять.

Да, костыли. Впервые я увидела их, когда он вместе с друзьями Эйдена приехал домой после того, как несколько часов провел в отделении скорой помощи, благодаря микротрещине в его ноге.

Каждый раз, когда я их видела, мне хотелось разрыдаться. Не потому, что он сломал несколько костей, что само по себе ужасно, а из-за того, о чем это мне напоминало.

Они напоминали мне о лице Диане, которое я увидела, когда мы с Эйденем заехали за ней.

Эйден отвез меня в больницу сразу же, как только я смогла собраться с мыслями и рассказать ему о том, что произошло. Что Диана пошла выпить с коллегами по работе и задержалась. Что посреди ночи к ней в квартиру пришел ее парень и злился из-за того, что она поздно вернулась. Она ему изменила? Сколько членов она отсосала? Почему она не позвала с собой его? А потом она рассказала мне, что он ударил ее и продолжал бить, пока не убежал, а она смогла встать и постучалась к соседу, и тот отвез ее в больницу. И она подала на него заявление в полицию.

Следующие два дня я провела в ее квартире, чтобы она не оставалась одна, и она рассказывала мне, как плохо все было. Как ей стыдно. И какой глупой она себя чувствовала.

После этого я мало что помнила. Мне казалось, будто все это страшный сон. Я чувствовала удушающую, изнурительную вину за то, что не заставила ее рассказать мне, что что-то не так. Почему я ничего не сказала? Ничего не сделала? Она — моя лучшая подруга. Я должна была знать. Разве я не прожила большую часть своей жизни в родном доме и не скрывала ото всех все, что там происходило?

Ее черный глаз, разбитая губа и синяки, которые я видела на ее запястьях и шее, когда сидела в ванной, пока она мыла мои волосы, застыли у меня перед глазами. И я совсем не удивилась, когда на второй день она сказала, что хочет ненадолго уехать к родителям в Сан-Антонио. Она не была уверена, надолго ли, но знала лишь, что хотела побыть с ними. Я помогла ей упаковать два чемодана.

Когда такси высадило меня у дома, я знала, что друзья Эйдена уже уехали: на подъездной дорожке и на улице не было других машин, кроме моей. Когда я зашла в дом,

Эйден сидел в своем углу на кухне. Он без слов подошел ко мне и обнял, позволяя мне прижаться к его великолепной большой груди.

Много раз в жизни я ощущала себя беспомощной — на самом деле, слишком часто — и сейчас, когда я уже взрослая, мне было тяжело это вынести. Потому что ты ничего не можешь сделать, когда случается нечто подобное с человеком, о котором ты заботишься.

А злость и сожаления поедают тебя живьем.

И все следующие дни я не могла стряхнуть с себя вину и разочарование из-за того, что ничего не сделала или не заставила Родриго, брата Дианы, заставить ее открыться.

Когда той ночью я легла в кровать Эйдена, и каждую ночь после того дня, потому что только с ним я чувствовала себя лучше, он приветствовал меня без единого слова или жалобы. Я не хотела говорить, и пошла к единственному человеку, который лучше, чем кто-либо, понимал, что происходит с теми, кого мы любим.

А потом настал день, когда ему нужно было уезжать в Колорадо. Он стоял передо мной в своей спальне, обнимал меня, целовал мои щеки, нежно целовал мои губы, потом надел что-то мне на шею и ушел.

Мой друг уехал. А с ним и мой щенок.

Я еще никогда не чувствовала себя такой одинокой.

И только когда он уже вышел за дверь, я увидела, что он мне оставил. Свой медальон. Медальон Святого Луки, который отдал ему его дед. И я расплакалась.

Зак, который, как я думаю, не знал, как справиться с состоянием, в котором я пребывала, проверял, чтобы я ела, и время от времени заглядывал ко мне.

Но после того как уехала Диана, ничто не могло изменить правду, живущую в моей душе: я чертовски сильно скучала по Здоровяку. Невероятно сильно.

Хорошие вещи в нашей жизни драгоценны, а я была слишком труслива, чтобы сделать что-то с подарком, который был мне дарован, и, казалось, мне каждый день напоминали об этом.

С того самого момента, как Эйден приземлился в Дюранго, он постоянно писал мне. Сначала:

Прилетел.

Затем он прислал мне фотографию Лео, на которой он сидел на полу арендованной машины, которая стала его на следующие два месяца. А затем как он бегал в снегу у дома в Колорадо.

Неделя пролетела в мгновение ока. В день он присылал мне около четырех сообщений. Два из них всегда были о Лео, а остальные два о чем-то обыденном.

Он проинформировал меня:

Забрал с собой всю твою коллекцию «Драгонболл», если ты задаешься вопросом, где она.

Я даже не заметила, что мои DVD-диски пропали.

Пока я принимал душ, Лео сжевал носок моего кроссовка.

Как твое колено?

Он каждый день посылал мне фрагменты своей жизни, которые разрывали меня, и от этого я лишь сильнее скучала по нему сквозь туман скорби, окружающий мои мысли и сердце.

Через пару дней, скучая по всему, что люблю, я случайно нашла игрушку, которую пару месяцев назад купила детям Родриго. Маленький пластмассовый клоун был спрятан под бумаги, которые я убрала в тумбочку.

Я купила его с намерением в шутку подбросить Эйдену в душ, но совсем о нем забыла.

И из-за этого я разрыдалась так сильно, что оказалась на полу, прижимаясь спиной к кровати. Я плакала по Диане, которая выглядела опустошенной из-за предательства ее парня. Плакала по маме, которой не могла перезвонить. И плакала из-за того, что любила того, кто, возможно, не любит меня, несмотря на то, как бы сильно я этого ни хотела.

И, в конце концов, я встала, убрала клоуна в стол и решила взять себя в руки. Потому что жить по-другому не вариант.

Я с отчаянием углубилась в работу, вернулась к тренировкам, даже если символ моей мотивации уехал в другой штат. Я углубилась в себя, затыкая ту дыру, что появилась в моем сердце, и сфокусировалась на том, что отвлекало меня. И ждала, когда люди, которых я люблю, вернуться ко мне.

К сожалению, в процессе я была не очень хорошим другом для Зака. Я знала, он переживал за меня; это было похоже на то, будто надел обувь не на ту ногу. Я поняла, что он все еще беспокоился обо мне.

Мое абстрагирование на кухне ничему не поможет, и мне пришлось приложить много усилий, чтобы улыбнуться ему.

— Я еще не голодна, но спасибо, Зак.

Он неохотно кивнул, но не стал давить, снова развернувшись к плите.

— Сколько ты сегодня пробежала? Двенадцать километров?

Опираясь локтями в стол, я взглянула на него.

— Ага, и пробежала пять километров в марафонском темпе, — похвасталась я. Он часто бегал со мной и ругался, когда мы начали добавлять к нашему бегу марафонский темп. Зак знал, это чертовски трудно.

Я эгоистична, и разочарование достигло высокого уровня, и я не знала, что с этим делать; реальность была тяжелой и горькой.

После всего, через что мы прошли с Заком, когда нас по очереди выворачивало, когда мы принялись за медленные пробежки в тридцать километров, и когда мы должны были практически нести друг друга обратно, когда мы выдыхались после пятидневных тренировок в неделю, после всей боли, что мы разделили...

Я должна буду в одиночку отправиться в это путешествие без моего самого близкого друга.

Парень, который лишился своего любимого занятия и разрешил мне уговорить себя на тренировки к марафону.

Если это не дружба, тогда не знаю, что это. И я чувствовала себя еще ужаснее от того, что мы почти не общались, но это лишь потому, что я не хотела утянуть его с собой на дно ямы, в которую провалилась, когда ему надо двигаться к выздоровлению и продолжать свою карьеру.

По вздоху, что донесся с его стороны, я уже знала, что он собирался сказать.

— Мне так жаль, Ванни.

И точно так же, как и при остальных его извинениях за то, что он случайно поскользнулся на заледенелом тротуаре, я ответила:

— Все нормально, честно.

Утратила ли я слегка свой дух? Больше, чем слегка. Скажу я ему когда-нибудь об этом? Нет.

— Это было глупо.

Мне очень хотелось потереть местечко возле моего сердца.

— Это была случайность. Я расстроена не из-за тебя, — мой голос надломился, и мне пришлось сглотнуть. — Просто все сразу навалилось. Я в порядке. Обещаю.

Выражение на лице, когда он развернулся, сказало мне все то, что он не произнес вслух: «Ты не в порядке».

У кого вообще сегодня все хорошо?

Я опустила голову, потирая влажную от пота шею.

— Ты же знаешь, что не должен оставаться тут со мной, а можешь поехать домой, правда?

Изначально он планировал уехать домой после марафона, провести там немного времени с семьей, а потом решить все со своим старым тренером с колледжа. Теперь? Ну, не уверена, но я знала, что он должен был уехать, но еще этого не сделал.

Зак посмотрел на меня.

— Что?

— Я не уеду, пока ты не пробежишь свой чертов марафон, понятно? — требовательно спросил он.

— Но ты не должен, ладно? Обещаю, ты не должен чувствовать вину ни за что. Если передумаешь и решишь уехать...

— Не передумаю.

С каких пор в нашем доме появилось уже три упрямые задницы?

— Но если передумаешь...

— Не думаю. Дедуля может подождать неделю. Он, вероятно, и меня переживет, — добавил Зак.

— Если хочешь остаться, оставайся, но если нет, то все нормально. Хорошо? — настаивала я, пытаюсь обнадеживающе ему улыбнуться.

Он просто покачал головой.

Как только он открыл рот, чтобы что-то сказать, раздался дверной звонок, и мы нахмурились.

— Ты заказал пиццу?

— Нет.

Я заказала пару книг, которые несколько дней назад вышли из печати, но выбрала бесплатную доставку, поэтому это не они. Я пожалала плечами и встала, медленно подошла к двери, пытаюсь заставить себя успокоиться. Когда я посмотрела в глазок, то сделала шаг назад и тупо уставилась на дверь.

— Кто там? — спросил Зак.

— Тревор.

— Что ты только что сказала?

— Это Тревор, — ответила я спокойно, уже зная, что он раскрыл себя криком. — Ты игнорируешь его звонки?

— Может быть.

Значит, да.

— Тогда я просто не стану открывать дверь, — ответила я до того, как раздался громкий стук в дверь.

— Я вас слышу! — проревел Тревор.

Мне не хотелось иметь с этим дело сейчас или через десять лет.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала? — спросила я, игнорируя мужчину по ту сторону двери, не переживая, слышит он нас или нет.

С кухни послышались ругательства Зака, и минуту спустя его костыли застучали по плитке, когда он направился к входной двери. Обреченно вздохнув, он ответил:

— Я могу открыть дверь.

— Уверен? — спросила я, даже если мысленно целовала его ноги за то, что он не собирался заставлять меня общаться с Тревором.

— Ага.

Я на шаг отошла от двери.

— Хочешь, чтобы я осталась здесь?

На мгновение он засомневался, а потом кивнул.

— Я отведу его в гостиную, чтобы ты смогла что-нибудь съесть.

Кивая, я чертовски быстро ушла на кухню и начала доставать продукты из холодильника, чтобы поесть, хотя все еще не была голодна. Зак открыл дверь. Я очень сильно старалась их игнорировать, но это было тяжело. Фрагменты разговора доносились из гостиной на кухню.

— Какого черта ты думал?

— Что с тобой происходит?

— Что я должен с тобой делать, когда в интернете полно информации о том, что ты упал перед ночным клубом и сломал ногу?

— Думаешь, теперь кто-то захочет взять тебя в команду?

Этот комментарий заставил меня отойти от плиты и двинуться в сторону коридора, что ведет в гостиную, и я уже была готова сказать Тревору, чтобы он заткнулся. Но Заку не нужна моя защита.

Он очень долго избегал Тревора, и даже если он знал, что хочет делать, я знала, что ему нужен кто-то для поддержки.

Я просто не очень хотела, чтобы это был мудака Тревор, но это его карьера, не моя.

Почти час спустя кто-то прочистил горло, и я подняла голову; я сидела за столом для завтрака, одну ногу закинула на стул, на моем телефоне был включен фильм, и я только доела с тарелки рис.

— Удивлен, что ты не поехала с Эйденем в Колорадо, — произнес менеджер, прислонившись к кухонному дверному проему.

Я устало посмотрела на него и покачала головой.

— Я не могла, через пару дней мне надо кое-что сделать, — объяснила я, специально не упоминая о Диане и о моем марафоне. Ему не надо знать, да и в любом случае, что он сделает?

Выскажет свои вымученные извинения, в которые я не поверю?

— Нет смысла летать туда и обратно, — добавила я сухим безэмоциональным голосом. Плюс, Эйден не приглашал меня. Он едва говорил об этом каждый раз, когда я поднимала тему его отъезда.

Из-за его смешка я выпрямилась.

— Он может себе это позволить.

Вот оно. Я заморгала.

— Я зарабатываю собственные деньги и не собираюсь тратить его или мои.

— Ты в этом уверена? — у него хватило наглости приподнять бровь.

Он мог не говорить, что это последнее, чего мне хотелось?

— Да, уверена. Хочешь проверить мой банковский счет? — я уже отправила копии своего банковского счета правительству, чтобы доказать, что могу содержать нас с Эйденем, менее расточительно, но могу, если буду экономить, по крайней мере, так думает правительство.

Тревор издал странный звук, и я смерила его взглядом.

Я не хочу разговаривать с ним; сейчас он просто выводит меня из себя.

— Все из-за этого? Ты думаешь, я здесь ради денег Эйдена? Думаешь, я пыталась заполучить его из-за этого? — спросила я медленно, наконец, пытаюсь понять, может, он стал так враждебно относиться ко мне из-за моей личности.

По тому, как он оттянул мочку своего уха, по нервному тикю, что я заметила у него еще несколько лет назад, который начинался у него, когда он был раздражен, я поняла, что попала в самую точку.

— Правда? Ты проводил интервью и нанял меня. Я даже не знала, кто он, пока ты мне не сказал, — ага, мой тон был оборонительным. — Если у тебя было со мной так много проблем, ты мог уволить меня.

— Уволить тебя? — он провел рукой по своим стильно подстриженным, подернутым сединой волосам. — Я пытался уволить тебя около четырех раз.

Что?

Тревор поджал губы.

— Ты не знала?

— Когда? — закашлялась я.

— Разве это важно?

Не должно, но...

— Это важно для меня.

Озлобленный, наполненный горечью мужчина посмотрел на меня, как на идиотку.

— Он не позволил мне.

Ты ничего не знаешь, Ванесса Мазур.

Я не понимала. Ничего не понимала.

— Когда я в последний раз предложил ему найти кого-то другого, он сказал, что первым человеком, кто уйдет, буду я. Я.

И вот кое-что встало на свои места. Почему Тревор вел себя со мной как мудака — прима-балерины не любят танцевать, когда внимание сосредоточено не на них. Поэтому он так сильно пытался отговорить меня от ухода — чтобы сохранить собственную работу. Вот почему он был на грани, когда узнал, что мы поженились и не сказали ему — потому что ему казалось, что мы объединились против него, что, отчасти, правда.

Но эти новости сбили меня с ног.

Будто у меня из-под ног вырвали коврик.

Я ему нравилась. Я, мать твою, нравилась Эйдену. Он не шутил, когда говорил об этом пару месяцев назад.

То, как Тревор прочистил горло: грубо, вынужденно, будто пытался взять себя в руки после того, как вышел из себя.

— В любом случае, скажи Эйдену, что я скоро ему позвоню. Вам обоим, возможно, скоро надо будет собирать вещи и переезжать на более холодные пастбища, — произнес он. — Увидимся.

Я не сказала ему ни слова. Что еще, черт побери, я могла сказать?

Дрожащими руками я подняла телефон и написала сообщение Здравяку.

Я: *Не знала, что Тревор хотел меня уволить.*

Час спустя я получила ответ.

Эйден: *Он приходил домой?*

Он даже не пытался увилить.

Я: *Ага.*

Эйден: *Да, он хотел тебя уволить. Я не позволил ему.*

Он был на наркотиках?

Я: *Ты ничего не сказал, когда я ушла. Я просто думала... что тебе плевать.*

Эйден: *Я не собирался заставлять тебя оставаться, если ты не хотела этого.*

Я: *Но ты мог что-то сказать. Я бы проработала дольше, если бы ты только попросил.*

Я едва отправила сообщение и поняла, какой глупый это аргумент. Если бы он попросил. Эйден — как я, он никогда не попросит. Никогда.

Эйден: *Но я получил тебя на более долгий срок, не правда ли?*

Почему я все равно это делала?

Почему?

Почему я просто не сказала: «Ван, кому есть дело до того, бежишь ты марафон или нет? Ты сделала даже больше, чем могла себе представить. Кого ты хочешь впечатлить?».

Как бы сильно я этого ни хотела, жизнь вселила в меня уверенность. После всего, что произошло, я едва смогла добавить три километра к своей дистанции, и это было ужасно.

Пока бежала, я ругала себя за это, а после была жутко уставшей, колено болело чертовски сильно, и после душа я валилась на кровать и отказывалась вставать.

Все признаки говорили о том, что бежать марафон — ужасная идея.

Ничто не меняло того факта, что я скучала по компании Зака, и то, как он мотивировал меня, даже когда мы оба ругались из-за того, как глупо этим заниматься.

Я должна это сделать. Я тренировалась не один месяц. И не довести дело до конца — не вариант.

Я смогу это сделать.

Я, черт возьми, не боялась. Мои руки не дрожали из-за нервов. Подсознательно я не поглаживала палец каждые несколько минут, ища кольцо, которое Эйден подарил мне, но я оставила его дома, боясь потерять.

Цепочку Эйдена на удачу я спрятала под футболку. Я была окружена людьми, которые улыбались и выглядели такими чертовски настроенными на участие, что это слегка приводило меня в уныние.

Тридцать три километра. Я смогу пробежать тридцать три километра. Тут есть чем гордиться, не правда ли?

Я едва задумалась над этим и мысленно стукнула себя. Конечно, тридцать три километра — это нечто, но ради чего я заставила свое тело пройти через ад за последние несколько месяцев? Ради этого.

Если я этого не сделаю, мне надо будет надрать задницу. Даже если я приду последней, я должна его закончить. К черту все.

Я встряхнула руками. Я могу это сделать.

— Вы Ванесса Мазур? — спросил меня незнакомый голос справа.

Я повернулась и увидела девушку в футболке, на которой было обозначено, что она волонтер на марафоне. Я заставила себя улыбнуться и кивнуть.

— Да.

Она протянула мне телефон.

— Вам звонят.

Звонят? Осторожно взяв телефон, я поднесла его к уху, наблюдая, как она уходит.

— Алло?

— Кексик, — произнес глубокий голос.

Я поднесла телефон к лицу и посмотрела на экран, узнавая номер.

— Как, черт побери, ты узнал этот номер?

— Это не я. Это Тревор. Я пытался звонить на твой телефон, но меня отправляло сразу на голосовую почту, — объяснил Эйден.

— Да, я оставила его со своими вещами, — ответила я, заикаясь и все еще пытаюсь осознать, что он каким-то образом смог связаться со мной. Он не звонил мне с тех пор, как уехал. Мы общались только посредством смс, и звук его голоса ударил прямо мне в сердце.

И, в своей обычной манере, Эйден спросил:

— Ты в порядке?

— Нет, — я осмотрелась, чтобы убедиться, что женщина, которая дала мне телефон, не слушает. Вокруг было слишком много людей, они жили своими собственными жизнями, беспокоясь о себе. — Я пытаюсь уговорить себя сделать это, даже если приду последней, — призналась я.

— Ты собираешься пробежать марафон. Думаешь, это важно, что ты придешь последней, если ты его завершишь? — спросил он.

Я моргнула и впервые позволила слезам застыть в моих глазах.

— Но что, если я не смогу закончить?

Голос на том конце вздохнул.

— Ты можешь пробежать марафон. Грэйвсы не сдаются.

Грэйвс. Грэйвсы не сдаются. Я не хотела плакать. Я не собиралась именно сейчас давать слабину. По крайней мере, не полностью.

— Но я не совсем Грэйвс, и я даже не смогла пробежать сорок два километра, и тем более сорок пять. Ни разу. Я умираю на тридцати трех.

— Ванесса, — прорычал он мое имя, и мне показалось, будто он погладил меня по спине. — Ты — Грэйвс, несмотря ни на что. Я не знаю никого, кто смог бы сделать то, что сделала ты. Используй все имеющиеся в тебе силы. Ты можешь это сделать. Ты можешь сделать что угодно, ты поняла меня? Даже если последние двадцать пять километров ты пройдешь, хромая, ты закончишь марафон, потому что это то, кто ты есть.

Мое горло сильно сжалось, и я убрала руку от лица, пытаюсь успокоиться. Это было недолго, но это был самый тяжелый контроль, который я пыталась установить над собой.

Сделав несколько глубоких вдохов, я снова поднесла телефон к уху, меня переполняли эмоции.

— Я хочу тебе кое-что сказать, на случай, если умру во время бега, — я хотела рассказать ему, что люблю его. Твою мать. Какого черта я ждала?

Он хороший мужчина. Лучший, по крайней мере, для меня. Чем больше я думала о том, что происходило между нами, тем больше поднимала хлебных крошек, что он оставлял для меня. Он заботился обо мне. И даже больше. Я знала это всей своей душой.

— Скажешь мне после. Ты не умрешь, — ответил он с мягкой убежденностью.

— Нет, на всякий случай я должна сказать тебе сейчас, — настаивала я.

Эйден вздохнул.

— Ты не умрешь. Скажешь после.

— Но что, если...

— Ванесса, ты можешь это сделать. Я ни на секунду в тебе не сомневаюсь, и ты не должна сомневаться в себе, — потребовал он. — Я знаю, сейчас тебе больно, но я уверен, ни одна из твоих сестер не смогла бы сделать то, что сейчас собираешься сделать ты.

Он использовал убийственный удар. Единственное в мире, что могло привести меня в чувство. Эйден понимал меня и делал это отлично.

— Я смогу, — ответила я глухо. Я должна это сделать. У меня нет выбора, не так ли?

— Ты сможешь, — повторил он более уверенно. — Ты сможешь это сделать.

Сейчас или никогда, верно?

— Я смогу.

Он мягко и нежно рассмеялся.

— Это моя девочка.

Его девочка?

— Правда? — спросила я его, надеясь, что он не... это глупо. Эйден не сказал бы такое просто так.

— Единственная, — добавил он уверенно.

Как я могла не бороться с таким чувством собственности со Вселенной за самого целеустремленного мужчину, которого я когда-либо встречала.

— После того, как я пересеку финиш, я, возможно, не смогу ходить, но я это сделаю. Могу я позвонить тебе после того, как отлежусь на больничной койке?

— Тебе лучше сделать это.

В своей жизни я прошла через многое. Я знала, что такое боль, я годами справлялась с ней, иногда хорошо, иногда не очень. Я понимала основы упорной работы и успеха. И мне нравилось делать все как можно лучше, за что бы я ни бралась. Так было всегда, и я не собиралась переживать и гадать, почему так происходило.

Но марафон...

Я подготовилась так, как только могла, для того, чтобы пробежать его, учитывая все трудности. Я знала свой лимит и свое тело.

Но после отметки в двадцать пять километров...

Все начало разваливаться.

Я хотела умереть.

Каждый шаг казался адским воплощением. Мои голени рыдали невидимыми слезами. Все мои важные связки и сухожилия думали, что их наказывают за то, что они совершили в прошлой жизни.

И я задавалась вопросом, почему, черт побери, я думала, что после всего моего пути это станет моим венцом достижения. Я не могла просто пожертвовать деньги на благотворительность? Я не слишком молода, чтобы стать приемным родителем?

«Если я переживу это, то смогу сделать что угодно, — убеждала я себя. — Я поучаствую в соревновании Железного Человека, черт побери».

Ладно, может быть, я подготовлюсь к триатлону, если закончу этот марафон.

Если закончу его.

Если.

Если не умру. Потому что, черт возьми, мне казалось, будто я уже на пороге смерти.

Я хотела пить, есть, и каждый шаг посылал искры боли через мой позвоночник в голову, и я начала сбиваться с шага и бежать неряшливо. Возможно, еще у меня была мигрень, но все мои болевые рецепторы были сосредоточены на остальном, чтобы как-то это заметить.

Но я думала об Эйдене, о своем брате, о Диане. Я думала о Заке.

И я закрыла глаза и подтолкнула себя. С каждым километром становилось труднее, каждый шаг был сложнее предыдущего. Я замедлялась, потому что бежала по преисподней.

Но я не могла умереть после того, как пересеку финиш, потому что я месяцами тренировалась и надрывалась не для этого. Как бы то ни было, моя уверенность в том, что пересеку финиш, становилась все сильнее и сильнее, правда, если я добежу до него.

К тому времени, как мне осталось пробежать последние два километра, я больше хромала и шаталась, а не шла. Мои лодыжки отrekliсь от меня. Боль в мышцах голени станет моей занозой в заднице на следующие несколько недель, а мышцы живота свело.

Честно, я чувствовала себя так, будто у меня грипп, Эбола и стрептокок в горле.

Думая об этом сейчас, я вообще удивлялась, как смогла добраться до финиша. Полагаю, абсолютная воля и решительность. Я никогда не гордилась собой больше, чем прямо сейчас, и не злилась на себя сильнее.

Думаю, я заплакала, в основном потому, что каждая кость и мышца в моем теле рыдали, потому что я поверить не могла, что на самом деле сделала это.

Но когда я заметила огромного мужчину с каштановыми волосами, и как он прорезал толпу людей, будто скоростной поезд, я чуть ли не заревела. Люди подбадривали меня, но во мне не было даже сил, чтобы поблагодарить их, потому что я хотела одну единственную вещь, и она была чертовски далеко.

Я хотела этот большой мираж, что направлялся ко мне, и я хотела его три часа назад. Я хотела его две недели назад.

Даже находясь в сорока шагах друг от друга, я видела своим размытым зрением, как он нахмурился, когда нашел меня в смешавшейся толпе. Я упала на колени, игнорируя окруживший меня персонал, который проверял, все ли со мной хорошо. На самом деле я знала, что не умираю. Не совсем.

Это просто... травмирующе. Все, чего я хотела, это объятие, душ, еда и сон.

Но больше всего я, конечно, хотела этот паровой каток в человеческом облики, который с еще большей настойчивостью начал проталкиваться мимо людей, разделявших нас. Он был как Моисей, разводящий море людей.

Когда он остановился передо мной, я подняла руки и позволила ему подхватить меня, он поднял меня этими огромными бицепсами и притянул к себе, чтобы мы смотрели друг другу в глаза. Я не оценила это невероятное проявление силы, потому что следующее, что он сделал...

Я обвила его шею руками, и он обнял меня. Прямо перед всеми он обнимал меня чертовски крепко, как будто это не он уехал и оставил меня одну, когда все, чего я хотела, — его.

Я обхватила его ногами за талию, как паукообразная обезьянка, не заботясь о том, что мои шорты врезались между ягодиц, и не переживая о фотографах, которые должны были делать фотографии участников, а вместо этого окружили Виннипегскую Стену и меня в наш с ним момент.

Ага, я плакала ему в шею, а он прижался лицом к моим волосам. Тихим, успокаивающим голосом он прошептал:

— Это моя девочка. Это моя, мать твою, девочка.

— Что ты здесь делаешь? — чуть ли не прорычала я.

— Я скучал по тебе.

— Ты что?

Он сжал меня сильнее в объятиях.

— Я очень сильно скучал по тебе.

Вот черт.

— Я приехал увидеть тебя, — продолжил он.

— Ты был здесь и даже не сказал мне?

— Я не хотел тебя отвлекать, — объяснил он мне своим низким голосом, его рука поддерживает мою шею. — Я знал, что ты сделаешь это.

Из-за его слов я расплакалась сильнее, но это были не совсем слезы радости.

— Я умираю. Ты должен купить мне сегвей. Я больше никогда не смогу ходить, — пробормотала я.

— Ты не умираешь, и я не куплю тебе это, — ответил он.

— Все болит.

Он что, засмеялся?

— Уверен, что так.

Я поняла, что меня не волнует, что он смеялся надо мной.

— Ты можешь понести меня?

— Ты оскорбляешь меня, Ван. Конечно, могу, — я думала, что почувствовала на щеке его поцелуй, но не была уверена, потому что мои глаза были закрыты, и мне было страшно их открывать, потому что не хотела обнаружить, что я сплю и лишь фантазирую, что все это происходит. — Но сделаю ли я это? — спросил он.

Я лишь обняла его сильнее и сжала свои истощенные бедра вокруг него так сильно, как только смогла, но это продлилось, может, от силы секунды три. Чудо, что я вообще смогла это сделать, честно.

Эйден коснулся губами моего виска, и я засопела, замерев.

— Ты целуешь меня?

— Да. Я так тобой горжусь.

— Ладно, — захныкала я. Ага, я еще крепче обняла его большую шею. — Здоровяк, ты отвезешь меня домой?

Мой прагматичный, честный Эйден ответил:

— После того, как ты пройдешься минут десять, чтобы успокоиться.

— Тебе надо восполнить запас углеводов, — произнес Эйден, когда зашел в мою спальню с тарелкой в руке.

Там был коричневый рис, спаржевая фасоль, авокадо, что-то похожее на жареный и нарезанный кабачок, а с краю лежало целое яблоко. В другой руке у него был бокал с водой, а под мышкой бутылка с кокосовой водой.

Я, зевая, села в кровати, отбросив в сторону покрывало, которым укрывалась.

— Ты ангел, — я все еще не могла поверить, что он вернулся. Все казалось таким нереальным.

Он подошел к краю кровати, опустил на матрас одним бедром и протянул мне

сначала стакан воды.

— Ты хорошо спала?

Учитывая, что прямо из машины я направилась в ванную и сидела там, скрестив ноги, после чего помылась, а потом кое-как доползла до кровати и отключилась, я чувствовала себя довольно хорошо.

Мышцы ног были очень напряжены, и даже в плечах я ощущала тяжесть. Я чувствовала себя больной, но поняла, что это лишь потому, что должна съесть нечто большее, чем два банана, которые Эйден впихнул мне в руку в машине по пути домой, и упаковки орешков, которую дал мне Зак, ожидающий меня после марафона, сидя на лавочке.

— Ага, — ответила я ему и выпила почти половину стакана воды, прежде чем взяла тарелку из его руки и стала есть без дальнейших разговоров.

Когда я посмотрела на Эйдена, то заметила, что он наблюдал за мной, но я слишком сильно была занята поглощением еды, что не обратила на это внимание. Когда я съела почти три четверти пищи на своей тарелке, я вытерла подбородок тыльной стороной руки и с благодарностью улыбнулась ему.

— Спасибо, что приготовил для меня.

— Угу, — он указал на уголок моего рта. — У тебя рис вот тут.

Вытерев рот, я спросила:

— Как долго я спала?

— Около трех часов.

Три часа? Черт, не думала, что так долго.

— Ван, — лицо Эйдена появилось в поле моего размытого зрения. — Что ты собиралась сказать мне перед марафоном?

Во-о-от черт. Черт, черт, черт. Я полностью об этом забыла? Нет. Я думала о том, что сказала ему, все четыре часа, что бежала. И большую часть этого времени я хотела пнуть себя за это.

В остальное время я напоминала себе, что я потрясающая и что бегу марафон, что могу участвовать в соревнованиях. И я чувствовала, что поступила правильно.

У меня на коленях лежала тарелка с едой, что Эйден приготовил для меня, бутылка кокосовой воды была зажата между его больших бедер, мой пустой стакан стоял на ночном столике, и я собиралась сказать Эйдену, что люблю его.

Я любила его. Я любила его так сильно, что сделала бы ради него что угодно. Я любила его так сильно, что рискнула бы и провела следующие четыре с половиной года своей жизни с мужчиной, который, скорее всего, потом разведется со мной и продолжит свою карьеру.

Потому что, к черту, что это за жизнь, если ты не живешь ею и не получаешь от нее удовольствие? Что это за жизнь, когда ты не любишь того, кто заботится о тебе больше, чем о ком-либо другом? Это моя правда.

Эйден прямо перед репортерами и незнакомцами обнял меня и сказал, что гордится мной, когда обычно обеими руками держался за свою частную жизнь.

И это не было наиграно.

Я могу это сделать.

И сделаю.

Потому что я лучше признаюсь ему, чем проведу остаток своей жизни, задаваясь вопросом, что бы произошло, если бы я сказала ему, что он для меня — весь мир. Что он — первый новый человек в моей жизни, которому я полностью доверяла. Что я готова быть в

его жизни вторым номером, пока у него не появится больше времени.

Поэтому я сказала, даже если так крепко сжала пальцами тарелку, что переживала, не треснет ли она. Я заставила себя смотреть ему в глаза, когда делала это:

— Я собиралась сказать тебе... сказать, что люблю тебя. Я знаю, ты сказал, что не хочешь отношений, и знаю, что между нами все очень сложно...

Он забрал тарелку из моих рук.

— Но я люблю тебя. Мне жаль, но мне не жаль. Я не хочу быть...

— Ванесса.

— Я не хочу быть чьим-то вторым номером или третьим в списке приоритетов, потому что иногда мне нравится быть жадной...

— Ван.

— Но я ничего не могу сделать с тем, что чувствую. Я пыталась это остановить, клянусь. Но не смогла.

А потом это произошло.

— Заткнись.

Я закрыла рот и хмуро посмотрела в его бородатое лицо.

— Ты хоть что-то слышала из того, что я говорил тебе после марафона? Я скучал по тебе. Я скучал по тебе так сильно, что не мог понять, насколько. Я не хотел оставлять тебя здесь. Я продолжал отговаривать себя от поездки. Почему, ты думаешь, я никогда не поднимал эту тему?

Теперь я задумалась.

— Но... когда ты уехал, ты ничего не сказал. Ты забрал Лео.

— Ты не просила меня остаться, — он сжал мои руки. — Я взял Лео, потому что не мог взять тебя. Я предположил, что ты хочешь остаться с Дианой и пробежать марафон, потому что не чувствуешь того же. Я собирался просить тебя поехать со мной.

— Правда?

Этот красивый, прекрасный мужчина наклонился ближе.

— Как ты можешь не знать, что ты для меня — весь мир? Разве я показывал это недостаточно ясно?

— Я не знаю, — пробормотала я, заикаясь. — Ты любишь меня?

Он так напряженно смотрел на меня, что мне казалось, будто мир вокруг нас остановился.

— Ты мне скажи. Я никогда не перестаю думать о тебе. Я все время беспокоюсь о тебе. Каждая прекрасная вещь, что я вижу, напоминает мне о тебе. Я не могу закончить свои тренировки в Колорадо, потому что хочу, чтобы ты была рядом, — произнес он твердым голосом. — Ты мне скажи, что я чувствую.

С силой, которой я в себе не ощущала, я встала на колени и прижалась к его губам.

И не удивилась, когда Эйден мгновенно обнял меня рукой за талию и притянул к себе, он слегка склонил голову и приоткрыл свои губы. Когда его язык нежно скользнул по моей нижней губе, мои губы раскрылись и наши языки соприкоснулись, медленно и неуверенно, изучающе.

Эйден целовал меня, как... Боже, как будто мы медленно занимались сексом. По крайней мере, таким медленным, чувственным сексом, который я раньше видела в порно.

Мы прижимались друг к другу, он обнимал меня своими руками, я запуталась пальцами в его волосах, и мы просто целовались. Целовались, целовались и целовались так, как в тот

день в его спальне.

Возможно, прошло пять минут или, может быть, двадцать, но когда он, наконец, отстранился, я всхлипнула у его губ.

Вздых Эйдена коснулся моей щеки, когда своими полными, сексуальными губами он прижался к моему подбородку, а ладонями крепче сжал меня.

— Твоя дверь открыта, и здесь Зак, — произнес он напротив моей кожи.

— Черт возьми, — прошептала я.

Он усмехнулся.

— Позже. Обещаю.

— Правда?

Он поцеловал меня в щеку.

— Доедай.

Через несколько часов я проснулась, лежа на боку. Прошло столько времени, и мне понадобилась секунда, чтобы вспомнить, где я. Почему я здесь — в постели Эйдена. После того, как я поела, я пошла в его спальню и легла, спросила, хорошо ли Лео с Лесли, который стал няней нашему драгоценному золотистому принцу в Колорадо. Помню, что я очень устала и начала отключаться.

По-видимому, он не вытолкнул меня из своей кровати, а вместо этого уложил, и, в какой-то момент посреди ночи — или сразу же — Эйден лег позади меня и обнял своей рукой за талию.

И именно в такой позе я проснулась.

Я проснулась, лежа на боку, Эйден лежал прямо позади меня, прижимаясь своей эрекцией к моей попе, его рука находилась между моих ног; и он касался меня своими пальцами там, внизу. Очень низко. В самой моей сердцевине. И я точно могла сказать, какой влажной и нетерпеливой я стала после столь длительного воздержания.

«Как долго это длится?» — спросила я себя, прежде чем решила, что это не важно.

Я ерзала, двигала бедрами из-за приятных ощущений, окружающих меня. К моей попке прижималась его горячая длина, скрытая одеждой; сильные пальцы потирали мое чувствительное местечко через пижамные штаны и хлопковые трусики. Его большая грудь, которую я просто обожала, прижималась к моей спине, сливаясь с ней.

Он переместил нижнюю часть своего тела, и я подстроилась под него. То, что я ощущала его, такого большого и твердого между своих ног, — самое потрясающее в моей жизни. Он прижался губами к моей шее, целуя, покусывая изгиб, переходящий в плечо.

Я задыхалась. Эйден нежно поглаживал меня там, где я хотела его больше всего, и я, задыхаясь от ощущений, слепо потянулась рукой назад между нашими телами. Я обхватила его ладонью — столько, сколько могла ухватить — и провела вверх и вниз по толстой длине.

— Эйден, пожалуйста, — прошептала я, пока его пальцы кружили над влажным материалом, прикрывающим мои бедра.

Вместо ответа он прикусил мочку моего уха, затем всосал ее в рот.

— Эйден, — повторила я, сжав его ладонью сильнее, а потом, изменив положение, скользнула рукой между резинкой его боксеров и горячей кожей живота. Моя ладонь потерлась о короткие, щетинистые волоски его паха, прежде чем мои пальцы сомкнулись на нем.

Ладонью скользнула вниз от самого кончика его эрекции к яичкам. Я слегка сжала их и повторила свои действия. Я поглаживала его шелковистую горячую кожу, а гладкая, влажная головка вырисовывала линию на моих пальцах, ладони и внутренней стороне запястья.

Без предупреждения он сдернул мои штаны вниз к коленям, и пока я реагировала на это, пальцами, которыми потирал мои трусики, он зацепился за их край и дернул материал.

— Да? — спросил он, потирая большим мозолистым пальцем мою обнаженную плоть.

— Да, — что еще я могла сказать? Умолять?

Он отвел свои бедра немного назад и секунду спустя, прижавшись грудью к моей спине, толкнулся в меня головкой своего члена, которую я поглаживала всего секунду назад.

Я осталась лежать на боку и притянула колени ближе к груди, настолько, насколько позволяли мои штаны, удерживающие ноги вместе. Он слегка толкнулся вперед, надавливая своей совсем не маленькой головкой, поэтому я слегка раздвинула ноги... и он вошел полностью. В. Меня. Горячий, длинный и такой чертовски твердый, что я слегка задохнулась.

Он погружался в меня, медленно прокладывая себе путь.

Так же медленно я подалась вперед и втянула в себя воздух, когда он полностью оказался во мне.

Резкий вздох Эйдена превратился в рычание.

Его толчки набирали обороты, он полностью входил и выходил из меня. Все внутри меня сжималось вокруг твердых мышц, цеплялось и сдавливало. Он проскользнул своей рукой под мою футболку, поглаживая живот и поднимаясь все выше и выше, пока кончики пальцев не сжались вокруг соска. Другой рукой он схватил меня за руку и прижал к кровати.

Он двигал бедрами, и комнату наполнили шлепающие звуки. Он задевал внутри меня особое местечко, и я крепче сжимала ноги, отчего ощущения становились лишь сильнее.

Я слегка отклонила голову назад, и его губы поймали мои, целуя. Его язык безжалостно боролся с моим, поглощая все, что я могла ему дать. Эйден слегка крутил бедрами и толкался вперед. Его поцелуй был беспощаден. Пальцами он по очереди щипал и перекачивал мои соски, и с каждой секундой я хотела его все сильнее и сильнее.

— Я хочу кончить внутри тебя, — прошептал он мне в ухо.

И все. Я закричала. Кончая. Сотрясаясь в оргазме.

Потом раздался рык Эйдена, низкий и сексуальный, он задвигался быстрее, неумолимо и дико. Его бедра ударялись об мои с влажным шлепающим звуком. С последним толчком он погрузился в меня полностью и хрипло вскрикнул, когда кончил, сжимая меня крепче в своих теплых объятиях. Внутри меня дрожала и пульсировала его эрекция, и там было очень влажно.

Я поцеловала его, поглощая его стоны, наслаждаясь тем, как он бессознательно двигался внутри меня. Вздохнув, он отстранился от моих губ, отпустил мою руку и обнял, прижимая к себе, и мне очень нравилось ощущать его тело рядом, теплое и немного потное. Он тяжело дышал. Обнимал меня. Это теплое тело обвилось вокруг меня, а член лишь слегка смягчился у меня внутри.

Я не могла выразить словами то, что чувствовала в данный момент, и, конечно же,

ничего такого, чтобы отдать должное этому моменту. Поэтому я уткнулась головой ему под подбородок и устало вздохнула.

Эйден обхватил мою грудь ладонью, губами исследуя кожу чуть ниже моего уха. Я чувствовала себя ожившей, сильной, восторженной и обновленной. Когда он сжал мою грудь, я слегка повернула голову назад, ища его губы. Эйден, который знал всегда и все, прижался к моим губам.

Наши языки встретились, пробуя, исследуя, пожирая.

Через несколько минут Эйден снова стал твердым. Я чувствовала его во мне, такого толстого, как он становился больше и больше, и инстинктивно качнулась к его бедрам, отчего он вошел глубже. Я ощущала себя наполненной, такой чертовски наполненной.

Но меня заводило не только желание оргазма. Нет, это тело Эйдена, его тепло, его рот, то, что каждая часть его была большой, и как хорошо он себя контролировал.

Я любила Эйдена, больше, чем любила, и это все меняло.

Он вышел из меня тогда же, когда его губы отпустили мои, и из меня вырвался вскрик, когда он ладонью скользнул по моему бедру.

— Иди сюда, — приказал он грубым голосом, который стал ниже и приобрел необычную хрипотцу. Он провел руками по моим бедрам, прежде чем обхватить мою попу. — Я хочу, чтобы ты была сверху, — прошептал он. — Ты нужна мне, — он использовал те же слова, что и несколько месяцев назад.

Меня не надо было просить дважды. Встав на колени, я подползла к нему, немного волнуясь, немного стесняясь, несмотря на то, что мы уже сделали. Эйден лежал на спине, боксеры были спущены вниз до бедер, прямо под яичками, которые я ласкала всего пару минут назад.

Его возбужденный пенис в обрамлении коротких коричневых лобковых волос был влажным и блестящим из-за наших оргазмов, и на фоне темных волос казался розовато-фиолетовым.

— Ты самый сексуальный мужчина, которого я когда-либо видела, — произнесла я, снова впиваясь взглядом в нижнюю часть его тела.

От улыбки, появившейся на его губах, у меня по спине побежали мурашки. Он поднял руку и подушечками среднего и указательного пальцев начал поглаживать мою киску.

— Ты и представить себе не можешь, что ты для меня значишь, Ван. Понятия. Не. Имеешь, — повторил он каждое слово отдельно. — Хочешь знать, как часто я мастурбировал на этой кровати из-за тебя? В душе? Каждый день я хотел от тебя немного больше и больше, и этого было недостаточно.

Боже мой.

Сейчас я точно знала лишь одно — я хочу, чтобы его футболка исчезла. Вероятно, он думал о том же, потому что пальцами он добрался до моей футболки. И прежде чем я поняла, что происходит, она оказалась на полу, нижнее белье тоже было снят и полетело в том же направлении.

Пока Эйден снимал свою футболку через голову, я стягивала вниз боксеры по его сильным ногам, наслаждаясь и прикасаясь к впечатляющим мускулам, поднимаясь вверх, я поглаживала пальцами внутреннюю сторону его бедер.

Без единого слова его жаркий взгляд прошелся по моей груди и лицу, и Эйден потянулся к моим бедрам, в процессе губами захватывая мой сосок. Мгновение спустя я оседлала его, стоя на коленях по обе стороны от его тела, и терлась центром своего естества о его

напряженную эрекцию.

Приподнявшись, я потянулась назад и прижала широкую головку к своему входу, осознавая, насколько была влажной от того, что он кончил в меня, и обожая мысль, что ему на это плевать. Его стон заглушил мой собственный, когда я медленно опустилась на него.

Руками Эйден помогал мне двигаться на нем. Его губы подстегивали меня, он переходил от одного соска к другому, оставляя нежные поцелуи в ложбинке между ними.

Он вошел в меня полностью, когда я откинулась назад, и опустился спиной на кровать. Подбородок поднят вверх, сухожилия на шее напряжены. Я впитывала в себя эту картинку: он голый, вид его широких плеч, прижатых к бледно-серому одеялу, его грудь резко вздымалась и опадала при каждом прерывистом вздохе.

И у меня сразу появились две любимые картинки: то, как сжимались и разжимались шесть кубиков его пресса, и как мои бедра смотрелись поверх него.

Я наклонилась вперед, уперлась одной рукой в матрац рядом с его головой, другую прижала к его груди; его кожа была горячей на ощупь, а мышцы напряжены. Он обхватил мою голову сзади рукой и потянул вниз для поцелуя.

Мы все еще находились в этой позиции, потерявшиеся в поцелуе, когда он начал двигать бедрами. Мы все еще целовались, когда я кончила, мои внутренние мышцы задрожали, потерявшись в оргазме, а потом его член дернулся во мне, и он хрипло застонал, снова кончая.

Я сразу же упала ему на грудь, дыша тяжелее, чем когда закончила марафон, и чувствовала такую эйфорию, как никогда за всю свою жизнь. Мы прижимались друг к другу. Его сердце, бьющееся под моей щекой, — это большее, что я себе когда-либо представляла.

Эйден обнял меня рукой за талию, крепче прижимая к своей потной груди, и над моей головой раздались его слова:

— Я люблю тебя.

И я радостно ответила:

— Я знаю, — потому что это правда. — Я тоже тебя люблю.

— Я знаю, — сказал он в ответ. Близость наших тел делала все очевидным.

— Ты, правда, хочешь, чтобы я поехала с тобой в Колорадо?

— Что я говорил тебе о глупых вопросах? — спросил он. — Да, я хочу.

Я улыбнулась.

— Тс-с. Я просто хотела убедиться. Я хочу поехать. Я хочу быть там, где ты, — до того, как я смогла все обдумать, я сказала ему то, что, как я потом поняла, было абсолютной правдой. — Мой дом там, где ты. Если ты хочешь, чтобы я была там, я поеду за тобой куда угодно.

Эйден скользнул рукой вниз по моей спине и прижал ее к пояснице. Он, казалось, говорил мне в волосы:

— Я ничего не знаю об отношениях, Ван, но я знаю, что люблю тебя. Я знаю, что ждал всю свою жизнь, чтобы любить тебя, и сделаю все, что должен, чтобы это сработало.

Возможно, до встречи с Эйденем я не понимала этого о любви. Как футбол и искусство, как то, что все хотят в своей жизни, любовь — это мечта. И как в любой мечте, нет никаких гарантий. Она не растет сама по себе. Не расцветает без подпитки.

Она величественна в своих тонкостях.

Она сильна в своей самоотверженности.

И любовь всегда будет с человеком, который никогда не откажется от возможностей,

что она предоставляет.

— ВСЕ ЗАКОНЧИЛОСЬ. «ЗАЩИТНИКИ» САН-ДИЕГО ПОБЕДИЛИ. (ОТПРАВЛЯЮТСЯ НА СУПЕР...

Я улыбнулась и подергала ногами, раскачивая две попы, примостившиеся на моих бедрах, пока ведущие по телевидению обсуждали игру, которая закончилась час назад. Большая часть игры прошла не так, как хотели большинство из нас. Черт, я думала, около семидесяти процентов собравшихся вообще не хотели, чтобы все было так, как это произошло.

Потому что до последней четверти «Защитники» проигрывали пятнадцать очков. Разочарование в секторе для семей было очевидным. В начале четвертой четверти я думала, что мы все немного онемели, потому что воздух наполняла тяжесть и спокойствие.

Мы все хотели, чтобы они выиграли, но я, вероятно, хотела этого немного сильнее остальных в этой комнате, за исключением беспокойных мамочек.

Это последний сезон Эйдена, и я знала, как отчаянно он хотел победить. Как сильно он хотел отправиться на самую большую игру. Хоть раз.

Он, пожалуй, лучший защитник в лиге, и всегда им был всю свою карьеру. С тех пор, как мы поженились, он выиграл награду Игрок Года еще три раза, был на каждом Матче Всех Звезд, выигрывал различные награды на телевизионных шоу...

Но у него до сих пор не было кольца. Кольца. Он всегда доходил до плэй-офф, но команды, в которых он играл, никогда не могли добраться до чемпионата перед большой игрой, до сегодняшнего дня.

И в последнем сезоне команда так хорошо играла, и все уже решили, что вот оно, наконец. А потом все стало просто ужасно, и эта мечта начала ускользать. Один из полузащитников вывихнул плечо. Крайний правый защитник после игры покинул поле, хромая. Защита команды была разрушена. Но каким-то чудом «Защитники» смогли с блеском вернуться, игроки защиты взяли себя в руки, и они выиграли.

А то, что я видела это собственными глазами, все равно не очень помогало поверить в это.

Они выиграли. Они, черт побери, выиграли. Мне казалось, будто это я выиграла. Будто только я поеду на большую игру через две недели.

— Хочешь, я возьму одного из них? — спросила одна из подружек принимающего, которая села рядом со мной, когда мы зашли в комнату, предназначенную для семей игроков.

Я с благодарностью на нее посмотрела и покачала головой.

— У меня все хорошо, спасибо. Уверена, они появятся уже через минуту.

Девушка кивнула и встряхнула руками, широко улыбаясь.

— Да. Не могу дождаться, — она прикусила губу и огляделась, дергая коленями под столом. Истоцаемая ею энергия была заразительна.

— Это потрясающе, не правда ли? — спросила я.

— Ага, да, — она улыбнулась. Брюнетка, около двадцати, и я знала, она лишь недавно начала встречаться со своим парнем. За последний сезон здесь побывало несколько женщин, которые приходили в семейную комнату к восьмидесятому номеру. — Я хочу кричать.

Поверить не могу, что они сделали это, — тон ее голоса стал повышаться, затем ее взгляд остановился на двух маленьких монстрах на моих коленях. — Мэтт сказал, после этого сезона Эйден планирует уйти.

Началось.

— Ага.

Это довольно противоречивая новость. С одной стороны, я испытывала облегчение, потому что за последние пару лет я прочитала много статей о том, как долгосрочная игра в футбол влияет на мозги и тела игроков, и я знала, Эйден был более чем везуч в своей карьере.

После проблем с ахилловым сухожилием много лет назад у Эйдена были лишь незначительные травмы, и это лучше, чем многие могли бы надеяться. С другой стороны, никто, кроме меня, не знал, как сильно он любил играть.

Футбол — это то, ради чего он всегда тяжело трудился, и он повесит свои бутсы и джерси на крючок и уйдет в тридцать пять.

Завершалась огромная глава его жизни, и я немного беспокоилась о том, как в ближайшие несколько месяцев будет проходить его переход. За последние несколько лет мы нашли баланс в наших отношениях, который работал, который с каждым днем расцветал все больше и больше, несмотря на его расписание и мои трудовые тенденции, но... ну, он уходил из футбола. Бросал свою большую любовь.

— О! Смотри! Они идут, — сказала девушка, уже вставая.

Лица мужчин, которые заходили в комнату, сияли торжеством.

На другой стороне комнаты я заметила Тревора, он стоял, скрестив руки на груди, и разговаривал по телефону. Вероятно, он почувствовал мой взгляд, потому что его глаза в толпе людей нашли меня.

За спиной Сэмми я показала ему средний палец, а он просто смотрел на меня, потом недоверчиво покачал головой, но больше ничего не сделал.

Мудак.

Только потому, что он жестокий козел, который делал так, чтобы у Эйдена было все, чего он хочет, не значило, что он должен мне нравиться. Сейчас, после стольких лет, думаю, моя ненависть к нему существовала лишь ради забавы, но все равно он — бессердечная акула.

Акула, которая заполучила для Зака очень хорошую сделку с новой расширяющейся командой в Оклахоме через год после того, как его уволили из «Трех Сотен». В этом году они зашли не очень далеко, но Зак играл лучше, чем когда-либо, начиная с третьего года своей карьеры.

Вообще-то, он защитник в моей фантазийной лиге футбола, и находился там с тех пор, как подписал контракт. Он все еще одинок, все еще глуп. Все еще один из моих лучших друзей, и уже называл себя Дядюшка Зак каждый раз, когда приезжал повидаться с мальчиками.

Иногда я до сих пор не могла понять, как я могла так сильно любить двоих человечков, в создании которых принимала участие. Нет ничего, что я бы не сделала ради них, и это знание иногда вызывало во мне боль, когда я думала о своей матери и ее провалах.

Между нами отношения так и не наладились, и, я уверена, это все моя вина. Я слишком многое не хотела отпускать, но, по крайней мере, на данном этапе моей жизни я не жалела о принятых мною решениях. Я счастлива, счастливее, чем когда-либо, и не буду чувствовать за

это вину.

Я сидела на стуле и ждала, наблюдая, как другие игроки заходили в комнату и направлялись прямо к своим семьям. Люди на радостях кричали и обнимались. Эйден не заставил себя долго ждать и вошел в комнату, на его лице было то же самое спокойное, осторожное выражение, пока он осматривал комнату. Здоровяк наконец-то поедет на большую игру и даже не улыбался. Почему меня это не удивляло?

Затем он заметил в дальнем углу нас.

Сэмми увидел его в ту же минуту. Его руки дернулись вперед.

— Мамочка! Смотри! Папочка!

И от улыбки, появившейся на лице любви всей моей жизни, я заулыбалась как идиотка. Честность, открытость и истинная радость на лице Эйдена до сих пор затрагивала во мне уголки, о существовании которых я не знала до встречи с ним.

Это была моя улыбка. Наша улыбка. Ту, которую он оставлял для моментов, когда наша маленькая команда бывала вместе. И в ней не было ни следа чего-либо, относящегося к футболу, пока он переводил взгляд с меня на малышей по бокам от меня. И на их одинаковые джерси, по размеру намного больше, чем должны быть у детей в их возрасте.

Маленькие пухлые задницы. Честно, я рада, что мне сделали кесарево, чтобы я смогла родить их. Их большие головки, прямо как у их папы, нанесли бы очень, очень серьезные повреждения.

Я все еще помню, как Диана держала Сэмми на руках сразу после его рождения и качала головой.

— Эта головка разорвала бы тебя пополам, Ванни.

Когда у меня начались схватки во время беременности Грэм, где-то через год после рождения Сэмми, в больницу я поехала с пугающей картинкой в моей голове. Об этом мне не надо было переживать. К счастью, все прошло отлично.

Здоровяк смотрел на нас, пока пересекал комнату, наполненную колоссальным возбуждением, подтверждающим сегодняшнюю победу. Эйден, не колеблясь, опустился перед нами на колени, его глаза изучали Сэмми, потом меня и Грэя.

Он всегда так делал, будто не мог выбрать, на ком сосредоточиться. Иногда он смотрел дольше на меня, иногда — на Сэмми, иногда — на нашего кроху. И каждый день с нами был Лео, последний член нашей команды, который терпеливо ждал нас дома.

Это был бы пятый год нашего соглашения, но Эйден получил свою условную зеленую карту, а затем пару лет назад вид на жительство. Он уже сдал свой экзамен на гражданство. Мы сходили на два интервью и отсидели их с агентом, который задавал вопросы, чтобы убедиться, что мы настоящая пара, и мне нравилось думать, что мы справились с блеском. Помню, я жаловалась, что теперь, если он меня достанет, я не смогу депортировать его.

Эйден не произнес ни слова и обнял своими большими руками нас троих, целуя темноволосые головки. Потом он улыбнулся мне и наклонился, чтобы поцеловать меня. По-настоящему поцеловать, будто нас не окружали люди, которые кричали и вопили из-за второй по величине возможной победы в НФЛ.

И я знала. Знала, что он в порядке, что все будет отлично, несмотря на то, выиграет он большой чемпионат или нет. Мы разберемся с нашим будущим. Этот парень, который отдает все своей карьере, мне и теперь мальчикам — всего себя — не делал ничего наполовину. И никогда не будет; это не в его духе.

— Ты счастлив? — спросила я.

Все еще обнимая нас, он посмотрел на меня из-под своих невероятно длинных ресниц и рассеянно кивнул.

— Да, — своими большими руками он погладил маленькие спинки его мини-копий, потом осторожно коснулся их пухлых щечек, и когда снова посмотрел на меня, его улыбка стала шире. — Но сейчас я уже и не помню, каково это — не быть счастливым.

**** КОНЕЦ ****

Больше книг на сайте - Knigolub.net